

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 4 (176)

июль — август 2023

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

МИГРАЦИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИОЛОГИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2023. — № 4 (176). — 287 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин

Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта 3

Е. А. Назарбаева

Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? 30

А. В. Палкина, Н. Э. Соболева

Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России 54

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Н. К. Радина, Ю. В. Балакина, К. В. Банников

Возможна ли «демократическая биополитика» во время пандемии? Анализ российских, немецких и французских СМИ 79

А. С. Архипова, Д. А. Радченко, С. В. Бондарьков, М. В. Гаврилова,

И. В. Лоциц, Н. В. Петров, Б. С. Пейгин

Фейк или правда? Как люди распространяют и проверяют слухи онлайн 102

Л. А. Чернышева, О. Н. Запорожец

Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие 124

МИГРАЦИЯ

Е. Б. Деминцева, Н. В. Мкртчян

Новые направления миграции: мигранты из стран Средней Азии на Камчатке 149

Ф. И. Аржаев, В. Ю. Андрухин

Вклад миграционных потоков из стран СНГ в экономический рост России на современном этапе 176

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: июль — август 2023 202

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА, ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОФЕССИИ

Д. Б. Тев

Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе:
сравнительный анализ карьеры после ухода с должности 217

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

В. Г. Ерофеева, А. А. Бочавер, Е. М. Цыганова

Нарративы о независимости и волевом функционировании:
от подросткового возраста к «становящейся взрослости» 239

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

И. А. Вершинина, А. В. Лядова

Социологическое осмысление пандемии COVID-19.

Рец. на кн.: Lupton D. COVID Societies: Theorising the Coronavirus Crisis.

Abingdon: Routledge, 2022 262

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

Д. Г. Подвойский

Питирим Сорокин: бихевиорист, открывший для себя культуру 276

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2372](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372)

В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕ НАЧАЛА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Правильная ссылка на статью:

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 3—29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>.

For citation:

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023) Perception of Economic Changes during the Special Military Operation in Russian Public Opinion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3–29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>. (In Russ.)

Получено: 10.01.2023. Принято к публикации: 09.06.2023.

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСЛЕ НАЧАЛА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

ХОДЫКИН Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог-аналитик, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Аннотация. Для прогнозирования экономических и политических изменений и измерения качества жизни людей важны не только объективные оценки экономической ситуации в стране, но и анализ ее восприятия в массовом сознании, так как именно субъективные оценки влияют на деловые и повседневные практики. Для реализации этой цели авторы провели исследование, состоящее из трех частей: 1) первый этап телефонного опроса, репрезентирующего население России старше 18 лет (конец февраля 2022 г.); 2) четыре фокус-группы по шесть участников в Самарской области; 3) второй этап телефонного опроса, репрезентирующего население России старше 18 лет (проведен в первой половине августа 2022 г.).

Исследование показало, что в отношении собственного материального положения ожидания ухудшений преобладают над прогнозами улучшения.

PERCEPTION OF ECONOMIC CHANGES DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN RUSSIAN PUBLIC OPINION

Vladimir B. ZVONOVSKY¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology and Psychology
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

Alexander V. KHODYKIN² — Cand. Sci. (Soc.), Sociologist-analyst
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Social Research Institute, Samara, Russia

Abstract. To predict economic and political changes and measure changes in the life quality, it is important not only to objectively assess the economic situation in the country, but also to analyze its perception in the mass consciousness, since it is subjective assessments that affect business and everyday practices. To achieve this goal, the authors conducted a study consisting of three empirical parts: 1) the first stage of a telephone survey representing the population of Russia over 18 years old (end of February 2022); 2) four focus groups each consisting of six participants in the Samara region; 3) the second stage of a telephone survey representing the population of Russia over 18 years old (conducted in the first half of August 2022).

The study showed that respondents more often expect their own financial situation to worsen than to improve. Russians look to the future with anxiety, but their level of pessimism varies. Their own finan-

В будущее россияне смотрят с тревогой, но уровень их пессимизма различен. Перспективы собственного материального положения кажутся им хотя и не слишком радостными, но все же более благополучными, чем финансовые перспективы большинства соотечественников. С точки зрения динамики наблюдается снижение масштаба негативных прогнозов с массовых ожиданий экономических проблем до умеренно стабильного преобладания пессимизма над оптимизмом. Оценки произошедших и будущих изменений дифференцируются политической позицией и способом потребления информации: сторонники спецоперации реже отмечают ухудшение собственного материального положения, ее противники и пользователи VPN пессимистичнее оценивают произошедшие и прогнозируемые экономические изменения (как собственные, так и в стране в целом).

Ключевые слова: восприятие кризиса, индивидуальный оптимизм, социальный оптимизм, индексы, российское общественное мнение, специальная военная операция, теорема Томаса

cial prospects seem to them, although not very optimistic, but still more prosperous than the financial prospects of most compatriots. A comparison of the two survey waves shows a decrease in the prevalence of negative forecasts from mass expectations of economic problems to a moderately stable prevalence of pessimism over optimism. Estimates of past and future changes are differentiated by the political position and the way information is consumed: supporters of the special military operation are less likely to note the deterioration of their own financial situation, while its opponents and VPN users are more pessimistic about the past and projected economic changes (both their own and in the country as a whole).

Keywords: perception of the crisis, individual optimism, social optimism, indices, Russian public opinion, special military operation, Thomas theorem

Введение

Несмотря на то что в период военных конфликтов экзистенциальные угрозы в значительной степени вытесняют экономические, человек и общество в целом продолжают функционировать в новых социально-экономических условиях, а восприятие их актуального состояния остается важнейшим элементом адаптации к меняющейся реальности. Быстро трансформирующаяся экономика может менять соотношение лидирующих и депривированных групп населения.

Большое значение как для прогнозирования экономических и политических изменений, так и для измерения качества жизни людей имеют исследования не только объективной ситуации в стране, но и ее восприятия в массовом сознании. Субъективные оценки влияют на повседневные решения людей, а те, в свою очередь, способны воздействовать на экономику. Недаром еще в середине прошлого века Роберт Мертон продемонстрировал с помощью теоремы Томаса способность субъективного видения ситуации определять ее развитие. Приводимая

Мертон формулировка этой теоремы взята из работы «Ребенок в Америке» Уильяма и Дороти Томас, по фамилии которых она и получила свое название [Thomas, Thomas, 1928]. Мертон привел ставшую наиболее известной в мировой социологии формулировку теоремы Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» [Мертон, 2006: 605], — и продемонстрировал ее объяснительный потенциал на примере социологической притчи о крахе Нового национального банка, который разорился в 1932 г. не по объективным финансовым причинам, а только из-за того, что вкладчики сочли их банк потерпевшим крах, приведя его тем самым к реальному банкротству. Еще один пример — это расовые меньшинства, которые становились штрейхбрейкерами только потому, что их воспринимали в качестве таковых члены профсоюзов и не принимали в свои организации, вынуждая на самом деле становиться штрейхбрейкерами. «Притча учит нас, что публичные определения ситуации (прогнозы и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации. Такова специфическая характеристика человеческих дел. Мы не найдем ее в мире природы, к которому не прикасались человеческие руки. Предсказания о возвращении кометы Галлея никак не влияют на ее орбиту. Но слухи о неплатежеспособности банка Миллингвила на самом деле вызвали реальный результат. Предсказание краха привело к его осуществлению» [Мертон, 2006: 607].

Восприятие людьми собственного финансового положения, положения дел в стране и перспектив их изменения в будущем также способно трансформировать практики финансового поведения людей, формирующие реальную экономическую ситуацию. В России мы это видели на примере массовых закупок товаров в начале пандемии COVID-19 и спецоперации, вызвавших товарный дефицит и дальнейшую панику. Поэтому исследование восприятия экономических изменений приобретает особую актуальность в период реального кризиса.

В данной статье мы проанализируем тренды оценок собственного материального положения россиян, оценок материального положения большинства их соотечественников в период спецоперации и оценок будущего. Для этого мы сравним результаты наших опросов в феврале 2022 г. (в самом начале СВО) и в августе 2022 г., когда острота начального этапа экономического кризиса прошла. Качественные характеристики восприятия экономических трансформаций раскрыты на базе анализа четырех фокус-групп, проведенных Фондом социальных исследований среди жителей Самарской области в апреле 2022 г. — между двумя этапами количественных замеров.

Литературный обзор

Восприятие экономической ситуации и его влияние на социальное самочувствие и поведение людей подробно исследовано в российских и зарубежных работах [Мертон, 2006; Гоффе, Монусова, 2020; Усова, 2017]. Важность не только объективных экономических показателей, но и субъективных оценок материального благополучия и экономической ситуации в целом осмыслена экономистами во второй половине XX века. Такое смещение исследовательского взгляда Ричард Истерлин объясняет «революцией счастья» (хронологически третьей после

промышленной и демографической революций), поставившей в центр общественного внимания ощущение личного благополучия, которого не всегда получается достичь с помощью экономического роста: иногда объективно растущие финансовые показатели не ощущаются людьми как улучшение их жизни [Easterlin, 1974; 2019]. Причинами того могут быть, к примеру, распространенность в обществе искаженных представлений о действительности, неуверенность людей в своем будущем или высокое социальное неравенство [Мертон, 2006; Diener, 1984; Diener et al., 1984; Wilkinson, Pickett, 2009]. Поэтому важность социологических исследований уровня счастья постепенно увеличивается на фоне снижения влияния классических оценок ВВП по паритету покупательной способности на душу населения [Easterlin, 2019]. Группа экономистов под руководством Джозефа Стиглица и Амартии Сена опубликовала доклад, в котором говорится о необходимости социальных исследований восприятия людьми их благополучия для более полного и объективного измерения уровня социального прогресса [Stiglitz, 2008]. Подробный обзор исследований восприятия личного благополучия в контексте экономических оценок социального прогресса представил Эндрю Кларк, агрегировавший исследования благополучия, проведенные различными способами (Метод Кантрила, индекс благосостояния Gallup-Healthways (GHWBI) и др.) и показавшие значимое, но не определяющее влияние объективной экономической ситуации на социальное самочувствие людей [Clark, 2018]. Ричард Уилкинсон и Кейт Пикетт выявили деструктивное влияние избыточного социального неравенства на субъективное восприятие объективных экономических изменений и распространение социальных проблем [Wilkinson, Pickett, 2009].

Среди русскоязычных авторов, пожалуй, наибольший вклад в социологическое изучение восприятия людьми экономической ситуации внесли Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко. В своей монографии, написанной в период российской модернизации и перехода к рынку 1990-х, они подробно исследовали феномен социального настроения, обосновали его доминирующее влияние на социальное поведение людей и, как следствие, трансформацию обществ, в которых они живут [Тощенко, Харченко, 1996]. Обобщая полученные авторами монографии данные, Е. Н. Усова создает свой концепт социального настроения, который включает в себя: «1) социальное самочувствие; 2) оценку и самооценку социального статуса и положения; 3) социальные ожидания; 4) социальную позицию» [Усова, 2017: 555].

В случае деструктивного характера социальных настроений общественные изменения с высокой долей вероятности будут негативными или недостаточно позитивными даже в случае экономического роста и улучшения других объективных показателей. Это подтверждается исследованиями под руководством С. М. Гуриева*¹, результаты которых на примере ряда стран показали снижение доверия к демократическим преобразованиям в случае субъективного ощущения значимой частью общества социального поражения от реформ [Transition..., 2016—2017]. Анализ механизмов формирования расхождений в объективных и субъективных оценках экономической ситуации и личного благополучия проведен в монографии Н. В. Гоффе и Г. А. Монусовой, которые на материалах исследований восприятия

¹ Здесь и далее: * внесен в реестр иностранных агентов.

благополучия и социальных проблем жителями разных стран проанализировали, как люди воспринимают окружающие их социально-экономические явления и как это влияет на общественное мнение относительно ситуации в их странах [Гоффе, Монусова, 2020]. Анализ влияния социального самочувствия на политическое поведение российской молодежи проведен Д. В. Трыновым, показавшим, что это влияние основано на взаимосвязи ожиданий и идеалов молодых людей [Трынов, 2022].

Корпус имеющихся научных работ по теме позволяет утверждать, что восприятие людьми экономических изменений влияет на их социальное самочувствие и поведение, поэтому исследование восприятия россиянами экономических последствий нынешнего кризиса приобретает особую значимость для прогнозирования изменений общественного мнения.

Эмпирическая основа исследования и методы анализа

Дизайн нашего исследования предполагает сочетание количественных и качественных методов исследования, а именно: массовых опросов населения и фокус-групп. Это позволяет дополнять репрезентативные для взрослого населения России данные о восприятии экономических изменений существенными характеристиками этих изменений. Например, в ходе массовых опросов мы узнаем, как изменилось материальное положение россиян в кризисный период, в то время как данные фокус-групп позволяют подробно охарактеризовать специфику восприятия изменений, кроющуюся за выбором варианта «ухудшилось» или «улучшилось» из стандартизированного опросника. Количественная часть исследования состоит из двух этапов опроса (в феврале и августе 2022 г.), что дает возможность проследить динамику восприятия изменений материального положения россиян на старте российско-украинского конфликта и по прошествии полугода с его начала, когда произошла некоторая стабилизация экономической ситуации.

При анализе результатов нами использован ряд индексов, иллюстрирующих восприятие россиянами экономической ситуации и динамики ее изменения.

В качестве интегральной оценки изменений материального положения мы применяем ретроспективный индекс личного благополучия [Кесельман, Мацкевич, 1998], отражающий соотношение позитивных и негативных изменений материального положения россиян. Нами выбрана данная система показателей, поскольку она широко апробирована на российском и зарубежном материале и обладает устоявшейся и понятной моделью интерпретации результатов. Для расчета ретроспективного индекса личного благополучия примем отношение доли улучшивших его за последний год к доле ухудшивших его. Если значение показателя равно 1, это говорит о равенстве долей позитивных и негативных оценок изменений. Значение индекса меньше 1 показывает преобладание негативных оценок над позитивными, а значение больше 1 говорит, что доля улучшивших свое материальное положение больше доли ухудшивших его.

Поведение людей определяется не только уже произошедшими, но и ожидаемыми изменениями в их жизни. Ожидание улучшений материального положения побуждает к долгосрочным инвестициям в собственное будущее (новые проекты, дом, детей, образование и пр.), что способствует дальнейшим улучшениям жизни.

В то же время страх ухудшений вынуждает экономить, отказываться от ресурсоемких начинаний и сокращать горизонт планирования. Все это ведет к потерям в долгосрочной перспективе.

В социальной психологии оптимизм/пессимизм личности рассматривался главным образом как ее «врожденное» свойство или как результат первых этапов социализации [Cantril, 1965; Freedman, 1978]. Социальные условия интерпретируются психологами как одно из важнейших обстоятельств формирования оптимизма не только на стадии социализации, но и при определении актуального состояния личности [Diener, 1984; Diener et al., 1984]. В рамках психологической традиции оптимизм личности связывался не столько с прогнозированием будущих перспектив, сколько с уровнем удовлетворенности человека актуальным благополучием и его общим позитивным или негативным восприятием жизни [Bradburn, 1969; Bradburn, Caplovitz, 1965; Cantril, 1965; Maslow, 1970].

В отечественной социологии понятия «личностный оптимизм (пессимизм)» и «социальный оптимизм (пессимизм)» стали использоваться несколько позднее, чем в психологии. Статья Л. Кесельмана и М. Мацкевич стала одной из первых, где эти понятия использованы в отечественной социологической литературе [Кесельман, Мацкевич, 1998]. В нашей стране эти индикаторы получили относительно широкое распространение благодаря их регулярному использованию при замерах индекса потребительских настроений в общероссийских опросах 1990-х годов [Зубова и др., 1993; Красильникова, Николаенко, 1994; Зубова, Ковалева, 1995; Ибрагимова и др. 1996], а также в многочисленных исследованиях адаптации [Кесельман, Мацкевич, 1998; Звоновский, Мацкевич, 2009; Кесельман и др., 2007].

Вопросы об изменении материального положения самого респондента и россиян в целом позволяют посмотреть на ситуацию сквозь призму личных ощущений, а также СМИ. Если какая-то социальная группа, например пенсионеры, оценивает свои перспективы хуже, чем перспективы национальной экономики, значит, она полагает, что другие справляются с неблагоприятными обстоятельствами жизни лучше [Звоновский и др., 2021]. Если такая ситуация расходится с реальным экономическим положением рассматриваемой группы, то это можно считать следствием воздействия «консервативных мифов» по Р. Мертону, которые переносят ответственность за уровень жизни людей в стране с общественного на индивидуальный уровень каждого человека: «идет в ход доктрина, отводящая враждебные чувства от социальной структуры и переводящая их на индивида, который стал „неудачником“, потому что „каждый человек в этой стране реально получает то, что ему причитается“» [Мертон, 2006: 277].

Сравнивая распределение ответов на два этих вопроса, можно выяснить, какие группы населения оценивают свои финансовые перспективы выше таких перспектив у россиян в целом, а также увидеть, в какую сторону СМИ смещают «полюс неблагоприятия» и является ли это результатом конструирования тех или иных мифов. Для этого мы вычтем индекс социального оптимизма из индекса индивидуального оптимизма и получим индекс локализации проблем. Его равенство нулю указывает на то, что данная группа считает перспективы своего материального положения примерно такими же, как перспективы большинства россиян. Чем выше значения индекса локализации проблем, тем ближе к полюсу

су благополучия размещает себя социальная группа. И наоборот, чем меньше показатель, тем ближе эта группа считает себя к «полюсу неблагополучия». В таблице 1 отражена вся предложенная конструкция.

Таблица 1. **Формирование индексов на основании вопросов интервью**

Формулировки вопросов	
Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?	А материальное положение большинства жителей России в ближайший год улучшится, ухудшится или останется на прежнем уровне?
Индексы	
Индекс индивидуального оптимизма	Индекс социального оптимизма
Как вычисляется	
Отношение доли оптимистов к доле пессимистов	Отношение доли оптимистов к доле пессимистов
Индекс локализации проблем	
Разность между индексом индивидуального оптимизма и индексом социального оптимизма	

Исследование проведено в три этапа.

1. Телефонный опрос взрослых жителей России, репрезентирующий население страны по полу, возрасту, федеральному округу и уровню образования, $N = 1642$ респондента, период проведения: 27—28 февраля 2022 г.

2. Фокус-группы по шесть участников, подобранных по полу, возрасту и уровню дохода. По полу во всех группах соотношение мужчин и женщин: 50/50. Все участники групп имеют средние доходы и проживают на территории Самарской области. Каждая группа представляет свою возрастную категорию: первая группа — 18—22 года, вторая — 23—35 лет, третья — 36—45 лет, четвертая — 45—60 лет. Место проведения групп: Фонд социальных исследований (Самара). Модератор: доктор социологических наук, профессор В. Б. Звоновский. Время проведения: апрель 2022 г. Расшифровки аудиозаписей фокус-групп обрабатывались вручную, как и подбор цитат для иллюстрации сделанных выводов.

3. Телефонный опрос взрослых жителей России², репрезентирующий население страны по полу, возрасту, федеральному округу и уровню образования, $N = 1600$ респондентов, период проведения: 8—12 августа 2022 г.

Гипотезы исследования

1. Исследования Н. Е. Тихоновой показывают, что восприятие россиянами собственного материального положения в кризисные периоды становится более пессимистичным, однако к кризису, начавшемуся в 2014 г., наши соотечественники подошли со значительно более оптимистичным восприятием собственного мате-

² В обоих телефонных опросах выборка стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,31% при уровне значимости 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2021 г. Опрос проводился только по мобильным номерам.

риального положения, чем к предшествующим, и сам этот кризис был воспринят россиянами не столь остро [Тихонова, 2015, 2018]. Однако ситуация 2022 г. была значительно более острой, чем ситуация 2014 г.: международная изоляция России значительно усилилась, а запас прочности российской экономики под влиянием почти десятилетия конфронтации с западными странами довольно сильно истощился [Алексашенко и др., 2021]. Поэтому можно предположить, что за время военных действий оценки изменения собственного материального положения и материального положения россиян в целом под влиянием происходящих изменений снизятся.

2. В то же время за период обострения санкционного противостояния российская экономика, вопреки прогнозам многих экономистов, не рухнула, дефолта, массовых увольнений или закрытий предприятий не произошло, повседневная жизнь жителей России изменилась не сильно. Это способствует нормализации восприятия ситуации в массовом сознании и возникновению «эффекта дна», когда все плохое, что могло произойти, уже произошло, поэтому дальше должны быть хоть какие-то улучшения. Это дает основания предполагать, что оценка россиянами перспектив изменения собственного материального положения, как и материального положения соотечественников, в августе 2022 г. стала оптимистичнее по сравнению с февральским замером.

3. Сравнивая себя с другими, люди склонны оценивать свои способности в более позитивном ключе. В психологии это когнитивное искажение называется иллюзорным превосходством, или «эффектом выше среднего», когда испытуемые оценивают собственные достижения или иные ресурсы выше, чем у большинства [Hoorens, 1993]. Умение зарабатывать деньги и справляться с кризисными явлениями тоже можно отнести к таким способностям. Отсюда предположение, что восприятие россиянами перспектив изменения собственного материального положения будет лучше их восприятия перспектив изменения материального положения большинства их соотечественников.

Динамика изменения личного материального положения россиян

В конце февраля 2022 г., в третий и четвертый день боевых действий, россиянам был задан россиянам вопрос об оценке изменений своего материального положения. Традиционно в конце зимы — начале весны жители нашей страны дают наиболее низкие оценки своего материального положения. На этот раз 17 % россиян сообщили, что их материальное положение улучшилось, 31 % констатировали ухудшение, а 53 % утверждали, что существенных изменений не произошло.

В августе 2022 г. примерно треть (35 %) россиян отметили, что за последний год их материальное положение ухудшилось. Более половины (53 %) не зафиксировали значимых отличий, и лишь примерно каждый седьмой-восьмой (13 %) житель страны сообщил об улучшении (см. рис. 1). Другими словами, на одного улучшившего свое положение приходится почти трое тех, у кого оно стало хуже. Таким образом, респонденты, указавшие на наличие изменений, оценивают их преимущественно как негативные. Значимых отличий в оценке изменений собственного материального положения между женщинами и мужчинами нет.

Как видим, оценки собственного материального положения в феврале были лишь немногим выше, чем в августе, то есть за полгода российско-украинского конфликта россияне стали чувствовать себя несколько хуже: в феврале значение ретроспективного индекса равнялось 0,54, тогда как в августе — 0,38. Участники апрельских фокус-групп также отметили ухудшение экономической ситуации в стране и собственного материального положения: информанты констатировали усложнение трудовой деятельности и, как следствие, падение доходов и уровня жизни.

Мы стали в два раза беднее за этот месяц <...>. Жизнь теряет свои краски. (М., 58 лет)

Рынок недвижимости встал, в целом осознание, что жизнь стала страшнее. (М., 48 лет)

На оценку изменений значимое влияние оказывает возраст. Если улучшение личного материального положения отметил каждый пятый молодой россиянин (20%), то среди предпенсионного поколения (45—59 лет) — лишь 8% (см. рис. 2). Особняком стоит старшее поколение, которое по самооценкам ближе к молодежи, чем к условным «предпенсионерам». Между возрастными группами значения индекса заметно различаются: от 0,63 среди молодежи до 0,21 среди «предпенсионеров». Пожилые россияне, которым гарантирован минимальный доход в виде пенсий, чувствуют себя более защищенными и уверенными в своем будущем в условиях экономической автаркии, созданной российским правительством³. То есть если говорить о россиянах трудоспособного возраста, то чем старше человек, тем больше вероятность, что он понес финансовые потери после начала конфликта.

Значимых отличий в ретроспективной оценке материального положения между жителями городов разного типа и размера нет, а вот между горожанами и сельчанами есть. Если более трети горожан (34—38%) отметили ухудшение своего материального положения, то сельчане соглашались с ними лишь в 28% случаев. Вероятно, здесь мы видим частичное подтверждение того, что связанный с российско-украинским конфликтом кризис сильнее повлиял на работников сферы услуг и жителей крупных городов.

Индекс благополучия различается между занятыми в государственном и частном секторах экономики (0,44 и 0,29 соответственно) (см. рис. 2). Изменения, произошедшие на различных рынках, чуть больше повлияли на тех, кто на этих рынках работает. Немного реже ухудшение ситуации чувствовали неработающие пенсионеры (0,50). Они имеют пусть низкий, но стабильный и наименее подверженный ударам кризисов доход. Сходная ситуация подтверждается данными фокус-групп. Сокращения на работе и снижение доходов затронули и респондентов, и их окружение. Первыми на себе удар почувствовали занятые в бизнесе, в то время как сотрудников государственных организаций проблемы затронули в меньшей степени [Звоновский, Ходыкин, 2023].

³ Звоновский В. Б. Автаркия в массовом сознании // Russia Post. 2022. 26 сентября. URL: <https://russiapost.info/obschestvo/autarky> (дата обращения: 10.01.2023).

У меня так же вот среди подруг несколько потеряли работу в сфере одежды. И сейчас вот в Спортмастере под сокращение два человека попадают. (М., 37 лет)

У нас нет [негативных изменений], в водоканале работаю. (Ж, 43 года).

Экономическое положение индивида также влияет на субъективные оценки. Как видно из рисунка 2, среди тех, чей средний доход за последние три месяца был не более 12 000 руб., индекс благополучия составил лишь 0,18. Но у тех, чей доход был выше 60 000 руб., индекс уже 0,69. То есть в нынешних условиях более доходным группам удается лучше сохранить финансовую стабильность, что в который раз подтверждает справедливость описанного Р. Мертоном эффекта Матфея, когда тем, у кого есть ресурсы, получить новые становится значительно проще, чем не имеющим их. Такая тенденция, вероятно, будет увеличивать социально-экономическое неравенство в условиях усиления экономического кризиса. Как предсказал участник фокус-группы, «*Богатые будут богатеть, бедные будут беднеть*» (М., 45 лет).

Оценка изменений собственного материального положения значимо зависит от политической ориентации и разносторонности получаемой респондентом информации о социально значимых событиях. Индекс личного благополучия среди имеющих доступ только к традиционным СМИ, а это прежде всего государственные телеканалы, составил 0,62. А вот среди пользователей VPN, чаще критически настроенных к действующей власти, он составил лишь 0,25. По-видимому, негативное отношение к власти вызывает столь же негативные оценки изменения собственного материального положения. Такой вывод подтверждается и связью рассматриваемого индекса с оценками российско-украинского конфликта, явно демонстрирующими политические взгляды респондентов. Оценка изменений личного материального положения тесно связана с отношением к российско-украинскому конфликту. Как видно из рисунка 2, россияне, поддерживающие его, чувствуют ухудшение своего материального положения куда реже, чем те, кто открыто выступает против него (0,50 и 0,13 соответственно). Можно предположить, что дальнейшее ухудшение материального положения будет ослаблять поддержку военных действий, и наоборот, рост их поддержки может быть следствием улучшения материального положения. С другой стороны, такие данные могут показывать, что противники конфликта более остро воспринимают его негативные последствия, такие как ухудшение собственного материального положения, в то время как сторонники предпочитают не акцентировать внимание на его негативных последствиях [Звоновский, Ходыкин, 2022].

Для сравнения, по данным ФОМ⁴ за май 2022 г., доля респондентов с ухудшившимся материальным положением за два-три месяца конфликта выросла по сравнению с опросом от 13 февраля 2022 г. на 9 п. п., тогда как доля улучшивших материальное положение снизилась на 3 п. п. В то же время исследование А. В. Каравай показывает, что и в сентябре 2020 г. сокращение доходов ощущала все та же треть россиян (35 %) [Каравай, 2021]. Однако в период тех замеров рос-

⁴ Материальное положение россиян: оценки и прогнозы // ФОМ. 2023. 13 марта. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14848> (дата обращения: 02.09.2023).

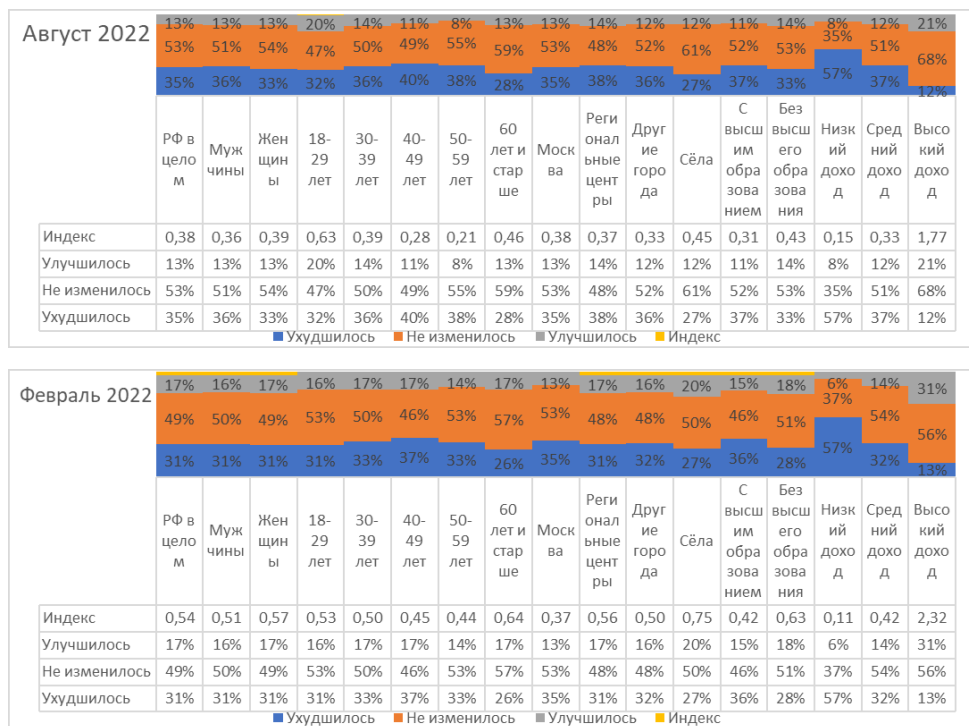

сияне жили в условиях кризиса, связанного с пандемией, который, в свою очередь, начался после постепенной адаптации российской экономики к кризису 2014—2015 гг. Можно предположить, что прошлый кризис в восприятии россиян плавно перетекает в настоящий, о чем свидетельствуют и ответы на фокус-группах:

Наверное, уже все готовы к этим сюрпризам жизненным, третий год подряд все жизненные ситуации не дают покоя, все-таки мы к ним уже привыкшие, потому что, что ни год, то какая-нибудь непонятка в стране. (Ж, 31 год)

Участники фокус-групп в целом негативно восприняли изменение ситуации: «На питание траты возросли» (М., 29 лет), «Запас лекарств начал исчезать с прилавков, но он жизненно важен» (Ж., 52 года), «Покупательская способность людей просто на нет упала» (М., 58 лет).

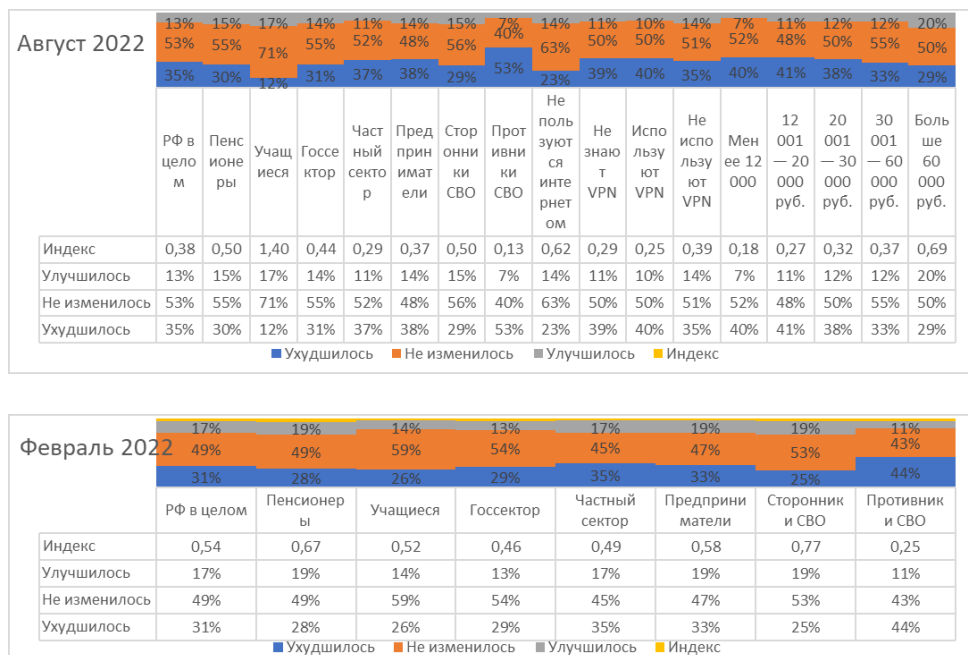
Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете, Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) за последний год улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?»⁵

⁵ Уровень дохода в обеих волнах опроса измерялся стандартным вопросом о потребительском статусе. В группу низкого дохода попали те, кому не хватает денег на одежду и обувь. Обладатели средних доходов не могут купить новую машину, а в высокодоходной группе объединены способные купить все, кроме квартиры или дома, и не испытывающие материальных затруднений при любых покупках. В августе, помимо этого вопроса, респондентов спрашивали напрямую об их доходе в рублях, поэтому данные августовского опроса содержат два признака, измеряющих уровень дохода.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете, Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) за последний год: улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?»

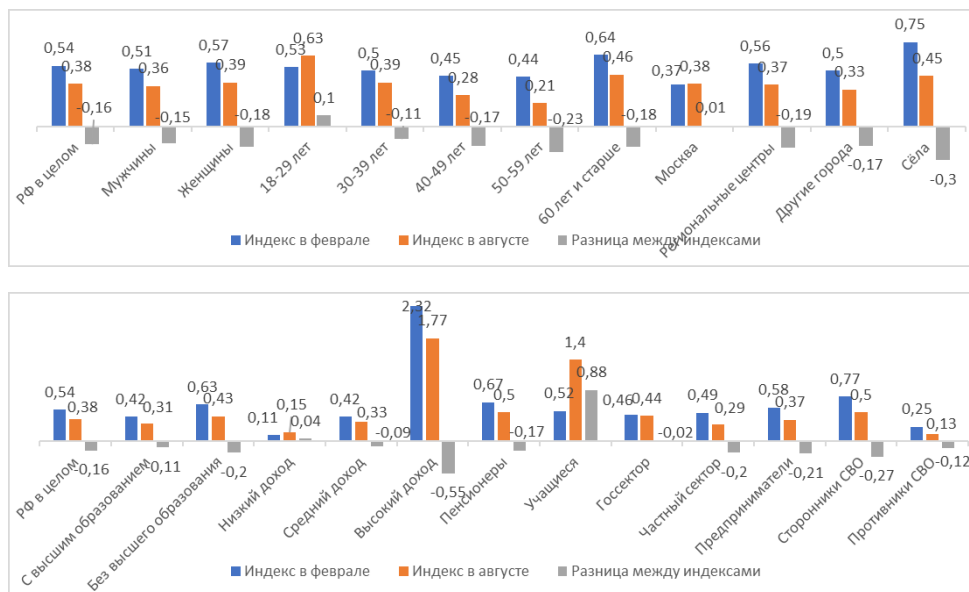

Межгрупповые различия в значениях индекса показывают неравномерность и асинхронность влияния кризиса на разные социальные группы. На мужчин и женщин кризисные явления влияли практически в равной степени (–0,15 и –0,18 соответственно) (см. рис. 3). В то же время экономическое положение людей разного возраста изменялось неравномерно: люди предпенсионного возраста в наибольшей степени чувствовали ухудшение ситуации. Значение индекса среди них снизилось в два раза: с 0,44 в феврале до 0,21 в августе. Среди молодежи, напротив, показатель даже вырос: с 0,53 до 0,63, что можно объяснить более быстрой адаптацией к условиям российско-украинского конфликта.

В начале конфликта различия в оценках между жителями разных типов населенных пунктов были более значительными, чем в августе. В феврале негативнее других изменение своего материального положения оценивали москвичи (0,37), через шесть месяцев их оценка практически не изменилась (0,38), но существенно ухудшилась оценка у сельчан (с 0,75 до 0,45). Как видим, осознание ухудшившегося материального положения постепенно распространяется от жителей столицы до жителей небольших населенных пунктов. За время российско-украинского конфликта также сблизилась оценки россиян, имеющих и не имеющих высшее образование. Если в феврале индекс их благополучия был 0,42 и 0,63 соответственно, то в августе — 0,31 и 0,43 (см. рис. 3). Можно предположить, что произошедшие изменения постепенно захватывают группы населения

от центра к периферии. Среди бюджетников значение индекса за рассматриваемый период не изменилось (0,46 в феврале и 0,44 в августе). В то же время круг пострадавших от кризиса в частном секторе экономики расширился почти в два раза: с 0,49 в феврале до 0,29 в августе. Быстрая деградация внутреннего рынка в начале российско-украинского конфликта сильнее всего повлияла на игроков этого рынка, что отмечено выше в ответах участников фокус-групп.

Рис. 3. Динамика ретроспективного индекса личного благополучия среди населения РФ (февраль и август 2022 г.)

Индекс благополучия в группе с наименьшими доходами за шесть месяцев практически не изменился (0,11 в феврале, 0,15 в августе), а вот среди россиян с высокими доходами существенно снизился с 2,32 в конце зимы до 1,77 в конце лета. То есть восприятие наиболее доходными группами изменений своего материального положения становится заметно пессимистичнее. Это уже отмечали экономисты⁶, указывая, что банковская система РФ, оказавшись в сложной ситуации, фактически конфисковала валютные вклады, которые, очевидно, принадлежали более обеспеченным россиянам⁷.

С начала российско-украинского конфликта до августа 2022 г. ретроспективный индекс личного благополучия значимо уменьшился в группе тех, кто поддерживал участие в этом конфликте: с 0,77 до 0,50. Ухудшение личного материального

⁶ См. интервью Сергея Гуриева Юлии Латыниной от 09.03.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-AN5pzg2_Y4 (дата обращения: 02.09.2023) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агент»).

⁷ В Госдуме назвали условия конфискации сбережений россиян // News.ru. 2022. 21 февраля. URL: <https://news.ru/economics/v-gosdume-prokomentirovali-vozmozhnyu-konfiskaciyu-sberezhenij-rossijan/> (дата обращения: 02.09.2023).

положения в условиях российско-украинского конфликта не меняет отношения к нему россиян. Иначе говоря, прямой связи между ухудшением своего материального положения и началом российско-украинского конфликта в массовом сознании не прослеживается.

Уровень и динамика индивидуального и социального оптимизма в России

В августе 2022 г. примерно каждый седьмой (14 %) россиянин рассчитывал на улучшение своего материального положения, почти четверть (22 %) опасалась его ухудшения и почти две трети (64 %) предполагали, что их положение не изменится (см. рис. 4). По сравнению с нашим опросом периода пандемии (начала 2021 г.) ожидания россиян от своего будущего не изменились: тогда 14 % ожидали улучшения материального положения при 23 % опасавшихся его ухудшения [Звоновский и др., 2021]. Если сравнить с измерениями до всех кризисов последних лет, то в так называемые тучные годы (2011), по данным ВЦИОМ⁸, соотношение индивидуальных оптимистов и пессимистов было 19 % к 21 %. Экономические последствия нынешнего конфликта представляются россиянам подобными пандемийным трудностям: грустно, но преодолимо.

Для анализа ожиданий россиян от изменения собственного материального положения и положения россиян в целом будем использовать индекс индивидуального оптимизма, который рассчитывается как отношение доли оптимистов к доле пессимистов [Кесельман, Мацкевич, 1998]. В среднем по России значение индекса индивидуального оптимизма составило 0,66, то есть прогнозы ухудшения собственного материального положения превалируют над надеждами на его улучшение, несмотря на летний период измерений, когда значения данного индекса обычно наиболее высоки (см. рис. 4).

Оценка ближайшего будущего существенно зависит от возраста: молодежь оптимистичнее оценивает собственные финансовые перспективы, чем представители старшего поколения. Если среди молодежи индекс индивидуального оптимизма составил 1,28, то в группе россиян пенсионного возраста — 0,44 (см. рис. 4). При этом выше отмечено, что уже произошедшие изменения личного благополучия за последний год, напротив, более позитивно оцениваются в старшей возрастной группе, чем среди молодежи. По-видимому, низкие, но стабильные доходы российских пенсионеров в сочетании с их относительно низкими притязаниями позволяют им держаться на плаву в кризисных условиях, но не способствуют оптимистичному взгляду на будущее.

Аналогичное соотношение оценок выявлено среди неработающих пенсионеров: при более позитивной оценке уже произошедших изменений, в будущее они смотрят пессимистичнее других групп (0,49). Иначе говоря, старшее поколение, как бы оно ни оценивало возможные последствия российско-украинского конфликта, думает о будущем с тревогой.

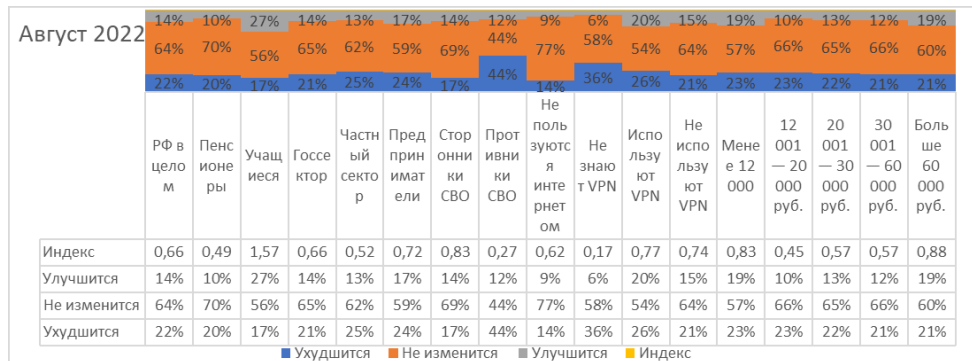
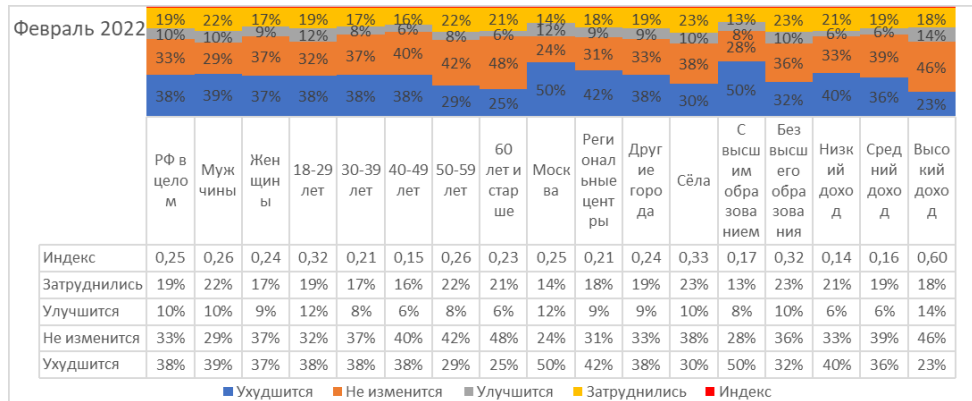
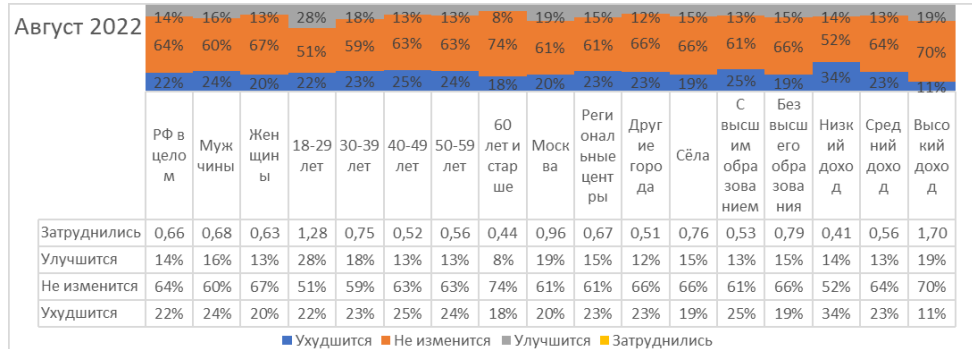
Сужение поля используемых информационных ресурсов способствует снижению индивидуального оптимизма. Среди не имеющих доступа к интернету индекс

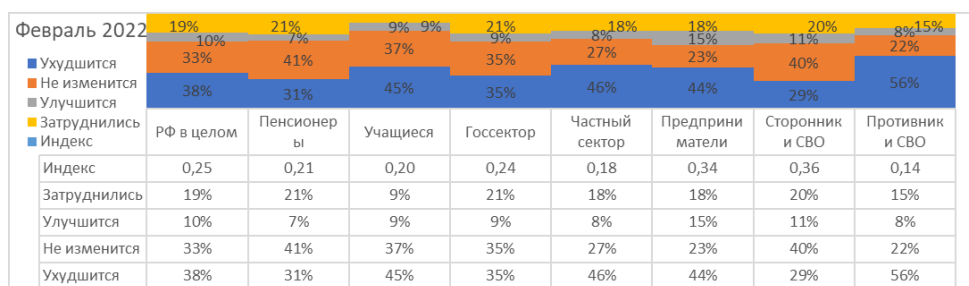
⁸ Материальное положение россиян: перспективы на ближайший год // ВЦИОМ. 2011. 23 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-perspektivy-na-blizhajshij-god> (дата обращения: 02.09.2023).

индивидуального оптимизма ниже, чем у тех, кто использует VPN для получения более широкого доступа к информации.

Рис. 4. Индекс индивидуального оптимизма в разных группах населения РФ.

Вопрос: «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение (положение Вашей семьи) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

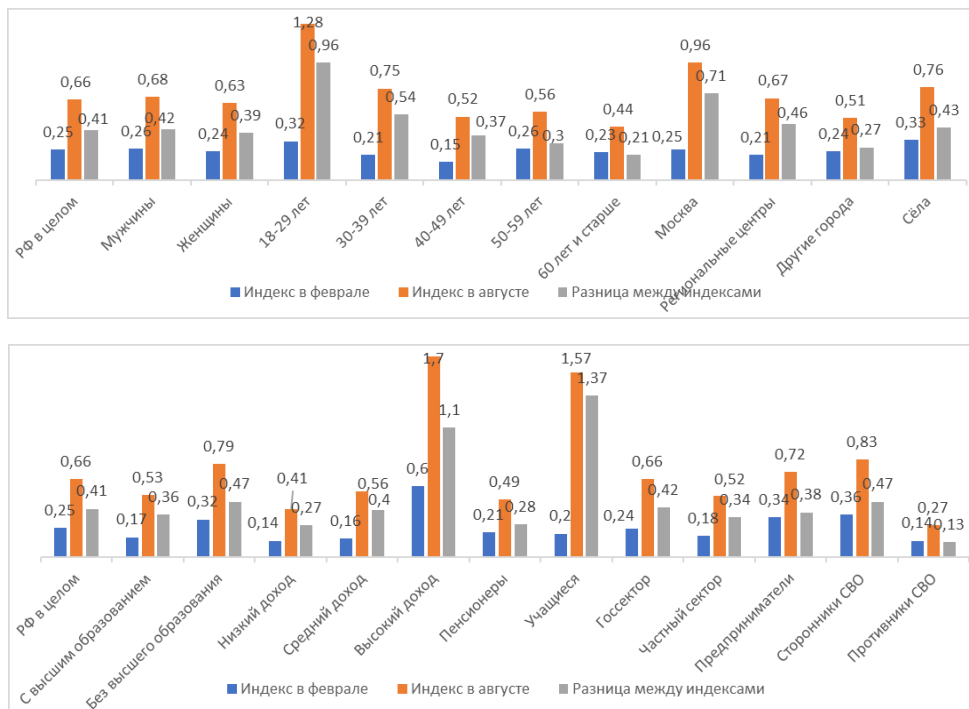
Наиболее пессимистично настроены жители провинциальных городов, где индекс равен 0,51, в то время как в Москве значение индекса — 0,96 (см. рис. 5). Такая дифференциация отличается от дифференциации ретроспективных оценок, когда столичные жители испытывали наиболее существенное снижение уровня своего материального положения. Россиянам с высшим образованием будущее представляется менее благоприятным, чем не имеющим его (0,53 и 0,79 соответственно). Причиной такой зависимости может быть как влияние объема знаний на прогноз ближайшего будущего, так и оценка уровня востребованности квалифицированных специалистов в российской экономике в новых условиях.

Позитивная оценка российско-украинского конфликта существенно увеличивает оптимизм в отношении личного благополучия (0,83). Выступающие против него видят свое личное благополучие куда более негативным (0,27) (см. рис. 5). Среди противников конфликта был значимо ниже и ретроспективный индекс личного благополучия. Противники военных действий значимо чаще воспринимают их экономические последствия как негативные, причем не важно, произошли эти изменения уже или предполагаются в будущем. Эта часть опрошенных острее воспринимает связанные с конфликтом негативные изменения, тогда как его сторонники связывают свои надежды с военной победой или вызванными изменением международной повестки трансформациями российской экономики. Ответы участников фокус-групп показывают, что сторонники и противники российско-украинского конфликта сходятся во мнении о трудном кризисе и разрушительных последствиях международной изоляции нашей страны. Однако противники, опираясь на факты, прогнозируют длительность и трудность нынешнего кризиса. Сторонники же, напротив, ожидают улучшения ситуации. Эти прогнозы больше похожи на мечты и не подкрепляются реальными факторами и предпосылками улучшений: «Будем переходить на другие бренды, которые не попали под санкции» (Ж., 41 год). Информанты, поддерживающие СВО, надеются на счастливый случай в виде технологического прорыва или помощи от других стран, главным образом Китая: «Мы только сегодня за юани китайцам продали и нефть, и газ» (Ж., 43 года).

Индекс индивидуального оптимизма, полученный в августе, по сравнению с аналогичным показателем, измеренным в феврале, вырос: с 0,25 до 0,66 (см. рис. 5). При этом следует напомнить, что динамика ретроспективной оценки негативная, то есть получается, что при ухудшении текущей ситуации уси-

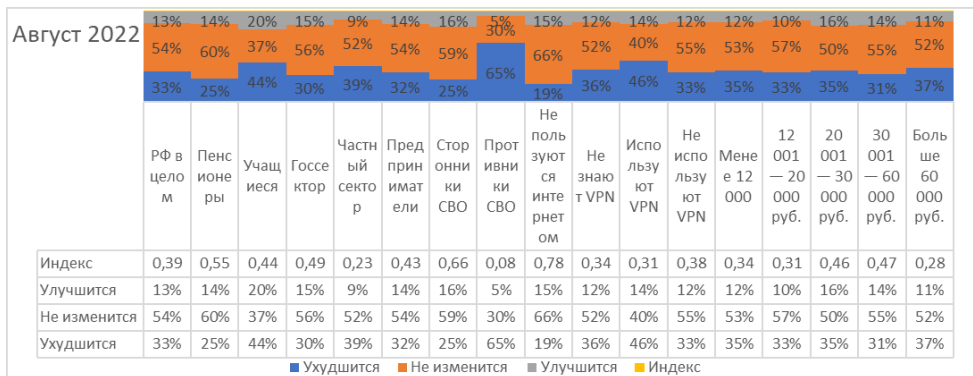
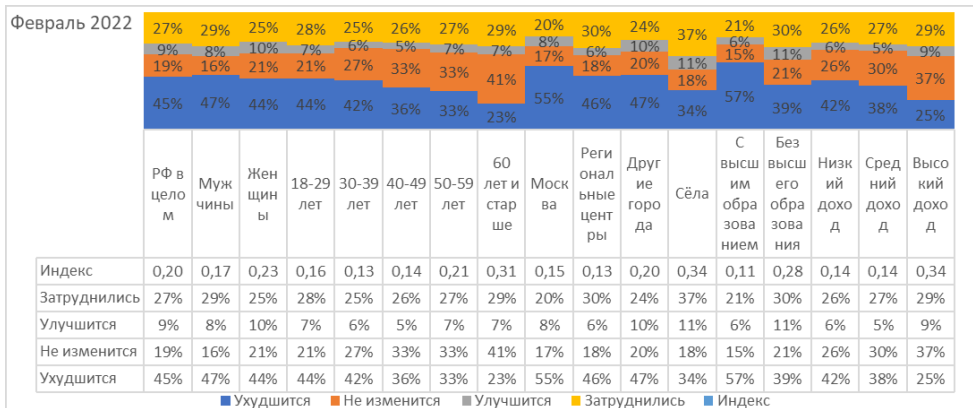
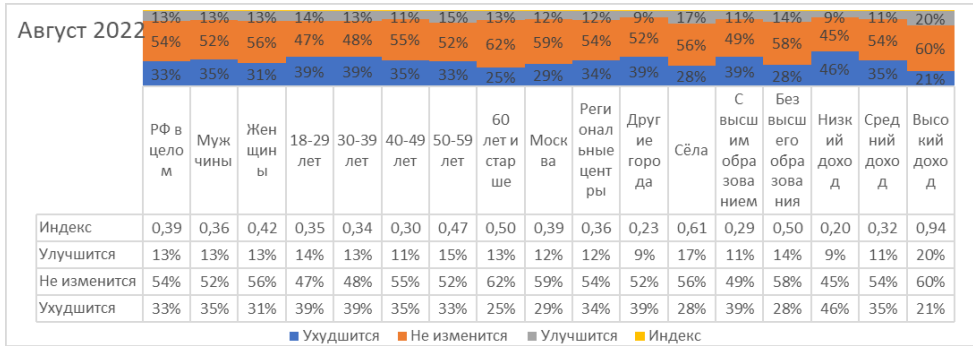
ливаются ожидания улучшений в будущем. Можно предположить, что в массовом сознании россиян уже произошедшее ухудшение таково, что любое новое изменение может быть только позитивным. Разумеется, это скорее эмоциональная оценка.

Рис. 5. Динамика индекса индивидуального оптимизма (февраль и август 2022 г.)

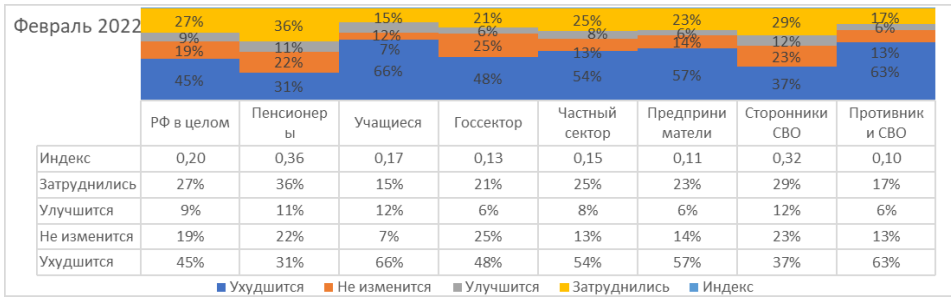

Помимо перспектив личного материального положения люди имеют более или менее четкие представления о финансовых перспективах своих соотечественников. Россияне, не занимающиеся экономикой и не имеющие соответствующей подготовки, могут прогнозировать изменения материального положения соотечественников на основе оценок (1) своего личного материального положения, (2) материального положения ближайшего окружения и (3) данных из СМИ [Звоновский, 2009]. Индекс социального оптимизма в августе 2022 г. был равен 0,39 (см. рис. 6). Поскольку в данной оценке респонденты учитывают большинство социальных групп российского населения, они поневоле усредняют свои оценки, и вариации индекса в разных группах не столь велики, как в случае индивидуального оптимизма. Если индекс индивидуального оптимизма варьирует от 0,44 в самой старшей возрастной группе до 1,28 в самой младшей, то индекс социального оптимизма меняется куда слабее — от 0,30 до 0,50. Получается, что группы, которые чувствуют себя лучше других, принимают это отличие во внимание и корректируют оценки применительно к обществу в целом.

Рис. 6. Индекс социального оптимизма в разных группах населения РФ (февраль и август 2022 г.).
Вопрос: «А материальное положение большинства жителей России в ближайший год улучшится, ухудшится или останется на прежнем уровне?»

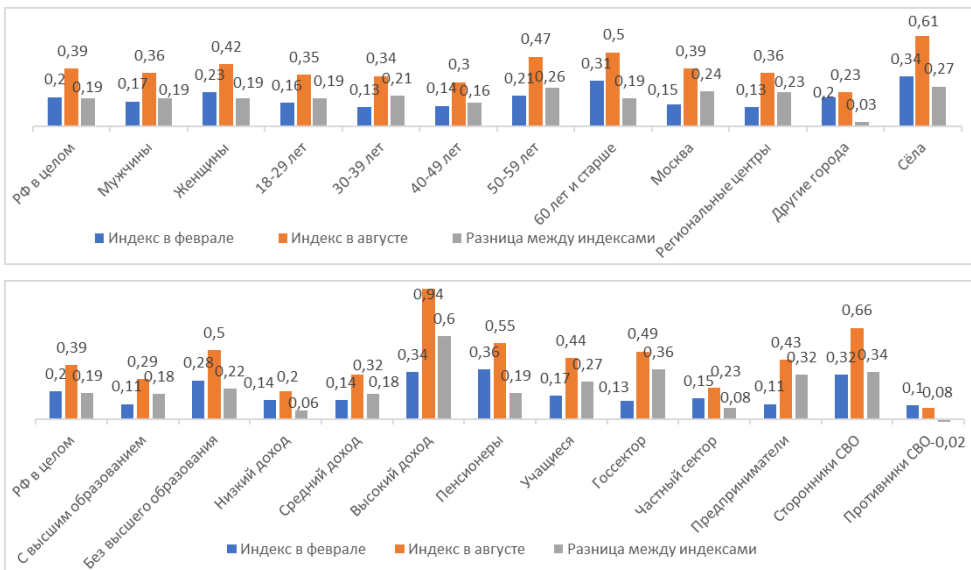

Если в августе 2022 г. индекс социального оптимизма составил 0,39, то в конце февраля, сразу после начала российско-украинского конфликта, в условиях штурма россиянами банков с целью забрать свои сбережения, он был равен 0,20 (см. рис. 7). Тревожность ожидания будущего как от международной изоляции, так и от возможных решений российской власти в первые месяцы российско-украинского конфликта отчетливо проговаривалась участниками групп: «Самый оптимистичный — это то, что мы имеем сейчас» (М., 52 года). Как видим, индекс социального оптимизма вырос к августу почти вдвое, что говорит о преодолении шока начала военных действий («Вначале был шок и тоже тревога какая-то, даже страх какой-то был» (Ж., 44 года)) и возвращении к стабильно пессимистичному взгляду на будущее. Действительно, если в начале конфликта прогнозы обрушения экономики имели ясные очертания в виде резкого роста курса доллара, быстро дорожающих товаров и услуг, то уже к концу весны эти признаки исчезли. С точки зрения массового потребителя, экономика страны справилась с режимом санкций.

Рис. 7. Динамика индекса социального оптимизма (февраль и август 2022 г.)

Локализация восприятия экономических проблем в российском общественном мнении

Индекс локализации проблем (разность между индексами индивидуально-го и социального оптимизма) составил в августе 0,27 (см. рис. 8). Это указывает на преобладание среди россиян позиции, что они перенесут возможные трудности лучше, чем большинство их соотечественников. Чаще всего в России и в других странах значение этого индекса положительное [Кесельман, Мацкевич, 1998; Звоновский, Мацкевич, 2009]. Исключения составляют периоды сильной социальной дезинтеграции, когда информация о жизни других социальных групп с большим трудом поступает тем, кто не является их членом. Пример тому — кризис 80-х годов прошлого века в СССР, когда советские люди не верили в собственные перспективы, но верили в будущее «страны победившего социализма», поскольку обмен информацией в условиях информационно закрытого общества был сильно затруднен. Как отмечала Л. М. Алексеева, «главным тормозом самопознания общества оказалась его неосведомленность о самом себе, поскольку средства обмена идеями и информацией были полностью монополизированы государством» [Алексеева, 2016: 6].

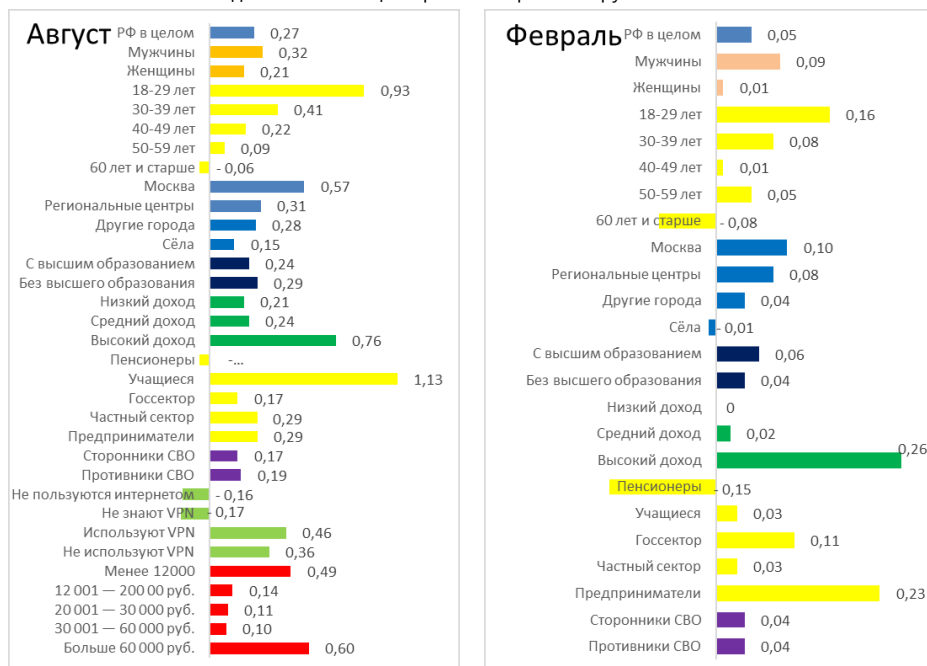
Значение индекса локализации проблем у женщин ниже (0,21), чем у мужчин (0,32). То есть мужчины несколько чаще женщин полагают, что они будут жить лучше большинства соотечественников. Напомним, что индекс индивидуального оптимизма среди мужчин и женщин отличается незначимо, то есть именно усвоенная, прежде всего из средств массовой коммуникации, информация убеждает женщин, что большинство их соотечественников живет лучше них.

Чем моложе россиянин, тем дальше он размещает себя от зоны неблагополучия, оценивая свои жизненные перспективы выше по сравнению с перспективами других. Самые старшие респонденты, напротив, оказались единственной группой, полагающей собственные перспективы хуже перспектив россиян в целом (см. рис. 8). Это несмотря на то, что уже произошедшие изменения собственного материального положения люди пенсионного возраста оценивают оптимистичнее других.

Индекс локализации проблем у москвичей существенно выше, чем у сельчан (0,57 и 0,15 соответственно), что отражает сложившиеся представления о территориальной иерархии в российском обществе (см. рис. 8). В центре социальной пирамиды Москва, на периферии — сёла. Этот стереотип массового сознания воспроизведен в ответах респондентов.

Занятые в частной экономике (сами предприниматели и их сотрудники — по 0,29), полагают, что справятся с текущими проблемами лучше, чем общество в целом. Покинувшие же рынок труда неработающие пенсионеры (–0,07) уверены в обратном. «Бюджетники» здесь занимают промежуточную позицию (0,17). Обладатели высоких доходов вполне обоснованно более уверены в своем будущем, чем в будущем большинства соотечественников (0,76) (см. рис. 8). Высшее образование и отношение к российско-украинскому конфликту не являются значимыми дифференцирующими факторами.

Рис. 8. Индекс локализации проблем в разных группах населения РФ

Если сравнить августовские значения индекса локализации проблем с аналогичными показателями февраля 2022 г. (см. рис. 8), то при общей схожести структуры можно увидеть два важных отличия. Во-первых, в феврале жители столицы практически не отличались от жителей других типов населенных пунктов. Они также близко располагали себя к среднему россиянину. Через полгода локализация вернулась к обычной картине. Во-вторых, в феврале дифференциация рассматриваемого индекса между группами была выражена слабее. Вероятно, рутинизация конфликта вернула на прежний уровень пошатнувшееся в восприятии россиян состояние социальной структуры, в центре которой мужчины, жители крупных городов, обладатели высоких доходов, занятые в частном секторе экономики.

Заключительные положения и выводы

Относительно динамики рассматриваемых показателей можно прийти к выводу о снижении масштаба негативных прогнозов с уровня ожиданий экономических проблем до уровня умеренно стабильного преобладания пессимизма над оптимизмом. С февраля по август 2022 г. оценки изменения собственного материального положения и материального положения россиян в целом снизились под влиянием кризисных изменений — первая гипотеза подтвердилась. Россияне смотрят в будущее с тревогой, но уровень их пессимизма различен. Перспективы собственного материального положения кажутся им хотя и не слишком радостными, но все же значительно более благополучными, чем финансовые перспективы большинства соотечественников.

Значение индекса индивидуального оптимизма, напротив, выросло в 2,5 раза, но все же остается меньше 1. То есть по сравнению со временем начала российско-украинского конфликта к августу 2022 г. респонденты стали оптимистичнее оценивать свои финансовые перспективы, однако пессимизм в этих оценках все равно преобладает над оптимизмом. По-видимому, шок первых дней военных действий сменился рутинизацией восприятия собственных финансовых перспектив, которые не кажутся столь ужасными, как в период ожидания экономического краха. Динамика индекса социального оптимизма такая же: он поднялся с минимума первых дней конфликта (когда число пессимистов превышало количество оптимистов в пять раз) до умеренного стабильно пессимистичного уровня. То есть если в феврале респонденты считали финансовые перспективы одинаково печальными у себя лично и у своих соотечественников, то в августе перспективы собственного материального положения воспринимались уже более оптимистично, чем будущая финансовая ситуация россиян.

Политическая позиция и способ потребления информации дифференцируют оценки произошедших и будущих изменений. Сторонники российско-украинского конфликта реже отмечают ухудшение собственного материального положения, тогда как его противники и пользователи VPN пессимистичнее оценивают произошедшие и прогнозируемые изменения, как собственные, так и в стране в целом. По-видимому, экономические трудности, вызванные политическими решениями, которые человек не поддерживает, воспринимаются им острее. Парадоксальным здесь представляется тревожный взгляд в свое будущее тех, кто не пользуется интернетом. Как верно отметил Никлас Луман, «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором мы живем, мы знаем благодаря массмедиа» [Луман, 2005: 8]. Казалось бы, информация из государственных СМИ способствует более оптимистичным взглядам на будущее, но мы не наблюдаем такого эффекта. Отчасти это объясняется преобладанием в этой группе населения пожилых людей, которые в целом смотрят в будущее с большей тревогой в кризисные периоды.

Люди с высокими доходами, хоть и отметили их снижение, но чувствуют себя явно увереннее в финансовом плане (находятся дальше всех от полюса неблагополучия), чем менее состоятельные соотечественники, которые со значительно большей тревогой смотрят в будущее. Сфера занятости тоже имеет значение: представители частного сектора экономики чаще отмечают совершившееся и будущее ухудшение своего материального положения, тогда как бюджетники в меньшей степени переживают за свои доходы и реже говорят об их снижении.

П. Бергер и Т. Лукман в своей самой известной работе писали: «Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер „реальности *sui generis*“, если использовать другой ключевой термин Дюркгейма» [Бергер, Лукман, 1995: 35]. Субъективное значение кризиса в массовом сознании россиян в целом соответствует его объективной фактичности: с одной стороны, респонденты положительно восприняли стабилизацию российской валюты и экономики в целом на фоне значительно более неблагоприятных прогнозов во время начала российско-украинского конфликта. С другой стороны, люди в целом понимают, что кризис далек до завершения и с его последствиями придется жить неопределенно долгий срок. Оснований

прогнозировать усугубление кризиса из-за массовых финансовых настроений россиян пока нет. Вероятно, в дальнейшем восприятие общественным мнением экономических изменений и российско-украинского конфликта в целом будет зависеть от того, в какой степени российским властям удастся сохранить уровень жизни населения в условиях ожидаемого усиления санкционного воздействия. Если в российской экономике произойдут резкие негативные изменения, то высока вероятность, что их восприятие общественным мнением еще сильнее усугубит ситуацию, тогда как в случае, если острых отрицательных изменений удастся избежать, есть основания предполагать, что негативные экономические последствия конфликта будут восприняты россиянами как новая экономическая реальность, к которой можно успешно адаптироваться.

Список литературы (References)

Алексашенко С.*, Буклемишев О., Вьюгин О., Гимпельсон В., Грозовский Б., Гурвич Е., Гуриев С.*, Ениколопов Р., Иццоки О., Орлова Н., Рогов К.*, Сонин К. *Застой-2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики* / под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021.

Alexashenko S. Buklemishev O., Vyugin O., Gimpelson V., Grozovsky B., Gurvich E., Guriev S., Enikolopov R., Itshoki O., Orlova N., Rogov K., Sonin K. (2021) *Stagnation-2: Consequences, Risks and Alternatives for the Russian Economy*. Moscow.: Liberal Mission. (In Russ.)

Алексеева Л. М. *История правозащитного движения в России: советский период*. М.: Московская Хельсинкская группа, 2016.

Alekseeva L. M. (2016) *History of The Human Rights Movement in Russia: The Soviet Period*. Moscow: Moscow Helsinki Group. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Lukman T. (1995) *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

Гоффе Н. В., Монусова Г. А. *Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах*. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

Goffe N. V., Monusova G. A. (2020) *Perception of Social Realities and Subjective Well-Being in Developed Countries*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)

Звоновский В. Б. *Тестирование вопросов о «материальном положении»* // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 28. С. 45—65.

Zvonovsky V. B. (2009) *Testing of Questions About the “Financial Situation”* *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No/ 28. P. 45—65. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Соловьева Ю. В., Ходыкин А. В., Азимова А. М., Кожевникова А. А., Акимов Е. С., Еловинова А. А. *Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 386—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>.

Zvonovsky V. B., Solovyova Y. V., Khodykin A. V., Asimova A. M., Kozhevnikova A. A., Akimova E. S., Elovikova A. A. (2021) Political Mobilization of the Russian Opposition on the Example of Protests in January 2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 386—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>.

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2022) Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in The Collective Perceptions of Russians About a Special Military Operation. *Sociological Studies*. No. 11. P. 38—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250021524-9>. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Мацкевич М. Г. Локализация ответственности как фактор социального поведения // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 45—57. Zvonovsky V. B., Matskevich M. G. (2009) Localization of Responsibility as a Factor of Social Behavior. *Sociological Studies*. No. 3. P. 45—57. (In Russ.)

Зубова Л., Ковалева Н. Материальное положение и оценки потребительского рынка // Экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 34—37. Zubova L., Kovaleva N. (1995) Financial Situation and Estimates of the Consumer Market. *Economic and Social Changes*. No. 1. P. 34—37. (In Russ.)

Зубова Л., Ковалева Н., Красильникова М. Динамика экономического положения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1993. № 2. С. 20—21. Zubova L., Kovaleva N., Krasilnikova M. (1993) Dynamics of the Economic Situation of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 20—21. (In Russ.)

Ибрагимова Д., Красильникова М., Николаенко С. Индекс потребительских настроений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 6. С. 36—41. Ibragimova D., Krasilnikova M., Nikolaenko S. (1996) Consumer Sentiment Index. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 36—41. (In Russ.)

Каравай А. В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>.

Karavay A. V. (2021) The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.)

Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал. 1998. № 1—2. С. 39—54.

- Keselman L. E., Matskevich M. G. (1998) Individual Economic Optimism/Pessimism in a Transforming Society *Sociological Journal*. No. 1—2. P. 39—54. (In Russ.)
- Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г., Родионова А. В. Экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе: динамика и структурная дифференциация // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2007. № 1. С. 19—25.
- Keselman L. E., Matskevich M. G., Rodionova A. V. (2007) Economic Optimism/Pessimism in a Transforming Society: Dynamics and Structural Differentiation. *The Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development*. No. 1. P. 19—25. (In Russ.)
- Красильникова М., Николаенко С. Индекс потребительских настроений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 2. С. 46—50.
- Krasilnikova M., Nikolaenko S. (1994) Consumer Sentiment Index. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 46—50. (In Russ.)
- Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
- Luhman N. (2005) *The Reality of Mass Media* Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: ACT: Khranitel. (In Russ.)
- Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16—27.
- Tikhonova N. E. (2015) Explicit and Implicit Consequences of Economic Crises for Russians. *Sociological Studies*. No. 12. P. 16—27. (In Russ.)
- Тихонова Н. Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоев населения России: 2003—2018 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 3. С. 7—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000>.
- Tikhonova N. E. (2018) Dynamics of the Socio-Economic Situation of the Mass Strata of the Russian Population: 2003—2018. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 6. No. 3. P. 7—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000>. (In Russ.)
- Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.
- Toshchenko Zh. T., Kharchenko S. V. (1996) *Social Mood*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Трынов Д. В. Социальное самочувствие как фактор политического участия молодежи: дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2022.
- Trynov D. V. (2022) *Social Well-Being as a Factor of Political Participation of Youth*. PhD Dissertation in Sociology. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
- Усова Е. Н. Социальное самочувствие: теоретико-методологические подходы к исследованию // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. № 3. С. 554—559.
- Usova E. N. (2017) Social Well-Being: Theoretical and Methodological Approaches to Research *Saratov. Scientific Medical Journal*. No. 3. P. 554—559. (In Russ.)
- Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области)

// Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 8-35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>.

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023) Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sociological Journal*. Vol. 29. No. 1. P. 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>.

Bradburn N. M. (1969) *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine.

Bradburn N. M., Caplovitz D. (1965) *Reports on Happiness*. Chicago: Aldine.

Cantril H. (1965) *The Pattern of Human Concerns*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Clark A. E. (2018) Four Decades of the Economics of Happiness: Where Next? *Review of Income and Wealth*. Vol. 64. No. 2. P. 245—269. <https://doi.org/10.1111/roiw.12369>.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Diener E., Larsen R. J., Emmons R. A. (1984) Person x Situation Interactions: Choice of Situations and Congruence Response Models. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 47. No. 3. P. 580—592. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.3.580>.

Easterlin R. A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence In: David P. A., Reeder M. W. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth*. New York, NY: Academic Press. P. 89—125. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>

Easterlin R. A. (2019) Three Revolutions of Modern Era. *Comparative Economic Studies*. Vol. 61. No. 4. P. 521—530. <https://doi.org/10.1057/s41294-019-00098-9>.

Freedman J. (1978) *Happy People: What Happiness Is, Who Has It, And Why*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.

Hoorens V. (1993) Self-enhancement and Superiority Biases in Social Comparison. *European Review of Social Psychology*. Vol. 4. No. 1. P. 113—139. <https://doi.org/10.1080/14792779343000040>.

Maslow A. H. (1970) *Motivation and Personality*. New York, NY: Harper and Row.

Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. (2008) Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: <https://clck.ru/35ZaQY> (accessed: 03.09.2023).

Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) *The Child in America*. New York, NY: Knopf.

Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. Transition Report 2016—17. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html> (accessed: 18.02.2023).

Wilkinson R., Pickett K. E. (2009) Income Inequality and Social Dysfunction. *Annual Review of Sociology*. No. 35. P. 493—511. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115926>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2398](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398)

Е. А. Назарбаева

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ: КОГО И ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ СЧИТАЮТ БЕДНЫМ?

Правильная ссылка на статью:

Назарбаева Е. А. Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 30—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398>.

For citation:

Nazarbaeva E. A. (2023) The Perception of Poverty: Who Is Poor and Why According to the Public Opinion in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 30–53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398>. (In Russ.)

Получено: 13.03.2023. Принято к публикации: 16.06.2023.

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ: КОГО И ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ СЧИТАЮТ БЕДНЫМ?

*НАЗАРБАЕВА Елена Алексеевна — научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: enazarbaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6025-3435>*

Аннотация. Тема бедности многократно оказывалась в поле зрения социальных исследований, однако большинство из них специализируются на вопросах, касающихся методики измерения, оценки уровня бедности и профилей малоимущих граждан. Значительно меньше внимания уделяется тому, что представляет собой феномен бедности в глазах населения. Цель данной работы — ответ на этот вопрос. На материалах всероссийского онлайн опроса и фокус-групп, проведенных летом 2021 г., показано, что в первую очередь бедность трактуется как нехватка денег, но зачастую воспринимается как синоним нищеты, отсутствия средств на покупку продуктов и минимально необходимой одежды и обуви. В более широком смысле бедность воспринимается как необходимость ограничивать во всем себя и своих близких, что особенно остро ощущается, когда такие ограничения затрагивают детей. Средние оценки уровня бедности в России существенно превышают данные, которые фиксирует официальная статистика. При этом при анализе причин явления на первый план выходят структурные объяснения: низкие зарплаты, пенсии, рост цен. Фиксируются и различия в описании профилей бедности: по мнению россиян, наиболее остро

THE PERCEPTION OF POVERTY: WHO IS POOR AND WHY ACCORDING TO THE PUBLIC OPINION IN RUSSIA

*Elena A. NAZARBAEVA¹ — Research Fellow, Center for Analysis of Income and Living Standards
E-MAIL: enazarbaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6025-3435>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The topic of poverty has been widely discussed in social studies, however, most of them focus on the issues concerning the methodology of poverty measurement, poverty level and poverty profile evaluation. Less attention is paid to the perception of poverty by the population. This work is aimed to fill this gap. Based on the data of nationwide online survey and set of focus-group discussions conducted in Summer 2021, the author demonstrates that the poverty is primarily interpreted as a lack of money, but is often perceived as a synonym for misery, lack of food, basic clothing, and footwear. In a broader sense poverty is seen as a necessity to limit oneself and one's closest relatives almost in everything, which is especially acute when such restrictions affect children. Average estimates of perceived poverty is significantly higher than those reported in official statistics. Among the core factors of poverty, the respondents name structural causes: low wages, pensions, and growing prices. Some differences are also observed regarding the poverty profiles. According to the survey data, the Russians see retired and disabled people as the most vulnerable groups (and these categories relatively rare fall into the poverty according to official statistics), while families with children that

проблема стоит для пенсионеров и инвалидов (которые сравнительно редко оказываются в числе малоимущих по данным статистики), в то время как семьи с детьми, отличающиеся максимальными рисками монетарной бедности с точки зрения официальной статистики, участниками исследования реже относились к этой категории.

Ключевые слова: субъективная бедность, факторы бедности, риски бедности, восприятие бедности, уровень бедности

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

Интерес к изучению бедности остается стабильно высоким. Ответ на вопрос о том, кто и почему беден, важен не только для академических исследователей, но и для решения прикладных задач по борьбе с бедностью. Проблема преодоления бедности в России по-прежнему стоит достаточно остро — об этом свидетельствует включение двукратного снижения бедности в список национальных целей развития. Изначально достижение этого показателя планировалось к 2024 г. (с 13,2% в 2017 г. до 6,6% в 2024 г.), однако в период пандемии коронавирусной инфекции срок достижения цели был отложен до 2030 г.¹

Пандемия не только внесла коррективы в возможности достижения цели по сокращению бедности, но и продемонстрировала, как представления о группах с высокими рисками бедности формируют политическую повестку. Многочисленные исследования показывают, что с наиболее высокими рисками бедности сталкиваются семьи с детьми и незанятыми трудоспособными гражданами², и именно они стали ключевыми получателями социальной поддержки в период локдауна³.

are traditionally seen as a group with the highest poverty risks by the official statistics, are less likely to be perceived as vulnerable by the population.

Keywords: subjective poverty, poverty factors, risks of poverty, poverty perception, poverty level

Acknowledgments. The article was prepared within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2022-325).

¹ См. Указ о национальных целях развития России до 2030 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 30.03.2023).

² Булкин С. Проректор ВШЭ: трудоспособные — самая многочисленная категория среди бедных. NEWS.ru. 2021. 21 июня. URL: <https://news.ru/economics/prorektor-vshe-trudospobnye-samaya-mnogochislennaya-kategoriya-sredi-bednyh/> (дата обращения: 30.03.2023).

³ Пишняк А. И., Корчагина И. И., Горина Е. А., Тер-Акопов С. А. Поддержка семей с детьми в условиях пандемии COVID-19. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 26 июня. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268429/HSE_Covid_07_2020_2_1.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

В то же время, по данным опросов, 70% населения хотели бы получать разные виды социальной поддержки, а существующие меры (за исключением выплаты детских пособий) представляются населению труднодоступными⁴. Обобщая сказанное, можно предположить, что представления населения о проблеме бедности не в полной мере совпадают с картиной, которую отражают имеющиеся данные. Как следствие, удовлетворенность мерами, ориентированными на борьбу с бедностью, также не очень высока. Помимо этого, рассогласование в представлениях населения о феномене бедности и мерах социальной поддержки (как правило, базирующихся на статистической оценке бедности государством) может способствовать росту социальной напряженности из-за того, что помощь оказывается «не тем» группам населения [Овчарова, 2012]. Это делает актуальным вопрос оценки восприятия бедности населением.

Накопленный опыт зарубежных исследований позволяет говорить о том, что население в целом слабо осведомлено о статистике, касающейся уровня бедности в стране. А восприятие причин бедности тесно связано с отношением к мерам социальной поддержки населения: те, кто полагает, что бедность является результатом поведения самих индивидов, склонны относиться к поддержке бедных более негативно [Malul, 2019]. Понимание проблемы и причин бедности (не всегда совпадающее со статистическими данными) имеют также политические деятели и сами малоимущие. Все эти представления в значительной степени разнятся. Результат опроса тех, кто ответственен за принятие политических решений, показывает, что чем выше осведомленность политиков разного уровня, тем более вероятно их положительное отношение к практикам поддержки бедных, их вовлечение в принятие политических решений и т. д. [Lahat, 2018]. Сами представители бедного населения считают, что окружающие склонны обвинять их самих в бедственном положении, не понимая с какими проблемами они сталкиваются и полагая, что на помощь тратятся налоги тех, кто исправно работает. Малоимущие считают, что их стигматизируют как лентяев, безответственных, ищущих легкой жизни [Reutter, Stewart, Veenstra, 2009].

В России имеется значительный опыт построения профилей бедности [Слободенюк, 2013; Овчарова и др., 2014; Пасовец, 2015; Малева, Гришина, Бурдяк, 2020; Пишняк и др., 2021]⁵, существуют и оценки представлений населения о том, что такое бедность и каковы ее причины [Леконцев, 2016; Мареева, Тихонова, 2016]⁶. Значительно реже затрагиваются исследователями вопросы о том, какова доля малоимущего населения в представлениях россиян.

Целью этой работы стало изучение воспринимаемого уровня бедности, ее причин и особенностей на данных опросов населения. Первый раздел текста содержит краткий обзор работ, посвященных проблеме бедности и ее восприятию на-

⁴ Соцподдержка во время пандемии: гражданам не хватает защиты. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. 2020. 18 декабря. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/426735668.html> (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ Наряду с академическими исследованиями данные о профилях и рисках бедности содержат регулярно актуализируемые сборники Росстата, например, Социальное положение и уровень жизни населения России, Российский статистический ежегодник.

⁶ Тихонова Н. Е. Российская бедность: масштабы, причины, перспективы // Индекс. 2005. № 21. URL: <http://index.org.ru/journal/21/tihon21.html> (дата обращения: 28.02.2023).

селением. Последующие его части посвящены анализу эмпирических данных и структурированы в соответствии с задачами исследования: анализ того, как россияне воспринимают бедность, оценка уровня бедности по мнению населения и изучение причин бедности.

Опыт изучения представлений о бедности

Обращаясь к опыту изучения представлений о бедности, стоит в первую очередь отметить неоднородность подходов к решению этой задачи. Все оценки представлений о бедности можно разделить на две категории. Первая рассматривает бедность как феномен, пытаясь зафиксировать, в чем «суть» проблемы бедности и какова доля бедных в стране по оценкам ее жителей. Вторая реализуется в рамках субъективного подхода к анализу бедности (выделяемого наряду с абсолютным и относительным, монетарным и немонетарным подходами (см. например, [Овчарова, 2009; Овчарова, 2012]) и комплексными оценками бедности [Alkire, Foster, 2011]), в этом случае в фокусе исследований оказывается вопрос, каким должен быть доход человека или семьи, чтобы считать их бедными. Отметим также, что в ряде работ и первый подход включается в категорию субъективных оценок бедности.

Апелляция экспертов к оценкам бедности, полученным на основании восприятия проблемы населением, не является распространенной практикой ни в России, ни за рубежом, однако некоторые наработки в данной сфере существуют. Результаты опубликованного в 2022 г. Экономическим и социальным советом ООН обзора показывают, что несмотря на то, что большинство стран фокусируются на анализе объективных показателей бедности, в отдельных случаях задаются также вопросы, касающиеся субъективной бедности⁷. Одним из немногих примеров исследований, где затрагиваются вопросы о восприятии бедности в стране, стал Евробарометр 355 «Бедность и социальная эксклюзия». В 2010 г. около четверти участников исследования (которыми стали жители 27 стран ЕС) указывали⁸, что бедные — это те, чьи ресурсы так ограничены, что они не могут в полной мере участвовать в общественной жизни (26%), почти столько же отнесли к бедным людей, зависящих от благотворительных и государственных выплат (24%). При этом 76% полагали, что бедность в их стране широко распространена (22% отметили, что не распространена, остальные затруднились с ответом). В оценках доли бедного населения европейцы в 2010 г. не демонстрировали единодушия: 23% полагали, что беден каждый третий, 28% — каждый пятый, 22% — каждый

⁷ Economic and Social Council UN (2022) In-Depth Review of Subjective Poverty Measures. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-04/ECE_CES_2022_9-2204786E.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

⁸ Закрытый вопрос «Существуют различные способы определения того, какие люди являются бедными в (нашей стране). Какое из приведенных ниже высказываний в наибольшей степени совпадает с Вашим представлением о том, кто такие бедные?». Респонденту предлагалась карточка с четырьмя высказываниями: Их ресурсы настолько ограничены, что они не могут полноценно участвовать в жизни общества, в котором живут; Их доходы ниже (значения линии бедности в стране) в месяц; Они имеют низкий социальный статус в обществе, вне зависимости от имеющихся у них ресурсов; Они зависят от помощи благотворителей и выплат от государства. На карточке не представлены, но могут быть отмечены в случае спонтанного упоминания респондентом ответы: «Они не могут позволить себе базовые товары, которые нужны им для жизни», «Другое», «Невозможно определить бедность только одним высказыванием», «Затрудняюсь ответить».

десятый⁹. В то же время, по данным Евростата в 2011 г. (с этого года данные доступны на сайте агентства), к имеющим риски бедности (располагаемый доход ниже 60 % медианного дохода населения) относились 16,8 % жителей упомянутых 27 стран ЕС¹⁰.

Единственная страна, где сегодня проводится анализ бедности как социального феномена (по сути, задаются вопросы о доле бедных в стране, причинах бедности и пр.), — Польша¹¹. В 2018 г. в рамках исследования социальной сплоченности, охватывающего население в возрасте от 16 лет и старше, национальная статистическая служба задавала вопрос о том, какова доля бедного населения в стране. Почти треть жителей страны на этот вопрос ответить затруднились (29,5 %), больше всего оценок оказались в диапазоне от 26 % до 30 % (такие ответы дали 14 % респондентов) и от 16 % до 20 % (такие ответы дали 13 %). Оценки Евростата за тот же период относили к бедным (имеющим доходы ниже 60 % медианного дохода населения) 14,8 % жителей страны. При этом 45 % жителей Польши полагали, что они знают кого-либо, кого можно назвать бедным¹².

В контексте восприятия бедности россиянами внимания заслуживают также результаты опроса ВЦИОМ, согласно которым в 2015 г. 41 % населения в возрасте от 18 лет и старше указывали, что бедных в нашей стране за последние 5 лет стало значительно больше, еще 25 % указали, что их стало немного больше. Стоит отметить, что оценки населения не слишком изменчивы в разные кризисные периоды, в 1990 г. доля таких ответов составляла 39 % и 21 % соответственно. При этом подавляющее большинство россиян отметили, что в их жизни были периоды, когда они ощущали себя бедными (только 27 % указали, что такого периода в жизни не было, 5 % затруднились ответить). Наиболее часто участники исследования говорили, что ощущали себя бедными всегда (15 %) или в первые годы самостоятельной жизни (15 %)¹³.

В целом же в российских и зарубежных исследованиях редко встречаются оценки того, какова доля бедных в окружении респондентов, большой опыт накоплен в части поиска субъективной линии бедности. Авторы¹⁴ разделяют попытки выстроить «объективные» субъективные линии бедности и полностью субъективные подходы. В первом случае респонденту предлагается отметить, при каком уровне дохода он будет оценивать свое положение как очень плохое, плохое и так да-

⁹ European Commission (2010) Poverty and Social Exclusion. Eurobarometer 355 Report. URL: https://www.drugsandalcohol.ie/14534/1/poverty_in_eu_ebs_355_en1.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁰ At Risk of Poverty Rate. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TESPM010/default/table?lang=en&category=es.tespm> (дата обращения: 05.06.2023).

¹¹ Economic and Social Council UN (2022) In-Depth Review of Subjective Poverty Measures. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-04/ECE_CES_2022_9-2204786E.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

¹² Bieńkuńska A., Piasecki T., Marciniak G. (2019) Poverty and Income Inequality in Poland — Objective Measures and Social Perception. Special IARIW-HSE Conference «Experiences and Future Challenges in Measuring Income and Wealth in CIS Countries and Eastern Europe», Moscow, Russia, September 17—18, 2019. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/10/04/1541833846/Poverty%20and%20Income%20Inequality.pdf?ysclid=le40pdu5is831999286> (дата обращения: 28.02.2023).

¹³ Бедность не порок? // ВЦИОМ. 2015. 2 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-ne-porok?ysclid=leprf5hyds288298359> (дата обращения: 28.02.2023)

¹⁴ Bieńkuńska A., Piasecki T. Subjective Poverty Lines Based on the Eu-Silc. Unece Expert Meeting on Measuring Poverty and Inequality, Vienna, 29—30 November 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2018/mtg1/Presentation_EmergingII_Poland1.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

лее до очень хорошего («Leyden poverty line»¹⁵), либо указать одну величину дохода, при которой человек будет считать, что ему тяжело сводить концы с концами («Subjective poverty line»). В рамках полностью субъективных подходов респонденту предлагается самому отнести себя к бедным или не бедным или ответить на вопрос, насколько сложно ему «сводить концы с концами» [Kuivalainen, 2014].

Данные российских массовых опросов в какой-то степени позволяют судить о том, какими видят критерии бедности россияне. Так, в начале 1990-х годов субъективная линия бедности оказывалась значительно выше линии бедности, установленной на уровне прожиточного минимума, однако разрыв между ними в период с 1993 по 1996 г. сокращался [Milanovic, Jovanovic, 1999]. Более поздние оценки показывают сохраняющееся превышение субъективной линии бедности над официальной: в 2014 г., по данным «Левада-Центра»*¹⁶, в среднем россияне полагали, что семья является бедной, если ее представители имеют среднедушевой доход в размере 9,8 тыс. рублей в месяц или менее, к 2019 г. этот показатель увеличился до 12,5 тыс. рублей¹⁷. По данным Росстата, на 2019 г. величина прожиточного минимума для населения в целом по России составляла 10,9 тыс. рублей.

В более ранних работах фиксируется неоднородность представлений о линии бедности в различных социально-демографических группах. Исследователи отмечают рост притязаний с увеличением размера населенного пункта и с увеличением количества занятых в домохозяйстве, а также отмечают, что пенсионеры склонны «устанавливать» линию бедности на более низком уровне [Ниворожкина, Овчарова, 2006].

Завершая обзор работ, посвященных восприятию бедности населением, формулируем гипотезы, которые позднее проверим на имеющихся данных. Во-первых, опыт зарубежных исследований позволяет предположить, что не существует консенсуса в определении того, что считать бедностью. Во-вторых, можно ожидать, что воспринимаемый уровень бедности будет превышать официальные оценки бедности, сделанные Росстатом за тот же период.

Опыт изучения представлений населения о причинах бедности

В контексте анализа восприятия бедности важным представляется не только вопрос о том, что она собой представляет, но и что толкает людей к этому состоянию. Основоположителем подхода к изучению различных причин бедности стал Дж. Фейгин. Он показал, что в соответствии с мнениями населения, их можно разделить на три укрупненные категории: индивидуалистические причины, социальные (в ряде случаев их называют структурными) и фаталистические (объясняемые удачей или неудачами) [Feagin, 1972]. Более поздние исследования несколько модифицируют данную типологию, однако берут ее в качестве отправной

¹⁵ Подробнее о Лейденской линии бедности см. [Goedhart et al., 1977].

¹⁶ Здесь и далее * означает российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранный агент».

¹⁷ Караева О., Гончаров С. (2019) Граница бедности и «нормального» уровня жизни в восприятии россиян. Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/30/granitsa-bednosti-i-normalnogo-urovnya-zhizni-v-vospriyatii-rossiyan/> (дата обращения: 28.02.2023).

точки и разделяют индивидуалистические причины на связанные с поведением индивида (лень, аморальное поведение и пр.) и с фаталистическими причинами (такими как невезение). Аналогичным образом делятся социетальные причины: связанные с поведением других индивидов (бедные подвергаются нападкам других, становятся жертвами социальной несправедливости) и фаталистические (неконтролируемые результаты развития общества) [Van Oorschot, Halman, 2000].

Существуют примеры применения аналогичной типологии для оценки восприятия причин бедности жителями европейских стран. Опираясь на данные Евробарометра-2007, авторы выделили кластеры на индивидуальном и страновом уровне в зависимости от ответов на вопросы о причинах бедности. Было показано, что жители наиболее развитых стран (Дании, Швеции, Нидерландов) более склонны объяснять попадание в бедность индивидуалистическими и фаталистическими факторами, жители Центральной и Западной Европы дают более разнородные ответы, однако в целом чаще апеллируют к социетальным причинам [Da Costa, Dias, 2013].

Несмотря на то, что типология причин была разработана достаточно давно, она не потеряла своей актуальности. В 2022 г. в опросе турецкого населения также применялось деление причин бедности на фаталистические, структурные и индивидуалистические. Исследование показало, что большинство жителей Турции считают причиной бедности доходное неравенство. Такое преобладание восприятия причин бедности как следствия особенностей социальной структуры способствует большей лояльности к развитию социальной поддержки в стране. Те, кто имеет высшее образование, более склонны делать акцент на структурных причинах, в то время как те, кто не имеет высшего образования, склонны к фаталистическому подходу [Özpinar, Akdede, 2022].

Российские исследователи также не оставляют тему причин бедности без внимания. С начала 2000-х годов был отмечен переход от фокуса на структурных причинах бедности (безработицы, задержки заработной платы, недостаточности социальных выплат) к акценту на индивидуальных причинах. Согласно результатам опроса, в 2015 г. в пятерку самых часто упоминаемых причин бедности вошли алкоголизм и наркомания (39%), болезнь, инвалидность (35%), длительная безработица (31%), лень, непригодность к жизни (31%, в 2003 г. об этом факторе говорили 22%), семейные неурядицы, несчастья (29%) [Мареева, Тихонова, 2016].

Некоторое представление о соотношении доли тех, кто видит определяющую роль в структурных причинах попадания в бедность, и тех, кто делает акцент на индивидуальных, позволяют данные всероссийского телефонного опроса 2020 г.¹⁸ Отвечая на вопрос «Одни считают, что в большинстве случаев человек может преодолеть бедность, существенно улучшить свое благосостояние, если по-настоящему этого хочет. Другие считают, что даже при большом желании в большинстве случаев у бедных нет возможности существенно улучшить свое благосостояние. А какая точка зрения ближе вам?», более половины россиян переложили ответственность на самих бедных: 52% указали, что в большинстве случаев человек может преодолеть бедность, 40% указали, что у бедных нет такой возможности (еще 8% затруднились ответить). При этом более половины тех, кто считал себя

¹⁸ Бедность. О причинах бедности. Представления о возможности ее преодолеть // ФОМ. 2020. 11 декабря. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14512?ysclid=lm63a6tloi936641740> (дата обращения: 04.09.2023).

бедным на момент опроса, указали, что через 3—5 лет они не смогут повысить свое благосостояние и будут жить так же бедно¹⁹.

Таким образом, опираясь на результаты предшествующих исследований, можно ожидать, что россияне более склонны объяснять попадание в бедность поведением самих бедных, нежели внешними факторами.

Эмпирическая основа исследования

Эмпирической базой исследования являются данные, собранные летом 2021 г. посредством фокус-групп и онлайн-опроса.

Фокус-группы были проведены онлайн в Воронеже и Нижнем Новгороде, в каждой принимали участие по 5 человек, общее количество фокус-групп — 6. Выбор населенных пунктов для проведения качественного этапа исследования позволил посмотреть на ситуацию в типичных городах относительно благополучных регионов: по данным Росстата, на 2021 г. доля бедных в Воронежской области составляла 7,9%, в Нижегородской области — 8,4% (по России в целом — 11,0%). Фокус на городском населении обусловлен большими возможностями для проведения онлайн-дискуссий в период локдауна. Критериями отбора участников исследования выступал уровень дохода (участниками четырех фокус-групп были люди с низким и ниже среднего доходом, участники двух фокус-групп — со средним доходом). Помимо этого, отбор участников фокус-групп проводился так, чтобы обеспечить представленность среди участников тех, кто имеет социально-демографические характеристики, которые зачастую отличают бедное население: наличие детей, отсутствие занятости или частичная занятость, проживание в семьях с пенсионерами. Материалы качественной части исследования позволили сформулировать гипотезы и разработать анкету количественного опроса.

Онлайн-опрос был проведен в формате самозаполнения онлайн-анкеты (CAWI). Приглашение к участию в опросе распространялось среди участников потребительской онлайн-панели ОМИ²⁰. В силу того, что в онлайн-панели ограничен доступ к тем группам населения, для которых уровень использования интернетом низок, из обследования исключены респонденты в возрасте до 18 и от 65 лет. Кроме того, из-за плохой представленности в онлайн-панели жителей малых городов (до 100 тыс. чел.), ПГТ и сел, эти категории также не включены в обследование. Объем выборки составил 5 тыс. человек. Выборка репрезентирует городское население, имеющее доступ к сети Интернет по половозрастной структуре, федеральному округу проживания и размеру населенного пункта проживания.

Восприятие бедности и оценка ее масштабов населением

Опираясь на результаты исследования, можно выделить две трактовки бедности: более узкую, когда она отождествляется с нищетой, и более широкую, при которой бедность понимается как низкий уровень доходов.

В первом случае участники фокус-групп описывали бедных как тех, у кого не хватает денег на еду, кто плохо одевается, «просит милостыню», «побирается на помойках»:

¹⁹ Там же.

²⁰ См. URL: <https://www.omirussia.ru/solution/online-panel/> (дата обращения: 30.09.2023).

В моем окружении совсем бедных, когда на кусок хлеба не хватает, нет. Я так понимаю, что бедность, это когда на каждый день нет денег, чтобы купить покушать, я не говорю про праздничный стол, а хотя бы поесть. Нечего покушать, нечего надеть, самое основное, когда холодно. (Воронеж, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Понятно, что им не хватает на еду, лекарства, только на квартиру и поесть. В принципе, у меня есть такие знакомые, им постоянно чего-то не хватает, им постоянно приходится помогать, отдавать что-то. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

С этим во многом согласуются результаты количественного опроса — его участников просили написать, какие ассоциации у них возникают, когда они слышат о бедных. Ответы были закодированы (разбиты на укрупненные смысловые группы — см. рис. 1). Анализ полученных категорий показывает, что чаще всего, отвечая на этот вопрос, респонденты пытались дать определение бедности: 21 % описали ее как ограниченные возможности потребления (в первую очередь в сфере питания, голод, невозможность покупки одежды, обуви, базовых товаров и получения платных услуг), 16 % — как нехватку денег²¹. На третьем месте по доле упоминаний находятся различные эмоции, которые россияне испытывают, когда слышат о бедности (15 %), наиболее часто говорят о жалости и сострадании к бедным, сочувствии, а также злобе, вызываемой самим наличием бедных и проблемы бедности. Во многих случаях участники опроса говорили, что бедность у них ассоциируется с нищетой (12 %).

Каждый десятый участник исследования говорил об ассоциациях, связанных с причинами бедности. В ответах воспроизводятся те же сюжеты, что были освещены в зарубежных исследованиях: к числу индивидуалистических причин в первую очередь можно отнести нежелание работать и лень, к числу фаталистических — невезение, трагедии, к числу социетальных — несправедливость, коррупцию, нехватку рабочих мест, низкие зарплаты и пр. Еще 8 % россиян говорили о бедности с позиций описания портрета малоимущих. Менее популярны мнения о том, что бедным надо помогать (5 %). Стоит также отметить, что по 1 % участников исследования указали, что с бедностью ассоциируется их собственное положение, и что бедных в России много.

Если уходить от самых крайних трактовок бедности к более широкому ее пониманию, то в наиболее общем виде ее можно определить как невозможность баловать себя, купить что-то ради удовольствия.

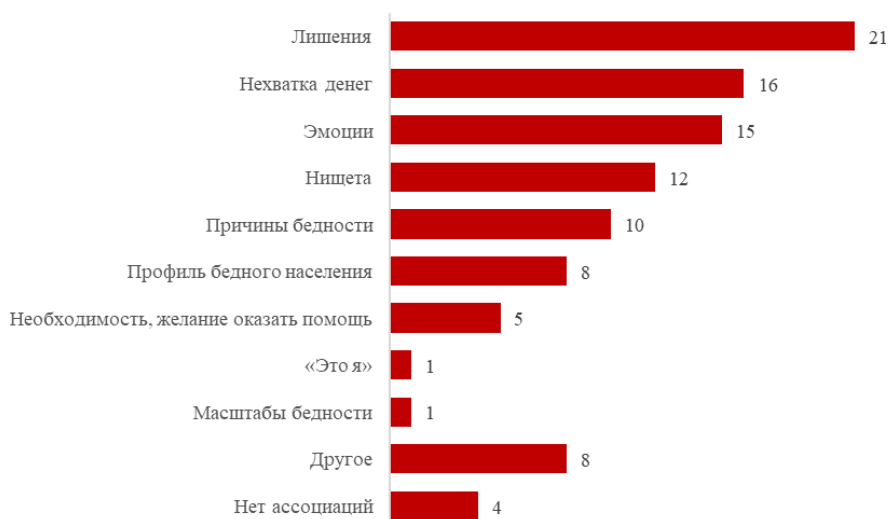
Мне не хватает на отдых, на ту еду, которую я хочу, на ту одежду, которую я хочу. Ребенку мне не хватает на ту технику, какую я хочу. Все требует замены, те же самые теле-

²¹ Каждому респонденту присваивался только один код. Если ответ содержал несколько различающихся ассоциаций, присваивался код, соответствующей первой из них. При этом необходимо отметить, что границы между кодами довольно размыты: так, участники исследования достаточно часто описывали бедность как нехватку денег на еду (описывая бедность одновременно через монетарные критерии и через лишения), в таких случаях высказыванию присваивался код «нехватка денег».

фоны и т. д. Это все уже за рамками возможностей. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Наверное, я себя отношу к бедным людям, если глобально брать в рамках того, что я уже сказал, и в рамках того, что тут уже фигурировали какие-то суммы. Наверное, к бедным людям. <...> Я не могу себе позволить то, что я хочу, во многих областях, начиная от еды, заканчивая отдыхом. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что вам первое приходит на ум, когда мы говорим о бедных?», по укрупненным категориям, %

Источник: данные количественного опроса.

Ограничения в целом воспринимаются участниками исследования негативно, но наиболее чувствительными для россиян можно назвать проявления бедности, при которых им приходится ограничивать не только себя, но и детей:

Конечно, дети много оттягивают денежных средств, потому что хочется, чтобы твой ребенок был не хуже, в рамках разумного, конечно. Не так, что есть нечего, а я куплю тебе iPhone 11, 12 или какой там сейчас выходит. Конечно, нет. Но все равно. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Если ты хочешь, чтобы твой ребенок сейчас не был оторван от основного коллектива, где что-то покупается, дети чем-то хвастаются перед друг другом, ходят в каких-то современных вещах. Если не хочешь, чтобы он был белой вороной, то ты тоже должен

подтягиваться, так или иначе, до этого уровня. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Разные трактовки понятия «бедность» находят отражение и в языке. Категорию населения, сталкивающуюся с проблемой низких доходов, но не находящуюся на самом «социальном дне», описывают словами «низкодоходный», «малоимущий», «нуждающийся»:

Бедность и нуждаемость — это разные вещи. Нуждающихся у нас много, и не факт, что это человек, который сидит без денег. Нуждаются, у всех ведь свои потребности. Тут сложно разграничить. А бедные — это те, кому доходы не позволяют что-то покупать. (Воронеж, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Когда ты хотя бы можешь пойти в магазин и купить хлеб и молоко, это ты еще малоимущий. Я не говорю про одежду. Когда у тебя нет денег, порой купить еду, для меня это бедный. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Стоит отметить, что здесь прослеживается тенденция, зафиксированная в рамках проведенных ранее исследований: предлагаемое в рамках опросов ВЦИОМ и «Левада-Центра»* различие между границей бедности и величиной прожиточного минимума позволяло говорить о том, что последний оценивается выше и ассоциируется не с выживанием, а с существованием на «минимально приемлемых социально сложившихся условиях» [Красильникова, 2005: 38]. Как и ранее, именно бедность воспринимается как наиболее тяжелое положение на грани выживания.

Несмотря на то, что в оценках населения звучит, скорее, понимание проблем бедных и сочувствие к ним, признать самих себя относящимися к этой категории участники исследования, имеющие низкие доходы, не готовы. Они рассказывают, как стремятся замаскировать свое плохое финансовое положение, показать окружающим, что у них все в порядке:

Я сейчас говорю, да, мы бедные, а так я стесняюсь об этом сказать. Мне неудобно говорить, я несчастная, многодетная. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

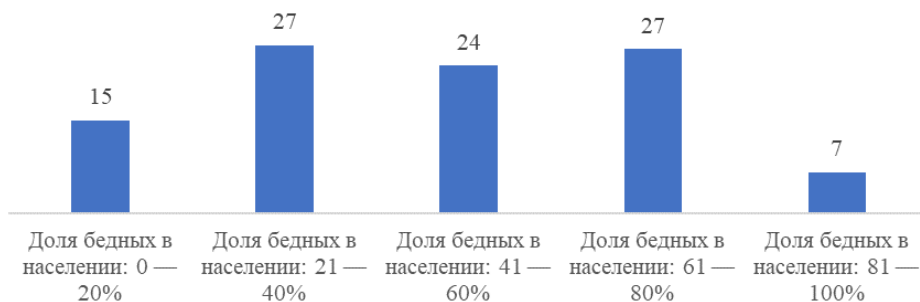
Я стараюсь работать, я работаю промоутером, желательно в кухне, чтобы моя физиономия не светилась там. Не дай бог, знакомые увидят, что я за 180 рублей стою раздаю листовки. Мне неловко. Меня знакомый может попросить, пойдём, кофе попьём, а кофе стоит 100 рублей. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Определив категорию бедных, можно оценить ее долю в населении страны. Полученные в рамках количественного опроса оценки значительно превышают данные государственной статистики и подтверждают выдвинутую выше гипотезу:

в среднем представители интернет-аудитории полагают, что малоимущие составляют половину населения страны. Напомним, что официальная статистика относилась к этой категории 13% россиян на момент опроса.

При этом оценки, данные участниками исследования, весьма разнородны (см. рис. 2).

Рис. 2. Доля малоимущих в России по оценкам населения, %

Источник: данные количественного опроса, вопрос «Как вам кажется, сколько примерно бедных в России — какой процент населения они составляют?»

Примечательно, что как на фокус-группах, так и в рамках количественного опроса наблюдается рассогласование ответов респондентов на вопрос о доле бедных в стране и доле бедных в их окружении (выше мы видели аналогичные результаты на примере исследования в Польше). Хотя в среднем россияне считают, что половина населения страны живет за чертой бедности, 29% указывают, что в их окружении бедных нет совсем, еще 42% говорят, что есть несколько семей. О том, что таких семей среди их знакомых около половины, заявили 19% опрошенных. Отмечают, что почти все окружающие их семьи живут за чертой бедности, 10%.

В том, что в их восприятии бедными является значительная часть населения страны, но при этом представители этой страты практически не встречаются в их окружении, явного противоречия участники фокус-групп не увидели. Они полагают, что их окружение является более благополучным, а бедные существуют где-то еще, например в других районах города (или в других домах, но точек пересечения с ними нет):

Конкретно сейчас в моем окружении таких людей, наверное, нет, потому что я тут еще и переехал. Раньше были. Я и сам с маленького городка родом, и там в развал СССР нам нечего было кушать. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Да, у меня на улице тоже живут, у них не особо большой доход. Трое детей, они получают пособия, но по их виду, они все время в подработках, им особо ни на что не хватает. Развлечения для детей, у них на это не получается <...> Может, мы их не замечаем, потому что живем обособленно. Ты их особо не замечаешь. (Воронеж, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Вопрос об уровне бедности неразрывно связан с вопросом о том, какие критерии необходимо использовать для идентификации бедного населения. В рамках нашего исследования, как и авторы приведенных выше работ, мы задавали вопрос о минимальном уровне дохода (субъективной линии бедности). Оценивались представления о том, какой доход на человека необходим, чтобы жить нормально, и при каком доходе россияне посчитали бы себя находящимися за чертой бедности. Отвечая на вопрос о «нормальном доходе», 5% не смогли назвать конкретную сумму, в среднем указанная величина дохода составила 61 948 рублей. Представления о линии бедности гораздо скромнее, на вопрос о ней также не смогли ответить 5%, остальные в среднем говорили о доходе 21 688 рублей. Такой показатель почти в два раза превышает установленный на момент опроса прожиточный минимум (11 653 рубля на человека, установлен Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2406²²).

При этом участники фокус-групп сходятся во мнении, что установленный на момент опроса прожиточный минимум не покрывает даже необходимого минимума потребностей и вообще представляется им «оторванным от жизни»:

У нас есть продуктовая корзина. Не знаю, сейчас ее упразднили уже или нет. Уже упразднили, но она была, как факт. Какой человек прожил бы на эту продуктовую корзину? Да никакой просто не прожил бы. Понятие человека, который прожил бы, — это бомж. По-другому нельзя назвать человека, который живет на продуктовую корзину. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Наше правительство, они, конечно, молодцы. Они этот прожиточный минимум вообще с потолка взяли. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Представления о нормальном доходе увеличиваются с возрастом россиян, в то время как для минимально необходимого дохода такой зависимости не выявлено. В региональном разрезе на фоне остальных населенных пунктов выделяется Москва, где оценки нормального дохода достигли 80 105 рублей, минимального — 26 896 рублей.

Интерес представляют не только оценки уровня бедности, но и то, какие категории населения чаще остальных оказываются за чертой бедности по мнению участников исследования. Ответ на этот вопрос дает представление о том, помощи для каких групп россияне ожидают от государства в первую очередь. Перечень вариантов ответа был сформирован исходя из ответов участников фокус-групповых дискуссий, анкетный опрос позволил оценить распространенность этих представлений.

Таблица 1 показывает, что большая часть предложенных категорий так или иначе связана с бедностью в восприятии россиян. Чаще всего участники опроса указывали, что за чертой бедности оказываются бездомные граждане, что вновь возвращает нас к тесным ассоциациям бедности не просто с невысокими дохо-

²² См. URL: <http://static.government.ru/media/files/7qHRWJRnRj4kzMZ21Xl80js1XxAxKxps.pdf> (дата обращения: 04.09.2023).

дами, но с положением на грани выживания. Если же не говорить о таких случаях крайней нищеты, то лидером по доле упоминаний является категория «не имеющие работы, безработные» (75%), что вполне совпадает со статистическими данными о бедности.

Стоит отметить также, что по-прежнему распространены представления о бедности как о чем-то характерном для маргинальных групп населения: 59% россиян указали, что бедными зачастую оказываются те, кто страдает от алкогольной и наркотической зависимости. В ходе фокус-групп их участники демонстрировали сходное восприятие портрета бедных:

У меня муж волонтерил, к таким ездил, видел, что бутылки по полу разбросаны. Дети нуждаются реально в одежде, а бутылки по полу разбросаны. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Далее мы обратимся к более детальному анализу причин бедности. Однако уже на данном этапе стоит отметить ассоциацию бедности с негативным поведением — пристрастием к алкоголю (по сути — с индивидуалистическими причинами бедности).

Хотя в последние годы исследователи говорят о том, что «у бедности в России детское лицо», в сознании населения категориями с самыми высокими рисками бедности остаются пенсионеры (62%) и инвалиды (56%). С официальными оценками профиля бедности такие ответы не совпадают, однако они показывают, что бедность в глазах населения не сводится только к уровню доходов и что используемые на данный момент идентификаторы бедности не вполне позволяют выявить группы с высокими рисками бедности. Примечательно, что если, описывая бедность нарко- и алкозависимых, участники исследования демонстрируют негативное отношение, то говоря о пожилых и людях с ограниченными возможностями здоровья, россияне видят их как заложников ситуации:

К сожалению, в эту категорию для меня попадают пожилые люди — бабушки, которые стоят, пытаются продать газеты. Для меня это тоже категория бедных. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Для меня пенсионеры — это отдельная категория, которые заложники ситуации. На работу они не могут устроиться, их никто не возьмет, и они живут только на то, что имеют. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Разного рода группы с детьми упоминались в качестве рискованных оказаться за чертой бедности значительно реже. Если же россияне указывали на эти категории, то чаще всего полагали, что самые высокие риски бедности характерны для многодетных семей (39%) и одиноких родителей (37%). Наличие детей как таковое, так же как пребывание в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком, воспринимается как фактор бедности относительно редко (15% и 17% соответственно). В то же время официальная статистика свидетельствует о противоположных тенденциях: в составе малоимущих домашних хозяйств доля имею-

щих детей в возрасте до 18 лет составляла 79,9% (из них 26,5% имели трех и более детей), среди населения в целом доля семей с детьми была почти в два раза ниже (32,4%, из них многодетные — 4,1%)²³. В какой-то степени такая «переоценка» материального положения семей с детьми может объясняться особым вниманием к ним государства в период пандемии: именно семьи с детьми оказались ключевыми получателями социальных выплат, и именно они оказались в фокусе социальной защиты [Андреева и др., 2022]. В то же время в рамках фокус-групп (в особенности тех, где участие принимали имеющие детей россияне) тема высоких затрат на детей звучала неоднократно:

Потому что дети — это дорогое удовольствие. Потому что действительно сейчас обувь на детей стоит дороже, чем на взрослых. У нас есть крестники, и мы видим, сколько стоит подарок маленькому дружочку. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Стоит отметить и расхождения в восприятии роли места жительства в повышении рисков бедности. Государственная статистика демонстрирует, как увеличивается доля бедных с уменьшением размера населенного пункта. И если среди всего населения в сельской местности на 2020 г. проживало 23,8% всех домохозяйств, то среди бедных доля сельских жителей достигала 51,3%²⁴. В то же время только треть всех опрошенных назвали сельских жителей группой с высокими рисками бедности (32%).

Зафиксируем здесь еще один важный момент: описывая факторы бедности, эксперты зачастую говорят о важности образования в снижении рисков бедности, о проблемах, связанных с качеством человеческого капитала, или с низкой отдачей на него. В глазах населения эта проблема не является такой острой, что мы фиксируем как в рамках фокус-групповых дискуссий, так и в рамках количественного опроса. Только 6% участников опроса указали, что бедными оказываются те, кто не имеет высшего образования. Примечательно, что различий в восприятии этого фактора нет и в зависимости от уровня образования респондентов. Участники фокус-групп объясняли такие оценки роли образования тем, что в их окружении есть множество примеров людей с высшим образованием, сталкивающихся с проблемой низких доходов. По их мнению, это связано с более высокой важностью опыта работы, полезных связей, а также неготовностью работодателей предоставлять рабочие места молодым мамам и представителям предпенсионного возраста (примечательно, что такой границей, когда возраст служит фактором отказа в работе, воспринимается достижение 45 лет).

²³ Распределение численности малоимущих домашних хозяйств в зависимости от размера домохозяйства и наличия детей (по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах; в процентах). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F2-09_31-08-2022.doc&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 28.02.2023).

²⁴ Распределение численности малоимущих домашних хозяйств в зависимости от места проживания (по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах; в процентах). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F2-08_31-08-2022.doc&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 28.02.2023).

Таблица 1. Группы, которые по оценкам населения, чаще всего оказываются бедными, % (множественный выбор, допускаясь любое количество ответов)

Категория	Доля респондентов, отметивших категорию, %
Бездомные	81
Не имеющие работы, безработные	75
Пенсионеры	62
Люди, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости	59
Люди с инвалидностью	56
Многодетные семьи	39
Одинокое родители (матери и отцы-одиночки)	37
Люди, проживающие в сельской местности	32
Люди предпенсионного возраста	24
Женщины в декретном отпуске/отпуске по уходу за ребенком	17
Семьи с детьми (вне зависимости от их возраста и количества)	15
Молодежь	10
Люди, не имеющие высшего образования	6
Другое	2

Источник: данные количественного опроса, вопрос «Как вам кажется, какие группы населения чаще всего оказываются бедными?»

Причины бедности в восприятии населения и ожидания помощи от государства в их преодолении

Описание портретов бедных позволяет говорить о том, что приводит людей к бедности. Однако участникам опроса также предлагалось оценить, приводят ли те или иные явления к бедности в стране. Подавляющее большинство полагают, что причиной бедности в России точно или скорее являются низкие пенсии (95 %) и заработные платы (95 %), также высока доля тех, кто считает причиной бедности рост цен (94 %). Возвращаясь к описанной выше типологии, используемой в зарубежных исследованиях, можно сказать, что наше предположение, выдвинутое выше, не подтвердилось: ключевую роль россияне отводят структурным причинам бедности.

При этом по большинству перечисленных явлений доля тех, кто видит их в качестве причин бедности, превысила 50 %. Примечательно, что фаталистическое восприятие причин бедности не характерно для наших сограждан: они не склонны считать попадание в бедность чем-то случайным, не зависящим от человека: с тем, что причиной бедности может стать невезение, согласились меньше всего опрошенных (34 %), однако плохое здоровье, болезни и инвалидность являются причинами бедности по мнению 87 % россиян.

Среди индивидуалистических причин на первый план выходят алкоголизм и наркомания: о том, что они точно или скорее приводят к бедности, говорят 87 % россиян (см. рис. 3.).

Рис. 3. Восприятие причин бедности населением, %

Источник: данные количественного опроса, вопрос «На Ваш взгляд, является или нет причиной бедности в России...?»

В анкету были включены не только вопросы о причинах бедности в России, но и о событиях, которые чаще всего выталкивают людей за черту бедности. Россияне здесь последовательны в своих ответах и в качестве события, приводяще-

го к бедности, чаще всего называли потерю работы (87%). Также в топ-3 событий вошли возникновение проблем со здоровьем (79%) и обращение к кредитам и займам (70%). Здесь вновь стоит подчеркнуть, что проблема детской бедности в восприятии населения стоит не так остро: попадание в бедность с рождением ребенка связали только 14% россиян (см. табл. 2).

Потеря работы в целом воспринимается как явление, резко снижающее уровень доходов, в отдельных случаях:

Мягко выражаясь, это как упасть с Эвереста было. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Есть несколько персонажей, с которыми я периодически пересекаюсь. Они просто рядом живут. Они раньше жили достаточно обеспеченно, более-менее, но потом что-то пошло не так с работой. Люди начинают спиваться. Сейчас кто-то из них работает дворником в ТСЖ, и они там собирают бутылки, картон. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Когда участники исследования говорят о кредитах как факторах бедности, они в первую очередь имеют в виду попадание в кредитную ловушку, при которой чтобы погасить один кредит, заемщик вынужден брать новый. Однако они отмечают, что кому-то из этой ловушки удается выбраться:

Да брала, у меня было 2—3 кредита, я все перекрыла. С этого начинается бедность, это ущемление всего, отказ себе во всем. Но у меня нашлись силы, я долго закрывала. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Таблица 2. **Представления населения о событиях, которые приводят людей к бедности, % (множественный выбор, допускалось любое количество ответов)**

События	Доля респондентов, отметивших событие, %
Потеря работы	87
Возникновение проблем со здоровьем	79
Обращение к кредитам, займам	70
Катастрофы (наводнения, пожары и пр.)	60
Потеря кормильца	57
Выход на пенсию	54
Развод, расставание партнеров	17
Рождение ребенка	14
Переезд в другой населенный пункт	6
Другое	3

Источник: данные количественного опроса, вопрос «Какие из событий чаще всего приводят к тому, что люди становятся бедными?»

Обобщая, стоит отметить, что затруднительно выделить какой-либо доминирующий вид факторов попадания в бедность: наиболее часто упоминается микс из структурных, фаталистических и индивидуальных факторов.

Основные выводы

Подводя итог анализа восприятия бедности населением России, стоит отметить, что, несмотря на важность данной темы, актуальных оценок того, каким видят себе это явление россияне и какой воспринимают численность бедного населения, немного.

Результаты проведенных онлайн-фокус-групп и количественного опроса населения показывают, что основным признаком бедности можно назвать необходимость ограничивать себя и членов семьи со всем, что особенно остро ощущается, когда ограничения затрагивают не только взрослых, но и детей. Довольно часто бедность трактуется как пребывание на социальном дне, определяется как синоним нищеты, невозможность купить еду и самую простую одежду. Таким образом, можно говорить о неоднородности представлений о бедности, существование которой отмечают и авторы более ранних работ, описывая разрыв между представлениями о границе бедности и прожиточным минимумом.

О многогранности восприятия бедности говорят и ответы на открытый вопрос об ассоциациях с этим понятием. Около половины всех участников исследования связывают бедность с нехваткой денежных средств или связанной с ней нехваткой других благ. Более чем каждый десятый при этом связывает бедность с нищетой (вероятно, воспринимая их как синонимы). Наряду с этим упоминаются ассоциации с портретом бедных и причинами бедности.

Субъективная линия бедности (представления о том, при каком доходе человек будет считать себя бедным) оказывается существенно выше, чем граница, устанавливаемая официальной статистикой на уровне прожиточного минимума. Этот тренд прослеживается в России с 1990-х годов и несмотря на некоторое сближение показателей в 2000-е годы, разрыв между субъективной линией бедности и официальной ее величиной сохраняется. Наиболее высокие значения субъективной линии бедности показателя отличают жителей столицы.

Оценки численности бедного населения и представления о том, кто сегодня является бедным, существенно расходятся с тенденциями, которые фиксируют официальная статистика и исследования бедности. Участники исследования полагают, что бедными на момент опроса являлась половина населения страны (по данным статистики — 13%), при этом к категориям с самыми высокими рисками бедности были отнесены пенсионеры и инвалиды, которые довольно редко причисляются к таковым официальной статистикой (как минимум при использовании монетарных подходов). В то же время о семьях с детьми как о тех, кто часто близок к черте бедности, говорили реже.

Описывая причины бедности, участники исследования склоняются к тому, что можно назвать социетальными или структурными причинами: низкие зарплаты и пенсии, а также рост цен. Фаталистический взгляд, напротив, не распространен, реже всего россияне видят в качестве фактора бедности неудачи и невезение.

В тройку событий, которые, по мнению населения, выталкивают россиян за черту бедности, вошли потеря работы (на фокус-группах участники описывали кей-

сы, когда она приводила к злоупотреблению алкоголем), возникновение проблем со здоровьем, которые отражаются на возможностях полноценной занятости и в то же время требуют дополнительных вложений, а также обращение к кредитам и займам, затягивающее в «кредитную ловушку». Классифицируя описанные события в той же логике, что и причины бедности, можно сказать, что здесь тройку лидеров составили индивидуальные, фаталистические и структурные причины.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что сегодня существует разрыв между тенденциями в сфере бедности, фиксируемыми социальными исследователями, и тем, как видят ситуацию остальные россияне, что ставит вопрос о важности дополнения уже используемых индикаторов бедности показателями ее восприятия населением. Это позволит, с одной стороны, получить более полную картину бедности, с другой — сопоставить представления экспертов и населения о проблеме, что может снизить социальное напряжение, связанное с недостатком мер социальной поддержки, или предотвратить его возникновение.

Список литературы (References)

Андреева Е. А., Бирюкова С. С., Воронина Н. Д., Горват Е. С., Горина Е. А., Горяйнова А. Р., Карева Д. Е., Нагерняк М. А., Назарбаева Е. А., Пишняк А. И., Помазкин Д. В., Попова Д. О., Селезнева Е. В., Синявская О. В., Тер-Акопов С. А., Устинова М. А., Халина Н. В. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / Науч. ред.: Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022. Andreeva E. A., Biryukova S. S., Voronina N. D., Gorvat E. S., Gorina E. A., Goryainova A. R., Kareva D. E., Nagernyak M. A., Nazarbaeva E. A., Pishnyak A. I., Pomazkin D. V., Popova D. O., Selezneva E. V., Sinyavskaya O. V., Ter-Akopov S. A., Ustinova M. A., Khalina N. V. (2022) Social Protection in Russia: Before and After the Pandemic. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Красильникова М. Д. Доходы и потребление в условиях экономического роста // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 34—40. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/13/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-1-75-za-2005-god/>.

Krasilnikova M. D. (2005) Incomes and Consumption under the Conditions of Economic Growth. *The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions*. No. 1. P. 34—40. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/13/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-1-75-za-2005-god/>. (In Russ.)

Леконцев И. П. Бедность в России: официальная статистика и результаты социологических опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 111—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.07>.

Lekoncev I. P. (2016) Poverty in Russia: Official Figures and Results of VCIOM Public Opinion Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 111—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.07>. (In Russ.)

Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24—40. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-24-40>.

Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Y. (2020) Chronic Poverty: What Affects Its Level and Severity? *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 24—40. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-24-40>. (In Russ.)

Мареева С. В., Тихонова Н. Е., Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 37—67. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4902> (accessed: 31.08.2023).

Mareeva S., Tikhonova N. (2016) Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 2. P. 37—67. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4902> (accessed: 31.08.2023).

Ниворожкина Л. И., Овчарова Л. Н. Субъективная оценка бедности: так ли она субъективна? // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 1. С. 56—62.

Nivorozhkina L. I., Ovcharova L. N. (2006) Subjective Poverty Evaluation: Is It so Subjective? *University News. North-Caucasian region. Social Sciences Series*. No. 1. P. 56—62 (In Russ.)

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. Ovcharova L. N. (2009) Theoretical and Practical Approaches to the Poverty Level, Profile and Poverty Factors Evaluation: Russian and International Experience. Moscow: M-Studio. (In Russ.)

Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15—38. URL: https://web.archive.org/web/20140123071748/http://spero.socpol.ru/docs/N16_2012_02.pdf (дата обращения: 31.08.2023).

Ovcharova L. N. (2012) Theoretical Methodological Issues of Poverty Definition and Measurement. *SPEERO. Social Policy: Assessment. Recommendation. Reviews*. No. 16. P. 15—38. URL: https://web.archive.org/web/20140123071748/http://spero.socpol.ru/docs/N16_2012_02.pdf (accessed: 31.08.2023). (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014. URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf.

Ovcharova L. N., Biryukova S. S., Popova D. O., Vardanyan E. G. (2014) The Level and Poverty Profile in Russia: Since 1990-S to Present. Moscow: National Research University Higher School of Economics. URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf. (In Russ.)

Пасовец Ю. М. Риски бедности в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2. С. 143—160. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.2.38.9>.

Pasovets Y. M. (2015) Risks of Poverty in the Modern Russian Conditions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 2. P. 143—160. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.2.38.9>. (In Russ.)

Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А., Горяйнова А. Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>.

Pishnyak A. I., Khalina N. V., Nazarbaeva E. A., Goriainova A. R. (2021) The Level and the Profile of Persistent Poverty in Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 2. P. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Нерыночные факторы бедности в современной России и пути совершенствования социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 391—405. URL: <https://publications.hse.ru/articles/97355532> (accessed: 31.08.2023).

Slobodenyuk E. (2013). Non-market Factors of Poverty in Modern Russia and Ways to Improve Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 391—406. URL: <https://publications.hse.ru/articles/97355532> (accessed: 31.08.2023). (In Russ.)

Alkire S., Foster J. (2011) Understandings and Misunderstandings of Multidimensional Poverty Measurement. *Journal of Economic Inequalities*. No. 9. P. 289—314. <https://doi.org/10.1007/s10888-011-9181-4>.

Da Costa L. P., Dias J. G. (2014) Perceptions of Poverty Attributions in Europe: A Multilevel Mixture Model Approach. *Quality & Quantity*. No. 48. P. 1409—1419. <https://doi.org/10.1007/s11135-013-9843-3>.

Feagin J. R. (1972) Poverty: We Still Believe That God Helps Those Who Help Themselves. *Psychology Today*. Vol. 6. No. 6. P. 101—110.

Goedhart T., Halberstadt V., Kapteyn A., Praag B. M. (1977). The Poverty Line: Concept and Measurement. *Journal of Human Resources*. Vol. 12. No. 4. P. 503—520. <https://doi.org/10.2307/145372>.

Kuivalainen S. (2014) Subjective Poverty. In: Michalos A. C. (eds.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_2900.

Lahat L. (2018) The Effects of Knowledge about Poverty, Exposure to Poverty and Trust on Policymakers' Perceptions about Poverty. *Social Policy & Administration*. Vol. 52. No. 3. P. 611—630. <https://doi.org/10.1111/spol.12332>.

Malul M. (2019) Poverty and Social Policy: Perceptions Versus Reality. *Poverty & Public Policy*. Vol. 11. No. 4. P. 291—301. <https://doi.org/10.1002/pop4.261>.

Milanovic B., Jovanovic B. (1999). Changes in the Perception of the Poverty Line during the Depression in Russia, 1993—96. *The World Bank Economic Review*. Vol. 13. No. 3. P. 539—559. <https://doi.org/10.1093/wber/13.3.539>.

Özpınar Ş., Akdede S. H. (2022) Determinants of the Attribution of Poverty in Turkey: An Empirical Analysis. *Social Indicators Research*. No. 164. P. 949—967. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02988-5>.

Reutter L., Stewart M., Veenstra G., Love Rh., Raphael D., Makwarimba E. (2009) “Who Do They Think We Are, Anyway?": Perceptions of and Responses to Poverty Stigma. *Qualitative Health Research*. Vol. 19. No. 3. P. 297—311. <https://doi.org/10.1177/1049732308330246>.

Van Oorschot W., Halman L. (2000) Blame or Fate, Individual or Social? An International Comparison of Popular Explanations of Poverty. *Psychosomatic Medicine*. Vol. 2. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1080/146166900360701>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364)

А. В. Палкина, Н. Э. Соболева

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТРЕВОЖНОСТИ И ДЕПРЕССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Палкина А. В., Соболева Н. Э. Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 54—78. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364>.

For citation:

Palkina A. V., Soboleva N. E. (2023) Gender Differences in Anxiety and Depression during the COVID-19 Pandemic in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 54–78. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364>. (In Russ.)

Получено: 29.12.2022. Принято к публикации: 03.08.2023.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТРЕВОЖНОСТИ И ДЕПРЕССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИИ

ПАЛКИНА Алина Владимировна — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: alvlpalkina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9724-9109>

СОБОЛЕВА Наталья Эдуардовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nsoboleva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5171-2196>

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные различия в уровне тревожности и депрессии, вызванных пандемией COVID-19. Эмпирической основой исследования служат панельные данные международного опроса «Ценности в кризисе» по России, собранные в июне 2020 г., апреле — мае 2021 г. и ноябре — декабре 2021 г. Исследование показало, что женщины во время пандемии были более склонны переживать тревожность и депрессию, чем мужчины, что соответствует тренду, наблюдающемуся во многих странах. Динамика в этих различиях между тремя волнами не обнаружена. Отсутствие динамики, как и интерактивного эффекта между полом и факторами, связанными с пандемией (перенесение симптомов COVID-19 самим человеком или его близкими, потеря работы, необходимость сидеть с детьми и др.), может объясняться тем, что гендерные различия в ментальном здоровье россиян не являются следствием самой панде-

GENDER DIFFERENCES IN ANXIETY AND DEPRESSION DURING THE COVID-19 PANDEMIC IN RUSSIA

Alina V. PALKINA¹ — Independent Researcher
E-MAIL: alvlpalkina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9724-9109>

Natalia E. SOBOLEVA² — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the R.F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: nsoboleva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5171-2196>

¹ Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article reveals the impact of the COVID-19 crisis on gender differences in anxiety and depression. The empirical dataset is the panel data on Russia from the international research project "Values in Crisis" (ViC), conducted in June 2020, April — May 2021, and November — December 2021. The study found that women were more likely to experience anxiety and depression than men during the pandemic, which comes in line with a trend seen in many countries. No significant change was found in these differences between the three waves of the survey. The absence of the changes or of the interactive effect between gender and factors associated with the pandemic (if a person or his/her close people experienced coronavirus symptoms, job loss, the need to provide care for children, etc.) can be explained by the fact that gender differences in mental health in Russia should be seen as pre-existed rather than as consequences of the pandemic. At the same

мии, а существовали до нее. При этом влияющие на тревожность и депрессию факторы у мужчин и женщин несколько различаются. Потеря работы повышает тревожность только у мужчин. Переход на неполный рабочий день увеличивает тревожность и депрессию и у мужчин, и у женщин, но в большей степени у женщин. Возраст понижает уровень тревожности у женщин и уровень депрессии в обеих подвыборках. Исследование подтверждает необходимость учитывать гендерные различия в ментальном здоровье для разработки эффективных мер социальной политики в кризисных ситуациях.

Ключевые слова: гендер, гендерные различия, ментальное здоровье, тревожность, депрессия, пандемия, коронавирус, COVID-19, кризис, динамика тревожности, динамика депрессии

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

Стресс может оказывать негативное влияние на ментальное здоровье, вызывать тревожность и депрессию, понижать субъективное благополучие [Расказова, Леонтьев, Лебедева, 2020; Ерицян и др., 2021]. Пандемия COVID-19 стала причиной быстрого роста стресса по всему миру, включая Россию [Расказова, Леонтьев, Лебедева, 2020]. Этот кризис был самым масштабным за последнее время и, соответственно, воздействовал на ментальное здоровье значительно сильнее, чем предыдущие [García-Fernández et al., 2020]. При этом его влияние на разные социально-демографические группы было неравномерным [Özdin, Özdin, 2020].

Представляется актуальным выявление степени влияния пандемии на ментальное здоровье и факторов, которые могли бы снизить уровень стресса. Это позволило бы облегчить переживание кризисных ситуаций различными группами населения, прежде всего наиболее уязвимыми [Olaseni et al., 2020; Fortier, 2020], которым сложнее адаптироваться к кризису. К таким группам относятся мигранты

time, the factors of anxiety and depression differ in men and women. Job loss increases anxiety only in men. Moving to part-time work increases anxiety and depression in both men and women, but the effect for women is stronger. Age decreases female anxiety and depression in both subsamples. The study confirms the need to consider gender differences in mental health in order to develop effective social policy measures in crisis situations.

Keywords: gender, gender differences, mental health, anxiety, depression, pandemic, coronavirus, COVID-19, crisis, dynamics of anxiety, dynamics of depression

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

[Shadmi et al., 2020], люди с несовершеннолетними детьми [Ерицян и др., 2021], одинокие родители, пожилые [Мосолов, 2020], женщины и некоторые другие категории. Мы сосредоточимся на уязвимой группе женщин и рассмотрим гендерные различия в переживании кризиса. Женщинам чаще, чем мужчинам, приходилось сталкиваться с такими возникшими из-за пандемии проблемами, как расширение круга домашних обязанностей и рост домашнего насилия. Это явление стало называться «теневого пандемией»¹.

Влияние пандемии на различия в ментальном здоровье между социальными группами возможно выявить через наблюдение за ними в динамике. Большинство исследований, посвященных динамике тревожности и уровня депрессии во время пандемии, были проведены на ранних ее стадиях — в марте — июне 2020 г. (например, в России: [Reznik et al., 2021]; в других странах: [Zacher, Rudolph, 2021; Ausín et al., 2021; Becchetti, Conzo, 2021]). Некоторые из них показали рост депрессии и тревожности только у женщин [Ausín et al., 2021], а также снижение их удовлетворенности жизнью [Becchetti, Conzo, 2021]. Эти работы больше характеризуют конкретную ситуацию, чем говорят о длительном эффекте пандемии. Спустя два года на основе данных проекта «Ценности в кризисе» представляется возможным сравнить периоды в год и полтора, чтобы оценить более долгосрочный эффект, а также выявить условия в разных контекстах в отношении как динамики распространения вируса, так и разработки антиковидных мер и новых способов защиты (например, вакцины). Подобные данные о различиях в ментальном здоровье и положении уязвимых групп могут быть полезны при разработке мероприятий по смягчению последствий других потенциальных кризисов и сокращению неравенства.

Цель нашего исследования — выявить гендерные различия в уровне депрессии и тревожности во время пандемии COVID-19 в России и проследить их динамику с течением пандемии.

Гендерные различия в ментальном здоровье

Различия в ментальном здоровье мужчин и женщин исследовались и до пандемии [Zalta, Chambless, 2012; Faravelli et al., 2013; Hopcroft, Bradley, 2007], в том числе в России [Cockerham, Hinote, Abbott, 2006; Gafarov et al., 2021]. Существуют разные подходы к объяснению более высокого уровня депрессии и тревожности у женщин: через биологические или социальные факторы, а также объединяющие те и другие. В данной работе мы опираемся прежде всего на теории гендерных ролей, социальной структуры и распределения социальных функций [Yodanis, 2004], поскольку они объясняют не только предписания к поведению женщин как «хранительниц очага», а мужчин — как «добытчиков», но и заранее предопределенные более низкое социальное положение и статус женщин даже в рамках одной социальной сферы, например на рынке труда [Fisher, Ryan, 2021].

Притом что кризисы затрагивают все социальные группы, в этот период могут усиливаться гендерные различия. Пандемия оказала существенное влияние на ментальное здоровье населения в разных странах, что можно проследить через

¹ The Shadow Pandemic: Violence against women during COVID-19. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/in-focus-gender-equality-in-covid-19-response/violence-against-women-during-covid-19> (дата обращения: 12.06.2022).

снижение уровня общего благополучия (например, в Германии: [Zacher, Rudolph, 2021]) и рост тревожности, депрессии, а также возникновение других ментальных проблем (в Польше: [Debowska et al., 2020], в США: [Wilson et al., 2020], Кувейте: [Alsharji, 2020], Испании: [García-Fernández et al., 2020]).

Особенность кризиса, вызванного пандемией COVID-19, — комплексный характер — объясняется его влиянием на широкий спектр сфер жизни [Рассказова, Леонтьев, Лебедева, 2020; Sürücü, 2021]. Ключевой причиной для беспокойства был сам вирус — контакт с инфицированным [Reiss, Kozhevnikov, Muhr, 2020], страх заболеть самому, беспокойство о родных, быстрая скорость распространения вируса и т. д. Кроме этого, чувство незащищенности росло из-за низкой осведомленности о симптомах и последствиях вируса, способах борьбы с ним, а также из-за отсутствия вакцин и лекарств. Дополнительной причиной роста тревоги и депрессии стали принимавшиеся правительством антиковидные меры, к которым население многих стран, включая Россию, не было готово [Буркова, Каспарова, Бутовская, 2021]. Помимо медицинских рекомендаций (ношение масок, перчаток), ограничивались мобильность и социальные контакты (несколько локдаунов, социальная изоляция, закрытие границ и др.). Это привело, с одной стороны, к росту чувства одиночества [Alsharji, 2020; Witteveen, Velthorst, 2020] и снижению социального взаимодействия, усугубившим проблемы с ментальным здоровьем [Nekliudov et al., 2020], с другой — к росту безработицы и падению доходов [Singh, Roca, Li, 2021; Kolomak, 2020; Карцева, Кузнецова, 2020], увеличившим тревожность по поводу экономической ситуации (личной и в стране в целом) [Sürücü et al., 2021; Witteveena, Velthorst, 2020].

Важно, что реакция на пандемию не была одинаковой среди разных социально-демографических групп [Özdin, Özdin, 2020], в том числе среди мужчин и женщин по всему миру [Becchetti, Conzo, 2021; Wang et al., 2021; Debowska et al., 2020] (Россия не исключение, см. [Буркова, Каспарова, Бутовская, 2021]). Здесь наблюдается некоторый парадокс: хотя от коронавируса больше умерло мужчин², продолжительность жизни женщин сократилась сильнее [Aburto et al., 2022]. Кроме того, пандемия способствовала возникновению и усугублению таких проблем, связанных со структурным гендерным неравенством и гендерными стереотипами, которые в большей степени повлияли на женщин.

Во-первых, еще до пандемии в России сложилось гендерное разделение труда, при котором женщины были (и остаются) чаще заняты в наиболее пострадавших во время пандемии сферах, таких как гостиничный бизнес, общественное питание, сфера услуг³. Это поставило под удар трудовой статус женщин [Kolomak, 2020; Карцева, Кузнецова, 2020]. Они чаще теряли работу [Fisher, Ryan, 2021], что получило название «shecession»⁴. В то же время, согласно ряду исследований [Czumara, Langenkamp, Cano, 2021; Levy, Cohen-Louck, Bonny-Noach, 2021],

² Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooohran-2021.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

³ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ Caregiving in Crisis: Gender Inequality in Paid and Unpaid Work during COVID-19 // OECD. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/caregiving-in-crisis-gender-inequality-in-paid-and-unpaid-work-during-covid-19-3555d164/> (дата обращения: 09.09.2022).

потеря работы повышает уровень депрессии только у мужчин, что можно объяснить поддержкой гендерного стереотипа о мужчине как главном «добытчике» в семье, а значит, потеря работы может сильнее бить по его ментальному здоровью. Потеря работы мужчинами (и последующие психологические проблемы) может приводить к эпизодам домашнего насилия [Fisher, Ryan, 2021], что усугубляется процессом некоторой декриминализации домашнего насилия в последние годы [Соляник, 2021]. Уже спустя несколько месяцев после начала пандемии ООН и ВОЗ начали говорить о росте домашнего насилия по всему миру⁵, причем самая большая частота эпизодов была зафиксирована во время локдаунов [Andreeva, Drozhashchikh, Nelaeva, 2021]. Последние данные говорят о том, что доля женщин, погибших от домашнего насилия, значительно выросла во время пандемии. В 2020—2021 гг. 71 % женщин, умерших насильственным образом, погибли от домашнего насилия, при этом 66 % были убиты партнером⁶.

Во-вторых, тревожность женщин могла повыситься за счет того, что они чаще работают там, где неизбежен личный контакт с другими людьми (например, в магазинах, в транспорте) и, следовательно, выше риск заразиться [Fisher, Ryan, 2021]. Женщины также чаще работают как младший медицинский персонал. Согласно статистике, среди медработников 70 % женщин против 30 % мужчин по всему миру⁷. В России же 71 % квалифицированных медработников — женщины⁸.

Кроме того, поскольку именно женщины обычно берут на себя дополнительные домашние обязанности [Fodor et al., 2021; Fisher, Ryan, 2021; Sevilla, Smith, 2020; Giurge, Whillans, Yemiscigil, 2021], из-за удаленного режима работы членов семьи, а также закрытия школ и детских садов у женщин ощутимо выросла нагрузка неоплачиваемого домашнего труда [Sevilla, Smith, 2020; Pisklakova-Parker, Efanova, 2020]. Это могло приводить к снижению их продуктивности на рабочем месте и, в ряде случаев, к уходу из сферы оплачиваемой занятости [Giurge, Whillans, Yemiscigil, 2021]. Ситуация также осложнялась высоким уровнем заболеваемости среди пожилого населения⁹, что увеличило необходимость заботы о старших членах семьи, которая обычно ложится преимущественно на женщин. Кроме того, пожилые люди были вынуждены соблюдать правила самоизоляции и поэтому не могли проводить время с внуками, разгружая тем самым женщин [Fodor et al., 2021].

Некоторые авторы отмечают, что эти специфические проблемы могли повлиять на гендерные различия в ментальном здоровье и сделать их более выраженными [Cockerham, Hinote, Abbott, 2006]. Исследования, проведенные во время пандемии, показывают тот же тренд: у женщин наблюдается более высокий уро-

⁵ Joint Leaders' Statement — Violence against Children: A Hidden Crisis of the COVID-19 Pandemic // WHO. URL: <https://www.who.int/news/item/08-04-2020-joint-leader-s-statement-violence-against-children-a-hidden-crisis-of-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 20.01.2022)

⁶ Алгоритм света. URL: <https://readymag.com/algorithmsveta/2020-2021/> (дата обращения: 05.10.2022).

⁷ How COVID-19 Impacts Women and Girls // UN. URL: <https://interactive.unwomen.org/multimedia/explainer/covid19/en/index.html#portfolioModal3> (дата обращения: 05.02.2022).

⁸ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 10.06.2022).

⁹ Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. The Impact of Covid-19 on Gender Equality // Working Paper, Working Paper Series. 2020. 26947. URL: <http://www.nber.org/papers/w26947> (accessed: 22.09.2022).

вень ментальных проблем в европейских странах [Wang et al., 2021], в том числе в Великобритании [Shevlin et al., 2020], Польше [Debowska et al., 2020] и Испании [García-Fernández et al., 2020], а также в Кувейте [Alsharji, 2020] и Турции [Özdin, Özdin, 2020]. В России он был обнаружен на выборке респондентов из Москвы [Буркова, Каспарова, Бутовская, 2021]. В то же время в Китае [Hou et al., 2020] и в Нигерии [Olaseni et al., 2020] таких гендерных различий выявлено не было.

Однако гендерные различия в ментальном здоровье вполне могут быть постоянными и мало зависеть от внешних факторов. По мнению некоторых исследователей, различия в ментальном здоровье между мужчинами и женщинами, замеченные во время пандемии, могли существовать и до ее начала [Debowska et al., 2020]. Определить влияние пандемии на гендерные различия в ментальном здоровье в России представляется возможным с помощью изучения динамики уровня тревожности и депрессии в ходе пандемии. На основании этого мы сформулировали два блока конкурирующих гипотез:

H1.1: гендерные различия в уровне тревожности в России оставались стабильными на протяжении 2020—2021 гг.

H1.2: гендерные различия в уровне депрессии в России оставались стабильными на протяжении 2020—2021 гг.

H2.1: гендерные различия в уровне тревожности в России усилились на протяжении 2020—2021 гг.

H2.2: гендерные различия в уровне депрессии в России усилились на протяжении 2020—2021 гг.

Методология исследования

В работе использованы лонгитюдные данные международного проекта «Ценности в кризисе», основывающегося на опросниках «Всемирного исследования ценностей»¹⁰ и «Европейского исследования ценностей»¹¹. В первой волне проекта приняло участие 18 стран. Во всех странах была построена репрезентативная населению выборка с использованием квот по ключевым социально-демографическим признакам, респонденты были отобраны из панели случайным образом. Выборка точно воспроизводит половозрастную структуру населения России по данным переписи 2010 г., но в ней ниже доля респондентов с низким уровнем образования и проживающих в сельской местности. Для опроса использовалась стандартизированная анкета, переведенная на русский язык.

Мы привлекаем только данные по России, которые были собраны с помощью онлайн-панели OMI (Online Marketing Intelligence) в три волны: июнь 2020 г. ($N = 1527$), апрель — май 2021 г. ($N = 1199$), ноябрь — декабрь 2021 г. ($N = 1205$). Для дальнейшего анализа использовалась выборка респондентов, принявших участие во всех трех волнах ($N = 761$), среди которых 53,9 % мужчин и 46,1 % женщин.

¹⁰ Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranan B. et al. (eds.). (2020) World Values Survey: Round seven — Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. <https://doi.org/10.14281/18241.1>.

¹¹ EVS. European Values Study 2017: Integrated dataset (EVS2017). (2020) GESIS Data Archive, Cologne. ZA7500 Data file Version 4.0.0. <https://doi.org/10.4232/1.13560>.

Зависимые переменные — тревожность и депрессия — были представлены короткими версиями опросников GAD (General Anxiety Disorder scale)¹² и PHQ (Patient Health Questionnaire)¹³. Эти же переменные использовались в других исследованиях гендерных различий в уровне тревожности и депрессии во время пандемии [Hou et al., 2020; Wilson et al., 2020; Alsharji, 2020; Ausín et al., 2021].

Оба индекса измеряются с помощью одного вопроса: «Как часто Вас беспокоили следующие проблемы за последние две недели?», но включают разные проблемы, представленные в таблице 1. Индексы рассчитаны как среднее между значениями двух проблем для каждого респондента, приведены к одному минимуму и максимуму (от 0 до 1) и ранжируются в рамках семи значений.

Таблица 1. Зависимые переменные

Переменная	Шкала	Значение Альфа Кронбаха	Стандартизированный Альфа	M	SD
Тревожность (GAD-2)		0,84	0,84	1,6	0,78
1. Чувствовал себя нервно, тревожно или на взводе	1. Совсем не беспокоило 2. Несколько дней	0,81	0,73	1,7	0,88
2. Не мог остановить или контролировать беспокойство	3. Большую часть дней 4. Практически каждый день	0,66	0,73	1,5	0,79
Депрессия (PHQ-2)		0,81	0,81	1,6	0,79
1. Чувствовал себя плохо, подавленно или безнадежно	1. Совсем не беспокоило 2. Несколько дней	0,66	0,68	1,6	0,85
2. Снижился интерес или удовольствие от любимых занятий	3. Большую часть дней 4. Практически каждый день	0,70	0,68	1,6	0,87

В модели также добавлены другие независимые переменные, которые потенциально могут оказывать влияние на тревожность и депрессию.

Возраст использован как метрическая переменная и закодирован от 0 до 1. 7% выборки составляли молодые люди в возрасте 18—24 года, 18% — 25—34 года,

¹² Generalized Anxiety Disorder 2-item (GAD-2) // National HIV Curriculum. URL: <https://www.hiv.uw.edu/page/mental-health-screening/gad-2> (дата обращения: 13.04.2022).

¹³ Patient Health Questionnaire-2 (PHQ-2) // National HIV Curriculum. URL: <https://www.hiv.uw.edu/page/mental-health-screening/phq-2> (дата обращения: 13.04.2022).

19% — 35—44 года, 19% — 45—54 года, 27% — 55—64 года и 10% были старше 65 лет. В других странах связь возраста и изучаемых ментальных проблем была нелинейной [Hopcroft, Bradley, 2007; Faravelli et al., 2013], в России же была найдена линейная зависимость, но противоположная для мужчин и женщин [Gafarov et al., 2021]. В то время как мужчины с возрастом испытывали ментальные проблемы чаще, женщины старшего возраста были менее склонны переживать тревожность и депрессию. В сравнительном исследовании Москвы и Минска связь с возрастом и вовсе отсутствовала [Буркова, Каспарова, Бутовская, 2021].

Предыдущие исследования показали, что люди, не состоящие в браке, более склонны иметь проблемы с ментальным здоровьем, в том числе испытывать тревожность [Hou et al., 2020] и депрессию [Alsharji, 2020; Vecchetti, Conzo, 2021]. В нашей работе переменная семейного положения была перекодирована в бинарную, где 0 — не состоит в браке (разведены, живут отдельно от супруга/супруги, вдовец/вдова, не женаты/не замужем), а 1 — состоит в браке (женаты/замужем, живут вместе, но официально не состоят в браке). Эти категории составили 33% и 67% выборки соответственно.

Так как в основном именно женщины заботились о детях после закрытия детских садов и школ, важно было учесть и переменную необходимости заботиться о детях [Blaskó, Papadimitriou, Manca, 2020; Ausín et al., 2021; Fisher, Ryan, 2021]. В модели переменная использовалась как 0 — не пришлось, 1 — пришлось заботиться о детях. В первой волне исследования 18% ответили, что на них легла обязанность заботиться о детях, во второй и третьей волнах — 13% и 11% соответственно. Контроль на наличие детей показал, что в нашей выборке у 28% респондентов не было детей, 32% имели одного ребенка, а 41% — двух и более детей.

Исследования по другим странам также показали зависимость тревожности и депрессии во время пандемии от места проживания [Özdin, Özdin, 2020; Hou et al., 2020; Fodor et al., 2021]. Люди из больших городов более склонны к наличию ментальных проблем. Это можно объяснить разницей в плотности населения, отсутствии личного пространства и возможности изоляции. Кроме этого, в таких больших городах, как Москва [Pramanik et al., 2022], эпидемиологическая ситуация была хуже, что могло усиливать тревожность. Для модели использовалась переменная размера населенного пункта, закодированная в страты, где 0 — менее 100 тыс. человек (25% выборки; включает города с населением менее 100 тыс. человек и ПГТ / деревни / села), 0,33—100—500 тыс. (27%), 0,66—500 тыс.—1 млн (22%), 1—1 млн и крупнее (около 26% выборки).

Уровень образования по-разному может влиять на тревожность и депрессию. С одной стороны, люди с низким уровнем образования чаще теряют работу во время кризиса [Карцева, Кузнецова, 2020], что повышает уровень экономической тревожности [Hou et al., 2020]. При этом люди с высшим образованием в целом чаще страдают депрессией [Bobak et al., 2006], но реже — тревожностью [Alsharji, 2020]. Категории были закодированы как 0 — нет высшего образования, а 1 — есть (55% выборки).

В первой волне 8% ответили, что потеряли работу, во второй — 10%, в третьей — 7%. Данный фактор также был значим в других исследованиях во время пандемии, как и низкий уровень дохода [Özdin, Özdin, 2020; Shevlin et al., 2020;

Vecchetti, Conzo, 2021]. Еще 14% перешли на неполный рабочий день, 20—23% стали работать удаленно. Данные переменные (сидел(а) дома с детьми во время закрытия детских садов или школ, потерял(а) работу, перешел(а) на неполный рабочий день, работал(а) из дома) бинарные и были закодированы как 0 — не случилось, 1 — случилось.

Последним важным фактором был сам вирус, так как уже была найдена зависимость между уровнем тревожности и тем, были ли у человека инфицированные друзья или родственники [Özdin, Özdin, 2020], или фактом контакта с инфицированным [Reiss, Kozhevnikov, Muhr, 2020]. В данных было представлено несколько переменных: опыт позитивного теста, наличие слабых симптомов, наличие сильных симптомов, слабые симптомы у близких и сильные симптомы у близких. В первой волне лишь 13% каким-то образом столкнулись с вирусом (например, 1% получили положительный результат теста), поэтому была предпринята попытка включить их в модели по отдельности — ни одна переменная не показала значимости ни для тревожности, ни для депрессии. В итоговой модели использовался индекс, принимающий шесть значений от 0 до 1, где 0 — не столкнулся ни с одной проблемой, а 1 — столкнулся со всеми пятью.

Аналитическая стратегия состояла из нескольких шагов. На первом этапе мы рассмотрели описательную статистику по уровням тревожности и депрессии в России и других странах. Далее построили регрессии для каждой волны с целью оценить важность пола и других переменных в условиях разного контекста пандемии. Затем мы провели анализ панельных данных для проверки динамики уровня ментальных проблем. На последнем этапе мы построили регрессионные модели с интерактивными эффектами и отдельные регрессии для выборок мужчин и женщин, чтобы выявить гендерные различия в факторах, влияющих на уровень тревожности и депрессии.

Результаты

Исследование показало, что во время первой волны пандемии уровень тревожности и депрессии в России был значительно ниже, чем в других странах, включенных в проект. При этом во всех странах, кроме Польши, уровень тревожности и депрессии женщин превышал уровень тревожности и депрессии мужчин (см. рис. 1 и рис. 2 приложения).

Среднее значение как для тревожности, так и для депрессии было 0,19 для первых двух волн. В третьей волне — 0,22 для тревожности и 0,21 для депрессии (см. рис. 1 и рис. 2). Таким образом, уровень изучаемых ментальных проблем оставался стабильным в России на протяжении трех волн (различия статистически незначимы).

Рисунки 3 и 4 показывают динамику тревожности и депрессии в России у мужчин и женщин раздельно. Значимые различия между волнами отсутствуют среди обеих подвыборок. При этом сами гендерные различия в тревожности и депрессии сохраняются в рамках универсального тренда — в выборке женщин эти проблемы представлены больше. Среднее значение уровня тревожности и депрессии составляет 0,14 для мужчин, а для женщин — 0,25 и 0,24 соответственно.

Рис. 1. Динамика уровня тревожности во время пандемии COVID-19 в России

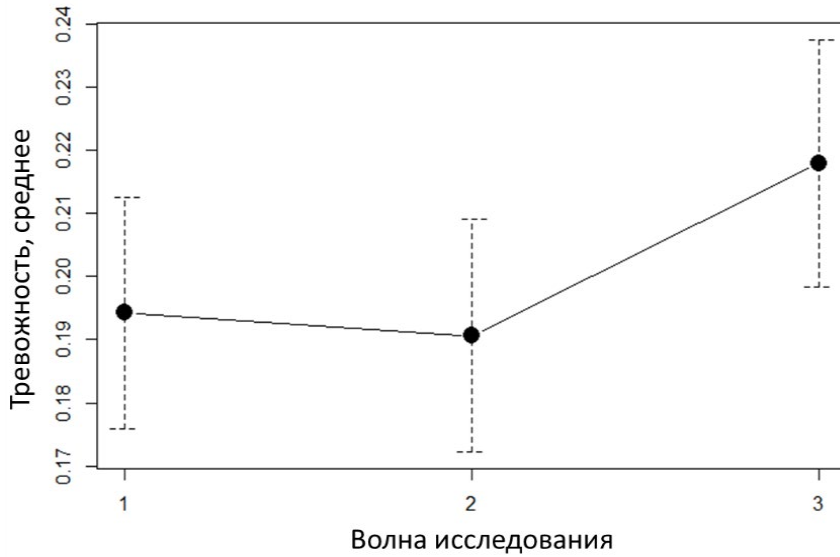

Рис. 2. Динамика уровня депрессии во время пандемии COVID-19 в России

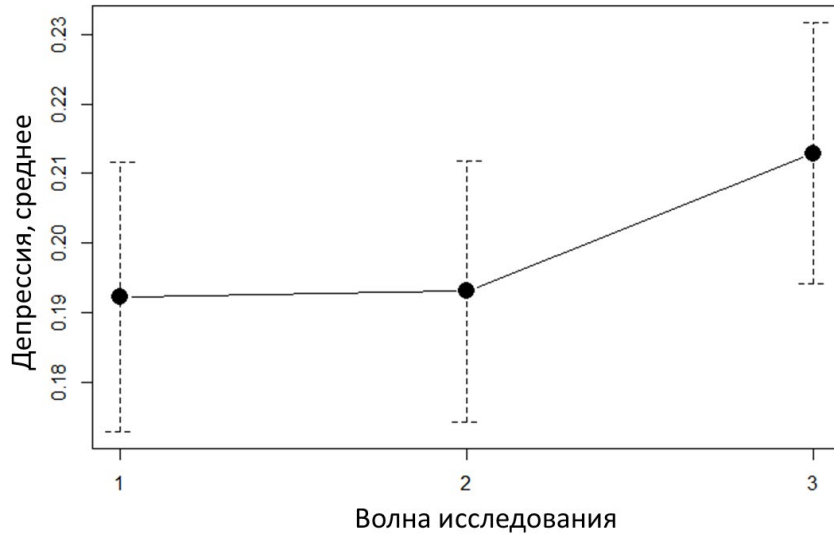

Рис. 3. Динамика уровня тревожности в выборках мужчин и женщин во время пандемии COVID-19 в России

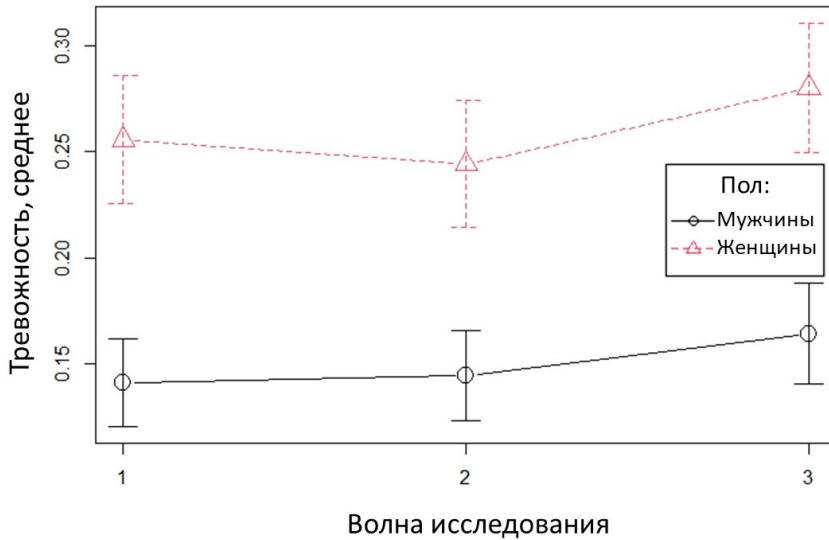
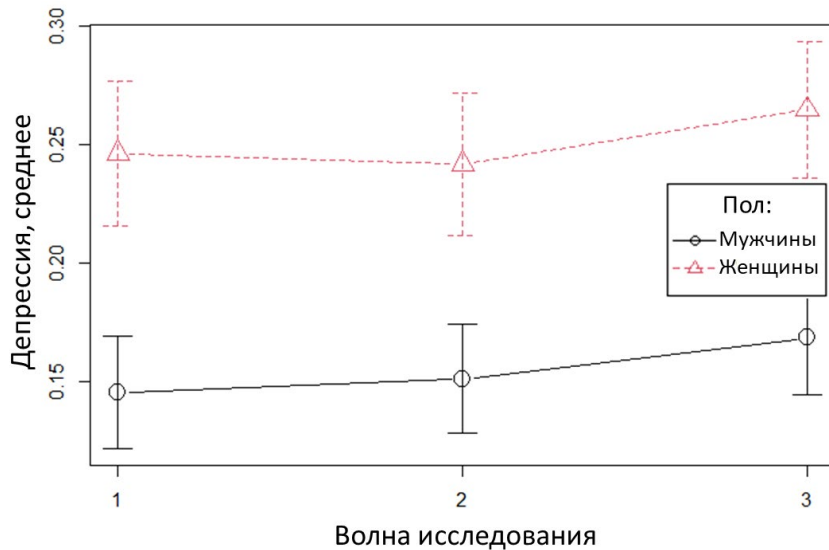

Рис. 4. Динамика уровня депрессии в выборках мужчин и женщин во время пандемии COVID-19 в России

Так как зависимые переменные представлены индексами, в качестве основного метода была выбрана линейная регрессия. Регрессионные модели для тревожности и депрессии отдельно для каждой волны (см. табл. 2) позволили оценить важность пола и других переменных в условиях разного контекста пандемии¹⁴.

Таблица 2. Регрессионные модели для тревожности и депрессии для трех волн

	Зависимая переменная:					
	Тревожность (GAD-2)			Депрессия (PHQ-2)		
	(1) Волна 1	(2) Волна 2	(3) Волна 3	(1) Волна 1	(2) Волна 2	(3) Волна 3
Пол: женский	0,094***	0,069***	0,092***	0,078***	0,066***	0,067***
Возраст	-0,047	-0,167***	-0,124**	-0,083	-0,106**	-0,148***
Наличие партнера: да	-0,040	-0,024	-0,020	-0,041	-0,045**	-0,022
<i>Дети:</i>						
Один ребенок	0,006	-0,029	0,002	-0,012	-0,016	0,006
Двое и более детей	-0,016	-0,037	-0,013	-0,044	-0,026	-0,009
Доход	-0,107	-0,038	-0,005	-0,156*	-0,028	-0,006
<i>Тип населенного пункта:</i>						
100—500 тыс.	0,031	0,034	-0,003	0,024	-0,001	-0,009
500 тыс. — 1 млн	0,053*	0,065**	-0,009	0,050	0,007	-0,013
1 млн и больше	0,049*	0,055**	0,006	0,050	-0,003	0,018
Высшее образование: да	-0,005	0,011	0,021	0,001	-0,006	0,004
Сидел(а) дома с детьми во время закрытия детских садов или школ	0,028	0,001	0,004	0,015	0,005	-0,012
Потерял(а) работу	-0,034	0,058*	0,079*	0,048	0,056	0,093**
Перешел(а) на неполный рабочий день	0,048*	0,083***	0,074**	0,075**	0,079**	0,091***
Работал(а) из дома	0,006	-0,016	0,064**	0,0001	-0,025	0,053**
Опыт коронавируса	0,192**	0,137***	0,160***	0,259***	0,138***	0,158***

¹⁴ На данном этапе проводилась работа с двумя наборами данных — панельными данными принявших участие во всех трех волнах и полными базами данных для каждой волны. Так как значительных отличий в моделях обнаружено не было, в таблице 2 представлены результаты только для панельных данных.

Константа	0,198***	0,227***	0,190***	0,248***	0,246***	0,219***
Количество наблюдений	665	673	674	666	671	675
R ²	0,083	0,131	0,122	0,100	0,091	0,118
Скорректированный R ²	0,062	0,111	0,102	0,079	0,070	0,098
Остаточная стандартная ошибка	0,247 (df = 649)	0,238 (df = 657)	0,256 (df = 658)	0,260 (df = 650)	0,248 (df = 655)	0,246 (df = 659)
F-статистика	3,941*** (df = 15; 649)	6,613*** (df = 15; 657)	6,073*** (df = 15; 658)	4,793*** (df = 15; 650)	4,385*** (df = 15; 655)	5,871*** (df = 15; 659)

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Во всех трех волнах пол оказывает значимое влияние и на тревожность, и на депрессию. При этом тревожность связана с полом немного сильнее. Это касается первой и третьей волн.

Стоит упомянуть и влияние на уровень тревожности и депрессии некоторых контрольных переменных. Вполне ожидаемо факт столкновения с коронавирусом увеличивал уровень тревожности и особенно уровень депрессии. Сильнее всего его влияние было в первой волне, слабее всего — во второй. Возраст показал отрицательную связь и был незначим в первой волне для обеих проблем. При этом для тревожности он стал значимым на уровне 0,01 для второй волны и на уровне 0,05 — в третьей. Для депрессии же наоборот — в третьей волне он с большей вероятностью определял высокий уровень проблемы. Выходит, что во время пандемии люди в более старшем возрасте тревожились и испытывали депрессию меньше, чем люди младшего возраста. Переход на неполный рабочий день также оказался значим с меньшей степенью ошибки во второй волне для тревожности, а в третьей — для депрессии. При этом направление связи одинаковое: переход на неполный рабочий день повышает уровень обеих ментальных проблем.

Вторым шагом стал анализ панельных данных для проверки динамики уровня тревожности и депрессии. Были построены линейные регрессии с включением волны как независимой переменной (см. столбцы 1 и 3 в табл. 3), где пол также остался значим, но переменные волны, как и эффекты взаимодействия между полом и волной, как и ожидалось согласно описательной статистике на рисунках 1—4, не показали значимости. Это говорит о том, что уровень тревожности и депрессии оставался стабильным на протяжении времени как для мужчин, так и для женщин. Для проверки стабильности влияния переменной пола с изменением волны были построены панельные линейные регрессии (с помощью пакета `plm` в R) с рандомизированными эффектами (см. столбцы 1 и 3 в табл. 3). Как и во всех предыдущих моделях, женщины чаще испытывают тревожность и депрессию, а гендерные различия в тревожности немного больше. Таким образом, подтвердились гипотезы 1.1 и 1.2. о том, что гендерные различия в депрессии и тревожности оставались стабильными во время пандемии. Гипотезы 2.1 и 2.2 об усиливающихся различиях между мужчинами и женщинами не нашли своего подтверждения.

Таблица 3. Регрессионные модели для тревожности и депрессии
с использованием панельных данных

	Зависимые переменные:			
	Тревожность		Депрессия	
	(1) Линейная	(2) Панельная линейная	(3) Линейная	(4) Панельная линейная
Пол: женский	0,093***	0,089***	0,084***	0,074***
<i>Волна:</i>				
Волна 2	-0,011		-0,008	
Волна 3	0,012		0,012	
Возраст	-0,110***	-0,105***	-0,110***	-0,100**
Наличие партнера: да	-0,029**	-0,032*	-0,038***	-0,039**
<i>Дети:</i>				
Один ребенок	-0,007	0,0001	-0,008	-0,010
Двое и более детей	-0,023	-0,017	-0,028*	-0,028
Доход	-0,034	-0,021	-0,032	-0,023
<i>Тип населенного пункта:</i>				
100—500 тыс.	0,020	0,021	0,004	0,005
500 тыс. — 1млн	0,035**	0,034	0,012	0,011
1 млн и больше	0,033**	0,035	0,017	0,020
Высшее образование: да	0,009	0,012	-0,002	-0,002
Сидел(а) дома с детьми во время закрытия детских садов или школ	0,011	0,020	0,002	0,011
Потерял(а) работу	0,038*	0,028	0,068***	0,049**
Перешел(а) на неполный рабочий день	0,067***	0,053***	0,079***	0,068***
Работал(а) из дома	0,019	0,014	0,006	-0,004
Опыт коронавируса	0,152***	0,095***	0,159***	0,121***
Пол: женский * Волна 2	-0,019		-0,021	
Пол: женский * Волна 3	-0,0005		-0,013	
Константа	0,203***	0,199***	0,233***	0,233***
Количество наблюдений	2,012	2,012	2,012	2,012
R ²	0,105	0,060	0,096	0,059
Скорректированный R ²	0,096	0,053	0,088	0,052
Остаточная стандартная ошибка (ст. св. = 1992)	0,247		0,251	
F-статистика (ст. св. = 19; 1992)	12,261***	122,818***	11,189***	123,158***

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Ментальные проблемы мужчин и женщин могли быть в разной степени вызваны факторами, связанными с изменением жизненной ситуации в ходе пандемии. Для проверки влияния данных факторов мы построили линейные панельные регрессии с включением эффекта взаимодействия пола и следующих независимых переменных: необходимость сидеть дома с детьми во время закрытия детских садов и школ, потеря работы, переход на неполный рабочий день, необходимость работы из дома и опыт взаимодействия с вирусом. Ни один из эффектов взаимодействия не оказался значимым, то есть ни один из факторов не оказал разное влияние на мужчин и женщин. На этом основании можно сделать вывод, что гендерные различия в ментальном здоровье, скорее всего, существовали и до пандемии, так как факторы, связанные с пандемией, не делают влияние пола на тревожность и депрессию сильнее.

Кроме того, влияние пола на уровень тревожности и депрессии никак не различается среди разных социально-демографических групп. Нами были построены модели с эффектами взаимодействия с возрастом, семейным положением, наличием детей, уровнем образования, доходом и типом населенного пункта, однако ни один не оказался значим.

Наконец, мы проанализировали по отдельным подвыборкам мужчин и женщин для понимания наиболее «уязвимых» мест каждой из этих социальных групп. Таблица 4 представляет результаты последнего шага — построения линейной регрессии для панельных данных для подвыборок мужчин и женщин.

Таблица 4. Регрессионные модели для тревожности и депрессии для выборок мужчин и женщин с использованием панельных данных

	Зависимые переменные:			
	Тревожность		Депрессия	
	(1) Женщины	(2) Мужчины	(3) Женщины	(4) Мужчины
Возраст	-0,160***	-0,065	-0,117*	-0,104**
Наличие партнера: да	-0,042	-0,014	-0,043*	-0,027
<i>Дети:</i>				
Один ребенок	0,036	-0,032	0,0001	-0,019
Двое и более детей	0,011	-0,045**	-0,033	-0,029
Доход	-0,030	-0,011	-0,024	-0,019
<i>Тип населенного пункта:</i>				
100—500 тыс.	0,064*	-0,018	0,027	-0,020
500 тыс. — 1 млн	0,041	0,031	0,003	0,016
1 млн и больше	0,026	0,045*	0,008	0,027
Высшее образование: да	0,009	0,012	-0,024	0,021
Сидел(а) дома с детьми во время закрытия детских садов или школ	0,007	0,028	0,013	0,007
Потерял(а) работу	0,029	0,030	0,031	0,074***
Перешел(а) на неполный рабочий день	0,074***	0,034*	0,073***	0,066***

	Зависимые переменные:			
	Тревожность		Депрессия	
	(1) Женщины	(2) Мужчины	(3) Женщины	(4) Мужчины
Работал(а) из дома	-0,002	0,030*	-0,017	0,010
Опыт коронавируса	0,111***	0,077***	0,121***	0,127***
Константа	0,293***	0,189***	0,331***	0,216***
Количество наблюдений	935	1,077	935	1,077
R ²	0,042	0,043	0,040	0,054
Скорректированный R ²	0,028	0,030	0,026	0,041
F-статистика	36,026***	43,432***	36,228***	57,430***
	12,261***	122,818***	11,189***	123,158***

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Остановимся только на факторах, оказывающих разное влияние на ментальные проблемы в подвыборках мужчин и женщин. Возраст в большей степени связан с ментальными проблемами женщин: становясь старше, женщины реже испытывают и тревожность, и депрессию, а мужчины — только депрессию. В данном случае сохраняются тренд, найденный по выборке в целом.

Переход на неполный день в большей степени увеличивает тревожность и депрессию женщин, чем мужчин. Потеря работы, напротив, повышает уровень депрессии (но не тревожности) мужчин и никак не связана с ментальными проблемами женщин. Важно, что работа из дома и необходимость сидеть с детьми не показали влияния ни для одной из подвыборок.

Заключение

Мы остановились на динамике гендерных различий в уровне депрессии и тревожности у мужчин и женщин в России. Первый вывод состоит в том, что на протяжении 2020—2021 гг. для женщин был характерен более высокий уровень депрессии и тревожности по сравнению с мужчинами.

Также нами было показано, что различия в уровне тревожности и депрессии российских мужчин и женщин оставались практически неизменными на протяжении 2020—2021 гг. Это подтверждает первые две гипотезы о стабильности гендерных различий. Конкурирующие гипотезы об увеличении гендерных различий в период пандемии не нашли эмпирического подтверждения. Несмотря на то, что пандемия усугубила проблему гендерного неравенства, в России она не стала причиной роста гендерных различий в ментальном здоровье, так как последние оставались стабильными, а интерактивные эффекты между последствиями пандемии и полом не были значимы. Это говорит о том, что в России эти различия существовали еще до пандемии и являются системными. Такой результат может быть объяснен с помощью разных социологических концепций. Например, согласно структуралистскому подходу, гендерные различия являются следствием неравенства и дискриминации [Yodanis, 2004; Zacher, Rudolph, 2021; Fodor et al., 2021; Fisher, Ryan, 2021; Debowska et al., 2020]. С точки зрения теории гендерных ролей социальные роли мужчин и женщин оказывают влияние на статус на рынке труда [Czumara, Langenkamp, Cano, 2021].

Исследование позволило очертить факторы, которые могут оказывать различное влияние на тревожность и депрессию у мужчин и женщин. Потеря работы повышает уровень депрессии только у мужчин, что можно объяснить поддержкой гендерного стереотипа о мужчине как главном «добытчике» в семье. Поэтому потеря работы должна наносить больший вред его ментальному здоровью [Levy, Cohen-Louck, Vonny-Noach, 2021]. Переход на неполный рабочий день повышает тревожность и депрессию как у мужчин, так и у женщин. Этот эффект показал большую значимость в третьей волне исследования. Важно, что на женщин он оказывает более сильное влияние. Это может быть связано с сокращением дохода и ростом экономической зависимости, а также с уменьшением уверенности в будущем. Эффект перехода на неполный рабочий день может быть также обоснован сокращением социальных контактов.

Что касается работы из дома, для мужчин и женщин имеет место разное направление связи: для мужчин факт работы из дома мог бы увеличить тревожность и депрессию, а для женщин — уменьшить (значим только эффект тревожности у мужчин). Это может объясняться тем, что женщины реже воспринимаются как ценные работники и специалисты, а чаще — как партнеры мужчин, ответственные прежде всего за домашний очаг, что возлагает на них обязанность брать на себя всю дополнительную работу по дому, масштабы которой выросли с началом пандемии [Pisklakova-Parker, Efanova, 2020]. Таким образом, работа из дома для женщин может облегчать сочетание рабочих и семейных обязанностей, а для мужчин, напротив, добавлять отвлекающие факторы в рабочий день. Это могло бы повлиять на уровень тревожности, однако анализ показал отсутствие связи между необходимостью присматривать за детьми и ментальными проблемами как для мужчин, так и для женщин.

Другим важным фактором, определяющим уровень тревожности и депрессии, стал возраст. Лица старшего возраста испытывают ментальные проблемы несколько реже. Тревожность с большей вероятностью возраст определял во второй волне, а депрессию — в третьей. Вероятно, играет роль контекст в отношении превалирующего штамма вируса и принимавшихся антиковидных мер. Вторая волна была проведена в апреле 2021 г., когда велась активная кампания по вакцинации как раз среди людей старшего возраста, что могло несколько снизить тревожность в этой группе. Отрицательное влияние возраста на депрессию в третьей волне возможно объяснить введением QR-кодов для посещения общественных мест, так как молодые люди обладают большей социальной активностью [Tilvis et al., 2012], которая могла понизиться. Кроме того, отрицательный эффект возраста может быть связан с особенностями выборки, так как в онлайн-панелях с большей вероятностью участвуют более «благополучные» представители старших возрастных групп (с более высоким уровнем образования и дохода).

В целом исследование показало систематические гендерные различия в уровне тревожности и депрессии. Несмотря на то, что гендерный разрыв не усилился во время пандемии, женщины по-прежнему являются уязвимой группой и нуждаются в поддержке в кризисных ситуациях. Скорее всего, немаловажным фактором более высокого уровня тревожности и депрессии женщин является «двойная занятость» женщин, совмещение ими рабочих и семейных обязанностей. В то же

время кризис, вызванный пандемией, оказал влияние и на ментальное здоровье мужчин, в частности они в большей степени страдали от потери работы. Снижению гендерного неравенства в обществе может способствовать постепенное изменение гендерных установок с помощью введения соответствующих мер социальной политики (например, вовлечение отцов в уход за детьми с помощью отпусков¹⁵), что уменьшает уровень ментальных проблем и у мужчин [Pervaiz, Malik, 2021].

У исследования есть ряд ограничений. Во-первых, в данных опроса «Ценности в кризисе» относительно ниже доля лиц, проживающих в сельской местности и имеющих низкий уровень образования (при этом в онлайн-опросах обычно ниже доля социально одобряемых ответов [Корсунова, Соколов, 2022], что может быть актуально при изучении тревожности и депрессии). Во-вторых, объем выборки «Ценности в кризисе» не очень большой, особенно это касается подвыборок мужчин и женщин. По этой причине, возможно, не были выявлены некоторые различия в факторах, по-разному влияющих на ментальные проблемы мужчин и женщин. Более подробное изучение таких факторов представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Список литературы (References)

Буркова В. Н., Каспарова Е. Н., Бутовская М. Л. Тревожность и агрессия в условиях COVID-19: половые и культурные различия (на примере Минска и Москвы) // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2021. Т. 12. № 4. С. 580—596. <https://doi.org/10.34883/PI.2021.12.4.001>.

Burkova V., Kasparova E., Butovskaya M. (2021) Anxiety and Aggression in the Context of COVID-19: Sex and Cultural Differences (on the Example of Minsk and Moscow). *Psychiatry Psychotherapy and Clinical Psychology*. Vol. 12. No. 4. P. 580—596. <https://doi.org/10.34883/PI.2021.12.4.001>. (In Russ.)

Ерицын К. Ю., Русакова М. М., Александрова А. А., Усачева Н. М. Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 250—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>.

Eritsyun K. Y., Rusakova M. M., Aleksandrova A. A., Usacheva N. M. (2021) Surviving a Lockdown: Changes in Employment and Psychological Well-being of the Population in the Pandemic Era. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 250—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>. (In Russ.)

Карцева М. А., Кузнецова П. О. Экономические последствия эпидемии коронавируса: какие группы населения пострадают сильнее с точки зрения потери занятости и дохода? // Население и экономика. 2020. Т. 4. № 2. С. 26—33. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53194>.

Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. (2020) The Economic Consequences of the Coronavirus Pandemic: Which Groups Will Suffer More in Terms of Loss of Employment and In-

¹⁵ Caregiving in Crisis: Gender Inequality in Paid and Unpaid Work During COVID-19 // OECD. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/caregiving-in-crisis-gender-inequality-in-paid-and-unpaid-work-during-covid-19-3555d164/> (дата обращения: 11.07.2022).

come? *Population and Economics*. Vol. 4. No. 2. P. 26—33. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e53194>. (In Russ.)

Корсунова В. И., Соколов Б. О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн— и офлайн-опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>.

Korsunova V. I., Sokolov B. O. (2022) Value Orientations in Russia: Comparing Evidence from Online and Face-to-Face Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>. (In Russ.)

Мосолов С. Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19. // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 2020. Т. 120. № 5. С. 7—15. <https://doi.org/10.17116/jnevro20201200517>.

Mosolov S. N. (2020) Problems of Mental Health in the Situation of COVID-19 Pandemic. S. S. Korsakov *Journal of Neurology and Psychiatry*. Vol. 120. No. 5. P. 7—15. <https://doi.org/10.17116/jnevro20201200517>. (In Russ.)

Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28. № 2. С. 90—108. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>.
Rasskazova E. I., Leontiev D. A., Lebedeva A. A. (2020) Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 28. No. 2. P. 90—108. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>. (In Russ.)

Соляник В. В. Домашнее насилие в России: общая характеристика. // *The Scientific Heritage*. 2021. № 65. С. 16—18. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-65-4-16-18>.

Solyanik V. (2021) Domestic Violence in Russia: General Characteristics. *The Scientific Heritage*. No. 65. P. 16—18. <https://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-65-4-16-18>. (In Russ.)

Aburto J. M., Schöley J., Kashnitsky, I., Kashyap R. (2022) Life Expectancy Declines in Russia during the COVID-19 Pandemic in 2020. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 51. No. 5. P. 1695—1697. <https://doi.org/10.1093/ije/dyac055>.

Alsharji K. E. (2020) Anxiety and Depression during the COVID-19 Pandemic in Kuwait: The Importance of Physical Activity. *Middle East Current Psychiatry*. Vol. 27. Art. 60. <https://doi.org/10.1186/s43045-020-00065-6>.

Andreeva A., Drozhashchikh N., Nelaeva G. (2021) Women's Rights and the Feminists' "Dirty Plans": Media Discourses During the COVID-19 Pandemic in Russia. *Affilia*. Vol. 36. No. 3. P. 319—335. <https://doi.org/10.1177/0886109920960826>.

Ausín B., González-Sanguino C., Ángel Castellanos M., Muñoz M. (2021) Gender-Related Differences in the Psychological Impact of Confinement as a Consequence Of COVID-19 in Spain. *Journal of Gender Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 29—38. <https://doi.org/10.1080/09589236.2020.1799768>.

Becchetti L., Conzo G. (2021) The Gender Life Satisfaction/Depression Paradox. *Social Indicators Research*. Vol. 160. P. 35—113. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02740-5>.

Blaskó Z., Papadimitriou E., Manca A. R. (2021) How Will the COVID-19 Crisis Affect Existing Gender Divides in Europe? *Publications Office of the European Union*. <https://doi.org/10.2760/37511>.

Bobak M., Pikhart H., Pajak A., Kubinova R., Malyutina S., Sebakova H., Topor-Madry R., Nikitin Y., Marmot M. (2006) Depressive Symptoms in Urban Population Samples in Russia, Poland and the Czech Republic. *The British Journal of Psychiatry*. Vol. 188. P. 359—365. <http://dx.doi.org/10.1192/bjp.188.4.359>.

Cockerham W. C., Hinote B. P., Abbott P. (2006) Psychological Distress, Gender, and Health Lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine. *Social Science & Medicine*. Vol. 63. No. 9. P. 2381—2394. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.06.001>.

Czymara C. S., Langenkamp A., Cano T. (2021) Cause for Concerns: Gender Inequality in Experiencing the COVID-19 Lockdown in Germany. *European Societies*. Vol. 23. No. 1. P. 68—81. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1808692>.

Debowska A., Horeczy B., Boduszek D., Dolinski D. (2020) A Repeated Cross-Sectional Survey Assessing University Students' Stress, Depression, Anxiety, and Suicidality in the Early Stages of the COVID-19 Pandemic in Poland. *Psychological Medicine*. Vol. 52. No. 15. P. 1—4. <https://doi.org/10.1017/S003329172000392X>.

Faravelli C., Scarpato M. A., Giovanni Castellini G., Sauro C. L. (2013) Gender Differences in Depression and Anxiety: The Role of Age. *Psychiatry Research*. Vol. 210. No. 3. P. 1301—1303. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.09.027>.

Fisher A. N., Ryan M. K. (2021) Gender Inequalities during COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 237—245. <https://doi.org/10.1177/1368430220984248>.

Fodor E., Gregor A., Koltai J., Kováts E. (2021) The Impact of COVID-19 on the Gender Division of Childcare Work in Hungary. *European Societies*. Vol. 23. No. 1. P. 95—110. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1817522>.

Fortier N. (2020) COVID-19, Gender Inequality, and the Responsibility of the State. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 10. No. 3. P. 77—93. <https://doi.org/10.5502/ijw.v10i3.1305>.

Hopcroft R., Bradley D. (2007) The Sex Difference in Depression Across 29 Countries. *Social Forces*. Vol. 85. No. 4. P. 1483—1507. <https://doi.org/10.1353/sof.2007.0071>.

Gafarov V., Panov D., Gromova E., Krymov E., Gagulin I., Gafarova A. (2021) Sex Differences and Trends in Prevalence of Anxiety, Depression and Vital Exhaustion in Russia / Siberia from 1994 to 2017. *International Journal of Medical Science and Clinical Invention*. Vol. 8. No. 3. P. 5288—5298. <https://doi.org/10.18535/ijmsci/v8i03.06>.

García-Fernández L., Romero-Ferreiro V., Padilla S., López-Roldán P. D., Monzó-García M., Rodríguez-Jimenez R. (2020) Gender Differences in Emotional Response to the COVID-19 Outbreak in Spain. *Brain and Behavior*. Vol. 11. No. 1. P. 1—5. <https://doi.org/10.1002/brb3.1934>.

Giurge L. M., Whillans A. V., Yemiscigil A. (2021) A Multicountry Perspective on Gender Differences in Time Use During COVID-19. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 12. No. 118. <https://www.pnas.org/doi/abs/10.1073/pnas.2018494118>.

Hou F., Bi F., Jiao R., Luo D., Song K. (2020) Gender Differences of Depression and Anxiety among Social Media Users during the COVID-19 Outbreak in China: A Cross-Sectional Study. *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 1648. P. 1—11. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09738-7>.

Kolomak E. A. (2020) Economic Effects of Pandemic-Related Restrictions in Russia and Their Spatial Heterogeneity. *R-economy*. Vol. 6. No. 3. P. 154—161. <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>.

Levy I., Cohen-Louck K., Bonny-Noach H. (2021) Gender, Employment, and Continuous Pandemic as Predictors of Alcohol and Drug Consumption during the COVID-19. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 228. Art. 109029. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.109029>.

Nekliudov, N. A., Blyuss, O., Cheung, K. Y., Petrou, L., Genuneit, J., Sushentsev, N., Levadnaya, A., Comberiat, P., Warner, J. O., Tudor-Williams, G., Teufel, M., Greenhawt, M., DunnGalvin, A., & Munblit, D. (2020) Excessive Media Consumption About COVID-19 is Associated with Increased State Anxiety: Outcomes of a Large Online Survey in Russia. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 9. <https://doi.org/10.2196/20955>.

Olaseni A. O., Akinsola O. S., Agberotimi S. F., Oguntayo R. (2020) Psychological Distress Experiences of Nigerians during COVID-19 Pandemic: The Gender Difference. *Social Sciences & Humanities Open*. Vol. 2. No. 1. Art. 100052. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100052>.

Özdin S., Bayrak Özdin Ş. (2020) Levels and Predictors of Anxiety, Depression and Health Anxiety during COVID-19 Pandemic in Turkish Society: The Importance of Gender. *International Journal of Social Psychiatry*. Vol. 66. No. 5. P. 504—511. <https://doi.org/10.1177/0020764020927051>.

Pervaiz Z., Malik S. (2021) Gender Roles and Psychological Wellbeing: Difference in Contemporary Groups. *Pakistan Social Sciences Review*. Vol. 5. No. 2. P. 1—14. [https://doi.org/10.35484/pssr.2021\(5-II\)01](https://doi.org/10.35484/pssr.2021(5-II)01).

Pisklakova-Parker M., Efanova O. (2021) The Influence of Gender Stereotypes on the Growth of Gender Inequality and Domestic Violence in Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Journal of International Women's Studies*. Vol. 22. No. 11. P. 31—41. URL: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol22/iss11/4>.

Pramanik M., Udmale P., Bisht P., Chowdhury K., Szabo S., Pal I. (2022) Climatic Factors Influence the Spread of COVID-19 in Russia. *International Journal of Environmental Health Research*. Vol. 32. No. 4. P. 723—737. <https://doi.org/10.1080/09603123.2020.1793921>.

Reiss L. K., Kozhevnikov A., Muhr S. L. (2021) Between Vulnerability and Resistance: How a Woman Copes with Dramatic Implications of COVID-19 in Russia. *Gender, Work & Organization*. Vol. 28. No. 2. P. 574—586. <https://doi.org/10.1111/gwao.12695>.

Reznik A., Gritsenko V., Konstantinov V., Khamenka N., Isralowitz R. (2021) COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 19. P. 1903—1908. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00283-3>.

Sevilla A., Smith S. (2020) Baby Steps: The Gender Division of Childcare during the COVID-19 Pandemic. *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 36. No. 1. P. 169—186. <https://doi.org/10.1093/oxrep/graa027>.

Shadmi E., Chen Y., Dourado I. et al. (2020). Health Equity and COVID-19: Global Perspectives. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 19. Art. 104. <https://doi.org/10.1186/s12939-020-01218-z>.

Shevlin M., McBride O., Murphy J., Miller J. G., Hartman T. K., Levita L., Mason L., Martinez A. P., McKay R., Stocks T. V. A., Bennett K. M., Hyland P., Karatzias T., Bentall R. P. (2020). Anxiety, Depression, Traumatic Stress and Covid-19-Related Anxiety in the UK General Population during the COVID-19 Pandemic. *BJPsych open*. Vol. 6. No. 6. Art. E125. <https://doi.org/10.1192/bjpo.2020.109>.

Singh V., Roca R., Li B. (2021) Effectiveness of Policy Interventions during Financial Crises in China and Russia: Lessons for the COVID-19 Pandemic. *Journal of Policy Modeling*. Vol. 43. No. 2. P. 253—277. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2021.01.004>.

Sürücü L., Ertan Ş. S., Bağlarbaşı E., Maslakçı A. (2021) COVID-19 and Human Flourishing: The Moderating Role of Gender. *Personality and Individual Differences*. No. 183. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111111>.

Tilvis R. S., Routasalo P., Karppinen H., Strandberg T. E., Kautiainen H., Pitkala K. H. (2012) Social Isolation, Social Activity and Loneliness as Survival Indicators in Old Age: A Nationwide Survey with a 7-Year Follow-up. *European Geriatric Medicine*. Vol. 3. No. 1. P. 18—22. <https://doi.org/10.1016/j.eurger.2011.08.004>.

Wang H., Verdery A. M., Margolis R., Smith-Greenaway E. (2021) Bereavement from COVID-19, Gender, and Reports of Depression among Older Adults in Europe. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 77. No. 7. P. 142—149. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbab132>.

Wilson J. M., Lee J., Fitzgerald H. N., Oosterhoff B., Sevi B., Shook N. J. (2020) Job Insecurity and Financial Concern During the COVID-19 Pandemic Are Associated with Worse Mental Health. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. Vol. 62. No. 9. P. 686—691. <https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000001962>.

Witteveen D., Velthorst E. (2020) Economic Hardship and Mental Health Complaints During COVID-19. *Proceedings of the National Academy of Sciences Proc.* Vol. 117. No. 44. P. 27277—27284. <https://doi.org/10.1073/pnas.2009609117>.

Yodanis C. L. (2004) Gender Inequality, Violence Against Women, and Fear: A Cross-National Test of the Feminist Theory of Violence Against Women. *Journal of Interpersonal Violence.* Vol. 19. No. 6. P. 655—675. <https://doi.org/10.1177/0886260504263868>.

Zacher H., Rudolph C. (2021) Individual Differences and Changes in Subjective Well-being during the Early Stages of the COVID-19 Pandemic. *The American Psychologist.* Vol. 76. No. 1. P. 50—62. <https://doi.org/10.1037/amp0000702>.

Zalta A. K., Chambless D. L. (2012) Understanding Gender Differences in Anxiety: The Mediating Effects of Instrumentality and Mastery. *Psychology of Women Quarterly.* Vol. 36. No. 4. P. 488—499. <https://doi.org/10.1177/0361684312450004>.

Приложение

Рисунок 1. Тревожность (среднее по стране и полу, от 0 до 1). «Ценности в кризисе», волна 1

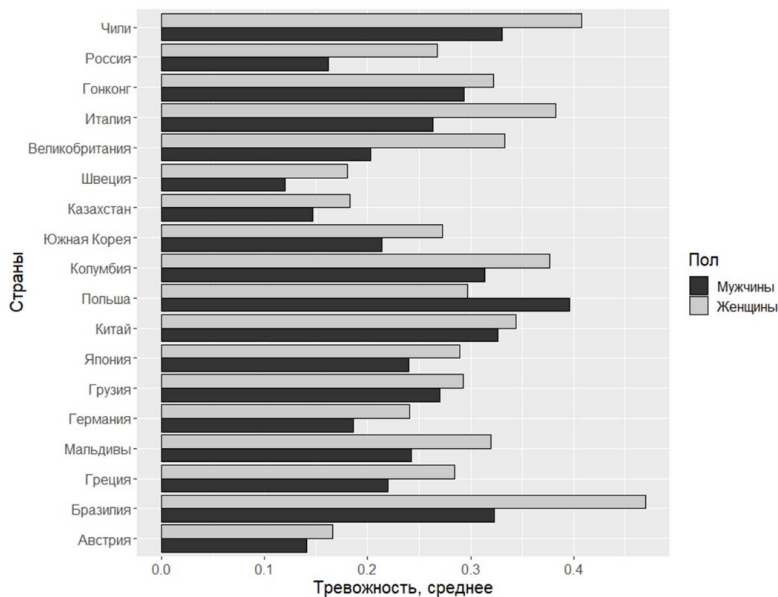
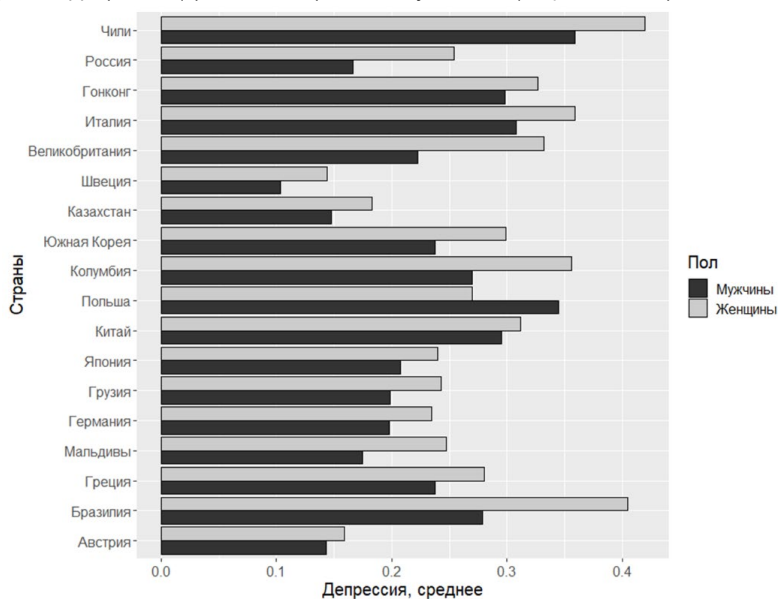
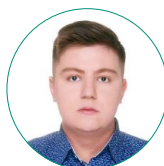

Рисунок 2. Депрессия (среднее по стране и полу, от 0 до 1). «Ценности в кризисе», волна 1

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2416](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2416)**Н. К. Радина, Ю. В. Балакина, К. В. Банников****ВОЗМОЖНА ЛИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БИОПОЛИТИКА»
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ? АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ,
НЕМЕЦКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СМИ****Правильная ссылка на статью:**

Радина Н. К., Балакина Ю. В., Банников К. В. Возможна ли «демократическая биополитика» во время пандемии? Анализ российских, немецких и французских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 79—101. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2416>.

For citation:

Radina N. K., Balakina Y. V., Bannikov K. V. (2023) Is Democratic Biopolitics Possible during a Pandemic? A Case Study of Russian, German and French Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 79–101. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2416>. (In Russ.)

Получено: 15.04.2023. Принято к публикации: 28.06.2023.

**ВОЗМОЖНА ЛИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
БИОПОЛИТИКА» ВО ВРЕМЯ ПАНДЕ-
МИИ? АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ, НЕМЕЦ-
КИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СМИ**

РАДИНА Надежда Константиновна — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; старший научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: rasv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>

БАЛАКИНА Юлия Владимировна — PhD (лингвистика), научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: julianaumova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>

БАННИКОВ Константин Валерьевич — стажер-исследователь Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: kbannikov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2046-6919>

Аннотация. Теоретическое поле биополитики — активно создающееся и изменяющееся в настоящее время, — в данном исследовании используется как

**IS DEMOCRATIC BIOPOLITICS POSSIBLE
DURING A PANDEMIC? A CASE STUDY
OF RUSSIAN, GERMAN AND FRENCH
MEDIA**

Nadezhda K. RADINA^{1,2} — Dr. Sci. (Polit.), Professor, Professor at the Department for General and Social Psychology, Faculty of Social Sciences; Senior Research Fellow, Laboratory of Theory and Practice of Decision Support Systems (TAPRADESS)
E-MAIL: rasv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8336-1044>

Yulia V. BALAKINA² — PhD (Linguistics), Researcher, Laboratory of Theory and Practice of Decision Support Systems (TAPRADESS)
E-MAIL: julianaumova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4942-5953>

Konstantin V. BANNIKOV² — Intern Researcher, Laboratory of Theory and Practice of Decision Support Systems (TAPRADESS)
E-MAIL: kbannikov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2046-6919>

¹ Lobachevsky Nizhny Novgorod State University — National Research University, Nizhny Novgorod, Russia
² HSE University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The theoretical field of biopolitics — currently being actively developed — is used in this study as a basis for understanding the actions of govern-

основа для понимания действий правительств и сообществ, представленных государственными и негосударственными медиа, во время пандемии COVID-19. Медийные нарративы о пандемии анализируются в контексте теории биополитики Мишеля Фуко, Джорджо Агамбена и Карстена Шуберта. Предполагается, что в неолиберальных режимах Европейского союза массмедиа будут транслировать идеи, созвучные государственным биополитическим проектам. Также в рамках исследования ставилась цель оценить возможность массмедиа стать акторами «демократической биополитики». Для проверки гипотезы используется сравнительный анализ российских, немецких и французских СМИ, опубликовавших материалы о пандемии в течение четырех «волн» (январь 2020 — март 2022). Всего было проанализировано 21 658 текстов трех российских СМИ, 59 149 — немецких и 58 432 — французских.

Исследование базируется на модели пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского, а на инструментальном уровне используется прием поиска «контекстуальных идеологем». Ключевую роль в анализе медийного дискурса играет контекстуальная идеологема «вакцинация». Результаты исследования показывают, что СМИ являются акторами биополитики и каналом коммуникации, связывающим государство, бизнес и общество, а массмедийный дискурс может рассматриваться как инструмент редакционной политики, за которым стоит собственник, непосредственно не вовлеченный в фармацевтический бизнес, но по разным причинам поддерживающий биополитические практики правительства. Взаимодействие со СМИ в области биополитических про-

ernments and communities represented by state and non-state media during the COVID-19 pandemic. Media narratives about the pandemic are analyzed in the context of the biopolitical theories proposed by Michel Foucault, Giorgio Agamben, and Carsten Schubert. It is assumed that in the neo-liberal regimes of the European Union, the mass media will broadcast ideas that correspond to state biopolitical projects. The study aimed at assessing the capacity of the mass media to become an actor of “democratic biopolitics”. The authors conduct a comparative analysis of Russian, German, and French media materials about the pandemic published during four its waves (January 2020 — March 2022). Total number of analysed texts amounted to 21658 in three Russian media, 59149 in German and 58432 in French media.

The study is based on the propaganda model of Herman and Chomsky, and at the instrumental level, the authors use the method of searching for “contextual ideologemes”. The contextual ideologue “vaccination” plays a key role in the analysis of media discourse. The results of the study show that the media are actors of biopolitics and a communication channel connecting the state, business, and society. Mass media discourse can be considered as an editorial policy tool behind which stands the owner who is not directly involved in the pharmaceutical business, but for various reasons supports the biopolitical practices of the government. Interaction with the media in the field of biopolitical programs on the part of the state and business requires further research.

грамм со стороны государства и бизнеса требует продолжения исследований.

Ключевые слова: биополитика, пандемия, медиа, идеологема, пропаганда

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

Keywords: biopolitics, pandemic, media, ideologeme, propaganda

Acknowledgments. The research was funded by the Russian Science Foundation (Grant No. 22-28-00015).

Социальный контекст пандемии COVID-19 обеспечил каждой стране уникальный опыт ограничений, лишений и депривации. Ни экономические потери, ни угрозы социальных взрывов не оказались способны остановить правительства в стремлении совладать с пандемией: власть «отменила» туризм и общественное питание, трансформировала образование и здравоохранение, апробировала новые средства контроля за передвижением граждан — от QR-кодов до использования «зеленых паспортов».

Первоначальная растерянность в правительствах сменилась однозначной и явной ориентацией на контроль за населением, уязвимым перед пандемией. Сначала жесткие ограничения в области социальных контактов (карантинные меры и самоизоляция населения), а затем использование различных практик для принуждения к вакцинации. Доковидные общества большинства стран мира не предполагали, что их правительства могут быть настолько авторитарными и нетерпимыми в эпидемиологических вопросах — в вопросах биополитики.

Биополитика или биополитики?

О существовании множества биополитик большинство читателей СМИ и пользователей социальных сетей узнали во время пандемии COVID-19 благодаря неприемлемой позиции всемирно известного итальянского философа Джорджо Агамбена и критике этой позиции со стороны его оппонентов. Именно тогда Агамбен выступил против вакцинации, QR-кодов для передвижения, «зеленых пропусков», онлайн-формата образования и других завоеваний пандемии. Он утверждал, что безопасность, которая все оправдывает и продвигается государствами во время пандемии, по сути есть социальный тоталитаризм [Agamben, 2021]. До пандемии COVID-19 биополитика «голой жизни», философская концепция, которую разрабатывал Агамбен [ibid.], считалась реполитизацией и продолжением классической биополитики Мишеля Фуко [Комарофф, 2021]. Однако на практике биополитика Агамбена проявила себя как жестко центрированная на правах индивида (а не группы), в условиях пандемии — как оппозиционная власти.

Биополитика Фуко направлена на анализ этатизации биологического, которая в историческом процессе происходила поэтапно: от контроля за телом индивида до контроля над общественным телом. В современном формате она уже обращена на управление жизнью населения [Блинов, 2021; Желнин, 2019; Кобылин, 2011; Самовольнова и др., 2017]. Биополитика Фуко не столько оспаривает

вает, сколько осмысляет контроль, управление, реализацию власти над общественным телом в следующих сферах [Фуко, 2007; Фуко, 2010]:

- воспроизводство населения (рождаемость, смертность, продолжительность жизни);
- здоровье и медицина (распространение медицинских услуг, развитие общественной гигиены);
- болезнь и «норма» («нормализация» медицинского знания, артикуляция общественного значения психиатрической и психологической «нормы»);
- старость, несчастные случаи и другие формы прекращения активной трудовой деятельности;
- проблемы окружающей среды — естественной и искусственной (например, городской).

Другой важной особенностью понимания власти (и биовласти в том числе), согласно Фуко, является ее разделение на негативную и позитивную с указанием, что позитивная власть способна производить знания, которые далее продуктивно используются [Фуко, 2004; Русаков, 2016]. Это позволяет во время эпидемий опираться на медиализацию как особую политическую технологию, или «искусство управления», а научный медицинский дискурс использовать для легитимации властного порядка.

Таким образом, биополитика Фуко как определенный исторический тип правительственной рациональности способна разъяснить работу государства в период пандемии [Погоняйло, 2020], не проблематизируя при этом вопросы демократии, прав человека и дегуманизирующие пандемические «асоциальные практики», которые обсуждал Агамбен [Маничкин, 2021; Яркеев, 2020; Agamben, 2021].

В то же время среди оппонентов Агамбена распространена точка зрения, согласно которой радикальные и непопулярные меры правительств во время пандемии стали ответом на провокации со стороны «старых» (исключительно печатных) и «новых» (гибридных и интерактивных) медиа, социальных сетей, оказавшихся источниками напряженности и стресса населения, провоцирующих кризис в реализации биополитических стратегий государства [Маничкин, 2021; Christiaens, 2021]. СМИ и социальные сети, эмоционально «раскачивая» население, создавали общественную атмосферу, в которой только дисциплинарные практики и жесткий контроль со стороны государства были способны противостоять пандемии.

«Демократическая биополитика», «популистская биополитика» и признаки «коллективного безумия»

В терминологическом поле разных «биополитик» «демократическая биополитика» появилась до возникновения COVID-19 (см. [Prozorov, 2019; Schubert, 2019]), однако востребованной оказалась именно во время пандемии [Ali, 2020; Sotiris, 2020]. Под «демократической биополитикой» авторы понимают политику дифференцированной уязвимости, типичную для капитализма (практически по Фуко: кому жить, а кому — умереть) [Schubert, 2020]; коллективную заботу о сообществе [Sotiris, 2020; Schaffar, 2020]; свободу действий граждан и активистов; их активное участие в биополитических проектах [Prozorov, 2019].

В качестве субъектов «демократической биополитики» выступают не только государство и бизнес (управляющие населением), но и гражданское общество, например, в форме участия общественных активистов в работе системы общественного здравоохранения [Schubert, 2020].

Подобная гармоничная и идиллическая композиция «демократической биополитики» разрушилась во время пандемии, поскольку действия правительств во многих странах натолкнулись на сопротивление населения, которое сочло государственные биополитические проекты (локдаун, QR-коды, «зеленые паспорта» и т. д.) репрессивными и ориентированными на страх. Несогласие общества с биополитической идеологией в области пандемии со стороны государства, отказ от самоизоляции и вакцинации, обсуждались исследователями в поле научных дискуссий как признаки «коллективного безумия» [Ali, 2021], или как «популистская биополитика» [Schubert 2022; Sotiris, 2020].

Согласно Карстену Шуберту, традиционная биополитика, фокусирующаяся на «репрессивном государстве» (с жестким контролем и принудительными ограничениями), и «демократическая биополитика», фокусирующаяся на освободительной деятельности активистов и сообщества, не могут объяснить новую форму биополитической нормализации и репрессий, которая возникла во время пандемии и которую следует назвать «популистской биополитикой» [Schubert, 2022]. Поскольку демократия в неолиберальных государствах претендует на то, чтобы исполнить волю народа, не имеет смысла легитимизировать «демократическую биополитику» в неолиберальной демократии: кто выбрал неолиберализм, само собой разумеется, выбрал и «демократическую биополитику» [Ali, 2020]. Следуя этой логике, формы несогласия с государственной биополитикой следует рассматривать в терминах С. Жижека как признаки «коллективного безумия» (что, по Шуберту, является проявлением «популистской биополитики»), а продвижение отдельной от государства «демократической биополитики» анализировать исключительно в контексте авторитарных режимов (в неолиберальных режимах правительственная биополитика и есть «демократическая биополитика»).

На фоне интеллектуальных баталий о разных биополитиках вклад массмедиа в продвижение биополитических проектов — государственных, от бизнеса или от общественных активистов — анализируется лишь в единичных случаях [de Souza Júnior, 2021; Yatsyk, 2022]. Государство, реализуя биополитические проекты, использует СМИ (государственные и негосударственные) для информирования и просвещения населения, однако это не лишает массмедиа возможностей следовать государственной биополитике, ориентируясь на редакционную политику и профессионализм журналистов. Как СМИ выполняют миссию по продвижению государственных биополитических проектов? Существуют ли различия между массмедиа европейских стран и России в продвижении государственных биополитических проектов? Сравнительный анализ массмедийных стратегий в области биополитики (между медиа и между странами) позволил бы не только определить готовность СМИ воспроизводить идеологию государственных биополитических проектов, но и оценить возможность массмедиа стать акторами «демократической биополитики».

Цель данной статьи — проанализировать развитие медийного дискурса негосударственных и государственных СМИ во время пандемии COVID-19 в России, Германии и Франции для идентификации и характеристики возможных стратегий продвижения государственных биополитических проектов.

Методология и методы

В качестве теоретической рамки исследования выступает теория биополитики в понимании Мишеля Фуко. Современные государства используют биополитику для управления населением, что особенно очевидно в периоды биополитических кризисов (например, во время пандемии). Так, растерянность и паника общества на начальном этапе пандемии компенсируется стремлением власти создать вакцину и вакцинировать население для совладания с пандемией. Коммуникацию между властью и обществом поддерживают медиа, принимая более или менее активное участие в просвещении населения.

С точки зрения теории медиа данное исследование базируется на модели пропаганды Эдварда Хермана и Ноама Хомского [Pedro-Carañana et al., 2018], согласно которой все медиа транслируют на своих страницах «картину мира», прошедшую через фильтры редактуры (более или менее зависимые от правительства), то есть содержание конструируется под актуальные для медиа задачи. Сравнивая медийный дискурс по периодам (для одного медиа) или медийные дискурсы разных СМИ, можно идентифицировать проблемы и задачи, стоящие за ним, и выяснить, участвуют ли медиа или нет в правительственной биополитической кампании.

На инструментальном уровне используется прием поиска «контекстуальных идеологем», позволяющий определить смысловую направленность медиадискурса [Радина, 2021а]. Контекстуальные идеологемы идентифицируются с помощью методов компьютерной лингвистики: применяется мера относительной частотности, а именно коэффициент *ipm* (*instances per million words*), показывающий, насколько частотным в тексте является то или иное словоупотребление на миллион слов [Michel et al., 2011]. Частотность лексем (включая и контекстуальные идеологемы) в больших цифровых массивах согласно культуромике (новой области текстологии), раскрывающей специфику развития культуры на основе анализа оцифрованных текстов, указывает на культурные явления, отраженные в текстах массмедиа, и является эффективным способом изучения общества [Бонч-Осмоловская, 2015].

Материалами исследования выступили тексты СМИ, содержащие информацию о пандемии в течение четырех «волн» (первая волна: январь 2020 — июнь 2020 г.; вторая волна: июль 2020 — февраль 2021 г.; третья волна: март 2021 — октябрь 2021 г.; четвертая волна — ноябрь 2021 — март 2022 г.), а именно:

1) три российских издания — государственное («Российская газета» — 19 471 текстов, 7,97 млн слов) и негосударственные («Коммерсантъ» — 1482 текста, 1,07 млн слов; «Новая газета»¹ — 705 текстов, 0,9 млн слов);

¹ 5 сентября 2022 г. Басманный суд Москвы на основании иска Роскомнадзора аннулировал у «Новой газеты» лицензию СМИ в России. См.: Басманный суд лишил лицензии «Новую газету» // РБК. 2022. 5 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/09/2022/6315b3df9a79472ca8c00281> (дата обращения: 22.08.2023). Эмпирика исследования включает материалы СМИ до лишения лицензии.

2) три негосударственных немецких издания («Sueddeutsche Zeitung» — 38 887 текстов, 14,50 млн слов; «Die Zeit» — 10 078 текстов, 7,40 млн слов; «Die Tageszeitung» — 5550 текстов, 1,48 млн слов);

3) три негосударственных французских издания («Le Figaro» — 29 584 текста, 10,84 млн слов; «Le Monde» — 22 446 текстов, 13,04 млн слов; «Le Parisien» — 6402 текста, 10,42 млн слов).

Были выбраны российские, немецкие и французские СМИ как представляющие различные политические позиции, а также ведущие страны и языки Европы. Государственные массмедиа (в данном случае — «Российская газета») финансируются правительствами и реализуют их «повестку дня» (государственную пропаганду), негосударственные СМИ (другие российские и зарубежные СМИ) отражают позицию собственников (как правило, частный капитал).

В результате поиска по ключевым словам («пандемия», «COVID») при помощи программного обеспечения BootCat, TreeTagger, AntConc и методов компьютерной лингвистики (лемматизация, анализ частотности) тексты о пандемии были идентифицированы, извлечены из архивов и обработаны. Таким образом была получена общая база данных, состоящая из трех частей различного объема.

Предыдущие исследования русскоязычных СМИ, раскрывающие особенности медиавоздействия во время пандемии коронавируса, определили две ключевые идеологемы, характеризующие медийную реальность пандемии: «вирус»/«коронавирус» и «вакцина» («вакцинация») [Радина, 2021б]. Первая идеологема преобладает на этапе «первой волны» — периода неопределенности, растерянности, страха перед новой эпидемиологической угрозой. Идеологема «вакцина»/«вакцинация» появляется уже во «вторую волну». Это время создания и испытаний вакцины, в течение которого она ожидалась как спасение.

Если идеологема «вирус»/«коронавирус» репрезентирует пандемию независимо от идеологических и пропагандистских задач, то идеологема «вакцина»/«вакцинация» реконструирует биополитическое измерение, содержит отсылку к «общественному телу» и защите общества от COVID-19. Отдельные индивиды (и даже группы) опасаются вакцины, отказываются от вакцинации, сопротивляясь биополитическим действиям властей. Стремясь убедить сограждан, в пропаганду вакцинации в разных странах включаются государственные и негосударственные медиа. Таким образом, идеологема «вакцинация» в медийных текстах становится показателем координации действий медиа и правительства, отчасти указывая на участие медиа в позитивной биополитической пропаганде.

Поскольку биополитическая идеологема «вакцинация» репрезентировала и сопровождала действие правительств всех трех стран, медиа которых были выбраны для изучения, именно идеологема «вакцинация» была выбрана ключевой для идентификации включенности в биополитическую общественную повестку.

В качестве основной гипотезы выступило предположение, что в неолиберальных государствах ЕС негосударственные массмедиа будут синхронно (и ответственно) воспроизводить ключевую биополитическую идеологему «вакцинация», ориентируясь на просветительские программы правительства для сохранения населения от инфицирования коронавирусом (как акторы, интегрированные в «демократическую биополитику»).

Медиадискурс пандемии в российских медиа

Выбор российских медиа для исследования был обусловлен возможностью включения в материалы исследования как государственных, так и негосударственных медиа. В качестве государственного СМИ была выбрана «Российская газета», в качестве негосударственных — «Коммерсантъ» (владелец издательского дома «Коммерсантъ» на момент исследования — медиахолдинг ЗАО «Коммерсантъ-холдинг», контролируемый российским предпринимателем А. Усмановым) и «Новая газета» (основной владелец на момент исследования — коллектив редакции), известная оппозиционной и либеральной направленностью. Тем самым были представлены информационные поля российского правительства, бизнеса и критически настроенного гражданского общества.

Среди наиболее частотных существительных в изучаемой коллекции медийных текстов были отсортированы лексемы, при помощи которых создается обычный новостной дискурс. Они составляют журналистские клише, встречающиеся независимо от тематики статей: «человек», «год», «страна», «Москва», «регион», «Россия» и т. д. В итоге были идентифицированы частотные лексемы, раскрывающие общее содержание текстов о пандемии (см. табл. 1).

Таблица 1. Российских медийный дискурс о пандемии

Волны пандемии	Российская газета	Коммерсантъ	Новая газета
Первая	коронавирус (ipm 6098), covid (ipm 2734), работа (ipm 2233), пандемия (ipm 2208), мера (ipm 1764), инфекция (ipm 1754), вирус (ipm 1559), пациент (ipm 1455), заболевание (ipm 1333)	пандемия (ipm 2935), режим (ipm 2583), компания (ipm 2470), коронавирус (ipm 2096), работа (ipm 1848), мера (ipm 1574), рынок (ipm 1474)	больница (ipm 1311), врач (ipm 1168), работа (ipm 1179), дело (ipm 1161), власть (ipm 1046), жизнь (ipm 1014), пациент (ipm 889)
Вторая	пандемия (ipm 2469), covid (ipm 2446), работа (ipm 2085), вакцина (ipm 1655), коронавирус (ipm 1535), развитие (ipm 1168), инфекция (ipm 1149), компания (ipm 1131)	коронавирус (ipm 3155), режим (ipm 2029), covid (ipm 1787), работа (ipm 1761), рынок (ipm 1629), вакцина (ipm 1513), глава (ipm 1263), бизнес (ipm 1211)	дело (ipm 1426), власть (ipm 1287), суд (ipm 1151), работа (ipm 1092), акция (ipm 1036), жизнь (ipm 915), протест (ipm 880), врач (ipm 862)
Третья	covid (ipm 2777), коронавирус (ipm 3169), вакцинация (ipm 1137), пандемия (ipm 1857), инфекция (ipm 780), вакцина (ipm 727), пациент (ipm 707), работа (ipm 698)	пандемия (ipm 3193), компания (ipm 2493), вакцина (ipm 2127), covid (ipm 2087), рынок (ipm 1987), коронавирус (ipm 1983), вакцинация (ipm 1790), режим (ipm 1767), работа (ipm 1649)	работа (ipm 1369), пандемия (ipm 1175), вирус (ipm 1119), жизнь (ipm 1106), компания (ipm 1063), вакцинация (ipm 1031), больница (ipm 1000)
Четвертая	covid (ipm 2965), коронавирус (ipm 3575), пациентов (ipm 1040), пандемия (ipm 1744), вакцинация (ipm 955), омикрон (ipm 849), инфекция (ipm 821), здравоохранение (ipm 796)	пандемия (ipm 3700), компания (ipm 2194), рынок (ipm 2056), режим (ipm 2022), covid (ipm 1881), работа (ipm 1644), вакцинация (ipm 1413), коронавирус (ipm 1331), ограничение (ipm 1225)	центр (ipm 543), поддержка (ipm 543), выбор (ipm 543), вакцина (ipm 543), акция (ipm 543), рынок (ipm 543)

Государственная «Российская газета» на этапе «первой волны» констатирует нарастающую проблему («коронавирус» (ipm 6098.28), «пандемия» (ipm 2207.47), «вирус» (ipm 1559.20) и др.), тематически локализованную в области здравоохранения («инфекция» (ipm 1753.45), «пациент» (ipm 1455.17), «заболевание» (ipm 1332.76)).

ВОЗ пока не наблюдает безудержного глобального распространения нового коронавируса и не видит огромного числа тяжелых случаев или смертей. (Российская газета, 25.02.2020)

Однако уже на этапе «второй волны» в медийный дискурс входит идеологема «вакцинация» («вакцинация» (ipm 1136.92), «вакцина» (ipm 726.64)), которая далее — от «второй волны» до «четвертой» — закрепляется, воспроизводя типичный биополитический конструкт «вирус»/«вакцинация».

В Саранске налажен выпуск лекарства от COVID-19. <...> Минздрав РФ одобрил разработанный здесь препарат: его применение сокращает срок заболевания до четырех дней. (Российская газета, 02.07.2020)

Можно заключить, что медийная стратегия «Российской газеты» во время пандемии по сути представляла собой непосредственный биополитический проект правительства.

Медийная стратегия периода пандемии негосударственного медиа «Коммерсантъ» складывалась согласованно с действиями правительства. «Первая волна» пандемии в «Коммерсанте» достаточно типично выстраивается вокруг идеологем «коронавирус» (ipm 2095.65) и «пандемия» (ipm 2934.78).

Эксперты считают, что скандал вокруг китайского вируса «раздут», но признают, что он обладает высокой заразностью и может передаваться от человека к человеку. (Коммерсантъ, 23.01.2020)

От «второй волны» к «четвертой» идеологема «вакцинация» в «Коммерсанте» входит в ключевые координаты медийного дискурса пандемии: «коронавирус» — «пандемия» — «вакцинация».

Вводимые регионами ограничения против невакцинированных граждан привели к ажиотажному спросу и очередям на прививку. (...). За неделю на прививку через портал госуслуг в целом по стране записалось 200 тыс. человек, в то время как с момента старта массовой вакцинации с января этого года — 1,5 млн сообщило 23 июня Минцифры. (Коммерсантъ, 25.06.2021)

В «Коммерсанте» ожидаемо пандемия становится частью дискурса бизнеса и работы, поэтому обсуждаются «меры» (ipm 1574), «режим» (ipm 2583 / ipm 2029 / ipm 2022), «компании» (ipm 2470 / ipm 2194), «рынок» (ipm 1474 / ipm 1629 / ipm 1987 / ipm 2056), «ограничение» (ipm 1225), а также ряд проблем, связан-

ных с управлением и властью в целом. Поскольку пандемия фактически блокировала активность бизнеса, вакцинация «общественного тела» подается как ключевое условие возвращения общества к привычной деловой жизни.

Страны ЕС сообщают об успехах в вакцинации и надеются на возобновление туризма. (Коммерсантъ, 06.05.2021)

Биополитическая медийная стратегия «Коммерсанта» близка государственной «Российской газете», что можно объяснить решением общих задач.

Биополитическая медийная стратегия оппозиционной негосударственной «Новой газеты» также движется в логике от «вируса» к «вакцинации».

Россия смогла разработать вакцину от COVID-19 одной из первых и запустила массовую вакцинацию (по крайней мере, в Москве) (...). (Новая газета, 15.05.2021)

В медиадискурсе «первой волны» идеологема «коронавирус» оказывается нечастотной, повествование строится с опорой на привычные лексемы «больница» (ipm 1310.71), «врач» (ipm 1168.29), «власть» (ipm 1046.43), «жизнь» (ipm 1014.29), «пациент» 249 (ipm 889.29). Медиадискурс «второй волны» отражает напряжение, складывающееся в обществе: «дело» (ipm 1425.64), «власть» (ipm 1287.18), «суд» (ipm 1151.28), «акция» (ipm 1035.90), «протест» (ipm 879.49), «врач» (ipm 861.54). Однако «третья волна» возвращает в медиадискурс традиционную биополитику и вакцинацию («вакцинация» (ipm 1031.25)), а медиадискурс оппозиционной «Новой газеты» во время «третьей» и «четвертой волн» пандемии отражает биополитические проблемы вакцинации общества.

«КовиВак» требуют наши сердца. Москвичи встали в очереди за вакциной от Центра Чумакова, и смели ее за день. (Новая газета, 11.07.2021)

Биополитические стратегии, реализуемые в медиадискурсе «Российской газеты» и «Коммерсанта», оказались близкими (примерно в одно время сориентировались на пропаганду вакцинации). «Новая газета» присоединилась к «государственной повестке» вакцинации, сохраняющей население, позднее (на этапе «третьей волны», когда и проходила вакцинация), сохранив при этом ориентацию на анализ проблемных зон общества в пандемии.

Медиадискурс пандемии в немецких медиа

Для исследования были отобраны три независимых издания разной политической направленности. «Die Tageszeitung» – кооператив, управляемый самими сотрудниками, позиционирует себя как независимое СМИ, придерживается новых левых взглядов. «Die Zeit» — либеральная газета, входит в издательскую группу «Georg von Holtzbrinck» с филиалами в Америке и Великобритании. «Süddeutsche Zeitung» печатается в издательстве «Süddeutsche Verlag», его цели — в пропаганде либерального и терпимого отношения, ценности — центризм, социал-либерализм.

По волнам пандемии материалы представлены неравномерно из-за введенных ЕС санкций против российских граждан (следовательно, и российских исследователей) в финансовой области (к некоторым архивам только коммерческий доступ, который из-за санкций стал невозможен).

В таблице 2 представлены частотные лексемы медийных текстов немецких СМИ о пандемии.

Таблица 2. **Немецкий медийный дискурс о пандемии**

Волны пандемии	Süddeutsche Zeitung	Die Zeit	Die Tageszeitung
Первая	<i>corona</i> (ipm 2052), <i>pandemie</i> (ipm 1309), <i>coronavirus</i> (ipm 1273), <i>coronakrise</i> (ipm 1213), <i>coronapandemie</i> (ipm 1036), <i>krise</i> (ipm 767), <i>virus</i> (ipm 746), <i>kind</i> (ipm 737)		
Вторая	<i>corona</i> (ipm 2866), <i>pandemie</i> (ipm 1503), <i>covid</i> (ipm 1030), <i>coronapandemie</i> (ipm 985), <i>lockdown</i> (ipm 747)	<i>coronavirus</i> (ipm 1892), <i>pandemie</i> (ipm 1589), <i>kind</i> (ipm 860), <i>lockdown</i> (ipm 744)	
Третья	<i>coronavirus</i> (ipm 2756), <i>pandemie</i> (ipm 1506), <i>inzidenz</i> (ipm 1397), <i>covid</i> (ipm 1083), <i>kind</i> (ipm 691), <i>patient</i> 2286 (ipm 637)	<i>coronavirus</i> (ipm 1861), <i>pandemie</i> (ipm 1598), <i>kind</i> (ipm 1411), impfung (ipm 850), impfstoff (ipm 728)	<i>coronavirus</i> (ipm 2195), <i>covid</i> (ipm 2105), <i>pandemie</i> (ipm 1747), impfung (ipm 1707), impfstoff (ipm 1647), <i>kind</i> (ipm 1486)
Четвертая	<i>coronavirus</i> (ipm 3580), <i>pandemie</i> (ipm 1688), <i>inzidenz</i> (ipm 1394), <i>covid</i> (ipm 1084), <i>omikron</i> (ipm 898).	<i>coronavirus</i> (ipm 2065), <i>pandemie</i> (ipm 1579), <i>omikron</i> (ipm 912), <i>covid</i> (ipm 835)	<i>coronavirus</i> (ipm 2046), <i>pandemie</i> (ipm 1755), обязанность impfpflicht (ipm 1262), <i>kind</i> (ipm 1046), impfung (ipm 986), <i>omikron</i> (ipm 923)

Издание “Süddeutsche Zeitung” начиная с «первой волны» информировало аудиторию о событиях пандемии. Среди частотных лексем превалировала лексика, маркирующая реальность с акцентом на причины происходящего (*corona* (ipm 2051.94), *pandemie* (ipm 1309.16), *coronavirus* (ipm 1272.5) и др.). Издание предлагало читателю не только негативные, но и позитивные новости, акцентируя внимание на том, что, несмотря на пандемию и кризис, жизнь продолжается.

В районе Дахау около 780 работников пекарен следят за тем, чтобы, несмотря на пандемию, хлеб и крендели с солью не стали дефицитом. (Süddeutsche Zeitung, 18.06.2020)²

² Im Landkreis Dachau sorgen rund 780 Beschäftigte in Bäckereien dafür, dass trotz Pandemie Brot und Brezeln nicht knapp werden.

Стратегия своевременного информирования в данном СМИ сохранялась на протяжении всех четырех волн. По мере появления новых данных издание добавляло детали в информационные сообщения (например, «lockdown» — «локдаун» (ipm 747.2), «inzidenz» — «частота новых случаев заболевания» (ipm 1396.65), «omicron» — «омикрон» (ipm 898.00)).

Компания также ищет вакцину от омикрон-варианта коронавируса. (Süddeutsche Zeitung, 30.03.2022)³

Схожей стратегии придерживалось и издание «Die Zeit», которое позиционировало себя как источник самой актуальной и достоверной информации о заболеваемости COVID-19 в Германии. В дискурсе преобладали статистические данные, обсуждались социальные проблемы и практически отсутствовали эмоциональные клише.

Дети предоставлены сами себе, потому что родители не могут работать дома. (Die Zeit, 31.03.2020)⁴

По данным RKI, семидневная заболеваемость, то есть число новых случаев заражения на 100 000 жителей, зарегистрированных в течение семи дней, в субботу утром составила 57,8 по всей стране и, таким образом, немного выше, чем в предыдущий день (56,8). (Zeit, 15.03.2021)⁵

В дискурсе «третьей волны» в издании «Die Zeit» на периферии повестки появилась тема вакцинации («impfung» — «прививка» (ipm 850.07), «impfstoff» — «вакцина» (ipm 727.55)), представленная плюрализмом мнений.

В издании «Die Tageszeitung» также очевидно смещение акцента в сторону биополитических установок во время «второй» и последующих «волн». Медийный дискурс строится вокруг двух основных идеологем: коронавирус (проблема) и вакцинация (решение).

Однако в то же время становится все более очевидным, что вакцинация против коронавируса хорошо защищает от симптомов заболевания. (Die Tageszeitung, 23.08.2021)⁶

Если вакцинация — это единственное, что помогает в условиях пандемии, то вы должны это сделать. (Die Tageszeitung, 30.10.2021)⁷

Таким образом, биополитические стратегии СМИ Германии представляют весь спектр мнений: от принятия идеологем вакцинации в русле правительственных

³ Das Unternehmen sucht auch nach einem Impfstoff gegen die Omikron-Variante des Coronavirus.

⁴ Kinder sind sich selbst überlassen, weil die Eltern nicht im Homeoffice arbeiten können.

⁵ Die Sieben-Tage-Inzidenz, also die Zahl der binnen sieben Tagen gemeldeten Neuinfektionen pro 100.000 Einwohner, lag laut RKI am Samstagmorgen bundesweit bei 57,8 und damit etwas höher als am Vortag (56,8).

⁶ Gleichzeitig zeigt sich aber immer deutlicher, dass die Corona Impfung gut vor symptomatischen Erkrankungen schützt.

⁷ Wenn die Impfung das einzige ist, was in der Pandemie hilft, dann sollte man es auch tun.

биополитических проектов на этапе третьей волны (со стороны «Die Zeit» и «Die Tageszeitung») до игнорирования государственных биополитических задач, связанных с вакцинацией населения (со стороны «Süddeutsche Zeitung»).

Медиадискурс пандемии во французских медиа

Для анализа франкоязычного дискурса были выбраны крупные издания, имеющие национальный охват и представляющие интересы разных социальных групп: традиционно воспринимаемое как правое издание Le Figaro, обозначающее себя как независимое издание Le Monde и воспринимаемое во французском обществе как левое издание Le Parisien. Все три издания получают дотации от правительства Франции (см. табл. 3).

Таблица 3. Французский медийный дискурс о пандемии

Волны пандемии	Le Figaro	Le Monde	Le Parisien
Первая	<i>coronavirus</i> (ipm 4420), <i>covid</i> (ipm 2735), <i>pandémie</i> (ipm 2089), <i>épidémie</i> (ipm 1879), <i>santé</i> (ipm 1485), <i>crise</i> (ipm 1454), <i>mesure</i> (ipm 1313), <i>chine</i> (ipm 1252)	<i>coronavirus</i> (ipm 2184), <i>covid</i> (ipm 2112), <i>crise</i> (ipm 1681), <i>épidémie</i> (ipm 1520), <i>santé</i> (ipm 1456), <i>confinement</i> (ipm 1372), <i>état</i> (ipm 1346), <i>mesure</i> (ipm 1284), <i>président</i> (ipm 1172)	<i>coronavirus</i> (ipm 4940), <i>covid</i> (ipm 2836), <i>épidémie</i> (ipm 1882), <i>santé</i> (ipm 1756), <i>confinement</i> (ipm 1733), <i>mesure</i> (ipm 1404), <i>masque</i> (ipm 1398), <i>crise</i> (ipm 1328), <i>virus</i> (ipm 1258)
Вторая	<i>Covid</i> (ipm 4210), <i>pandémie</i> (ipm 2461), <i>coronavirus</i> (ipm 2187), vaccin (ipm 1438), <i>santé</i> (ipm 1309), <i>mesure</i> (ipm 1239), <i>gouvernement</i> (ipm 1131)	<i>covid</i> (ipm 2625), <i>président</i> (ipm 1401), <i>crise</i> (ipm 1233), <i>santé</i> (ipm 1224), <i>état</i> (ipm 1134), <i>ministre</i> (ipm 1108), <i>gouvernement</i> (ipm 1093), <i>pandémie</i> (ipm 1041)	<i>covid</i> (ipm 4931), <i>vaccin</i> (ipm 2279), <i>santé</i> (ipm 2223), <i>coronavirus</i> (ipm 1920), <i>test</i> (ipm 1624), <i>ministre</i> (ipm 1542), <i>virus</i> , (ipm 1489), <i>mesure</i> (ipm 1440), <i>épidémie</i> (ipm 1419)
Третья	<i>covid</i> (ipm 4028), <i>pandémie</i> (ipm 2257), vaccin (ipm 2008), vaccination (ipm 1515), <i>santé</i> (ipm 1315), <i>gouvernement</i> (ipm 1139), <i>fin</i> (ipm 1129)	<i>covid</i> (ipm 2875), vaccin (ipm 1826), <i>santé</i> (ipm 1288), <i>pandémie</i> (ipm 1246), vaccination (ipm 1207), <i>président</i> (ipm 1156), <i>gouvernement</i> (ipm 1101), <i>crise</i> (ipm 1092)	<i>covid</i> (ipm 5643), vaccin (ipm 3668), vaccination (ipm 2889), <i>santé</i> (ipm 2379), <i>dose</i> (ipm 2241), <i>ministre</i> (ipm 1493), <i>gouvernement</i> (ipm 1362), <i>pandémie</i> (ipm 1353)
Четвертая	<i>covid</i> (ipm 4665), <i>pandémie</i> (ipm 2022), <i>omicron</i> (ipm 1384), <i>santé</i> (ipm 1335), vaccin (ipm 1282), <i>fin</i> (ipm 1254)	<i>covid</i> (ipm 2891), <i>santé</i> (ipm 1261), <i>ministre</i> (ipm 1260), <i>gouvernement</i> (ipm 1185), <i>pandémie</i> (ipm 1132), <i>président</i> (ipm 1075)	<i>covid</i> (ipm 6260), <i>santé</i> (ipm 2639), <i>omicron</i> (ipm 2429), <i>dose</i> (ipm 2194), vaccin (ipm 2132), vaccination (ipm 2123), <i>ministre</i> (ipm 1846), <i>test</i> (ipm 1636)

«Le Figaro» обратилась к идеологеме «вакцинация» уже во время «второй волны» (одной из лидеров стала частотная лексема «вакцина» (ipm 1438)). На фоне стандартных историй о пандемии, включающих размышления о здоровье общества (*santé* (ipm 1485)) и кризисе в публичной сфере из-за пандемии (*pandémie* (ipm 2089), *crise* (ipm 1454)), указывая на географию исхода вируса (*chine* (ipm

1252)), с июля 2020 г. «Le Figaro» все активнее конструировала биополитический контекст: обсуждались меры (*mesure* (ipm 1239)) по совладанию с пандемией (*pandémie* (ipm 2461)), включая вакцинацию (*vaccin* (ipm 1438)). Биополитическая программа правительства, связанная с вакцинацией, осталась ведущей в Le Figaro со «второй волны» до «четвертой» (с июля 2020 до марта 2022 г.).

Государственный совет в среду признал «непропорциональной» рекомендацию Министерства солидарности и здравоохранения полностью запретить прогулки жителям учреждений для престарелых — меру, принятую в рамках борьбы с эпидемией коронавируса. (Le Figaro, 03.03.2021)⁸

Moderna обнародовала «промежуточные результаты». Фазы 1 в виде пресс-релиза на своем сайте в мае, согласно которому вакцина вызвала иммунный ответ у восьми пациентов. (Le Figaro, 15.07.2020)⁹

В «Le Monde» тема вакцинации проявилась во время «третьей волны» (*vaccin* (ipm 1826), *vaccination* (ipm 1207)). Все остальное время на страницах данного массмедиа обсуждались действия правительства во время пандемии.

Но задержки с поставками вызывают замедление кампаний по вакцинации в Европе. (Le Monde, 13.03.2021)¹⁰

Больше не было речи о проволочках для уходящего в отставку правительства, которое, несмотря на различия во мнении насчет ответной реакции, в конечном итоге выстроилось в очередь за г-ном Рютте и его министром здравоохранения Уго де Йонге. (Le Monde, 13.11.2021)¹¹

Значимо чаще, чем другие медиа, обсуждая правительство, «Le Monde» не включается в активное продвижение биополитической программы государства, направленной на вакцинацию населения Франции, словно ее интересуют политики (акторы), а не политика (продукт).

Анализ частотных лексем медийного дискурса «Le Parisien» позволяет предположить, что у данного медиа есть собственная оригинальная концепция просвещения населения о проблемах биополитики во время пандемии. На страницах «Le Parisien» уже на этапе «первой волны» пандемии обсуждаются здоровье общества (*santé* (ipm 1756)) и меры (*mesure* (ipm 1404)), которые вводит правительство для совладания с вирусом (*coronavirus* (ipm 4940)), включая изоляцию (*confinement* (ipm 1733)) и маски (*masque* (ipm 1398)). Тема вакцинации, которая

⁸ Le Conseil d'État a jugé ce mercredi «disproportionnée» la recommandation du ministère des Solidarités et de la Santé d'interdire totalement les sorties aux résidents d'établissements pour personnes âgées, une mesure prise dans le cadre de la lutte contre l'épidémie de coronavirus.

⁹ Moderna avait rendu publics les «résultats intérimaires» de sa Phase 1, sous forme d'un communiqué de presse sur son site en mai, selon lequel le vaccin avait provoqué une réponse immunitaire chez huit patients.

¹⁰ Mais les retards de livraisons engendrent un ralentissement des campagnes de vaccination en Europe».

¹¹ Il n'était plus question de tergiverser pour un gouvernement démissionnaire qui, même s'il était divisé sur l'ampleur de la riposte à décréter, a fini par se ranger derrière M. Rutte et son ministre de la santé, Hugo de Jonge.

пришла в медийный дискурс «Le Parisien» на этапе «третьей волны» (vaccin (ipm 3668), vaccination (ipm 2889)), сохраняется до марта 2022 г. (vaccin (ipm 2132), vaccination (ipm 2123)), обрастая новыми деталями (omicron (ipm 2429), dose (ipm 2194), test (ipm 1636)).

Но этот процент, вероятно, будет быстро увеличиваться с волной омикрона, что увеличивает вероятность повторного заражения и спутает все карты в отношении прошлых инфекций. Поэтому, чтобы не жить отшельником, вакцинация остается лучшим средством, считает руководитель исследования. (Le Parisien, 31.12.2021)¹²

Дискурс изучаемых медиа Франции, как и в случае с медиа Германии, представлен множеством стратегий продвижения биополитической проблематики. Это стратегии, которые условно можно назвать проправительственными (где биополитическая тема вакцинации появляется уже на этапе второй волны, как в «Le Figaro»), и независимые стратегии, но ориентированные на действия правительства, как в «Le Parisien», а также мобилизационные и отчасти имитационные, как в «Le Monde» (где биополитическая проблематика едва пробивается на этапе третьей волны сквозь стену размышлений и упоминаний на страницах медиа действующих политиков).

Биополитика и медиа: обсуждение результатов

Изучение медиадискурса, отражающего общественные процессы во время пандемии COVID-19 [Балакина, 2022; Голованова, Маджаева, 2020; Мухарямова и др., 2021; Радина 2021б], позволяет сосредоточиться на рефлексии роли медиа во время кризисов. С точки зрения биополитики СМИ не являются субъектами, осуществляющими собственные биополитические программы, однако именно они становятся проводниками биополитических идей. В этом контексте важно реконструировать «поле субъектов» биополитики, тогда их связь с медиа позволит идентифицировать просветительские и пропагандистские стратегии, формирующие медийные нарративы. Очевидный ведущий субъект биополитики — государство, претендующее на управление населением и снижение «пандемических рисков», именно государственную биополитику, как правило, анализируют в русскоязычных исследовательских текстах [Маничкин, 2021]. В англоязычных работах анализ направлен также на другого субъекта биополитики — «капиталистическую машину», в том числе деятельность фармкомпаний [Schubert 2022], которые управляют населением в своих интересах. Логично предположить, что «демократическая биополитика» порождается третьим субъектом — гражданским обществом, о котором не упоминал Фуко и о котором спорят современные исследователи [Christiaens 2021; Sotiris 2020]. Христианс Тим полагает, что в случае «демократической биополитики» снимается противостояние общества и индивида, отстаивающего свои права в условиях ограничений, поскольку индивид сам может стать частью биополитической власти [Christiaens 2021].

¹² Mais ce pourcentage risque d'augmenter rapidement avec la vague d'Omicron, qui augmente les chances de réinfections et va brouiller les cartes concernant les infections passées. Alors pour éviter de vivre comme un ermite, la vaccination reste le meilleur des outils, estime le directeur de recherches.

В то же время складывается впечатление, что гражданское общество как возможный субъект биополитики всерьез не анализируется, поскольку в немногочисленных работах о «демократической биополитике», как правило, обсуждаются исключительно активисты, общественные группы, более или менее связанные с государством, — и только. Массмедиа как важный институт гражданского общества остаются практически без внимания, и это притом, что для классической биополитики значимо производство и трансляция биополитического знания, а это невозможно без СМИ.

В данном исследовании (вслед за европейскими авторами [Ali, 2020; Schubert, 2022]) было высказано предположение, что в неолиберальных режимах ЕС массмедиа (независимо от того, государственные они или независимые от государства), признавая приоритет правительств, за которые проголосовали граждане, будут транслировать идеи, созвучные государственным биополитическим проектам. Анализ результатов исследования показал, что данная гипотеза не подтвердилась.

Во-первых, российские СМИ, медиадискурс пандемии которых находился в фокусе исследования, продемонстрировали значительную согласованность в принятии биополитических задач правительства (хотя европейские авторы и не считают российский режим классическим («правильным») неолиберальным). Так, государственная «Российская газета» после идентификации проблемы (признание пандемии) уже на этапе «второй волны» обратилась к идеологеме «вакцина»/«вакцинация» и все время пандемии поддерживала тематику защиты общества от пандемии через вакцинацию. Негосударственный «Коммерсантъ» (представляющий частный капитал как субъекта биополитики) поддерживал вакцинацию еще более последовательно, интегрируя позитивный пропагандистский биополитический контент (о вакцине и вакцинации) в рассказы о деловой активности. И даже оппозиционная негосударственная «Новая газета» на этапе активных действий со стороны Министерства здравоохранения РФ включилась в продвижение идеи вакцинации общества для борьбы с пандемией и создания коллективного иммунитета.

Во-вторых, массмедийные биополитические стратегии европейских СМИ оказались весьма разнообразными — от нетрансляции правительственных биополитических идей о вакцинации (немецкая «Süddeutsche Zeitung»), от формальной и краткосрочной презентации биополитических идей правительства (французская «Le Monde») до последовательной поддержки правительственной стратегии вакцинации (немецкая «Die Tageszeitung», французская «Le Figaro») и подробной просветительской работы, созвучной правительственным биополитическим программам (французская «Le Parisien»). «Непослушание» европейских массмедиа не противоречит неолиберальным идеям, следовательно, если принимать, что субъектом «демократической биополитики» является гражданское общество (не только движения и группы активистов, но и СМИ), то его биополитические программы могут быть лишь отчасти совпадающими с программами национальных правительств.

Многоголосие (и разноголосие) европейских СМИ отражает сложное и противоречивое мнение о биополитических проектах общества в целом, поэтому «демократическая биополитика» будет очевидно более противоречивой и многоаспектной, лишь отчасти и в определенных условиях созвучной классической правительственной биополитике.

Заключение и выводы

Отвечая на ключевой вопрос, возможна ли «демократическая биополитика» во время пандемии, мы выходим на парадокс, обусловленный продолжающимися теоретическими дискуссиями о биополитике, вступающими, на наш взгляд, в конфликт с реальностью и практикой.

Проблематизация теоретического поля биополитики происходила до пандемии COVID-19 и связана с разработкой первых теорий биополитики (в первую очередь биополитики Фуко) и с технологическим развитием общества в области здравоохранения и социальной политики. В результате у исследователей появилась потребность в расширении терминологии, был предложен термин «демократическая биополитика». «Демократическая биополитика» понимается исследователями как биополитика гражданских активистов и групп — более или менее солидарных с правительством. Во время пандемии COVID-19 из-за значительного числа несогласных активистов, а также из-за наличия протестных форм гражданской активности (в отношении биополитики правительств) был предложен термин «популистская биополитика» (термин, маркирующий «низовую активность» общества), а «демократической биополитикой» было предложено называть правительственную биополитику неолиберальных режимов. Таким образом, все биополитические идеи в неолиберальных режимах, отличные от государственной линии, оказываются «популистскими».

Поскольку терминологическое дополнение («демократическая биополитика») очевидно реконструирует треугольник субъектов биополитики (правительство — бизнес — гражданское общество), СМИ являются актором биополитики (представляя субъекта — гражданское общество) и в то же время коммуникативным каналом, связывающим государство, бизнес и общество.

При проведении исследования мы столкнулись с противоречием современного теоретического поля «демократической биополитики» и фактов медийной реальности. Российские СМИ выстраивали коммуникативные стратегии с населением, согласованные с государственной пропагандой вакцинации. Неолиберальная экономическая модель РФ российскими исследователями критикуется, но, тем не менее, признается как базовая (например, как «гибридный неолиберализм» [Матвеев, 2015]). Следовательно, российские массмедиа (в поле «гибридного неолиберализма») действовали в русле «демократической биополитики»? В то же время часть изучаемых СМИ из неолиберальных режимов Франции и Германии игнорировали потребности государства во время пандемии (в защите населения через пропаганду вакцинации) или имитировали включенность в государственную пропаганду. Следует ли невключенность в государственную пропаганду вакцинации со стороны данных медиа (фактически — отказ) считать проявлением «популизма»? И, если придерживаться позиции радикальных критиков российского неолиберализма (признавая российский государственный режим «репрессивным»), следует ли считать «демократической биополитикой» (как ответ «репрессивному государству») поддержку государственной вакцинации со стороны российских негосударственных массмедиа?

Философские концепции и гипотезы, формируя комплексы идей, долгое время с трудом операционализировались в социогуманитарном поле, поскольку со-

циальные и гуманитарные науки не обладали необходимыми инструментами для сбора и анализа «неуловимой эмпирики». Цифровизация коммуникации изменила данное положение: стало возможным на объемном материале проверять теоретические идеи. Мы полагаем, обоснование термина «популистская биополитика» требует продолжения научных дискуссий и дополнительной рефлексии: его использование может означать как характеристику особых суждений и действий гражданского общества (включая массмедиа), так и страх перед «другим мнением» со стороны «ученых субъектов», «производящих знание» через означивание социальных феноменов. Возможно, граница между терминами «демократическая биополитика» и «популистская биополитика» (как ее определяют в современных исследованиях) находится в политизированном сознании авторов, а реальные «эмпирические закономерности» разрушают простую дихотомическую схему.

Что же касается анализа массмедийного дискурса, в тех случаях, когда негосударственные СМИ присоединялись к продвижению государственных биополитических проектов, а именно — участвовали в пропаганде вакцинации, они демонстрировали разные стратегии донесения биополитической информации до населения с разным мобилизационным ресурсом. Некоторые негосударственные СМИ (такие обнаружили и в России, и в Германии, и во Франции) поддерживали кампанию по вакцинации все время пандемии, активно и вовлеченно. Данный факт позволяет предположить, что массмедийный дискурс периода пандемии — инструмент редакционной политики (по Херману и Хомскому), за которым стоит собственник/бизнес, не связанный непосредственно с производством лекарств или медицинской техники, но разделяющий биополитические программы правительств и (в силу различных обстоятельств) заинтересованный в реализации биополитических проектов государства. «Массмедийное сотрудничество» в области биополитических программ со стороны государства и бизнеса вызывает особый интерес (особенно в тех случаях, когда бизнес не заинтересован непосредственно, как, например, фармкомпании, включенные в биополитику) и требует продолжения исследований.

Поскольку количественные массмедийные исследования, позволяющие интегрировать значительные массивы текста для анализа, благодаря цифровому дискурсу и методам компьютерной лингвистики активно развиваются в последние десятилетия, традиции изучения репрезентации различных социальных феноменов в медийном дискурсе складываются «здесь и теперь». Это открывает новые возможности для исследований, особенно в области политических коммуникаций, а открытые архивы СМИ позволяют изучать различные аспекты медиатизированной политики, включая актуальные современные направления — медиатизацию биополитики и биополитическую пропаганду.

Список литературы (References)

Агамбен Дж. Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
Agamben G. (2011). Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Балакина Ю. В. Пандемия COVID-19 в Германии: информационные кампании, медиа, общество // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 3. С. 83–101. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-5>.

Balakina, J. V. (2022). COVID-19 Pandemic in Germany: information Campaign, Media, Society. *Baltic Region*. Vol. 14. No. 3. P. 83–101. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-5>. (In Russ.)

Блинов Е. «Царствующая болезнь»: Фуко об институциональном смысле эпидемий и «компактных моделях» отношений власти // Логос. 2021. № 2. С. 79–104. Blinov, E. (2021) The prevailing disease: Foucault on the institutional meaning on the epidemics and compact models of power relations. *Logos*. No. 2. P. 79–104. (In Russ.)

Бонч-Осмоловская А. А. Культуромика в национальном корпусе русского языка, к постановке задачи: три века русских дорог // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Т. 4. № 6. С. 605–641.

Bonch-Osmolovskaya A. A. (2015) Cultural Studies in the National Corpus of the Russian Language, to the Formulation of the Problem: Three Centuries of Russian Roads. *Proceedings of the Institute of the Russian Language*. V. V. Vinogradov. Vol. 4. No. 6. P. 605–641. (In Russ.)

Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Т. 7. № 441. С. 48–55. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10707>.

Golovanova E. I., Madzhaeva S. I. (2020) About the Vocabulary of the Era of the Coronavirus Pandemic. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. Vol. 7. No. 441. P. 48–55 <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10707>. (In Russ.)

Желнин А. И. Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 3. С. 320–330. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-320-330>.

Zhelnin A. I. (2019) Biopolitics and Biopolitical Economy: Essence of Concepts. *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. No. 3. P. 320–330. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-320-330>. (In Russ.)

Кобылин И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // Философия и общество. 2011. № 3. С. 171–183.

Kobylin I. I. (2011) Source and Singularity: J. Agamben and M. Foucault on the Birth of Biopower. *Philosophy and Society*. No. 3. P. 171–183. (In Russ.)

Комарофф Дж. По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок // Логос. 2021. Т. 31. № 1. С. 3–34.

Komaroff Dzh. (2021) Beyond Naked Life: AIDS, (Bio)politics, and the Neoliberal Order. *Logos*. Vol. 31. No. 1. P. 3–34. (In Russ.)

Маничкин Н. А. Биополитические аспекты пандемии covid-19: общественная дискуссия о свободе и трансформациях социальной жизни // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 141–161.

Manichkin N. A. (2021) Biopolitical Aspects of the Covid-19 Pandemic: A Public Debate on Freedom and the Transformation of Social Life. *Siberian Historical Research*. No. 2. P. 141–161. (In Russ.)

Матвеев И. А. Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2015. № 4. С. 25—47.

Matveev I. A. (2015) Hybrid Neoliberalization: The State, Legitimacy and Neoliberalism in Putin's Russia. *Politeia*. No. 4. P. 25—47.

Мухарьямова Л. М., Заляев А. Р., Шаммазова Е. Ю. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст // Политическая лингвистика. Т. 1. № 85. С. 72—80. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_06.

Mukharyamova L. M., Zalyaev A. R., Shammazova E. Yu. (2021) The COVID-19 Pandemic in Russian Mass Media: Political Context. *Political linguistics*. Vol. 1. No. 85. P. 72—80. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_06. (In Russ.)

Погоняйло А. Г. Биополитика: контекст и текст философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 4. С. 657—674. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.405>.

Pogonyaylo A. G. (2020) Biopolitics: Context and Text of Philosophy. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. Vol. 36. No. 4. P. 657—674. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.405>. (In Russ.)

Радина Н. К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19) // Вестник Московского университета. 2021а. Серия 10: Журналистика. № 5. С. 116—136. Radina N. K. (2021) Methodology for Identifying Contextual Ideologemes in Digital Media Discourse (On the Example of Media Discourse on the COVID-19 Pandemic). *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. No. 5. P. 116—136. (In Russ.)

Радина Н. К. «Воображаемая геополитика» в российском медийном дискурсе о коронавирусе // Полис. Политические исследования. 2021б. № 1. С. 110—124. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.08>.

Radina N. K. (2021) “Imagined Geopolitics” in the Russian Media Discourse on Coronavirus. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 110—124. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.08>. (In Russ.)

Русаков С. С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 1. С. 114—126.

Rusakov S. S. (2016) M. Foucault's Three-Level Concept of Political Power. *Man. Community. Control*. Vol. 17. No. 1. P. 114—126. (In Russ.)

Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4—2. С. 261—271. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-4-261-271>

Samovolnova O. V. (2017) Socio-Philosophical Analysis of the Main Concepts of Biopolitics: M. Foucault, J. Agamben, A. Negri. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*. No. 4—2. P. 261—271 <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-4-261-271>. (In Russ.)

Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974—1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004

Foucault M. (2004) *Abnormal: Lectures at the Collège de France, 1974—1975*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1973—1974 уч. году. СПб.: Наука, 2007.

Foucault M. (2007) *Psychiatric Power: Lectures at the Collège de France, 1973—1974*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Фуко М. (2010) Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. СПб.: Наука.

Foucault M. (2010) *The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978—1979*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Яркеев А. В. Концепция биополитики и ее генеалогия // Дискурс-Пи. 2020. № 1. С. 50—59. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10104>.

Yarkeev, A.V. (2020) The Concept of Biopolitics and Its Genealogy. *Discourse-P*. No. 1. P. 50—59. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10104>. (In Russ.)

Agamben G. (2021). *Where Are We Now? The Epidemic as Politics*. Lanham, MA: Rowman & Littlefield.

Ali S. (2020). Žižek, Agamben and the Idea of Democratic Biopolitics. *Review of Human Rights*. Vol. 6. No.1. P. lxx-lxxiii. <https://doi.org/10.35994/rhr.v6i1.157>

Ali S. (2021). Slavoj Zizek: Pandemic 2! Chronicles of a Time Lost (Book Review). *Review of Human Rights*. Vol. 6. P. LXII—LXIV. <https://doi.org/10.35994/rhr.v6i1.156>.

Christiaens T. (2021) Biomedical Technocracy, the Networked Public Sphere and the Biopolitics of COVID-19: Notes on the Agamben Affair. *Culture, Theory and Critique*. Vol. 62. No. 4. P. 404—421. <https://doi.org/10.1080/14735784.2022.2099919>.

De Souza Júnior, J. (2021). Transmediatisation of the COVID-19 Crisis in Brazil: The Emergence of (Bio-/Geo-) Political Repertoires of (Re-) Interpretation. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 8. Art. 210. <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00883-x>.

Michel J. B., Shen Y. K., Aiden A. P., Veres A., Gray M. K., Pickett J. P. & Aiden E. L. (2011) Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*. Vol. 331(6014). P. 176—182. <https://doi.org/10.1126/science.1199644>.

Prozorov S. (2019) *Democratic Biopolitics: Popular Sovereignty and the Power of Life*. Edinburgh: Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474449342.001.0001>.

Pedro-Carañana J., Broudy D., Klaehn, J. (eds.) (2018) *The Propaganda Model Today: Filtering Perception and Awareness*. London: University of Westminster Press. <https://doi.org/10.16997/book27>.

Schaffar W. (2020) Solidarische Biopolitik: Kondome, Masken Und Die Parallelen Zwischen HIV- Und Corona-Pandemie. *Zeitschrift Luxemburg*. URL: <https://zeitschrift-luxemburg.de/artikel/solidarische-biopolitik/> (accessed: 12.03.2023).

Schubert K. (2019) The Democratic Biopolitics of PrEP. In: Braun K., Gerhards H. (eds.). *Biopolitiken — Regierungen Des Lebens Heute*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. P. 121–53. https://doi.org/10.1007/978-3-658-25769-9_5.

Schubert K. (2020). PrEP als demokratische Biopolitik. Zur Kritik der biopolitischen Repressionshypothese — oder: die pharmazeutische Destigmatisierung des Schwul-seins. In: *Jahrbuch Sexualitäten*. Göttingen: Wallstein. P. 91–125. <https://doi.org/10.5771/9783835345348>

Schubert K. (2022). Biopolitics of COVID-19: Capitalist Continuities and Democratic Openings. *Interalia — a Journal for Queer Studies*. No. 16. P. 97—107. URL: <https://ssrn.com/abstract=4424241> (accessed: 02.03.2023).

Sotiris P. (2020) Against Agamben: Is a Democratic Biopolitics Possible? *Critical Legal Thinking*. URL: <https://criticallegalthinking.com/2020/03/14/against-agamben-is-a-democratic-biopolitics-possible/> (accessed: 02.03.2023).

Yatsyk A. (2022). Biopolitical Responses to the COVID-19 Pandemic in Russia, France, Germany, and the UK: The “Post-Truth” Coverage by RT. *Social Sciences*. Vol. 11. No. 3. P. 139.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2387](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2387)

**А. С. Архипова, Д. А. Радченко, С. В. Бондарьков, М. В. Гаврилова,
И. В. Лощиц, Н. В. Петров, Б. С. Пейгин**

ФЕЙК ИЛИ ПРАВДА? КАК ЛЮДИ РАСПРОСТРАНЯЮТ И ПРОВЕРЯЮТ СЛУХИ ОНЛАЙН

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРОЙ СЕРГЕЕВНОЙ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРЫ СЕРГЕЕВНЫ

Правильная ссылка на статью:

Архипова А. С., Радченко Д. А., Бондарьков С. В., Гаврилова М. В., Лощиц И. В., Петров Н. В., Пейгин Б. С. Фейк или правда? Как люди распространяют и проверяют слухи онлайн // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 102—123. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2387>.

For citation:

Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Bondarkov S. V., Gavrilova M. V., Loshchits I. V., Petrov N. V., Peigin B. S. (2023) Fake or True? How People Spread and Verify Rumors Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 102–123. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2387>. (In Russ.)

Получено: 17.02.2023. Принято к публикации: 13.07.2023.

ФЕЙК ИЛИ ПРАВДА? КАК ЛЮДИ РАСПРОСТРАНЯЮТ И ПРОВЕРЯЮТ СЛУХИ ОНЛАЙН

АРХИПОВА Александра Сергеевна* — кандидат филологических наук, приглашенный исследователь Лаборатории социальной антропологии, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

РАДЧЕНКО Дарья Александровна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: darya_radchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9298-7783>

БОНДАРЬКОВ Сергей Владимирович — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: sergey.bondarkov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0714-6208>

ГАВРИЛОВА Мария Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: mariavl.gavrilova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>

FAKE OR TRUE? HOW PEOPLE SPREAD AND VERIFY RUMORS ONLINE

Alexandra S. ARKHIPOVA¹ — *Cand. Sci. (Philology), Visiting Scholar at the Social Anthropology Laboratories*
E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

Daria A. RADCHENKO² — *Cand. Sci. (Cultural Studies), Senior Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies*
E-MAIL: darya_radchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9298-7783>

Sergey V. BONDARKOV³ — *Junior researcher at the Institute for the Rule of Law (IRL)*
E-MAIL: sergey.bondarkov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0714-6208>

Maria V. GAVRILOVA^{2,4} — *Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Folklore Studies; Researcher at Center for Typology and Semiotics of Folklore*
E-MAIL: mariavl.gavrilova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0846-3408>

¹ Graduate School of Social Sciences, Paris, France

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

⁴ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

ЛОЩИЦ Игорь Валерьевич — кандидат философских наук, независимый дата-журналист, Москва, Россия
E-MAIL: widerabbit@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5184-6215>

Igor V. LOSHCHITS — Cand. Sci. (Philosophy), independent data journalist
E-MAIL: widerabbit@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5184-6215>

ПЕТРОВ Никита Викторович — кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; доцент Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; доцент Гуманитарного факультета, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: nik.vik.petrov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2467-9535>

Nikita V. PETROV^{2,4,5,3} — Cand. Sci. (Philology), Head of the Laboratory for Theoretical Folklore Studies; Associate Professor at the Center of Typological and Semiotics Folklore Studies; Associate Professor at the Faculty of Humanities; Senior Research Fellow at the Center for the Anthropology of Religion
E-MAIL: nik.vik.petrov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2467-9535>

ПЕЙГИН Борис Сергеевич — научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: bspeigin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1493-6283>

Boris S. PEIGIN² — Researcher at the Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in Humanities
E-MAIL: bspeigin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1493-6283>

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

⁴ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

⁵ Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Статья продолжает исследование российской инфодемии, начатое в январе 2020 г. Ее цель — выявить принципы, по которым интернет-пользователи взаимодействуют

Abstract. The article continues the study of the Russian infodemic launched by the authors in January 2020. Its goal is to identify the principles by which Internet users interact with coronavirus ru-

со слухами о коронавирусе в социальных сетях и в поисковых запросах. Для этого мы собрали базу инфодемических нарративов в социальных сетях (6,2 млн репостов) и изучили поведенческие стратегии пользователей в запросах к поисковым машинам. Хотя конспирологические нарративы остаются самыми популярными в запросах российских пользователей, волнуют их совершенно другие тексты, связанными с повседневными рисками, касающимися права на контроль над телом: возможные пути заражения, ограничительные меры со стороны властей, народные лекарства от коронавируса и так далее. Именно такие сообщения пользователи поисковых машин стремились проверять, добавляя к запросу особые словосочетания — операторы сомнения и уточнения («правда или ложь»). При этом некоторые инфодемические нарративы пользователи были готовы реализовать на практике, добавляя к ним оператор действия — «как приготовить» и «где купить». Анализируя их, мы обнаружили, что к группе наиболее опасных инфодемических нарративов относятся: а) тексты, которые могут спровоцировать неконтрольный прием аптечных лекарств, и б) тексты, в которых излагаются конспирологические сюжеты и квазимедицинские представления об опасности вакцинации, побуждающие людей к отказу от нее.

Ключевые слова: COVID-19, инфодемия, коронавирус, слухи, конспирология, социальные сети, социальные медиа, методы обработки естественного языка

Благодарность. Авторы статьи выражают горячую благодарность Тоне Самсоновой, CEO и основателю Durer.ai, основателю TheQuestion.ru, руководителю

mors on social networks and in search queries. For this, the authors collected a database of infodemic narratives in social networks (6.2 million reposts) and studied the behavioral strategies of users in queries to search engines. The study showed, that although conspiracy narratives remain the most popular among Russian users, they are worried about completely different texts considering everyday risks related to the right to control the body: possible routes of infection, restrictive measures by the authorities, traditional medicines for coronavirus, etc. It was these messages that search engine users sought to check by adding operators of doubt and clarification (“true or false”) to the query. At the same time, users were ready to implement some infodemic narratives in practice, which is confirmed by adding an action operator to them — “how to cook” and “where to buy”. Analyzing such requests, the authors found that the group of the most dangerous infodemic narratives includes a) texts that can provoke uncontrolled intake of pharmaceutical drugs, and b) texts that set out conspiracy plots and quasi-medical ideas about the dangers of vaccination, encouraging people to refuse it.

Keywords: COVID-19, infodemic, coronavirus, rumors, conspirology, social networks, socail media, natural language processing techniques

Acknowledgments. The authors of the article express their deep gratitude to Tanya Samsonova, CEO and founder of Durer.ai, founder of TheQuestion.ru, head

Yandex.Q (2019—2021) за организацию доступа к данным и возможность заняться этой темой. Н. В. Петров и Д. А. Радченко подготовили статью в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

of Yandex.Q (2019—2021) for organizing access to data and the opportunity to tackle this topic. N. Petrov and D. Radchenko prepared the article in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

Что такое инфодемические нарративы и зачем их изучать?

Правда ли, что Билл Гейтс нас чипирует? Как удалить тяжелые металлы из мозга после вакцинации? Почему после прививки возникает металлический привкус во рту? Можно ли детям после шести лет дышать водкой для профилактики коронавируса? Все это примеры реальных запросов к поисковым машинам, с помощью которых пользователи рунета пытались совладать с инфодемией — «информационной эпидемией» 2020—2021 гг.

Как правило, исследователи используют в качестве синонима «инфодемии» термин «дезинформация» (в англоязычных исследованиях — *misinformation* или *disinformation*), который говорит о заранее определенном противопоставлении «ложь — правда». Мы же, изучая инфодемию с января 2020 г. [Архипова^{1*} и др., 2020], нередко сталкивались с ситуацией, когда слухи, распространяющиеся по чатам и соседям, передавали информацию, которая могла оказаться как ложью, так и правдой. Например, в марте 2020 г. в чатах WhatsApp распространялись утверждения, что Москва будет закрыта на карантин, и покидать дома будет нельзя. Эту информацию неоднократно опровергали (в том числе, и УМВД по Москве), угрожали штрафами за ее распространение и даже завели уголовное дело об этом «фейке». Тем не менее 29 марта в Москве был введен так называемый режим самоизоляции. Был ли этот слух ложью? Строго говоря, нет. Тем не менее, это именно слух — информация, не подтвержденная официально, и не являющаяся высказыванием властного института и передаваемая по системе горизонтальных связей.

Исходя из этой логики, объектами нашего исследования стали повторяющиеся тексты, распространяемые через неформальные каналы коммуникации. «Коллективный автор» и индивидуальный распространитель таких текстов допускают, что изложенная в них информация подлинная и нуждается в распространении, однако на момент распространения эти сведения не подтверждаются либо опровергаются научными исследованиями и/или официальными источниками. Мы будем называть подобные тексты *инфодемическими нарративами* или *слухами*. По своей форме они могут быть разными: и пересказами слов соседки о тяжелых металлах в вакцинах, и научнообразными текстами, советующими пить соду с лимоном, и поддельными документами о принудительной вакцинации. Их главное свойство — способность создавать неподцензурные сети сомнения, противопоставляя свое знание официальной информации. Несмотря на то, что на момент публи-

¹ Здесь и далее * означает 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

кации статьи ВОЗ признала пандемию COVID-19 завершенной, распространение инфодемических нарративов, во-первых, не прекратилось, а во-вторых, не ограничивается этим конкретным случаем. Полученные нами результаты о принципах распространения таких нарративов и реакции на них пользователей неспецифичны, они применимы и к другим похожим ситуациям.

Задача нашего исследования — определить, каковы ключевые механизмы взаимодействия пользователей социальных медиа с непроверяемыми инфодемическими нарративами. В первой части статьи мы рассматриваем пользователей социальных медиа в качестве адресантов (отправителей) инфодемических нарративов и стремимся понять, при каких условиях и какие именно тексты люди распространяют. Во второй части статьи интернет-пользователи интересуют нас как адресаты (получатели) инфодемической информации: мы изучаем то, как они поступают с ней, насколько они в ней сомневаются и как ее проверяют.

Исследования инфодемических нарративов

Изучение инфодемических нарративов особенно актуализировалось после начала пандемии и проводится в рамках ряда исследовательских полей — от психологии до *media studies*. Цифровые платформы представляют широкое поле для изучения механизмов взаимодействия с инфодемическими нарративами: благодаря большому объему цифровых следов возможно проследить распространение многочисленных текстов и их вариантов в динамике. Специалисты по анализу социальных медиа занимаются исследованием путей распространения слухов и инфодемических нарративов, изучая каскады или «сетевые карты» их трансмиссии. Например, австралийские исследователи, анализируя ключевые слова, создали сетевую карту распространения конспирологической теории о связи 5G и коронавируса — от простого сомнения, не связаны ли вышки 5G с распространением COVID-19, до глобальной теории заговора, приведшей к массовым протестам и разрушению вышек [Bruns et al., 2020].

Такой подход позволяет увидеть, как недостоверная информация возникает практически из ничего, однако он дает мало оснований для понимания того, почему она распространяется. Пытаясь выйти из этого тупика, некоторые исследователи не только прослеживают пути распространения информации по набору ключевых слов, но и выявляют «информационные пузыри», в которых находятся ее распространители, и устанавливают связь распространяемой информации с политическими пристрастиями. Например, распространители анти-вакцинационных текстов склонны делать ретвиты медиа-персон, известных своими ковид-диссидентскими взглядами [Germani, Biller-Andorno, 2021]. Вместе с тем сами по себе эти данные не отвечают на вопрос о том, воспринимают ли пользователи такую информацию как достоверную — и, если нет, то почему они ее распространяют.

Чтобы понять, как пользователь интернета принимает решение о репосте сомнительной информации, в марте 2020 г. американско-канадская команда психологов в ходе эксперимента предлагала участникам прочитать пост о коронавирусе, решить, правда это или нет, после чего согласиться или отказаться его перепостить. В результате оказалось, что решение перепостить напрямую не связано с оценкой истинности высказывания: распространить информацию решали

в том числе и те, кто считал ее ложной [Pennycook et al., 2020]. Похожий результат был получен в исследовании поведения российских пользователей VKontakte. Посты о правдивости теорий заговора получали в среднем больше лайков, и их чаще репостили, а посты, содержащие критику таких теорий, получали в среднем больше комментариев [Platonov, Svetlov, 2021]. Иными словами, пользователи горячо обсуждали сообщения, критикующие инфодемические нарративы, в то время как сообщения об их правдивости одобряли и распространяли.

Остается открытым вопрос о том, как в естественных (а не лабораторных, как в описанном выше психологическом экспериментальном исследовании) условиях пользователи взаимодействуют с непроверенной и потенциально недостоверной информацией, есть ли различия в востребованности тех или иных сюжетов и сообщений и, главное, каким инфодемическим нарративам пользователи склонны доверять больше, а каким меньше. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучать распространение и критику пользователями такой информации на материале одних и тех же сюжетов (то есть не только репосты слухов в соцсетях, но и формы реакции на них — в том числе, за пределами социальных медиа, например, учитываемая модальности запросов в поисковых сетях), причем рассматривая не ретроспективные нарративы о том, доверяли ли пользователи тексту в прошлом, когда его репостили, а синхронно анализируя распространение таких текстов и реакцию на них. В этом смысле наше исследование релевантно не только для изучения конкретного случая, связанного с пандемией или для анализа механизмов трансмиссии слухов, но и для понимания того, как содержание текста соотносится с уровнем доверия к нему людей и готовностью некритично его распространять, руководствоваться им в повседневной жизни, или, напротив, подвергать слух сомнению.

Дизайн исследования

Чтобы решить поставленную задачу, мы создали два русскоязычных корпуса: (1) корпус инфодемических текстов, циркулирующих в социальных сетях, (2) корпус поисковых запросов, связанных с этими текстами.

Для работы с текстами социальных медиа применялся метод постоянного мониторинга социальных медиа по стабильным поисковым запросам (Social Media Listening). Он подразумевает, что сообщения в соцмедиа собираются максимально полно, насколько это позволяют технологические особенности конкретной системы. Именно поэтому разные периоды распространения инфодемических нарративов можно сравнивать между собой.

Мы начали фиксировать инфодемические нарративы о COVID-19 в соцсетях с 1 января 2020 г.: исследовательский инструментарий описан в нашей предыдущей статье [Архипова* и др., 2020: 240]. Их поиск осуществлялся как путем рекогносцировочного изучения соцмедиа по ключевым словам (например, «слух», «фейк», «правда ли»), так и краудсорсинга (тексты поступали нам от волонтеров — пользователей соцсетей и получателей рассылок). В результате был получен набор текстов, содержащих неverified информацию, и на основании этого набора сформулирован перечень устойчивых сюжетов (каждый сюжет может включать более одного вида текста и распространяться как в клишированном виде, так и в форме свободного пересказа). Сюжеты были затем объединены в более ши-

рокие тематические макрогруппы. Далее мы формулировали поисковый запрос внутри сервиса анализа соцмедиа: для клишированных текстов (рассылок в мессенджерах) это были прямые цитаты, а для слабо структурированных мотивов — набор ключевых слов, связанных операторами поиска (как этные, так и эмные термины), и набор слов-исключений. Поиск настраивался таким образом, чтобы получить максимальное количество релевантных текстов и минимальное количество нерелевантных. Поиск производился по открытому сегменту всех социальных медиа: публичных каналов, пабликов, групп, аккаунтов.

Полученные данные были анонимизированы; база данных содержит сообщения в текстовой форме и метаданные о времени размещения, платформе, ключевые метрики поста (количестве лайков, комментариев, репостов), а также основную информацию о разместившем ее аккаунте — в случае, если его владелец сделал эту информацию публичной (пол, возраст, город).

Для анализа использовались все доступные в результате этой процедуры тексты. В статье проанализировано 243 сюжета, появившиеся до конца мая 2021 г., когда после периода снижения востребованности большинства нарративов такого типа динамика их распространения вышла на «плато». За период наблюдения они были процитированы в социальных медиа более 6,2 млн раз.

Однако этот метод имеет свои ограничения. Во-первых, создаваемый корпус текстов заведомо неполон: он содержит сообщения только из публичной цифровой среды, но не из приватных чатов в мессенджерах, не говоря уже об устном бытовании, где возникает значительное число воспроизведений инфодемических нарративов, практически недоступных для количественного исследования.

Во-вторых, создание поискового запроса не является строгой процедурой. Во время этой работы исследователь постепенно добавляет и убирает те или иные слова или комбинации слов, чтобы добиться максимально «чистой» выдачи. В результате такой работы нельзя получить все существующие тексты, поэтому к полученным данным следует относиться не как к точным значениям распространенности текстов, а как к описанию трендов и отношений между группами сюжетов.

В-третьих, существуют ограничения, внешние по отношению к данным и связанные с развитием самих соцсетей и практик пользования ими. Такие факторы, как изменение интерфейсов и внутренней политики цифровых платформ, государственного контроля над ними, массовый отток/приток новых пользователей и т. п., системно влияют на сети циркуляции текстов и сам принцип их производства.

Изучение сетевой структуры распространения информации о коронавирусе на материале текстов о связи COVID-19 и 5G в Twitter [Ahmed et al., 2020] показало, что многие посты, содержащие «конспирологический» хештег, не включают утверждения о достоверности конспирологических теорий, но при этом способствуют распространению знаний о них. Именно поэтому мы не разделяем тексты, в которых содержатся утверждения об истинности или ложности сообщения: вне зависимости от того, считает ли пользователь информацию достоверной, он/она поддерживает циркуляцию инфодемического нарратива в соцмедиа.

Вторую группу исследуемых текстов составили поисковые запросы. Пользовательский запрос в поисковых машинах является важным показателем для оценки массового интереса к результатам выборов, развитию эпидемий и сезонных

всплесков заболеваний, уровню преступлений определенного типа, биржевых трендов и т. д. [Eysenbach, 2009; Preis et al., 2013; Yang et al., 2015; Telfer, Woodburn, 2015; Gamma et al., 2016; Verma et al., 2018]. Изучение этого вида данных позволяет получить большие объемы *неспровоцированных* текстов, в том числе по сенситивным или слабо рефлекслируемым пользователями темам. Так, Сет Стефенс-Давидовиц предложил использовать запросы в Google для выявления представлений, которые не являются социально одобряемыми, и относительно которых наблюдается высокий уровень искажения при массовых опросах, например, враждебность по расовому признаку [Stephens-Davidowits, 2014].

Наша работа с поисковыми запросами строилась таким образом, чтобы добиться максимальной консистентности с изучением собранных нами инфодемических нарративов в соцмедиа. Из корпуса текстов соцмедиа для достижения максимального разнообразия мы отобрали 29 самых популярных сюжетов так, чтобы в выборке была представлена каждая категория (см. табл. 1). Далее на основании данных ключевой российской поисковой системы была вычислена доля запросов о каждом из этих сюжетов среди всех запросов за каждый месяц в течение того же периода, в который мы наблюдали за распространением инфодемических нарративов в социальных медиа. Также были обработаны анонимизированные² поисковые запросы (по 100 наиболее частотных запросов к каждому сюжету). На основе созданного корпуса были проанализированы динамика и география распространения запросов, а также структуры запросов (выделение маркеров семантики достоверности / недостоверности — например, «возможно ли», «вероятно ли», «правда ли», «правда», «ложь» и т. п.). Последний производился вручную по эмпирически разработанному словарю кодирования текстов. Затем на основании этой работы был создан алгоритм, позволяющий автоматически размечать тексты по выделенным признакам.

Динамика инфодемии в социальных сетях

В результате этой работы стало понятно, что инфодемия в российских соцсетях весьма неоднородна. Самую значительную часть собранного нами корпуса составляют антивакцинационные слухи (см. табл. 1). Среди них есть как квазимедицинские представления («„Спутник“ содержит тяжелые металлы, вакцина вызывает бесплодие/рак»), так и конспирологические теории («с помощью вакцины Билл Гейтс хочет убить всех, кроме „золотого миллиарда“»). На втором месте по популярности — псевдомедицинские слухи и советы («чтобы спастись от COVID-19, надо пить настой имбиря, соду с лимоном и дышать водкой»).

В 14 % случаев встречаются слухи о том, как возник вирус, как он распространяется и каковы его основные свойства («ковид распространяется вышками 5G»). Примерно такой же объем (13 %) занимают отрицания существования коронавируса и эпидемии («коронавирус — это обычный грипп»). В отдельную группу мы выделили тексты, направленные против ношения медицинских масок (8 %): («маски вызывают легочные заболевания»). Последняя группа — рассказы и «свидетельства» о нежелательных для рассказчика изменениях общества во время пандемии (3 %) («город будут дезинфицировать с вертолетов, и это опасно для людей»).

² Данные пользователей удалялись и заменялись внутренним идентификатором.

Таблица 1. Репосты инфодемических нарративов в социальных сетях по тематическим группам с 1 января 2020 по 16 мая 2021 г.

Антивакционные нарративы	39%
Народная медицина: как лечить ковид в домашних условиях	23%
Происхождение и распространение вируса	14%
Отрицания коронавируса и эпидемии	13%
Антимасочные нарративы	8%
Нежелательные изменения время пандемии	3%

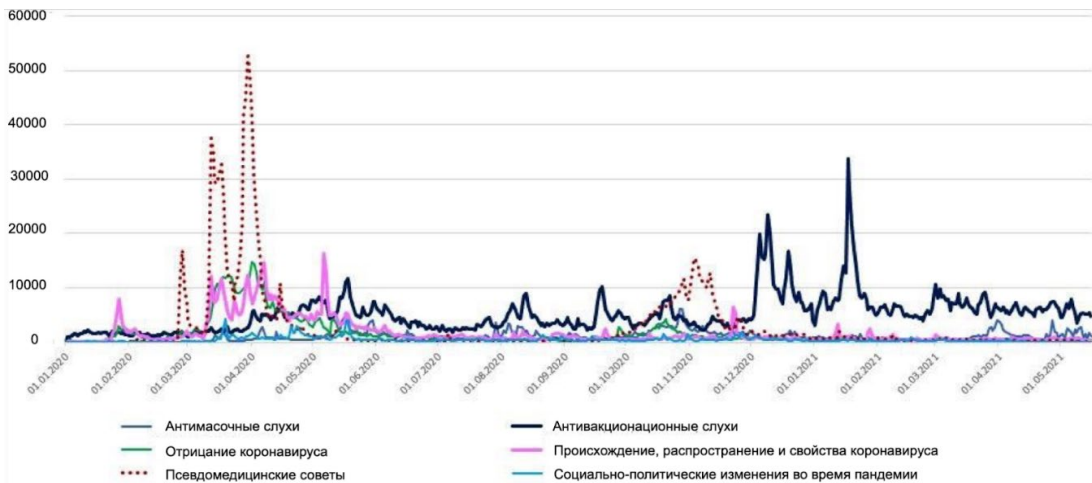
Полнота собранных данных отличается от нарратива к нарративу, поэтому сравнивать их между собой по популярности в поиске следует крайне осторожно. Дело в том, что разные стороны жизни представлены в интернете в разной степени, поэтому и поисковый интерес к тем или иным темам не пропорционален действительному интересу к ним. Например, интерес к просмотру видео в данных поиска многократно превосходит интерес к употреблению пищи, хотя очевидно, что потребность во втором выше. Поэтому напрямую сравнивать между собой уместно только близкие по характеру темы.

Это относится и к коронавирусным нарративам. Человек будет искать в интернете конспирологический фильм, потому что к нему нет другого доступа, а чтобы купить имбирь для лечения коронавируса, нет необходимости создавать запрос в интернете. Если в течение дня пользователь многократно задавал один и тот же запрос без изменения формулировки, мы считали его поведение подозрительным и учитывали его запрос только один раз.

Как мы подробно показали в предыдущей статье [Архипова* и др., 2020], слухи возникают не в период наибольшей эпидемиологической опасности, а в ситуации максимальной неопределенности, которая сложилась в феврале-марте 2020 г. Когда 25 марта был введен режим самоизоляции, ситуация стала более определенной, и количество инфодемических нарративов резко пошло на убыль. К осени 2020 г. количество зараженных увеличилось, но, по сравнению с весной, инфодемические тексты распространялись с меньшей скоростью: адаптировавшись к ситуации, россияне испытывали меньше желания репостить новую неподцензурную информацию о коронавирусе. Слухи, которые распространялись в этот период, касались последствий эпидемии: дистанционного образования и ношения масок.

После начала вакцинации «Спутником-V» (декабрь 2020 г.) вновь возникли антипрививочные настроения и связанные с ними нарративы. Количество сюжетов о «простом лечении» коронавируса и их репостов резко увеличилось в феврале — апреле 2020 г (число репостов могло достигать 50 тыс. в день), а затем их популярность так же резко прекратилась (менее 100 репостов в день, за исключением небольшого всплеска в ноябре 2021 г.). Антипрививочные же слухи не перестали распространяться: они вышли на продолжительное «плато», когда количество репостов оставалось устойчивым и достаточно высоким на протяжении нескольких месяцев. В декабре 2020 — январе 2021 г. было по 20 тыс. репостов и более, а в период плато (с февраля по июнь 2020 г.) — около 10 тыс. репостов в день (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика количества репостов тематических групп инфодемии в социальных сетях с 1 января 2020 по 16 мая 2021 г.

Далее мы сравнили динамику распространения инфодемических нарративов в социальных сетях с динамикой запросов по этим сюжетам по дням за тот же период (для достижения сравнимости динамики показателей каждый из них был нормирован, соответственно, на общее число репостов по каждому сюжету и общее число запросов по тому же сюжету). Тексты инфодемических нарративов в социальных сетях и запросы о них положительно коррелируют друг с другом на уровне 65 % (коэффициент корреляции Пирсона).

Характерный пример — текст жительницы Италии Полины Головушкиной о тяжелой ситуации в этой стране (№ 10). Это авторский текст, наполненный эмоциональным и преувеличенным описанием увиденного и прочитанного в итальянских СМИ. Пользователи запрашивали этот текст при помощи поисковой машины строго тогда же, когда он распространялся в социальных сетях. Практически такой же, за исключением небольшого повторного всплеска популярности, была ситуация с нарративом о лечении «чесночной водой» (см. рис. 2).

Рис. 2. «Чесночная вода» от COVID-19: репосты слухов и запросы (доля за день от общего количества за анализируемый период)

Динамика популярности группы слухов, связанных с вакцинацией, иная. В отличие от других случаев из нашей коллекции, слухи и запросы о вакцинации сильно разнесены во времени (рис. 3), причем распространение слухов с большим отрывом опережает их проверку.

Рис. 3. Истории о том, что вакцина вызывает бесплодие и болезни: репосты слухов и запросы (доля за день от общего количества за анализируемый период)

Дело в том, что почти все слухи о вредности вакцин сформировались в последние два десятилетия и стали широко известны еще до появления COVID-19. Поэтому антивакцинационные нарративы распространялись в течение всего исследуемого периода, а запросы, связанные с их проверкой, активизировались только когда в них появилась насущная необходимость — стартовала массовая вакцинация россиян. Иными словами, информационный фон, препятствующий прививочной кампании, формировался в течение длительного срока.

«Работает или правда?»: как люди оценивают достоверность инфодемических нарративов через поисковые запросы

Пользователи поисковых машин, услышав или прочитав новый слух о COVID-19, естественно, стремились получить побольше информации о нем. Однако не любое «народное знание» интересовало пользователей в одинаковой степени (см. табл. 2).

Таблица 2. Относительная популярность инфодемических нарративов в запросах пользователей поисковой машины. За 100% принято количество запросов самого популярного сюжета о сокращении населения Земли Биллом Гейтсом через вакцинацию за период с 1 января 2020 г. до 16 мая 2021 г.

Тип	%	Содержание и номер сюжета
Антивакцинационные нарративы	100	Вакцинация — это шаг к новому мировому порядку, предполагающему сокращение населения Земли до 1 млрд человек. В этом заинтересованы богатейшие люди мира — Билл Гейтс и Рокфеллеры (сюжет № 1)
	27	Вместе с вакциной в тело человека вводится чип, который может быть использован для контроля населения (№ 2)
	3,1	Вакцины вызывают бесплодие, онкологические заболевания, туберкулез, гепатит и т. д. (№ 3)

Тип	%	Содержание и номер сюжета
Антимасочные нарративы	1	Вакцины содержат «тяжелые металлы». По одной из версий, это позволяет ловить в аэропортах тех, кто не прошел вакцинацию: на них не реагируют детекторы (№ 4)
	0,8	Тестирование на коронавирус и вакцинация — это прикрытие для сбора генетической информации или вмешательства в ДНК человека (№ 5)
	0,6	Наночип, вводимый в тело человека, является печатью Антихриста (№ 6)
	46,1	Ношение маски вредит здоровью, например, может вести к легочным заболеваниям (№ 7)
	8,5	Под микроскопом в ткани медицинских масок можно увидеть черных наночервей. Через дыхательные пути они проникают в мозг (№ 8)
Влияние пандемии на обычную жизнь	21,9	Предупреждение, что «сегодня с 23:00 и до 5:00 утра вертолеты будут распылять лекарство для дезинфекции, окна и балконы должны быть закрыты и на улице после 23:00 находиться нельзя» (№ 9)
	16,8	Письмо Полины Головушкиной об ужасах эпидемии в Италии («это фильм-катастрофа наяву», «трупы вывозят грузовиками») (№ 10)
Отрицание коронавируса	5,8	Врачам выгодно указывать коронавирус как причину смерти, поэтому они подделывают документы и даже предлагают родственникам умерших деньги за участие в своей схеме (№ 11)
	1	Вакцинацию будут проводить под угрозой увольнения (№ 12)
	0,5	По квартирам ходят люди, представляющиеся волонтерами: они предлагают маску и просят ее примерить — маска отравлена, жертва теряет сознание, «волонтеры» грабят квартиру (№ 13)
	4,7	Никакого коронавируса не существует, люди болеют обычным гриппом, а «пандемию» придумали с какой-то целью (№ 14)
	0,9	Коронавирус в России был еще зимой 2019 г. (№ 15)
Происхождение и распространение коронавируса	31,5	Коронавирус — биологическое оружие, разработанное США/Китаем/Россией (№ 16)
	21,4	Искусственно созданная бактерия «Синтия» использовалась для переработки разлившейся в Мексиканском заливе нефти и «вышла из-под контроля» (№ 17)
	16,4	Пандемия коронавируса связана с вышками 5G. Излучение вышек ослабляет иммунитет, чем способствует распространению коронавируса, или вышки сами распространяют заразу (№ 18)

Тип	%	Содержание и номер сюжета
Псевдомедицинские советы	12,9	Люди в Китае погибли, потому что съели бананы, зараженные коронавирусом (№ 19)
	3,4	Заговор фармкомпаний и медицинских организаций: множество организаций — от лаборатории в Ухани до Microsoft и ВОЗ — связаны между собой теневым финансированием (№ 20)
	2,2	Посылки из Китая, в том числе с AliExpress, могут быть заражены коронавирусом (№ 21)
	0,3	Китайцы на улицах просят людей помочь прочитать текст на свернутой бумажке. В ней находится отравляющий «белый порошок» (№ 22)
	72,1	«Александр Колосов, русский врач в Италии», рассказывает, как за день вылечился от коронавируса с помощью вдыхания паров водки (№ 23)
	29,5	Имбирь помогает организму противостоять коронавирусу (№ 24)
	10,7	Молодой врач Юра Климов, работающий в Китае и недавно переведенный в Ухань для изучения коронавирусной пневмонии, дает своим близким советы, как спастись от коронавируса (№ 25)
	4,9	От коронавируса помогает пить горячую воду с лимоном и содой, именно поэтому в Израиле нет погибших от COVID-19 (№ 26)
	4	«Чесночная вода» эффективно лечит коронавирус (№ 27)
	2	Немецкие/итальянские врачи вопреки запрету ВОЗ провели вскрытия тел людей, погибших от коронавируса, и узнали, что коронавирус — «это не вирус, а бактерия, вызывающая смерть. Она приводит к образованию тромбов и смерти пациента» (№ 28)
0,1	«Эксперты из Тайваня» советуют простой тест на коронавирус: если, задержав дыхание на 10 секунд, вы не испытываете дискомфорта, значит, вы здоровы (№ 29)	

Далеко не все пользователи принимали на веру инфодемические нарративы из социальных медиа. Однако такие сообщения часто бывали тревожными и требовали предпринять определенные действия для спасения себя и близких от угрозы. Сталкиваясь с подобными текстами, многие люди пытались определить достоверность полученной информации при помощи поисковых машин. Оказалось, что сама формулировка таких запросов содержит сведения об отношении людей к содержанию инфодемических нарративов. Чаще всего запросы были «немыми» (например: «имбирь от коронавируса», «Билл Гейтс нас чипирует»), по ним нельзя было судить, старался пользователь опровергнуть информацию или искал ей подтверждение. Однако в части случаев использовались специальные формулировки, показывающие, что людям нужна была информация по теме, препарированная определенным образом. Некоторые пользователи искали материалы, подтверждающие или опровергающие достоверность текста, поэтому в их запро-

се выражено сомнение. Другие не подвергали информацию сомнению, а сразу переходили к поискам практических советов по ее применению (например: «как заваривать имбирь»).

Формулировку, которая однозначно демонстрирует отношение пользователя к искомой информации, мы называем «модальностью». Модальность может выражаться с помощью «операторов» — лексических и грамматических формальных показателей. Одна из самых частых — модальность сомнения/отрицания. Если пользователь считал информацию ложью или сомневался в ней, он заранее фреймировал ее двумя возможными способами. Он добавлял грамматические («ли») + знак вопроса: «*помогает ли имбирь от коронавируса*») или семантические операторы ([запрос] + «чушь», «бред», «фейк», «ложь», «обман», «развод», «вранье», «правда или ложь», «фейк или правда», «да или нет», «вопрос», «верно ли», «отзывы»). В одном случае нам встретился оператор сомнения «работает или правда?», который дал название этому разделу. Пример типичного запроса: «*чесночная вода от ковида правда или фейк*».

После выделения модальности сомнения/отрицания мы провели разметку выборки из корпуса запросов (топ-100 запросов по каждому сюжету слуха, всего объем корпуса — 1,7 миллионов запросов) в ручном режиме за весь период (14 месяцев). После этого на основании ручной разметки мы предложили набор правил для автоматической разметки. В зависимости от содержания нарратива, желание пользователя проверить информацию может проявляться в формулировке запроса по-разному. Например, о «чесночной воде» могут спрашивать, эффективна ли она против коронавируса, пробовал ли кто-то ее на себе, что говорят о ней врачи и т. д. Про заговор во главе с Биллом Гейтсом — насколько вероятно, что это правда, или «фейк это или нет».

Количество возможных маркеров проверки от нарратива к нарративу тоже отличается. Даже если составить списки таких маркеров для каждого текста, не получится добиться одинаковой полноты, а значит, сравнение будет невозможно. Поэтому для автоматической оценки доли проверочных запросов мы использовали маркеры, не зависящие от содержания нарратива — частицу «ли» и конструкции вроде «правда или нет». С их помощью нельзя обнаружить все запросы, авторы которых хотели проверить информацию, поэтому сама по себе доля запросов с этими маркерами ничего не говорит о нарративе. Зато в силу универсальной применимости этих конструкций, по доле запросов, в которых они встречаются, можно сравнивать между собой любые нарративы. Если у одного нарратива доля запросов с универсальными маркерами проверки выше, чем у другого, то можно рассчитывать на то, что и по доле всех проверочных запросов первый нарратив тоже превосходил бы второй.

«Своя рубашка ближе телу»: в каких слухах пользователи сомневаются

На первый взгляд, сомнение чаще будет возникать в отношении самых популярных слухов (см. табл. 1), но это не так. Таблица 2 показывает, что запросы, в которых доля операторов сомнения превышает 5%, имеют общую черту. Они связаны с нарративами, имеющими прямое отношение к телу и здоровью пользователя (например, «*правда или нет, что можно лечиться чесноком*»; «*заражены ли импортные*

бананы»). Пользователи чаще проверяли слухи о вакцине «Спутник-V», чем аналогичные слухи об импортных вакцинах, которые россиянам были менее доступны.

Таблица 3. **Модальности отрицания/сомнения, в % от суммы топ-100 запросов каждого инфодемоического нарратива (результаты ручной разметки)**

Сюжет инфодемоического нарратива	Отрицание / сомнение	Сюжет инфодемоического нарратива	Отрицание / сомнение
Посылки из Китая заражены коронавирусом (№ 21)	70 %	Врачи предлагают деньги за постановку диагноза «коронавирус» пациентам, умершим от других болезней (№ 11)	4 %
За отказ сделать прививку от COVID-19 уволят (№ 12)	43 %	В медицинских масках живут черви/моргеллоны (№ 4)	4 %
COVID-19 — это обычный грипп, эпидемия выдумана (№ 14)	35 %	Юра Климов из Ухани (№ 25)	4 %
«Чесночная вода» помогает от коронавируса (№ 27)	25 %	Билл Гейтс хочет сократить население Земли до «золотого миллиарда» (№ 1)	3 %
«Письмо Полины»: в Италии катастрофа, трупы вывозят грузовиками (№ 10)	22 %	COVID-19 возник из-за утечки из лаборатории «Вектор» (№ 16)	2 %
Врач из Италии Александр Колосов советует дышать водкой (№ 23)	20 %	«Чипирование» через вакцину (№ 2)	1 %
Имбирь спасает от коронавируса (№ 24)	12 %	Вышки 5G вызывают коронавирус (№ 18)	1 %
Бананы заражены коронавирусом (№ 19)	12 %	Вертолеты будут дезинфицировать город опасным средством (№ 9)	1 %
Бактерия «Синтия» вызвала коронавирус (№ 17)	9 %	В России все переболели COVID-19 еще в 2019 г. (№ 15)	0 %
В вакцине от COVID-19 содержатся тяжелые металлы (№ 4)	8 %	Билл Гейтс/мировое правительство создали коронавирус (№ 20)	0 %
Медицинская маска вредна (вызывает легочные болезни) (№ 7)	8 %	Китайцы заражают людей коронавирусом, обманом вынуждая их вдыхать белый порошок (№ 22)	0 %
Лимон с содой защищает от коронавируса (№ 26)	8 %	Псевдovolонтеры раздают маски с наркотиком и грабят квартиры (№ 13)	0 %
Вакцинация — это эксперимент над людьми (№ 5)	5 %	Тайваньские эксперты предлагают диагностировать ковид с помощью «дыхательного теста» (№ 29)	0 %
Коронавирус — это биологическое оружие (№ 16)	5 %	Билл Гейтс финансирует ВОЗ и крупные фармкомпании, производящие вакцины (№ 1)	0 %

На первом месте по количеству присоединенных к запросу операторов сомнения стоит запрос о сюжете «*посылки из Китая заражены коронавирусом*». Доля

сомнения настолько высока (70%), что это требует отдельного комментария. Речь идет о посылках с популярного сервиса заказа китайских товаров AliExpress. Паническое предупреждение о зараженных посылках возникло в конце января — начале февраля 2020 г.: это первый массовый слух, возникший в России в связи с заболеваемостью COVID-19. Высокий уровень сомнения может быть связан не только с близостью этого вопроса «к телу» самого пользователя, но и с тем, что это был первый слух такого рода, поэтому интенция проверять подобную информацию еще была сильной.

Видимо, «близкие к телу» слухи тревожили пользователей настолько, что они были готовы совершать дополнительные усилия ради их проверки. Из этого можно сделать следующий практический вывод — в первую очередь, следует обращать внимание на нарративы из групп псевдомедицинских советов, антивакцинационных нарративов и историй о распространении коронавируса.

«У матросов нет вопросов». Нет их и у конспирологов

По интенсивности использования операторов сомнения в запросах пользователей инфодемические нарративы можно разделить на две группы (см. табл. 2).

Нарративы, у которых показатель сомнения больше 5%, можно назвать «нарративами оценки рисков» для здоровья и домашней экономики. Сомнение в них обращено на медицинское знание о коронавирусе и его биологических особенностях: как он передается (может ли передаваться через посылки?) и чем лечится (антибиотиками или народными средствами?).

Нижние строчки таблицы занимают нарративы с нулевым уровнем сомнения. В запросах о них пользователи интересовались конспирологическими объяснениями действительности в связи с коронавирусом: распространение вируса через вышки 5G и «чипирование» вакциной. Кроме того, эта группа направлена против социальных последствий карантина: они не признают вакцин («вакцины — это печать дьявола») и отрицают COVID-19 («никакой эпидемии нет, мы все переболели осенью»). Конспирологические запросы не нуждаются в проверке, пользователи лишь интересуются подробностями — поэтому в них высока доля уточнений вроде: «как именно нас всех чипируют» (9%).

В 2019 г. группа итальянских ученых доказала, что пользователи социальной сети участвуют в распространении/отказе от распространения конспирологических и научных нарративов в зависимости от первоначальной точки зрения. Люди производят селекцию информации и других пользователей, и в результате вокруг них образуется эхо-камера — пространство, наполненное теми, у кого такие же взгляды [Del Vicario et al., 2016]. Тот факт, что пользователи, интересующиеся конспирологическими слухами, не используют операторы сомнения, косвенно показывает, что они не хотят разрушать свою эхо-камеру.

Чесночная вода против антибиотиков: «переход к действию» в медицинских и псевдомедицинских рекомендациях

Одна из модальностей, которой пользователи сопровождали свои запросы — это модальность действия: «как приготовить», «где купить», «как принимать». Эта модальность показывает, что пользователь уже не подвергает информацию со-

мнению, а готов совершать предложенные действия, и его волнуют только дозировки или объем. Российские пользователи чаще всего использовали модальность действия в псевдомедицинских и медицинских запросах (см. табл. 3). Доля сомнения в том, следует ли принимать эти средства при заболевании COVID-19, во всех случаях довольно высокая (около 20%), и с этой точки зрения антибиотиков не отличаются от народных средств. При этом пользователи поисковой машины значительно реже сомневались в том, что при коронавирусе надо дышать водкой или применять щелочь.

Операторы модальности «переход к действию» («Где купить?», «Какова дозировка?», «Как приготовить?») легко присоединялись к запросу об антибиотиках (33% запросов). На втором месте, с большим отрывом, — стремление правильно приготовить «чесночную воду» (16%). Экспериментировать с водкой или щелочью люди были готовы в меньшей степени (до 5% запросов).

Популярность подобных запросов показывает склонность пользователей к самолечению. В отличие от «чесночной воды», бесконтрольный прием антибиотиков может нанести здоровью большой вред, поскольку таким образом развивается резистентность бактерий по отношению к ним.

Таблица 4. Народные рецепты и операторы сомнения и перехода к действию (доля запросов, содержащих каждый оператор, от общего числа запросов, связанных с данным инфодеммическим нарративом)

Медицинские советы	Отрицание	Сомнение	Переход к действию
«Чесночная вода» помогает от коронавируса	1%	24%	16%
В лечении коронавируса применяются антибиотики	0%	20%	33%
Врач из Италии Александр Колосов советует дышать водкой	7%	13%	5%
Щелочь спасает от COVID-19	0%	3%	2%

Заключение: опасная информация и сомнение

Наш анализ инфодеммических нарративов в соцсетях и запросов пользователей к поисковой машине показал, что наиболее популярными среди пользователей во время пандемии были две тематические группы: «народные рецепты» лечения COVID-19 и антивакцинационные слухи. Однако пользователи взаимодействовали с такими текстами по-разному.

В обзоре литературы мы писали о том, что исследователи описывают взаимодействие пользователей с новой информацией в рамках биполярной модели (либо отрицают ее, либо некритично руководствуются ею в своих действиях). Наш материал свидетельствует, что между крайними точками доверия и недоверия располагается обширная зона сомнения. Получая новую информацию, пользователи нередко начинали ее проверять в интернете при помощи поисковых машин.

Определенная доля пользователей прибегала к операторам сомнения, уточнения или призыва к действию, в зависимости от содержания текста (например, «правда или ложь», «возможно», «реально», «фейк», «что делать», «как принимать»,

«кому помог» и т. д.). Благодаря этому у нас появилась возможность определить потенциально опасные инфодемические нарративы при помощи формальных критериев — способов формулирования поискового запроса (использование определенных типов поиска — цитат из рассылок или ключевых слов, и использование определенных операторов модальности).

Пользователи практически не стремились проверять конспирологические нарративы (коронавирус «создан» при участии Билла Гейтса / мирового правительства / фармкомпаний, пандемия «организована» ВОЗ с тайной целью и т. п.) — при них операторы сомнения не появлялись. Если люди были озабочены такой информацией, то они искали скорее подтверждение своим взглядам, чем их критику.

В наибольшей степени пользователей волновали нарративы, связанные с повседневными рисками и способные повлиять на ежедневные решения, которые они принимали в связи с постоянно меняющейся эпидемиологической обстановкой. Такие «нарративы оценки рисков» молниеносно распространялись, но очень быстро вызывали у пользователей подозрения в том, что содержащаяся в них информация не соответствует действительности. Поэтому их можно оценить как относительно безопасные, несмотря на их активное распространение.

Опасность инфодемического нарратива определяется не столько тем, что он предлагает искаженное представление о ситуации, сколько тем, в какой степени он провоцирует людей предпринимать (или не предпринимать) те или иные действия. Мы выявили группу запросов, которые наиболее часто стимулировали такой переход к действию — это тексты об использовании лекарственных препаратов. Люди, которые с ними сталкиваются, чаще, чем в других случаях (например, чем в случае с текстами о народных средствах) начинали искать способы перейти к действию: купить препарат и начать его принимать. С одной стороны, это безопаснее многих народных средств, но с другой — самолечение может приводить к опасным последствиям.

Наиболее живучие и одновременно наиболее опасные инфодемические нарративы (например, о вакцинации) основаны на представлениях, которые распространялись задолго до пандемии и начала вакцинационной кампании. Для человека, столкнувшегося с таким нарративом, вероятность получить в интернете подтверждение ложной информации оказывалась выше, чем вероятность обнаружить ее критику, что укрепляло доверие к сообщению и вело к опасным действиям. Эти механизмы взаимодействия с информацией и выявленные нами закономерности могут описывать не только реакцию на пандемию, но и поведение пользователей соцмедиа в ситуации любых других социальных катастроф и кризисов.

Список литературы (References)

Архипова А. С.*, Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
Arkhipova A. S.*, Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavriloa M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Commit-

tee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Василькова В. В., Легостаева Н. И. Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 329—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1762>.

Vasilkova V. V., Legostaeva N. I. (2020) Social Bots in Computational Propaganda: Surfing the Coronavirus Information Wave. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 329—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1762>. (In Russ.)

Гаврилова М. В. Водка, сода и чеснок: «народные» лекарства против страхов. Фольклор и антропология города. 2020. Т. III. № 1—2. С. 224—260. URL: <https://ufajournal.ranepa.ru/upload/iblock/44b/Мария%20Гаврилова%201.pdf> (дата обращения: 20.08.2023).

Gavrilova, M. V. (2020). Vodka, Soda and Garlic: “Folk” Medicines Against Fears. *Urban Folklore and Anthropology*. Vol. III. No. 1—2. P. 224—260. URL: <https://ufajournal.ranepa.ru/upload/iblock/44b/Мария%20Гаврилова%201.pdf> (accessed: 20.08.2023). (In Russ.)

Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., López Seguí F. (2020) COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 5. e19458. <https://doi.org/10.2196/19458>.

Bastani, P., Bahrami, M. A. (2020) COVID-19 Related Misinformation on Social Media: A Qualitative Study from Iran. *Journal of Medical Internet Research. Advance Online Publication*. <https://doi.org/10.2196/18932>.

Breslin S. D., Enggaard T. R., Blok F., Gårdhus T., Pedersen M. A. (2020) How We Tweet About Coronavirus, and Why: A Computational Anthropological Mapping of Political Attention on Danish Twitter during the COVID-19 Pandemic. *Somatosphere*. URL: <http://somatosphere.net/forumpost/covid19-danish-twitter-computational-map/> (accessed: 18.06.2021).

Bruns, A., Harrington, S., Hurcombe, E. (2020). “Corona? 5G? Or Both?”: The Dynamics of COVID-19/5G Conspiracy Theories on Facebook. *Media International Australia*. Vol. 177. No. 1. P. 12—29. <https://doi.org/10.1177/1329878X20946113>.

Cinelli M., Quattrocioni W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoli E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020) The COVID-19 Social Media Infodemic. *Scientific Reports*. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.

Del Vicario M., Vivaldo G., Bessi A., Zollo F., Scala A., Caldarelli G., Quattrocioni W. (2016). Echo Chambers: Emotional Contagion and Group Polarization on Facebook. *Scientific Reports*. Vol. 6. No. 1. Art. 37825. <https://doi.org/10.1038/srep37825>.

Eysenbach G. (2009) Infodemiology and Infoveillance: Framework for an Emerging Set of Public Health Informatics Methods to Analyze Search, Communication and Publication Behavior on the Internet. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 11. No. 1. Art. e11 <https://doi.org/10.2196/jmir.1157>.

Gamma A., Schleifer R., Weinmann W., Buadze A., Liebrez M. (2016) Could Google Trends Be Used to Predict Methamphetamine-Related Crime? An Analysis of Search Volume Data in Switzerland, Germany, and Austria. *PLOS ONE*. Vol. 11. No. 11. Art. e0166566. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166566>.

Germani F., Biller-Andorno N. (2021) The Anti-vaccination Infodemic on Social Media: A Behavioral Analysis. *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 3. Art. e0247642. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247642>.

Hou, Z., Du F., Jiang H., Zhou X., Lin L. (2020). Assessment of Public Attention, Risk Perception, Emotional and Behavioural Responses to the COVID-19 Outbreak: Social Media Surveillance in China. *MedRxiv*. 2020.03.14.20035956. <https://doi.org/10.1101/2020.03.14.20035956>.

Martel C., Pennycook G., Rand D.G. (2020) Reliance on Emotion Promotes Belief in Fake News. *PsyArXiv*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/a2ydw>.

Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G., Rand D.G. (2020). Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention. *Psychological Science*. Vol. 31. No. 7. P. 770—780. <https://doi.org/10.1177/0956797620939054>.

Platonov K., Svetlov K. (2020) Conspiracy Theories Dissemination on SNS Vkontakte: COVID-19 Case. In: Chugunov A., Khodachek I., Misnikov Y., Trutnev D. (eds.) *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. Cham: Springer. P. 322—335. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67238-6_23.

Preis T., Moat H., Stanley H. (2013) Quantifying Trading Behavior in Financial Markets Using Google Trends. *Scientific Reports*. Vol. 3. Art. 1684. <https://doi.org/10.1038/srep01684>.

Prooijen van. J.W. (2018) Empowerment as a Tool to Reduce Belief in Conspiracy Theories. In: Uscinski J. E. (ed.) *Conspiracy Theories and the People Who Believe Them*. Oxford: Oxford University Press. P. 432—442. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190844073.003.0030>.

Stephens-Davidowitz S. (2014) The Cost of Racial Animus on a Black Candidate: Evidence Using Google Search Data. *Journal of Public Economics*. Vol. 118. P. 26—40. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.04.010>.

Sullivan D., Landau M.J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3. P. 434—449. <https://doi.org/10.1037/a0017457>.

Swami V., Furnham A., Smyth N., Weis L., Ley A., Clow A. (2016) Putting the Stress on Conspiracy Theories: Examining Associations between Psychosocial Stress, Anxiety, and Belief in Conspiracy Theories. *Personality and Individual Differences*. Vol. 99. P. 72—76. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.04.084>.

Telfer S., Woodburn J. (2015) Let Me Google That for You: A Time Series Analysis of Seasonality in Internet Search Trends for Terms Related to Foot and Ankle Pain. *Journal of Foot and Ankle Research*. Vol. 8. Art. 27. <https://doi.org/10.1186/s13047-015-0074-9>.

Verma M., Kishore K., Kumar M., Sondh A. R., Aggarwal G., Kathirvel S. (2018). Google Search Trends Predicting Disease Outbreaks: An Analysis from India. *Healthcare Informatics Research*. Vol. 24. No. 4. P. 300—308. <https://doi.org/10.4258/hir.2018.24.4.300>.

Wang H., Li Y., Hutch M., Naidech A., Luo Y. (2021) Using Tweets to Understand How COVID-19—Related Health Beliefs Are Affected in the Age of Social Media: Twitter Data Analysis Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23. No. 2. Art. e26302. <https://doi.org/10.2196/26302>.

Yang S., Santillana M., Kou S. C. (2015) Accurate Influenza Epidemics Estimation Via ARGO. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 112. No. 47. P. 14473—14478. <https://doi.org/10.1073/pnas.1515373112>.

Zhao Z., Zhao Z., Sano Y., Levy O., Takayasu H., Takayasu M., Li D., Wu J, Havlin S. (2020) Fake News Propagates Differently from Real News Even at Early Stages of Spreading. *EPJ Data Science*. Vol. 9. Art. 7. <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-020-00224-z>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2352](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352)

Л. А. Чернышева, О. Н. Запорожец

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И МОБИЛИЗАЦИЯ ГОРОЖАН: КАК ЛОКАЛЬНОСТЬ ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЕТ КОННЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Правильная ссылка на статью:

Чернышева Л. А., Запорожец О. Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 124—148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>.

For citation:

Chernysheva L. A., Zaporozhets O. N. (2023) Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 124–148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>. (In Russ.)

Получено: 13.12.2022. Принято к публикации: 03.08.2023.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И МОБИЛИЗАЦИЯ ГОРОЖАН: КАК ЛОКАЛЬНОСТЬ ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЕТ КОННЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЧЕРНЫШЕВА Любовь Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

ЗАПОРОЖЕЦ Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, Независимый исследователь, Берлин, Германия
E-MAIL: ozaporozhets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7301-0128>

Аннотация. Статья посвящена роли локальных цифровых платформ (гражданских медиа) в городских конфликтах. Мы обращаемся к теории коннективного действия, анализирующей современные формы мобилизации (совместных действий по достижению определенных целей), которые разворачиваются онлайн или на стыке онлайн/офлайн и соотносятся с более широкой политической повесткой (например, движениями “Осциру” и “Indignados”), и рассматриваем, как эта теория работает в случае локальных объединений, связанных с решением городских проблем. Основываясь на материалах исследований, проведенных в 2018—2020 гг. в российских городах-миллионниках (Самаре, Новосибирске, Санкт-Петербурге и Москве), мы выделяем четыре ба-

DIGITAL PLATFORMS AND URBAN MOBILIZATIONS: HOW LOCALITY REDEFINES CONNECTIVE ACTION

*Liubov A. CHERNYSHEVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, *Research Fellow*
E-MAIL: l.a.chernysheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9107-8211>

*Oksana N. ZAPOROZHETS*² — *Cand. Sci. (Soc.)*
E-MAIL: ozaporozhets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7301-0128>

¹ Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² Independent Researcher, Berlin, Germany

Abstract. The paper focuses on local digital platforms (citizen media) and their involvement in urban negotiations and conflicts. It aims to revise connective action theory, which describes mobilizations that occur online or both online and offline around a broad political agenda (e.g., Occupy and Indignados movements). The paper explores how applying connective action theory to local mobilization campaigns updates the theory, making it more sensitive to the diversity of connective actions and thus more applicable to empirical research. The paper proposes a typology of connective action based on two criteria: 1) the extent to which a single digital platform dominates the campaign; and 2) the division of responsibility and agency between the initiative group, which acts as the manager of online platforms (groups), and

зовых типа локальных коннективных действий и иллюстрируем их примерами конкретных градозащитных кампаний. Эти типы различаются по двум параметрам: 1) уровню монополизации кампании одной цифровой платформой и 2) характеру распределения ответственности и агентности в рамках кампании между инициативной группой, выступающей администратором онлайн-страниц, и подписчиками.

Ключевые слова: коннективное действие, локальность, оспаривание, город, мобилизация, гражданские медиа, онлайн-платформы

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 1878-10054-П «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Введение

Когда в 1986 г. образовалась «Группа спасения памятников истории и культуры Ленинграда» — одна из первых градозащитных организаций в СССР, объединившая в самом начале своего существования несколько десятков человек, — вряд ли у кого-то мог возникнуть вопрос, что имеется в виду под словом «группа». Уже в 2010-х годах, обсуждая с информантами градозащитные конфликты, мы то и дело сталкивались с появившейся двусмысленностью этого слова, усложняющей исследование. На вопрос интервьюера: «Как вообще ваша активистская группа <...>, сколько это было человек?» — информант отвечал: «Ну, не знаю, семьсот-восемьсот» (инф. 1), что делало неуместным следующий запланированный вопрос о внутригрупповой динамике и личных отношениях между активистами. Другая информантка рассказывала об участниках конфликта так: «Они все здесь живут рядом, вот, они все входят в эту группу по защите лесопарка», а на уточнение интервьюера «а что за группа такая?», внезапно отвечала: «Сейчас я вам **покажу**» (инф. 2), — и открывала приложение «ВКонтакте» на своем смартфоне.

В повседневном языке понятие «группа» (или «сообщество») в значении ядра кампании или гражданской инициативы прочно смешалось с пониманием «группы» (или «сообщества») как элемента интерфейса социальных сетей. Фактически это означает, что онлайн-платформы¹, включая сайты, мессенджеры и группы

the subscribers. Based on data collected from three studies of local grassroots campaigns conducted in 2018–2020 in large Russian cities (Samara, Novosibirsk, St. Petersburg, and Moscow), four types of local connective action are highlighted and described.

Keywords: connective action, locality, urban contestation, mobilization, collective action, citizen media, social networking sites

Acknowledgments. The research is supported by the Russian Science Foundation Grant No. 18-78-10054-P “Mechanisms of Interests Coordination in the Urban Development Processes”.

¹ Здесь и далее под онлайн-платформами понимаются технологические онлайн-системы, позволяющие своим пользователям общаться и взаимодействовать [Koskinen, Bonina, Eaton, 2019].

в социальных сетях, выступают не просто инструментами взаимодействия, а «действующими лицами», или «организующими агентами», политической и гражданской мобилизации [Bennet, Segerberg, 2012] — организации совместных действий горожан по достижению определенных целей. При этом платформы формируют практики активистов настолько же, насколько активисты формируют сами платформы [Mortensen, Neumayer, Poell, 2018]. Активная роль онлайн-медиа, трансформирующая политическую мобилизацию и гражданский активизм, побуждает переосмыслить коллективное действие [Olson, 1965] и ответить на вопрос, что именно происходит, когда в объединение горожан вмешиваются интернет и социальные сети [Lupia, Sin, 2003].

С одной стороны, исследователи не находят связи между распространением интернета и ростом протестной активности [Meier, 2009]. Популярна технопессимистическая позиция, фиксирующая усиление индивидуализма и распространение «активизма на диване» [Shulman, 2009; Morozov, 2011]. С другой стороны, исследования показывают, что радикальная индивидуализация происходит параллельно с формированием новых форм коллективности [boyd, Golder, Lotan, 2010; Gerbaudo, Treré, 2015] и политической активности, развитием цифровых гражданских медиа (citizen media) — создаваемых и поддерживаемых горожанами онлайн-площадок, собирающих вокруг себя местных жителей и дающих возможность «несистемным игрокам продвигать контент, противоречащий доминирующим дискурсам» [Stephansen, Treré, 2019: 1]. Медиирование² онлайн-платформами взаимодействий горожан способствует появлению гибридизированных сообществ [Cabitz et al., 2016; Mosconi et al., 2017; Чернышева, Гизатуллина, 2021], чьи практики, с одной стороны, строятся в логике, ограниченной интерфейсами и возможностями онлайн-платформ, а с другой стороны — переопределяют эти платформы.

В ситуации, когда сообщества гибридируются и соединяют в себе онлайн- и офлайн-элементы, а интерфейс «группы» в социальных сетях начинает играть значимую роль в организации протестной кампании, необходимы новые инструменты для анализа мобилизации. На помощь может прийти концепция Лэнса Беннета и Александры Сегерберг [Bennet, Segerberg, 2012, 2013]. Используя язык интернет-технологий, само существование которых связано с нахождением онлайн (to be connected), для фиксации современных мобилизаций авторы предлагают новый термин — «коннективные действия» (connective actions). Л. Беннет и А. Сегерберг противопоставляют коннективные действия «классическим» коллективным действиям. Если коллективные имеют четкое лидерство, идентифицируемую группу участников, связанных единой идеологией, то коннективные представляют собой сети, образуемые индивидуальными политическими действиями в различных социальных медиа, при отсутствии направляющей организации и единой идеологии [ibid.]. Примерами подобных технологически опосредованных социальных действий являются масштабные политические кампании

² Под медиированием мы понимаем технологическое посредничество, которое осуществляют онлайн-платформы, делая возможным общение и взаимодействие больших групп горожан. Мы отличаем медиирование от медиации как устоявшейся процедуры разрешения городских конфликтов и противоречий с участием третьей стороны.

2010-х годов, включая “Occupy”³ [ibid.; Mattoni, 2018] и “Indignados”⁴ [Anduiza, Cristancho, Sabucedo, 2014].

Наш опыт горожанок и исследовательниц города показывает, что сегодня онлайн-платформы и социальные медиа играют значительную роль не только в масштабных протестах, подобных «модельным» “Occupy” или “Indignados”, но и в оспаривании городского пространства и локальных конфликтах, таких как борьба против масштабного реновационного строительства, вырубки деревьев, сноса исторических зданий. Наш интерес к локальным конфликтам связан с тем, что в ситуации постоянно сужающихся возможностей политического участия в России городские проблемы остаются одной из немногих областей, где допускается выражение гражданского недовольства [Желнина, Тыканова, 2019; Бедерсон и др., 2021]. Исследование протестных выступлений, состоявшихся в российских городах в 2010-х годах, показывает, что горожане склонны игнорировать масштабную политическую повестку, но бороться с затрагивающими их непосредственно проблемами городской жизни [Семенов, Минаева, 2021]. Городские конфликты разворачиваются на разных аренах, от зала суда до уличных пикетов. Однако в ситуации, когда на протяжении многих лет политическая и гражданская жизнь вытесняется с улиц и площадей российских городов жесткими репрессивными мерами (силовыми разгонами демонстраций, массовыми арестами и возбуждением административных дел в отношении их участников), онлайн-площадки становятся все более важными пространствами консолидации горожан и отстаивания ими своих прав.

Онлайн- и офлайн-мобилизация горожан по поводу оспаривания определенных городских пространств бросает вызов концепции коннективного действия, поскольку добавляет важное измерение *локальности*, ведь конфликт происходит по поводу конкретного места в масштабах города. В этой статье мы задаемся вопросом, как внимание к локальности может способствовать более нюансированному пониманию коннективного действия. Разобрав четыре случая из российских городов-миллионников (Самары, Новосибирска, Москвы и Санкт-Петербурга), мы покажем специфику коннективного действия в защитных городских кампаниях, в рамках которых формируются и функционируют локальные гражданские медиа — в первую очередь группы в социальной сети «ВКонтакте». Отобранные нами случаи представляют собой четыре базовых типа локального коннективного действия, которые выделены на основе двух параметров, позволяющих соединить *человеческие* и *технологические* аспекты мобилизации горожан. К их числу относятся агентность и распределение ответственности между участниками за-

³ Движение “Occupy” — одно из первых глобальных движений, основанных на онлайн-коммуникации. Возникло в сентябре 2011 г. в Нью-Йорке и на протяжении 2011—2012 гг. актуализировалось в городах по всему миру. Целью движения была артикуляция существующего неравенства в капиталистических обществах и борьба за более справедливое распределение благ и совершенствование демократических институтов. Движение действовало через занятие протестующими городских общественных пространств (площадей, парков и пр.) и декларацию своих интересов онлайн и офлайн.

⁴ Движение “Indignados” — массовые выступления в Испании в 2011—2015 гг., направленные против власти экономического капитала и распределительного неравенства, остро проявившегося во время кризиса 2008 г. Значимую роль в координации и обозначении основных требований движения сыграли тематические группы в социальных сетях и онлайн-платформа “¡Democracia Real YA!”, объединившая несколько сотен групп протестующих. Как и “Occupy”, “Indignados” было городским протестным движением, предполагавшим захват и кратковременное удержание во власти протестующих городских общественных пространств или резиденций крупного капитала (банков, офисов и пр.).

щитных кампаний в онлайн- и офлайн-пространствах, а также степень монополизации защитной кампании одной цифровой платформой.

Концепция и типы локальных коннективных действий

Анализ базы данных российских городских конфликтов, составленной в рамках проекта «Механизмы согласования интересов в процессе развития городских территорий», показывает, что в последнее десятилетие горожане активно задействуют онлайн-платформы (группы во «ВКонтакте» или Facebook*⁵, Telegram-каналы, чаты в мессенджерах) для организации и координации своих усилий по решению самых разных городских проблем.

Мы уже отмечали, что для описания гибридных взаимодействий наиболее релевантна концепция коннективного действия [Bennet, Segerberg, 2012, 2013]. Она фиксирует и возросший индивидуализм как новое состояние социальности, и многократно увеличившееся значение онлайн-платформ как самостоятельных акторов и медиаторов социального взаимодействия. Коннективное действие основано на действиях отдельных людей, которые выражают свои интересы и позиции, активно используя онлайн-платформы как наиболее привычную, удобную и доступную им форму коммуникации, при этом часть действий может разворачиваться и офлайн. Коннективные действия производятся одновременными усилиями множества человек на онлайн-платформах, что делает совместные акции зависимыми от возможностей и ограничений (аффордансов) самих платформ, превращая цифровые ресурсы в значимых участников политических действий [Evans et al., 2017; Treré, 2018]. Важной частью коннективных действий, связанных с возможностями платформ и онлайн-коммуникации, является создание виртуальных форм, выступающих символами кампаний, которые способны за короткое время достичь многомиллионных аудиторий (лозунг «Нас 99%!» в «Осциру», хештеги #MeToo и #BLM).

Условием коннективного действия, как и многих других сетевых действий [Raine, Wellman, 2012], выступает наличие новой социальности, которую оно поддерживает и усиливает. Новая социальность основывается на разветвленных горизонтальных коммуникациях, кратковременных ситуативных, а не длительных и устойчивых коллективных идентичностях [Gerbaudo, Treré, 2015], изменении в формах близости и коммуникации лицом к лицу [Gerbaudo, 2012], восприятии цифровой инфраструктуры как части активистской группы [Milan, 2015]. В своих текстах Л. Беннет и А. Сегерберг [Bennet, Segerberg, 2012, 2013] рассматривают коннективное действие как новый тип социального и политического действия, доминирование которого неизбежно в эпоху цифровых платформ, медианного участия. Особенности коннективного действия проявляются и за счет его сопоставления с традиционной формой солидаризации — коллективным действием.

За почти десятилетие активного использования концепции коннективного действия накопилось как ее апологетика, так и критика. Критика связана преимущественно с предельно широким пониманием коннективного действия, размываю-

⁵ Здесь и далее * означает, что деятельность данной социальной сети запрещена на территории РФ 20 июня 2022 г.

щим его значение, с неопределенностью и противоречивостью роли технологий в мобилизации [Evans et al., 2017; Pond, Lewis, 2019], с непонятностью сочетания онлайн- и офлайн-режимов действия [Mattoni, 2018; Chung et al., 2021], с принципиальной алокальностью концепции, фокусирующейся на крупномасштабных протестных кампаниях, разворачивающихся в таком большом количестве городов, что их учет не представляется возможным [McGillivray, Guillard, Reid, 2020; Chung et al., 2021]. Критики указывают на сложность эмпирического анализа коннективного действия, поскольку оно многомерно и включает слишком большое число индикаторов, которые трудно учесть: формат коммуникации (онлайн/офлайн), способ организации действия (индивидуальное, слабо связанное), наличие платформенных структур (сайтов, онлайн-групп, мессенджеров) как важных самостоятельных агентов действия, тип действий (множество онлайн-действий, их виральность). Тем не менее даже критики признают, что альтернатив концепции коннективного действия не существует.

Мы считаем важным локализовать коннективное действие и посмотреть на него как на разворачивающееся по поводу *конкретного городского пространства*. Фокусировка на конкретном случае оспаривания пространства позволяет внимательно рассмотреть механику коннективного действия и две его составляющие. Во-первых, анализ конкретного локального случая дает нам возможность идентифицировать горожан, включенных в защитные действия, и оценить степень их вовлеченности, которая достигается в том числе благодаря онлайн-платформам, или признать принципиальную невозможность такой идентификации. Во-вторых, конкретный случай отстаивания интересов горожан помогает установить платформенный ассамбляж — взаимодействие нескольких платформ в городском конфликте, их соединение с офлайн-пространствами и балансирование между онлайн- и офлайн-площадками. Благодаря учету перечисленных обстоятельств мы можем сделать шаг к более реалистичному пониманию коннективного действия, за которое активно выступают исследователи [McGillivray, Guillard, Reid, 2020; Chung et al., 2021], настаивающие на его гибридном характере. Полагаем, что частью ревизии концепции коннективного действия должно стать признание его зонтичным термином, объединяющим множество разновидностей. Их описание поможет концепции коннективного действия преодолеть болезни роста и перестать восприниматься как недифференцированное указание на все онлайн-мобилизации.

Далее мы рассмотрим четыре базовых типа локального коннективного действия, выделенные нами на основе анализа ситуаций оспаривания городского пространства. Мы представим четыре случая, которые произошли в российских городах-миллионниках и связаны с локальными градозащитными кампаниями без широких политических требований. В каждом из рассматриваемых случаев по-разному задействовались цифровые платформы (социальные сети и чаты в мессенджерах), их сопоставление позволит выявить формы коннективности. В этой части статьи мы рассмотрим каждый случай мобилизации с точки зрения того, какие роли в цифровом сетевом действии (*digitally networked action*) [Bennet, Segerberg, 2012] играют два ключевых элемента — *онлайн-площадки* и *социальные группы*, включенные в конфликт. Выделение двух критериев типологии связано с идеями Л. Беннета и А. Сегерберг [ibid.] о неоднородности коннективного

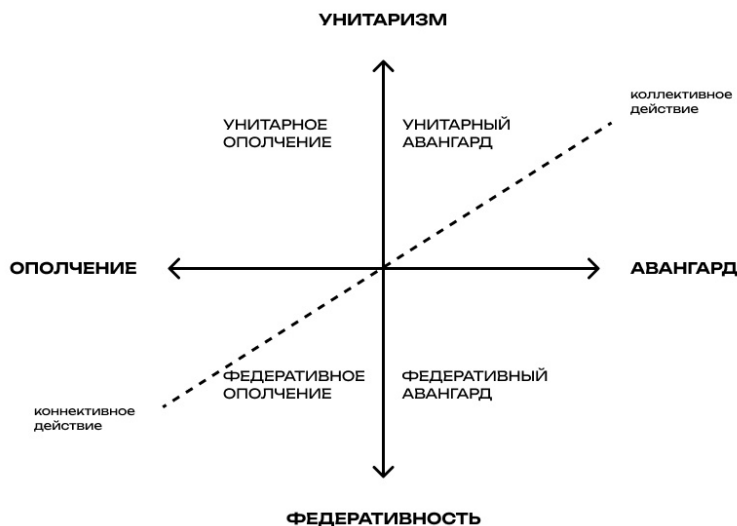
действия. Авторы выделяют три идеальных типа действия, опосредованного цифровыми платформами: *коллективное*, *коннективное-1* и *коннективное-2*. В их версии коллективное действие достаточно строго координируется активистским ядром — группой или организацией, которая фреймирует конфликт, предлагает конкретные действия и модерировать информационные платформы, с помощью которых коммуницирует со своими сторонниками и контролирует совместные действия. Коннективное действие обоих типов отличается от коллективного тем, что его логика не требует сильного организационного контроля. В рамках коннективного действия ключевую организационную роль берут на себя сами цифровые платформы. Если коннективное-2 еще отчасти направляют организованные группы, то в случае наиболее радикальной формы коннективного действия (коннективное-1) модерация и координация со стороны организованного коллектива полностью отсутствуют: пользователи самостоятельно используют доступные онлайн-платформы для выражения политической позиции и производят персональные высказывания независимо друг от друга.

Применяя эту типологию к рассматриваемым нами локальным городским конфликтам, мы обнаруживаем, что различия между коллективным, коннективным-1 и коннективным-2 действиями проходят по двум линиям. Во-первых, это характер распределения ответственности и агентности в рамках кампании между инициативной группой, выступающей администратором онлайн-страниц, и подписчиками. Во всех четырех случаях присутствуют небольшие группы, создающие онлайн-площадки и модерировать их с большей или меньшей строгостью. Сама логика интерфейса социальных сетей наделяет их большей властью, чем подписчиков, оставляя за ними возможность координировать и модерировать, ставить границы и определять «своих» и «чужих». Распределение ответственности между администраторами и подписчиками онлайн-групп варьируется по условной шкале «отсутствие согласованного администрирования», соответствующее коннективному действию-1, — «невмешательство» (коннективное-2) — «строгий контроль» (коллективное). Вторая линия различий также связана с классификацией Л. Беннета и А. Сегерберг [ibid.]. Согласно их концепции, коннективное действие распределено по социальным медиа и не фокусируется на какой-либо одной платформе. Таким образом, чем более монополизирована кампания в рамках одной онлайн-группы (или сети связанных групп в разных социальных медиа, управляемых одной командой администраторов), тем ближе случай в классификации к коллективному действию; и чем больше задействовано платформ, страниц, аккаунтов, способов реализации цифрового действия, тем ближе случай к коннективному-1.

В следующих частях статьи мы представляем четыре эмпирически установленных базовых типа локальных цифровых сетевых мобилизаций, образующихся на пересечении двух обозначенных выше осей/линий. Для простоты мы назвали эти оси «ополчение — авангард» и «унитаризм — федеративность». Первая ось отражает характер распределения ответственности и агентности в рамках кампании между инициативной группой, выступающей администратором онлайн-страниц, и подписчиками. Вторая позволяет различить уровень монополизации кампании одной цифровой платформой. Соотнося эту классификацию с триадой идеальных типов Л. Беннета и А. Сегерберг, можно сказать, что «унитарный аван-

гард» находится максимально близко к тому, что они обозначают как коллективное действие, в то время как «федеративное ополчение» стремится к идеальному типу коннективного-1.

Рис. 1. Четыре типа локального коннективного действия

При изучении коннективного действия мы совмещали анализ коммуникации на онлайн-платформах с разговорами с их создателями и администраторами, а также лидерами и участниками инициативных групп, действующих офлайн. Мы полагаем, что совмещение этих перспектив дает возможность избежать неоправданной «онлайнизации» коннективного действия — рассмотрения его как исключительно онлайн-активности. Кроме того, мы рассматривали онлайн-платформы как часть сложных констелляций локального коннективного действия, включающих значимые в конкретном случае обстоятельства — от городского политического режима и участия отдельных акторов до пространственной организации городов. Такой подход не позволяет нам искать каузальности и делать выводы, почему в рассматриваемых нами четырех случаях мобилизация происходит по-разному. Однако он обращает наше внимание на организующую роль цифровых платформ и помогает понять, как выстраивается медиированное платформами взаимодействие горожан.

Базовые типы локального коннективного действия в четырех российских городах-миллионниках

Далее мы обратимся к четырем случаям городской мобилизации, иллюстрирующим выделенные нами типы локального коннективного действия: защите зданий на улице Богдана Хмельницкого в Новосибирске, защите парка им. 60-летия Советской власти в Самаре, конфликту вокруг Программы реновации жилья в Москве, мобилизации в новостройках Санкт-Петербурга. Эти случаи различаются по продолжительности, конфигурациям участвующих в них групп интересов,

по интенсивности противостояния и достигнутым результатам. При всех различиях и ограниченной сопоставимости кейсов в них ярко проявляется разнообразие медиирования цифровых платформ: на их примере мы можем систематизировать различия в характере распределения ответственности и агентности между инициативной группой и подписчиками, а также в уровне монополизации кампании одной цифровой платформой. Рассматривая выбранные случаи, мы воспроизведем контекст противостояния, обозначим действия вовлеченных сторон и платформ (отметив, почему кейс относится к федеративности/унитаризму и авангарду/ополчению), и укажем на особенности получившегося типа.

В рамках анализа мы опираемся на обширную эмпирическую базу⁶. В нее входят, во-первых, 32 полуструктурированных интервью, проведенные в 2020—2022 гг. в Новосибирске, Самаре, Москве и Санкт-Петербурге с активистами, журналистами, местными жителями, принимавшими участие в исследуемых конфликтах. Информанты представляют разные позиции, в разной степени вовлечены в конфликты, их роли в работе онлайн-платформ также разнятся. Собранные интервью прошли тематическое кодирование. Во-вторых, анализ включает материалы девяти онлайн-групп на платформах «ВКонтакте» и Facebook*, которые были связаны с конкретными городскими конфликтами. Посты, собранные из этих групп, были закодированы следующим образом. В небольших группах кодировались все доступные на стенах посты (всего 222 и 475 постов для каждой социальной сети соответственно). В крупных группах с большим числом постов были отобраны и закодированы по 100 собравших наибольшее число лайков, а также по 300 постов, отобранных блоками по 20 постов с шагом 150—200 постов между блоками. В одном случае (самая крупная группа) применялась иная система: анализ затронул 110 постов, отобранных в соответствии с основными темами обсуждений в онлайн-группах новых жилых районов, выделенными с помощью статистической модели LDA.

Унитарный авангард: защита ул. Богдана Хмельницкого (Новосибирск)

В 2013 г. один из жителей улицы Богдана Хмельницкого (новосибирской Богданки, или Богдашки) прочитал в комментариях к одной из новостей на популярном в Новосибирске новостном портале NGS.ru, что по соседству с его домом затевается масштабная стройка: вместо клуба «Отдых» и Дома спорта должны появиться многоэтажные жилые дома, резко выделяющиеся на фоне соцгородка. В планах был не только снос общественных зданий, но и вырубка части соснового бора, с которым соседствует Богданка. Это совсем не соответствовало ожиданиям жителей: вместо давно обещанного нового социально-культурного центра, обсуждавшегося на общественных слушаниях еще в конце 2010-х годов, теперь в планах было строительство большого жилого комплекса, который лишь усилил бы нагрузку на существующую социальную инфраструктуру. *«То есть вот это вот вызвало протест, и я тогда создал группу „Защитим Богданку“. И стал пытаться*

⁶ Эмпирическая база данной статьи собрана в рамках работы над проектами «Механизмы согласования интересов в процессе развития городских территорий» (<http://urbanconflictsrussia.ru/>), «Estates after Transition» (<https://www.estatestransition.org/>), «Слоеный пирог соседства» (<https://privetsosed.org/>) и «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» (<https://rscf.ru/project/19-18-00210/>).

ся как-то это все дело предотвратить», — говорит в интервью этот житель (инф. 1). Так началась кампания против застройки Богданки.

Хотя снос зданий и последующее строительство ЖК остановить не удалось, в результате работы активистов и кооперации жителей в группе «Защитим Богданку» во «ВКонтакте» район получил охранный статус⁷, а сама онлайн-группа со временем превратилась в локальное гражданское медиа. Она не ограничила свою тематику противостоянием, но стала пространством для коллективного обсуждения повседневной жизни городской территории.

Активисты, стоящие за страницей «ВКонтакте», публикующие посты и модерирующие обсуждения, — это лишь часть инициативной группы защитников Богданки, а онлайн-активности — часть множества действий по отстаиванию интересов горожан. Последние включают пикеты, арт-акции, сбор подписей, обсуждения с местными властями и многое другое. В онлайн- и офлайн-пространстве лидерские позиции заняли разные люди, что не привело к расколу группы: в частности, в качестве основного инициатора защиты Богданки наши собеседники называли депутата городского совета от местного избирательного округа, в то время как создателем и главным модератором онлайн-группы стал другой активист. В разговоре с нами одна из активисток затруднилась однозначно назвать главу группы:

То есть все-таки руководитель группы, ну, не руководитель, у нас нет руководителя. Потому что у нас такая группа — приходят, уходят. (Инф. 2)

Тем не менее коллективное руководство и отсутствие лидера не означает терпимость к различающимся мнениям ни в среде самих активистов, ни по отношению к подписчикам группы, посвященной конфликту. Активисты провели четкие различия между «правильными» и «неправильными» идеями: они блокировали защитников Богданки, требовавших «неверных» шагов в ходе конфликта, или закрыли им доступ к публикации постов, тем самым присваивая себе право выносить суждения от имени всей онлайн-группы. Рассказывая о своем неудачном опыте сотрудничества с активистской группой, одна из защитниц Богданки отмечает:

Потому что те, кто во главе стоит, они быстро стали негативно ко мне относиться за мои, видимо, вопросы неуместные. А потом меня даже забанили в этой группе, ну, и все. (Инф. 3)

Таким образом, группа не работала в качестве площадки для обсуждения и выработки коллективной позиции — она скорее представляла собой медиа, через которое инициативная группа собирала нужные ресурсы для реализации уже принятых решений. Подписчики имели возможность участвовать в сборе подписей, уличной политике или направлении жалоб. Администраторы группы инициирова-

⁷ В 2017 г. новосибирское областное Управление по охране объектов культурного наследия внесло часть улицы Богдана Хмельницкого и прилегающей застройки соцгородка в список выявленных объектов культурного наследия. Этот участок не включал клуб «Отдых» и Дом спорта и не сыграл значимой роли в защите этих зданий. Между тем в 2021 г. временный статус выявленного объекта сменился на постоянный статус достопримечательного места, при этом границы территории под охраной расширились. Статус достопримечательного места защищает территорию от любого капитального строительства.

ли и поддерживали эти активности, но оставляли за подписчиками возможность выражения собственной позиции:

Вышел свежесвепеченный репортаж о нашем мэре. Комментариев почти нет! На абордаж, друзья, да будем услышаны! (Пост во «ВКонтакте»)

Однако ведущую роль в кампании брали на себя именно члены инициативной группы. В случае защиты Богданки мы имеем дело с «авангардом» — группой активистов, хоть и горизонтально организованной, но обладающей монополией на фреймирование конфликта.

Общение противников застройки Богданки происходило онлайн и офлайн. Офлайн-коммуникация была важна для ряда кампаний, например, когда участникам удалось собрать порядка семи тысяч подписей жителей района, протестующих против строительства. Онлайн-коммуникация же по стечению обстоятельств разворачивалась преимущественно на платформе «ВКонтакте». Отчасти это было намеренное стремление инициативной группы контролировать информацию о ходе конфликта, отчасти — вынужденное «отступление» обсуждений на единственную платформу из-за нежелания участников других городских пабликов дискутировать о проблемах, которые казались им слишком локальными.

Наверное, главный паблик у нас Новосибирске — это «АСТ 54». Это автомобильный паблик, но там такое вот социально важное что-то пишут. У них я размещала посты про события, пикеты, митинги... Ну, опять же была реакция: «Что вы ерундой маетесь?» (Инф. З)

Собственная онлайн-площадка «Защитим Богданку», контролируемая только инициативной группой жителей, обеспечивала возможность свободно высказываться от лица всех защитников улицы без необходимости доказывать важность кампании тем, кто поддерживает снос и строительство ЖК. Конкурирующие площадки, на которых бы выстраивались альтернативные правила и подходы к разрешению ситуации, на Богданке не возникли — в этом смысле мобилизация была «унитарной».

Благодаря наличию инициативного «авангарда» и продвижению единой версии конфликта действия защитников Богданки похожи на классическое коллективное действие. Однако высокая медиированность взаимодействия участников — использование «ВКонтакте» для постоянной коммуникации с подписчиками, обозначения основных позиций и блокирования несогласных, планирования акций, а также подвижность состава и нечеткость ролей участников инициативной группы позволяют говорить об особом типе локального коннективного действия, который мы называем «унитарным авангардом».

Федеративный авангард: защита парка им. 60-летия Советской власти (Самара)

Осенью 2012 г. жителям Самары и городским активистам стало известно о планах застройки парка им. 60-летия Советской власти — большой лесопарковой зоны на окраине города, примыкающей к спальным районам. Планы вызвали

резкое недовольство горожан и спровоцировали кампанию по защите парка. Ее инициатором и «голосом» стал известный самарский блогер, рассказывавший о противостоянии в своем «Живом Журнале», а потом и в специально созданной им группе «Защита городской природы» во «ВКонтакте». На протяжении восьми лет конфликт по поводу лесопарка неоднократно разгорался и затухал. Амбиции застройщика стабильно наталкивались на сопротивление местных жителей и городских активистов.

Очередной этап противостояния привел к появлению в 2018 г. еще одной онлайн-группы во «ВКонтакте», она получила название «Защита лесопарка Самары» и объединила действующих защитников парка им. 60-летия Советской власти. Создавшие ее местные активисты изначально не подозревали ни о шестилетней истории отстаивания парка, ни о людях, которые вели группу «Защита городской природы», однако со временем они реконструировали историю сопротивления. Фактически в конфликт пришло новое поколение, которое по «цифровым следам» (онлайн-публикациям) обнаружило «первое поколение» активистов и начало сотрудничать с ними.

Мы нашли старую группу во «ВКонтакте» по защите лесопарка, посмотрели все, что они делали, огромный просто труд. (Инф. 4)

До настоящего времени группы существуют параллельно, демонстрируя «ополченческую» альтернативу сплоченному «авангарду» новосибирской Богданки. Обе группы существуют на платформе «ВКонтакте», поддерживают друг друга репостами и взаимными упоминаниями. Хотя общая цель групп состоит в защите лесопарка, их контент и выбранные стратегии различаются. Например, созданная в 2018 г. группа больше внимания уделяет повседневной жизни парка, рассказывая о населяющих его птицах и животных, происходящих событиях (лыжных забегах и субботниках), претендуя на роль локального медиа парка, а не только платформы для защиты от застройки.

Обе группы представляют себя как коллективных акторов, не выделяя отдельных участников. Между тем разделение инициативных групп и подписчиков прослеживается четко: администраторы, представители инициативных групп, определяют правила работы групп, контролируют содержание постов, приглашают подписчиков присоединиться к реализации решений (например, писать жалобы в разные инстанции по подготовленному образцу или расклевать уже подготовленные шаблоны листовок), а также обращаются к подписчикам за помощью в поиске ресурсов. Они сообщают о результатах работы инициативной группы вне онлайн-пространства, проводя границу между собой и подписчиками:

<...> Члены нашей инициативной группы были приглашены на личный прием к главе администрации г. о. Самара. (Пост во «ВКонтакте»)

Подписчики, в свою очередь, поддерживают это различие, обращаясь к администраторам «ребята-активисты», задавая вопросы о результатах работы, выражая благодарность инициативной группе. Аналогично случаю новосибирской

Богданки, защитники парка в Самаре представляют собой «авангард», который контролирует медиаплатформу и решает, какую долю ответственности за ход кампании можно отдать подписчикам.

Обе группы не только создают пространство для обсуждения проблем и общих стратегий действия, но и являются школами гражданского активизма. Они «расколдовывают» официальные структуры, показывая принципы их работы [Запорожец, Багина, 2021], и обучают горожан коммуникации с ними. Создатели групп публикуют понятные и удобные алгоритмы гражданского участия — делятся инструкциями по написанию жалоб, петиций, подачи исков и других форм выражения своей позиции. Они же выступают в роли стихийных медиаторов общения властей и горожан, принимая на себя роль переводчиков и толкователей канцелярита и официальных решений. Перевод часто дополняется перекодированием — помещением информации в систему понятных горожанам или официальным лицам координат. В частности, инициативная группа может пояснить подписчикам, почему очередной официальный ответ на их обращение является «отпиской» или, напротив, дает надежду на победу в борьбе за парк. Неравенство в знаниях и опыте между активистами и другими участниками онлайн-групп создает иерархии, обнаруживаемые статистикой просмотров. Согласно ей, подписчики гораздо чаще знакомятся с размещенной информацией, чем вступают в обсуждения или публикуют собственные материалы. Таким образом, создатели групп в социальной сети удерживают позицию «авангарда» во многом благодаря накапливаемому опыту гражданского участия и наличию необходимых знаний, а не только доступу к администрированию групп.

Согласно нашей типологии, защита самарского парка соответствует «федеративному авангарду». Конечно, в ситуации «унитаризма» инициативная группа также может задействовать разные платформы для реализации разных задач: например, иметь чат для оперативных обсуждений «узким кругом» и группу «ВКонтакте» для публикации результатов деятельности и взаимодействия с чиновниками или подписчиками. Но в случае «федеративности» такими площадками управляют разные инициативные группы. Даже если они разделяют общие цели, как в случае с защитой парка в Самаре, присутствие нескольких платформ, администрируемых разными людьми, влияет на динамику конфликта, поскольку создает более сложные конstellляции акторов и медиаторов, участвующих в конфликте.

Федеративное ополчение: Программа реновации (Москва)

В 2017 г. власти Москвы анонсировали «Программу реновации жилищного фонда»⁸ (далее — Программа). Согласно ей, более 5 тыс. жилых зданий послевоенного периода постройки должны быть снесены и заменены новыми высотными микрорайонами. Программа была неоднозначно принята москвичами. В то время как одни были рады перспективе переезда в новое жилье, другие мобилизовались против Программы [Желнина, 2019]. Существенная часть об-

⁸ См. Постановление Правительства Москвы от 1 августа 2017 г. № 497-ПП «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456082244> (дата обращения: 24.08.2023).

ществленных дискуссий и коллективных действий, связанных с конфликтом вокруг нее, происходила онлайн на площадках Facebook* и «ВКонтакте», а также в мессенджерах.

Сложно даже приблизительно оценить масштаб онлайн-активности москвичей. Это связано как с характером самой Программы, одновременно затронувшей разномасштабные вопросы частной (квартир) и коллективной (общих помещений и инфраструктур домов) собственности, придомовых территорий и микрорайонов, муниципальных округов и районов, так и города в целом. Каждому из этих масштабов соответствуют свои страницы в социальных сетях и чаты в мессенджерах. Существуют общегородские группы, где в постах пользователи обращаются к широкой московской публике, *«соратник[ам] по борьбе за сохранение Москвы для жизни»* (Facebook*, общегородская группа противников реновации). Районные группы удерживают связь между общегородской повесткой и ее реализацией на отдельных территориях, где важным субъектом стала местная управа: в таких группах участники встреч с главой управы публиковали свои отчеты и впечатления. Группы/чаты отдельных домов становятся площадкой, где одни соседи убеждают других в необходимости голосовать «за» включение дома в программу или «против». *«Очень нужны аргументы для запуганных людей, почему, если нас обманывают, то надо голосовать „ПРОТИВ“.* Помогите, пожалуйста, с аргументами», — пишет одна из жительниц попавшего под реновацию дома в общегородской группе Facebook*, рассчитывая получить инструмент для влияния на соседей в небольшом домовом чате.

Разное отношение к программе поляризовало москвичей, спровоцировав создание групп «за» реновацию и «против» нее (их подписчики иногда именуют друг друга «засносцы» и «противосносцы»). Такие группы также относятся к разным масштабам. Обсуждения и советы, публикуемые в общегородской Facebook-группе* «Москвичи против сноса», хотя и могут быть полезны отдельным горожанам, все же не затрагивают с должной глубиной специфику конкретных районов, поэтому параллельно возникают такие группы, как «Старое Марфино против сноса пятиэтажек» (во «ВКонтакте») или «ЮВАО против реновации» (в Facebook*). Подписчики полярных групп нечасто пересекаются друг с другом и не тратят время на дискуссии о пользе и вреде реновации: обсуждения в них, как говорят информанты, происходят «по существу», то есть посвящены конкретным действиям по защите своего дома от Программы или по увеличению шансов попасть в нее. Если же сторонники оставляют комментарии в группе противников (или наоборот), такое взаимодействие оказывается крайне конфликтным:

Кто-то там [в группе сторонников Программы] предложил разогнать нашу группу [противников], на что я ответил соответствующим образом и тут же был забанен. После этого я перестал туда ходить, поняв, какой там контингент. (Пост во «ВКонтакте», районная группа противников)

Чтобы избегать лишних конфликтов, администраторы групп делают их закрытыми и проводят «фильтрацию» на этапе предоставления доступа:

У меня есть своя районная группа, да, в Фейсбуке*. <...> Первым, что я стала делать, — это собирать единомышленников. Естественно, это нормальный шаг, вполне такой разумный. <...> Она закрытая. Захочу — приму, не захочу — не приму. У нас есть там небольшой опросник. <...> Я всех подряд, конечно, не беру, то есть я смотрю, вычисляю периодически. То есть у нас было тут нашествие всяких ботов, я их всех поудалила, заблокировала. (Инф. 5)

Кроме того, реновация обсуждалась и на площадках уже существовавших районных групп — как тех, что находятся под контролем местных администраций, так и инициативных гражданских медиа. Администраторы районных групп заняли разные позиции в отношении программы реновации. Кто-то оставил группу нейтральной:

Я не замечал, что в какую-то сторону склоняет администратор группы. Он постит, публикует все, независимо «за» или «против» реновации. (Инф. 7)

Кто-то, напротив, воспользовался позицией администратора, чтобы публично выразить свою личную позицию. Учитывая столь большое разнообразие платформ для обсуждения Программы реновации, кампании вокруг нее попадают под нашу классификацию «федеративности». В отличие от конфликта вокруг самарского парка, московская реновация демонстрирует разнообразие масштабов групп, форматов управления ими, объединяющих целей и, конечно, самих платформ, вовлеченных в конфликт.

Подобные группы работают как площадки для накопления общего знания. В случае сторонников реновации это знание о том, как действовать, чтобы получить лучшую квартиру и вовремя подготовиться к переезду. В случае противников — поиск «швов», по которым можно нанести «удар», тем самым разрушив программу [Шиповалова, Чернышева, Гизатуллина, 2021]. Для этого москвичи делятся инструкциями («*Пора предпринимать активные шаги. Пошаговая инструкция о подаче иска на незаконное голосование на АГ и в МФЦ*») (Facebook*, общегородская группа противников) и публикуют отчеты о результатах различных индивидуальных действий. Некоторые сообщения указывают на коллективное и равное распределение ответственности — как, например, следующая цитата, где один подписчик призывает другого к активным действиям по обмену знанием и тестированию системы голосования «за» или «против» вхождения дома в Программу:

Надо не здесь [в онлайн-группе] об этом [о возникшей проблеме с голосованием в «Активном гражданине»] писать (хотя, информировать о прецеденте, конечно, надо), а брать свое свидетельство о собственности на квартиру и прямо с утра идти скандалить в МФЦ. Желательно с камерой и парой соседей. А завтра написать о результатах. (Пост во «ВКонтакте», районная группа соседей)

Одна из информанток говорит, что наполнение групп — это «*такая большая работа, общая работа*» (инф. 6), то есть отдельные подписчики страниц участвовали в кампании наравне с администраторами онлайн-групп или инициативными группами общегородского масштаба.

Более того, Программа реновации оказалась одновременно масштабной общегородской и максимально локальной, поскольку конкретная судьба каждой квартиры зависела не только от того, как разворачивается «большая» городская кампания, стремящаяся остановить или усилить Программу в ее текущей версии, но и локальная, относящаяся к отдельному дому, жильцы которого принимали решение об участии большинством голосов⁹. В отличие от онлайн-групп защитников самарского парка и новосибирских общественных зданий, в которых подписчики имели возможность оставаться невидимыми наблюдателями, негласно передав ответственность за решение конфликтов нескольким инициативным людям, подписчики групп и пабликов, связанных с московской Программой реновации, неизбежно попадали в число ответственных за принятие решений в рамках кампании. Это связано с тем, что москвичи вынуждены были участвовать в голосовании, и гарантировать реализацию их решения могла только мобилизация на всех уровнях, от дома до всего города. Кампания против Программы реновации попадает в нашей типологии под категорию «ополчения», где нет очевидных лидеров, от которых зависит, какие исходы будут в этом конфликте, где ответственность в равной степени лежит на администраторах и подписчиках, активных и не очень активных участниках обсуждений в группах, чатах и мессенджерах.

Каждую отдельную онлайн-площадку можно было бы рассматривать как независимое от других гражданское медиа, в котором есть свои администраторы (инициативная группа) и подписчики, а значит, устанавливается свой формат отношений между ними, определяющий возможности действия и распределения ответственности за результаты этого действия. Между тем, рассматривая масштаб всей кампании, мы относим ее к «федеративному ополчению»: она представляет собой некое подобие фрактала, одновременно распадаясь на множество маленьких кампаний и собираясь в две большие — «за» и «против» реновации. Онлайн-площадки создали возможности для одновременного сосуществования этих разных масштабов и векторов.

Унитарное ополчение: конфликты в ЖК «Северная долина» (Санкт-Петербург)

Четвертый тип локального коннективного действия мы проиллюстрируем случаем гражданского соседского медиа, созданного жителями новостроек в Санкт-Петербурге. Речь идет о жилом комплексе «Северная долина» — типичном представителе нового высотного жилого строительства на городской периферии. С момента заселения первых домов в 2010 г. жители «Северной долины» развивают онлайн-соседство, представленное разветвленной сетью онлайн-групп и публичных страниц на платформе «ВКонтакте». Такие инфраструктуры характерны для новостроек не только в Петербурге [Gromasheva, 2021; Запорожец, Багина, 2021].

Ядром этой сети — наиболее крупными публичными страницами, связанными единым дизайном и названиями и разделенными по тематике контента, — управляет группа администраторов, скрывающих свои имена. Оставаясь анонимными, они предлагают подписчикам набор правил пользования страницами, среди ко-

⁹ Подробнее о формах голосования см. [Шиповалова, Чернышева, Гизатуллина, 2021].

торых навигация по существующим группам сети («Поиск/публикация вакансий возможна только в группе Работа»; здесь и далее — раздел «Описание группы»), определение группы как архива («Опубликованные посты НЕ удаляются»), а также возможные причины блокировки пользователей («Бан можно получить за хамство, переход на личности, провоцирование конфликта. Забанить можем за мат, за рекламный спам и сообщения не по теме (не касается юмора и соседского общения)»). Никаких «идеологических» или тематических ограничений администраторы не вводят, и фактически в основной группе сети появляются посты на разные темы, в том числе конфликтные (например, политические). Учитывая монополию на установление правил и модерацию целой сети онлайн-групп соседства, мы относим ее к «унитарным» случаям. Альтернативной платформы сопоставимого масштаба у «Северной долины» нет.

Администраторы сети групп не занимаются наполнением страниц контентом: их работу можно охарактеризовать как поддержание инфраструктуры соседского гражданского медиа. Все, что появляется на страницах, исходит от подписчиков и опосредовано функцией интерфейса «ВКонтакте», которая называется «Предложить пост». Предлагаемые посты попадают на одобрение к администраторам, которые решают, соответствуют ли они правилам, и публикуют — иногда сопровождая припиской «от админов». Это может быть шутивная картинка-иллюстрация к посту, а может быть информация, снимающая с администраторов ответственность за содержание сообщения. Например, опубликованный пост «*Всем здравствуйте. Жители с детьми особенно 13 очереди 1 и 2 корпуса и все кто рядом, по причине отсутствия по близости интересной детской площадки, поступило предложение сброситься (например) по 1 000 руб и согласовать установку детской площадки. Кто как на это смотрит??*» сопровождается такой припиской: «*От админов. Внимание! Мы не собираем на форуме средства. Остерегайтесь мошенников, которые могут написать вам в личку под предлогом сбора*». Из интервью с администраторами можно узнать о некоторых правилах модерации. Так, они не пропускают то, что сочтут рекламой, или будут остерегаться публикации изображений людей:

<...> Даже вот если дети курят за гаражами, [на публикуемой фотографии] у них такие вот будут квадратики или лица будут замазаны. (Инф. 8)

Сеть онлайн-групп жилого комплекса работает как краудсорсинговая платформа, и ее активность полностью зависит от вовлеченности самих жителей района в онлайн-коммуникацию — персонального желания публиковать новости и обсуждать их в комментариях. На базе этой инфраструктуры инициативные жители проводят свои кампании. Например, в феврале 2020 г. стартовала одна из крупных кампаний против строительства храма на территории «Северной долины», и инициативная группа публиковала посты, приглашая соседей присоединиться к сбору подписей: «*Соседи! Сегодня, 16 февраля с 18.00 до 19.00 в кафе [адрес, название] будем собирать подписи под обращением против изменения изначального плана застройки „Северной Долины“. Изменение плана строительства ЖК „Северная Долина“: был многофункциональный комплекс, стал объект религиоз-*

ного назначения». Постоянно продолжается борьба жителей отдельных домов с управляющей компанией, о ходе которой активисты Советов домов сообщают на страницах соседской группы: «Еще два (в дополнении к решению по [адрес]) решения [адрес] Арбитражного суда не в пользу [название управляющей компании]: тарифы вернуть, сделать перерасчет! Поздравляем соседей!». Периодически появляются сообщения о мобилизации соседей на коллективные поиски животных: «Создана конференция для поиска кота. Кто хотел бы принять участие в поиске — напишите. Как кот будет найден, то сразу сообщим».

В последнем примере видно, как желающих вовлечься приглашают воспользоваться альтернативными площадками для продолжения инициативной работы. Тем не менее центральная онлайн-группа остается основной площадкой рекрутинга и старта кампаний любого рода. Через нее соседей приглашают подключаться к онлайн-группам домов или обсуждению отдельных тем. Хотя эти площадки могут представлять собой иные типы локального коннективного действия — например, унитарного авангарда, если речь о группе, которую ведет Совет дома, сообщая о ходе кампании по понижению тарифов на коммунальные услуги, — они по-прежнему остаются частью общей сети, будучи соединенными с ядровыми группами района ссылками или персоналиями администраторов.

В этом проявляется «унитарное ополчение» — четвертый тип коннективного действия. Ядро онлайн-инфраструктуры и логика его разрастания продуманы администраторами и задаются «сверху», тогда как отдельные инициативные группы со своими медиаплатформами возникают вокруг этого ядра. Администраторы не выступают в роли инициативной группы, они создают инфраструктуру для того, чтобы инициативы могли разворачивать свою работу. На базе этой «унитарной» инфраструктуры жители района действуют в духе «ополчения»: оставаясь в рамках идеи создания соседского общего блага, они фреймируют множество конфликтов разных масштабов — между жителями (по поводу правил выгула собак), между жителями и застройщиком (по поводу строительства социальной инфраструктуры) или между жителями конкретного дома и управляющей компанией (по поводу размера тарифов на коммунальные услуги). Активисты отдельных домов, муниципальные депутаты, «неравнодушные соседи» в равной степени имеют доступ к соседской онлайн-инфраструктуре и проводят на ней свои кампании, зачастую вступающие в противоречие друг с другом.

Заключение

Сегодня, когда городская повестка является одной из немногих сфер для выражения протеста в России, а уличная политика почти невозможна, исследование онлайн-практик, связанных с локальными городскими конфликтами, предстает важнейшим направлением исследований мобилизации — организации совместных действий горожан по достижению определенных целей. Развитие онлайн-коммуникации внесло изменения в динамику городских конфликтов, равно как и городские конфликты повлияли на сетевое взаимодействие. Рассматривать градозащитные кампании, не уделяя внимание онлайн-инфраструктуре, которую активисты задействуют в своей работе, означает оставлять за скобками важнейшие характеристики современных объединений.

В этом тексте мы пошли по пути внимательного рассмотрения того, как медируются локальные кампании, связанные с оспариванием городских пространств. Онлайн-площадки (мессенджеры, социальные сети) являются в этих случаях значимым структурным элементом мобилизации и принимают на себя организующую роль. Подобные случаи принято рассматривать в категориях коннективного действия — концепции, разработанной для анализа крупных политических кампаний вроде «Occupy» или «Indignados». Коннективное действие — стихийное, неорганизованное — вовлекает рассредоточенную публику в «гипермедиированную персонализированную форму коллективного действия» [Pond, Lewis, 2019: 215]. В отличие от традиционного коллективного действия (которое также может задействовать онлайн-инструменты), организующей силой коннективного становится онлайн-инфраструктура, а не организации, строго направляющие и модерлирующие мобилизацию.

Между тем коннективное действие, представленное в классических работах, не описывает ситуацию, которую мы видим в градозащитных конфликтах, сфокусированных на конкретной городской среде и противостоянии в масштабах города. Участники таких противостояний намеренно избегают описания себя как «политических» и удерживают свои действия в формате узких требований, нацеленных на защиту территории. В таких случаях мы наблюдаем локальное коннективное действие, обладающее своими особенностями.

Предлагаемая нами категория — «локальное коннективное действие» — важна для общей дискуссии о коннективном действии, в рамках которой все чаще возникают сомнения в аналитической необходимости этой размытой и эмпирически трудно фиксируемой категории. Использование категории «локальное коннективное действие» значимо, поскольку, во-первых, не просто указывает на множественность коннективного действия (подобная попытка предпринималась еще создателями концепции), но предлагает критерии его дифференциации, открывая дорогу для новых типологий. Во-вторых, изучение более доступного для наблюдения и отслеживания траекторий локального коннективного действия может способствовать лучшему пониманию, а значит, и аналитической реабилитации, масштабного и массового коннективного действия.

Мы полагаем, что локальное коннективное действие делает наблюдаемыми два элемента, принципиально важных для понимания коннективных действий в целом. Во-первых, это различные группы участников, выделяемые на основе их вовлеченности в онлайн- и офлайн-активности, а во-вторых — платформенный ассамбляж противостояний и степень их монополизации той или иной онлайн-платформой. Превращение указанных элементов в оси координат, где первая ось (от «ополчения» к «авангарду») отражает отношения между выступающими администраторами онлайн-страниц инициативными группами и подписчиками, а вторая (от «федерализма» к «унитарности») — степень монополизированности коммуникации конкретной онлайн-платформой, позволяет выделить четыре базовых типа локальных коннективных действий.

Унитарный авангард максимально близок «классическому» коллективному действию: одна группа администраторов берет на себя ответственность за ведение кампании и использует онлайн-группу для организованной мобилизации сторон-

ников, оставляя им мало пространства для самостоятельного фреймирования конфликта и персонализированного действия. *Федеративный авангард* отличается тем, что таких онлайн-групп может быть несколько, действовать они могут независимо друг от друга (кооперируясь, не замечая друг друга или конфликта). *Унитарное ополчение* представляет собой форму мобилизации, в которой администраторы «сливаются» с инфраструктурой страниц, не проявляя себя как значимых игроков в рамках конфликта. На базе этой инфраструктуры горожане в определенной степени свободно могут реализовывать свои инициативы, фреймировать конфликты, проявлять позиции. Наиболее близко к «классическому» коннективному действию стоит *федеральное ополчение*. Это ситуация, в которой многообразии используемых платформ сочетается с многообразием инициативных коллективов и выражаемых отдельными горожанами позиций. Мобилизация происходит одновременно на разных уровнях — отдельной квартиры, дома, двора, района, города — и характеризуется высоким уровнем вовлеченности горожан в производство онлайн-действий, встраивающихся в логику локальной кампании.

Акцент на агентности администраторов онлайн-страниц и форматах работы, которые они выстраивают, как раз и является особенностью локального коннективного действия. В каких-то случаях мобилизации разворачиваются на готовой инфраструктуре, созданной по принципу близости в пространстве — так работает «унитарное ополчение», представляющее собой целую сеть связанных соседских/районных онлайн-групп и чатов. В иных случаях мобилизация, вопреки определению коннективного действия, строится вокруг общей идентичности (в данном случае территориальной) или на объединении вокруг фигур «ответственных соседей», которым можно доверять и которые как раз занимают лидирующие позиции администраторов в онлайн-группах. Наконец, во всех представленных в этой статье конфликтах существенное значение имеет обмен опытом офлайн-действий, попытки координации за пределами онлайн. Эта необходимость действовать на иных аренах, вне интернета отличает локальные конфликты, в которых само по себе онлайн-высказывание часто выглядит недостаточным для успеха кампании.

Список литературы (References)

Бедерсон В. Д., Желнина А. А., Запорожец О. Н., Минаева Э. Ю., Семенов А. В., Тыканова Е. В., Хохлова А. М., Чернышева Л. А., Шевцова И. К. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / под отв. ред. Е. В. Тыкановой. СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>.

Bederson V. D., Zhelnina A. A., Zaporozhets O. N., Minaeva E. Yu., Semenov A. V., Tykanova E. V., Khokhlova A. M., Chernyshova L. A., Shevtsova I. K. (2021) The City of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflict Development in Russia. Saint Petersburg: FCTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>. (In Russ.)

Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162—192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.

Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 22. No. 1. P. 162—192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>. (In Russ.)

Желнина А. А. «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 21—36. <https://doi.org/10.17323/usp42202021-36>.

Zheltnina A. (2019) “Ghetto in a Good Sense” Versus “The Concrete Ghetto”: Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow. *Urban Studies and Practices*. Vol. 4. No. 2. P. 21—36. <https://doi.org/10.17323/usp42202021-36>. (In Russ.)

Запорожец О. Н., Багина Я. А. Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 269—284. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>.

Zaporozhets O. N., Bagina Ya. A. (2021) How Hopes Build the Civic Infrastructure or New Residential Areas. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 269—284. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284>. (In Russ.)

Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 22. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.

Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)

Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе в Санкт-Петербурге // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. Т. 13. № 2. С. 39—71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>.

Chernysheva L., Gizatullina E. (2021) VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 13. No. 2. P. 39—71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>. (In Russ.)

Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 1. С. 71—87. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11005>.

Shipovalova L. V., Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. (2021) Digital Governance Technologies in Action, or On the Activity of Citizens around the Platform “Active Citizen”. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 12. No. 1. P. 71—87. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11005>. (In Russ.)

Anduiza E., Cristancho C., Sabucedo J. M. (2014) Mobilization through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignados in Spain 2014. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 6. P. 750—764. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.808360>.

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Bennett W. L., Segerberg A. (2013) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139198752>.

boyd D., Golder S., Lotan G. (2010) Tweet, Tweet, Retweet: Conversational Aspects of Retweeting on Twitter. In: Sprague R. H. Jr. (ed.) *Proceedings of the 43rd Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 5—8 January 2010 Koloa, Kauai, Hawaii. Los Alamitos, CA: The Institute of Electrical and Electronics Engineers. P. 1—10. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2010.412>.

Cabitz F., Scramaglia R., Cornetta D., Simone C. (2016) When the Web Supports Communities of Place: The ‘Social Street’ Case in Italy. *International Journal of Web Based Communities*. Vol. 12. No. 3. P. 216—237. <https://doi.org/10.1504/IJWBC.2016.077758>.

Chung T.-L., Johnson O., Hall-Phillips A., Kim K. (2021) The Effects of Offline Events on Online Connective Actions: An Examination of #BoycottNFL Using Social Network Analysis. *Computers in Human Behavior*. Vol. 115. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106623>.

Evans S. K., Pearce K. E., Vitak J., Treem J. W. (2017) Explicating Affordances: a Conceptual Framework for Understanding Affordances in Communication Research. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 22. No. 1. P. 35—52. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12180>.

Gerbaudo, P. (2012). *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt183pdzs>.

Gerbaudo P., Treré E. (2015) In Search of the ‘We’ of Social Media Activism: Introduction to the Special Issue on Social Media and Protest Identities. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8. P. 865—871. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043319>.

Gromasheva O. (2021) Hybrid Neighborness in Action: The Case of Kudrovo, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 13. No. 2. P. 13—38. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-13-38>.

Koskinen K., Bonina C., Eaton B. (2019) Digital Platforms in the Global South: Foundations and Research Agenda. In: *Information and Communication Technologies for Development. Strengthening Southern-Driven Cooperation as a Catalyst for ICT4D: 15th IFIP WG 9.4. International Conference on Social Implications of Computers in Developing Countries, ICT4D 2019, Dar es Salaam, Tanzania, May 1—3, 2019, Proceedings, Part I* 15. Springer International Publishing. P. 319—330.

Lupia A., Sin G. (2003) Which Public Goods are Endangered? How Evolving Communication Technologies Affect the Logic of Collective Action. *Public Choice*. Vol. 117. No. 3. P. 315—331. <https://doi.org/10.1023/B:PUCB.0000003735.07840.c7>.

Mattoni A. (2018) I Post, You Rally, She Tweets... and We All Occupy: The Challenges of Hybrid Spatiality in the Occupy Wall Street Mobilizations. In: Mortensen M., Neumayer C., Poell T. (eds.) *Social Media Materialities and Protest: Critical Reflections*. London: Routledge. P. 29—39. <https://doi.org/10.4324/9781315107066-9>.

McGillivray D., Guillard S., Reid E. (2020) Urban Connective Action: The Case of Events Hosted in Public Space. *Urban Planning*. Vol. 5. No. 4. P. 252—266. <https://doi.org/10.17645/up.v5i4.3406>.

Meier P.P. (2009) The Impact of the Information Revolution on Protest Frequency in Repressive Contexts. The 50th International Studies Association (ISA) Convention. February 15—18, 2007. URL: <https://irevolution.files.wordpress.com/2009/02/meier-isa-2009-final.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

Milan S. (2015) From Social Movements to Cloud Protesting: The Evolution of Collective Identity. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 8. P. 887—900. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043135>.

Morozov E. (2011) *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York, NY: Public Affairs.

Mortensen M., Neumayer C., Poell T. (eds.) (2018) *Social Media Materialities and Protest: Critical Reflections*. London: Routledge.

Mosconi G., Korn M., Reuter C., Tolmie P, Teli M., Pipek V. (2017) From Facebook to the Neighbourhood: Infrastructuring of Hybrid Community Engagement. *Computer Supported Cooperative Work*. Vol. 26. No. 4—6. P. 959—1003. <https://doi.org/10.1007/s10606-017-9291-z>.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pond P., Lewis J. (2019) Riots and Twitter: Connective Politics, Social Media and Framing Discourses in the Digital Public Sphere. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. No. 2. P. 213—231. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1366539>.

Rainie H., Wellman B. (2012) *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/8358.001.0001>.

Shulman S.W. (2009) The Case Against Mass E-mails: Perverse Incentives and Low Quality Public Participation in U. S. Federal Rulemaking. *Policy & Internet*. Vol. 1. No. 1. P. 23—53. <https://doi.org/10.2202/1944-2866.1010>.

Stephansen H. C., Treré E. (2019) Practice What You Preach? Currents, Connections, and Challenges in Theorizing Citizen Media and Practice. In: Stephansen H. C., Treré E. (eds.) *Citizen Media and Practice: Currents, Connections, Challenges*. London: Routledge. P. 1—34. <https://doi.org/10.4324/9781351247375-1>.

Treré E. (2018) Nomads of Cyber-Urban Space: Media Hybridity as Resistance. In: Mortensen M., Neumayer C., Poell T. (eds.) *Social Media Materialities and Protest: Critical Reflections*. London: Routledge. P. 42—56. <https://doi.org/10.4324/9781315107066-4>.

Приложение. Список информантов

Инф. 1 — активист, один из лидеров инициативной группы в защиту ул. Богдана Хмельницкого, создатель группы «Защитим Богданку» в социальной сети «ВКонтакте», Новосибирск.

Инф. 2 — активистка, участница инициативной группы в защиту ул. Богдана Хмельницкого, Новосибирск.

Инф. 3 — активистка, участница инициативной группы в защиту ул. Богдана Хмельницкого, Новосибирск.

Инф. 4 — участник инициативной группы защиты парка 60-летия Советской власти, Самара.

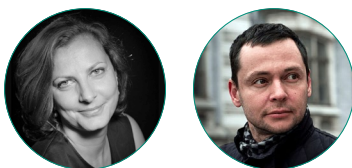
Инф. 5 — администратор районной страницы противников реновации в Facebook*, Москва.

Инф. 6 — администратор общегородской группы противников реновации в Facebook*, Москва.

Инф. 7 — подписчик районной группы соседей во «ВКонтакте», Москва.

Инф. 8 — администратор страницы группы соседей во «ВКонтакте», Санкт-Петербург.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2429](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2429)

Е. Б. Деминцева, Н. В. Мкртчян

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ: МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ НА КАМЧАТКЕ

Правильная ссылка на статью:

Деминцева Е. Б., Мкртчян Н. В. Новые направления миграции: мигранты из стран Средней Азии на Камчатке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 149—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2429>.

For citation:

Demintseva E. B., Mkrtyan N. V. (2023) New Destinations for Migration: Migrants from Central Asian States in Kamchatka. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 149–175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2429>. (In Russ.)

Получено: 10.05.2023. Принято к публикации: 10.07.2023.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ: МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ НА КАМЧАТКЕ

ДЕМИНЦЕВА Екатерина Борисовна — кандидат исторических наук, заведующая, Центр качественных исследований Института социальной политики, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: edemintseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6402-5010>

МКРТЧЯН Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Центр демографических исследований Института демографии им. А. Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: nmkrtchyan@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

Аннотация. В статье анализируется появление одного из новых направлений международной миграции в Россию — на Север, а именно в Камчатский край. Мы выясняем, почему мигранты из стран Средней Азии, до этого практически не замеченные среди жителей края, выбирают местом проживания и работы столь отдаленный регион с суровым климатом. Выводы делаются на основании результатов полевого исследования, проведенного в Петропавловске-Камчатском в октябре 2022 г. группой преподавателей и студентов НИУ ВШЭ. Исходя из его результатов, мы отмечаем, что и местные власти, и сами мигранты связывают увеличение потока международных

NEW DESTINATIONS FOR MIGRATION: MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN STATES IN KAMCHATKA

*Ekaterina B. DEMINTSEVA*¹ — *Cand. Sci. (History), Director of the Center for Qualitative Research, Institute for Social Policy; Associate Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities*

E-MAIL: edemintseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6402-5010>

*Nikita V. MKRTCHYAN*¹ — *Cand. Sci. (Geogr.), Leading Researcher, Center for Demographic Research at the Vishnevsky Institute of Demography*

E-MAIL: nmkrtchyan@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. In this article, we examine a new migration trend to Russia that is currently developing in the Kamchatka Region. Based on the findings of a field study conducted by the Higher School of Economics teachers and students in Petropavlovsk-Kamchatsky in October 2022, the authors study why migrants from Central Asian countries, which previously had little contact with Kamchatka, choose to live and work in such a remote area with an unusually harsh climate. The study shows that higher salaries in the Kamchatka Region compared to other regions of Russia together with the relatively easy entry into the labor market are factors that both the local authorities and the migrants them-

трудоустройства и условиях жизни в крае. трудовых мигрантов со сравнительно легким входом на рынок труда, в том числе благодаря упрощенной системе легализации, а также с более высокими заработками по сравнению с другими регионами России. При этом расходы на жилье и питание не отличаются от других городов страны и даже ниже, чем во многих больших городах. В статье также анализируется опыт формирования нового мигрантского сообщества в Петропавловске-Камчатском, рассматриваются особенности интеграции мигрантов в принимающий социум. Мы обнаружили, что важную роль в этом новом миграционном потоке играет человеческий капитал: мигранты едут, заранее зная о выгодных условиях труда, возможных местах трудоустройства и условиях жизни в крае.

Ключевые слова: миграция, новые направления для иммигрантов, мигранты из стран Средней Азии, Камчатский край, трудовая миграция

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

сelves associate with the increase in the flow of labor migrants. At the same time, housing and food costs in Kamchatka do not differ from other Russian cities and are even lower than in many large cities. The study also analyses the experience of forming a new migrant community in Petropavlovsk-Kamchatsky, and discusses the features of the integration of migrants into the host society. The authors find that human capital plays an important role in this new migration flow, as migrants learn about the good working and living conditions in the area prior to their arrival.

Keywords: migration, new immigrant destinations, migrants from Central Asia, Kamchatka Krai, labor migration

Acknowledgments. The study was carried out within the Basic Research Program at the HSE University.

Международная миграция в любой стране имеет территориальные особенности, а мигранты предпочитают одни регионы другим. В России международные мигранты чаще выбирают для переезда регионы юга европейской части страны, крупногородские агломерации в Центральном, Уральском и Сибирском федеральных округах. Все это совпадает с направлениями внутренней миграции. В советский период территории староосвоенной части страны были источником миграции как на север и восток нынешней России, так и в республики СССР. После распада Советского Союза миграция во многом носила возвратный характер. Однако в новой экономике привлекательны не столько регионы, сколько крупные города (городские агломерации) с диверсифицированным рынком труда, более высоким уровнем жизни, развитой городской средой. При этом международные трудовые мигранты еще более избирательны в направлениях переезда, так как ориентируются почти исключительно на места приложения труда: согласно данным ГУВМ МВД России (ранее — ФМС России), примерно половина официально

занятых в России выбрали агломерации Москвы и Санкт-Петербурга [Население России 2019..., 2022]. Полагаем, что трудовые мигранты, работающие в стране без разрешительных документов, имеют те же территориальные предпочтения.

Неудивительно, что подавляющее большинство исследований международной миграции в России [Мукомель, 2022; Флоринская и др., 2015; Choudinovskikh, Denisenko, 2020] имело объектом изучения традиционные регионы массового притока мигрантов. Именно в этих регионах к миграции привлечено внимание властей и общества, созданы наиболее значимые мигрантские объединения, мигранты заметнее в СМИ, а также легче найти респондентов для проведения количественных опросов. Наконец, именно в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах расположены исследовательские центры, которым проще изучать мигрантов в своем регионе.

Между тем Россия — огромная страна, не заканчивающаяся пространством нескольких крупнейших агломераций. Более половины ее территории — места в суровыми природно-климатическими условиями и убывающим населением. Тем не менее и они становятся объектом внимания международных мигрантов. Полагаем, что в современной России, подобно другим странам, зарождаются новые направления иммиграции.

Новые направления для иммигрантов (New Immigrant Destinations) в последние десятилетия — одно из актуальных направлений в изучении миграционных процессов [Atilen, Bohon, 2003; Winders, 2013]. В конце 1990-х — начале 2000-х годов исследователи обратили внимание, что в странах, традиционно притягивающих трудовых мигрантов (например, США), — как в городах, так и в сельской местности, — стали появляться новые места их расселения [Massey, 2008; Singer, 2004; Zúñiga, Hernández-León, 2005]. Ученые задались вопросом, почему мигранты ищут новые места для переезда и как происходит их адаптация в новых условиях. Кроме того, интерес к новым «иммигрантским местам» подпитывается тем, что именно на их примере можно изучать миграцию с момента появления первых ее потоков в определенном районе, встраивания мигрантов в социум, вплоть до их интеграции в него.

Исследователи обратили внимание, что в XX веке в США сформировались устойчивые зоны расселения мигрантов из определенных стран, но к концу этого столетия отмечалось их «выталкивание», переток в другие регионы страны. Причина тому — возникший переизбыток в некоторых городах или штатах, традиционно принимавших мигрантов и низкоквалифицированных рабочих, что повлекло снижение заработной платы при повышении спроса и, как следствие, цен на жилье. Как отмечалось в исследовании, ориентированном на понимание формирования потоков миграции из Мексики в Калифорнию в 1990-х годах, низкоквалифицированные и плохо говорящие по-английски мексиканцы сталкивались с дефицитом рабочих мест в «традиционных» местах миграции [Marcelli, Heer, 1997], что принуждало их к переселению по другим штатам в поиске работы [Heer, 2002].

Исследователи называли и другие причины появления новых «мигрантских мест» на карте страны, в частности связанных с развитием предприятий в регионах с более низким уровнем жизни. Рост населения в городах, где были построены новые заводы и фабрики, создавал спрос на строительство, дешевый сервис

и труд низкоквалифицированных специалистов [Kaushal, Kaestner, 2010; Winders, 2013]. При таком типе миграции потоки в большинстве случаев формировались не стихийно, а предприятия рекрутировали рабочих и обслуживающий персонал.

Новые направления для иммигрантов также описаны исследователями на примере европейских стран. Новые направления для мигрантов возникают в регионах, на протяжении десятилетий считавшихся местами эмиграции местного населения, например в Южной Европе [King, Black, 1997; King, 2000]. Для Италии и Греции миграция тесно связана с крушением политических режимов в Южной Европе [Kasimis, Papadopoulos, Zacosoulou, 2003], для других стран, например Испании, — с возникающими в результате структурных преобразований на рынке труда новыми экономическими возможностями, которые обеспечили значительный спрос на дешевую неквалифицированную рабочую силу [Fonseca, 2008]. Также исследователи описывают возможности трудоустройства в новых регионах традиционно принимающих мигрантов стран, связанные с агропродовольственным сектором, строительством, услугами и здравоохранением. Например, в Ирландии, Великобритании, Швеции и других странах Европы привлекательными для мигрантов становятся небольшие города и сельская местность, где они могут найти работу в сельском хозяйстве, на небольших предприятиях или же в сфере заботы о пожилых [Hedberg, Haandrikman, 2014].

Цель данной работы — описать одно из новых направлений международной миграции в России, представленное даже по российским меркам крайне периферийным регионом — Камчатским краем. Последний расположен вдали от основных направлений миграции в России и от стран — миграционных доноров, которыми являются государства Средней Азии. Задачи исследования — выяснить: почему мигранты из этих стран выбирают местом проживания и работы столь отдаленный регион с непривычно суровым климатом (более долгой, чем в других частях страны, и снежной зимой, холодным и влажным летом); чем является Камчатка для этих людей — «трамплином» при движении в другие регионы страны (ибо здесь к мигрантам, условно, более лояльное отношение, так как многие проживающие сами являются мигрантами, но внутренними) или, напротив, местом экономически мотивированного выбора региона, где можно зарабатывать и жить; как организуются мигрантские сообщества, которым в регионе надо все создавать с нуля, в отличие от тех мест, где они ступают на уже подготовленную мигрантами предыдущих волн почву.

Тенденции миграции в Камчатском крае

Во второй половине XX века Камчатская область¹, как и другие регионы Дальнего Востока, испытывала интенсивный миграционный прирост населения, наиболее высокий в годы быстрого хозяйственного освоения. В отдельные периоды городское население края увеличивалось на несколько процентов в год [Население России за 100 лет... , 1998]. В 1970-х годах миграционный прирост городского населения составлял ежегодно 21 на 1000, что вдвое превышало показатели по Дальневосточному экономическому району; в 1980-х годах миграционный

¹ Камчатский край был образован в 2007 г. путем объединения Камчатской области и Корякского автономного округа. До этого Корякский АО входил в область на правах автономии.

прирост 9 на 1000 также был существенно выше общерегионального [Численность, состав и движение населения..., 1990]. За счет миграции увеличивалась численность и сельского населения. Высокоинтенсивные показатели миграционного прироста обеспечивались прежде всего «низкой базой» — население области начинало рост практически с нуля. За несколько десятилетий население Камчатского округа (с 1932 г. — области) выросло более чем в 13 раз (см. табл. 1), а Петропавловск-Камчатский из поселка вырос в большой город. Такой прирост населения мог быть обеспечен только за счет миграции.

Таблица 1. Численность населения Камчаткой области (округа) в 1926—1989 гг.

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Камчатская область (округ ²), всего	35	132,8	220,7	287,6	378,5	466,1	358,8	322,1	291,7
в том числе г. Петропавловск-Камчатский	1,7	35,4	85,5	163,4	225,8	280,7	198,0	179,8	164,9

Источники: данные Всесоюзных переписей населения за 1926—1989 гг., размещенные на портале «Демоскоп Weekly»³; Всероссийская перепись населения 2002 г.⁴; Всероссийская перепись населения 2010 г.⁵; Всероссийская перепись населения 2020 г.⁶

Камчатскую область еще в советское время относили к районам Крайнего Севера, что предусматривало предоставление многих льгот и установление северного коэффициента к заработной плате. Кроме того, регион был сильно милитаризован, в его портах базировались части Тихоокеанского флота. После распада СССР миграционный прирост сменился убылью и население сильно сократилось. Особенно высокой убыль была в первой половине 1990-х годов (см. рис. 1), когда отток из региона шел не только на запад страны, но и в другие постсоветские государства. В отдельные годы интенсивность оттока была сопоставима с интенсивностью притока в период хозяйственного освоения, а с поправкой на иную численность населения — существенно выше, чем в тот период. Трансформационный кризис 1990-х годов, ударивший по регионам Севера сильнее, чем по многим другим, сопровождался сокращением армии и передислокацией воинских частей. Тем не менее к началу 2000-х годов отток в другие регионы страны стабилизировался, а приток международных мигрантов позволил в значительной мере компенсировать прежние потери.

² Данные переписи 1926 г. содержат сведения по Камчатскому округу, включающему в свой состав Чукотский район. Сам округ являлся частью Дальневосточного края.

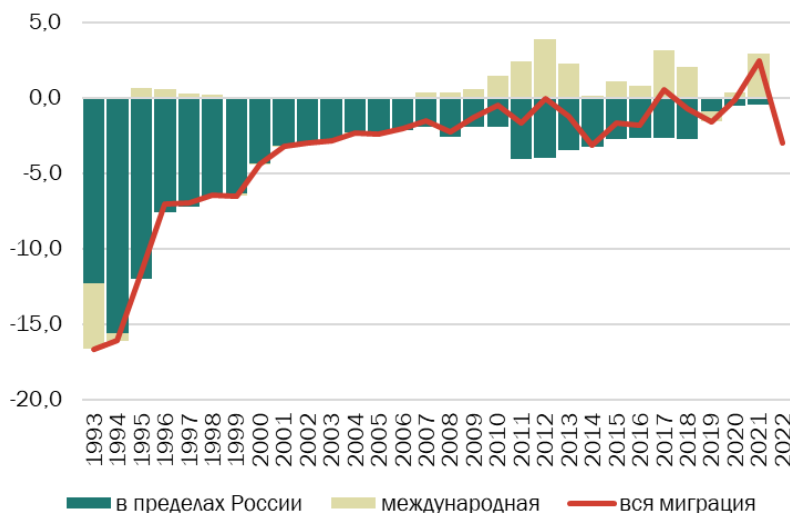
³ Приложения Демоскопа Weekly // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴ Том 1. Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения 2002 года. 2004. 1 апреля. URL: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=1&docid=10715289081416> (дата обращения: 02.08.2023).

⁵ Том 1. Численность и размещение населения. Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. 2013. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.08.2023).

⁶ Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики. 2022. 31 декабря. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 02.08.2023).

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения Камчатского края в 1993—2022 гг., тыс. человек

Источник: Федеральная служба государственной статистики. См.: Миграционный прирост // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162> (дата обращения: 30.07.2023).

Направления международной миграции (последнюю Росстат учитывает как долговременную) в постсоветский период не были устойчивыми. В первую половину 1990-х годов отток шел в основном в Украину, Беларусь и Молдову, тогда как из других стран бывшего СССР сохранялся небольшой миграционный прирост. Как и по всей России, это был непродолжительный период разъезда по «национальным квартирам», особенно выраженный в регионах Севера страны [Население России 1993..., 1993; Зайончковская, 1993]. Во второй половине 1990-х — первой половине 2000-х годов при невысоком миграционном приросте восстановился небольшой приток из Украины, Казахстана, Азербайджана и Армении. Во второй половине 2000-х — первой половине 2010-х годов резко увеличился приток из Узбекистана, однако во второй половине 2010-х годов он существенно снизился (эта тенденция наблюдается и в других регионах страны). Место Узбекистана занял Кыргызстан, обеспечивая в последние годы порядка половины миграционного прироста Камчатского края в международной миграции. До первой половины 2010-х годов значительный миграционный прирост населения края обеспечивала Украина, но позже ее роль в балансе стала существенно скромнее. По сравнению с другими регионами страны на Камчатке невелик приток мигрантов из Таджикистана и Казахстана.

В потоке долговременных мигрантов⁷ преобладают люди трудоспособных возрастов, их распределение по полу достаточно сбалансировано, что обеспечивается большой долей прибывающих семьями. Этого нельзя сказать о трудовых

⁷ Долговременными мигрантами мы считаем тех, кто переезжает на срок девять месяцев и более. Росстат учитывает их в динамике численности населения.

мигрантах, многие из которых приезжают в край на временной (ротационной) основе, с регулярными отъездами на родину, где они оставили родных и близких. В потоке трудовых мигрантов явно преобладают мужчины. С годами временные трудовые мигранты могут натурализоваться, обзаводиться семьями или привозить их с родины, поэтому грань между долговременной и временной миграцией нечеткая и легче прослеживается с позиций учета миграции, нежели в антропологическом ключе.

Камчатский край никогда не был лидером среди регионов Дальневосточного федерального округа по привлечению трудовых мигрантов. В 2007 г., накануне мирового финансово-экономического кризиса, согласно неопубликованным данным ФМС России, в регионе официально было оформлено (выдано разрешений на работу) 2,2 тыс. иностранных работников, что составляло 1,5 % трудовых мигрантов в ДВФО (в границах округа на тот период). Из них 45 % были заняты в строительстве, 22 % — в оптовой и розничной торговле, 10 % — в рыболовстве и рыбоводстве. Основными странами — донорами трудовой миграции тогда выступали Узбекистан, Украина, Азербайджан и Молдова.

В 2011—2013 гг. в Камчатском крае в среднем за год выдавалось 4,6 тыс. разрешений на работу в рамках устанавливаемой квоты, что составляло 4,9 % выданных разрешений в ДВФО. При этом число уведомлений о привлечении иностранной рабочей силы, полученных от работодателей края, составляло в среднем 5 тыс. в год, или 11,3 % всех уведомлений, поданных работодателями в ДВФО. По-видимому, контроль за временной трудовой миграцией на Камчатке был лучше организован, чем в целом по округу, или же местные работодатели были более законопослушны, нежели в других дальневосточных регионах. Главными сферами занятости международных трудовых мигрантов в Камчатском крае оставались строительство (56 %) и торговля (10 %).

С 2015 г. порядок привлечения международных трудовых мигрантов в России претерпел серьезные изменения. Привлечение в рамках утвержденных квот стало действовать только в отношении граждан так называемых визовых стран (стран дальнего зарубежья), а прибывающие из безвизовых стран стали привлекаться в рамках патентной системы. Кроме того, граждане стран — членов ЕАЭС были освобождены от приобретения патента. Сбор информации о сферах привлечения иностранной рабочей силы с 2015 г. оказался невозможен, а основными показателями, характеризующими временную трудовую миграцию иностранных граждан, стали численность поставленных на миграционный учет, указавших как цель приезда «работа», а также число уведомлений, полученных от работодателей.

Согласно данным МВД России, число поставленных на миграционный учет с целью «работа» в Камчатском крае в 2016—2019 гг. варьировало от 6,6 до 10,7 тыс. человек, в 2020 г. сократилось до 3,7 тыс., а в 2021 и 2022 гг. резко выросло до 36,6 и 45,3 тыс. человек соответственно. При этом доля иностранцев, прибывших в край с трудовыми целями, в каждом году составляла 4—5 % от общего числа по ДВФО, что немного превосходит долю края в населении округа (3,8 %) и долю в населении трудоспособного возраста (4 %). Число полученных уведомлений от работодателей по Камчатскому краю в 2021 г. составило 10,0 тыс., в 2022 г. — 11,3 тыс. Примерно половина из них привлекалась по патенту, а еще половина

работала без разрешения на работу (граждане стран ЕАЭС — видимо, в основном Кыргызстана).

По данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., число проживающих на территории Камчатского края представителей народов стран Южного Кавказа сокращалось (с 2,5 тыс. человек в 2002 г. до 1,9 тыс. в 2021 г.), а число казахов, оставаясь небольшим (0,3 тыс.), практически не изменилось. В то же время численность таджиков увеличилась за 2002—2021 гг. со 141 до 346 человек, то есть в 2,5 раза, узбеков — с 267 до 1,7 тыс. (в 6,4 раза), киргизов — с 63 до 1,4 тыс. (в 22,3 раза). Мы не склонны преувеличивать значение этих чисел, учитывая, что и в 2010, и в 2020 гг. значительная часть населения края не указала этнической принадлежности, а международные мигранты оставались наиболее сложно учитываемой категорией населения. Между тем многократный рост говорит об усилении миграционного потока из стран Средней Азии на Камчатку, особенно заметного на фоне устойчивого сокращения численности жителей края.

Теоретическая рамка исследования

Исследования, направленные на понимание того, как формируются новые миграционные потоки, какие каналы используют мигранты и как выбираются новые места миграции, традиционно базируются на нескольких подходах, имеющих в основе разработанные теории. К ним относятся (1) теория человеческого капитала, (2) новая экономика трудовой миграции и (3) теория кумулятивной причинности.

Теория человеческого капитала (Human Capital Theory) уделяет особое внимание анализу принятия человеком решения о переезде в другую страну и тому, в какой мере это решение зависит от ожиданий прибыли в новом месте [Kap, 1999]. Тем не менее в этом подходе речь идет не столько о разнице в доходах, сколько о понимании мигрантом своей выгоды вследствие перехода с одного рынка труда на другой, и она рассматривается им как инвестиция в человеческий капитал. Детерминантами миграционного поведения выступают возраст и уровень образования человека, а исследователи обращают внимание на то, что отдача от миграции будет отличаться от одного индивида к другому [Korpi, Clark, 2017]. Например, более молодые и квалифицированные специалисты, нацеленные на получение нового опыта, имеют более быструю отдачу от миграции, нежели представители старших возрастов и не имеющие специальности [Yankow, 2003]. В этом подходе также уделяется внимание роли информированности мигранта о возможностях получения работы и адаптации на новом месте: чем больше у него социальных связей в месте, куда он переезжает, и чем больше возможностей получать информацию от своих соотечественников, тем быстрее и успешнее пройдет его социально-экономическая и культурная интеграция. Наконец, важную роль играет выбор направления миграции. Города дают мигрантам не только больше возможностей для трудоустройства, но и больший выбор — от аренды жилья до включения в культурную жизнь, которые важны для определенных категорий мигрантов [Glaeser, Kolko, Saiz, 2001].

Согласно теории новой экономики трудовой миграции (New Economics of Labour Migration), при анализе причин отъезда и формирования каналов миграции используется категория «домохозяйство», а отдельный мигрант рассматривается

как его часть [Abreu, 2012]. Выгода от доходов, полученных в результате миграции, понимается как выгода для всей семьи, а не для отдельного индивида [Stark, Bloom, 1985]. Эта теория не уменьшает значения индивидуальной роли мигранта, однако исследователи считают, что человек принимает решение о переезде в другую страну исходя не только из собственной выгоды, но и той, что получит домохозяйство в целом вследствие его отъезда. В то же время, согласно этой теории, для мигранта как одного из членов домохозяйства снижаются риски при миграции, так как этот процесс встроен в систему сложных отношений между членами семьи, в которой существуют другие доходы [Abreu, 2012].

Теория кумулятивной причинности (Cumulative Causation Theory) утверждает, что по мере того, как индивид приобретает миграционный опыт, он становится источником «миграционного социального капитала» для других людей из мест, откуда он сам приехал [Massey et al., 1990]. Так, мигранты, долгое время живущие в принимающей стране, помогают адаптироваться вновь приезжающим соотечественникам, что объясняет воспроизводство миграции в том или ином месте [Massey, España, 1987; Massey et al., 1993]. Исследователи создали модель «миграционного горба», которая предполагает, что влияние кумулятивной причинности на миграцию имеет обратную U-образную форму. На ранних этапах миграционного процесса социальный капитал со стороны ранее приехавших мигрантов увеличивает вероятность того, что в какое-то место мигрирует больше людей из города или деревни, откуда родом эти мигранты. Между тем по мере того как все большее число людей мигрирует из этого места в стране исхода, денежные переводы от более ранних мигрантов увеличивают среди оставшихся спрос на рабочую силу, в результате международная миграция становится менее привлекательной для живущих на родине [de Haas, 2010]. Э. Фасселл и Д. Мэсси утверждают, что эта модель применима преимущественно для мигрантов из сельской местности, так как в деревнях крепче социальные связи и более развито чувство солидарности. Исследователи считают, что мигранты из городов для получения необходимого для переезда социального капитала с большей вероятностью будут рассчитывать на семейные связи, а не на поддержку знакомых [Fussell, Massey, 2004].

Наше исследование проходило только в г. Петропавловске-Камчатском и его окрестностях. Всю собранную информацию мы получили от приехавших на полуостров мигрантов ввиду отсутствия доступа к их семьям, оставшимся на родине. В интервью обсуждались темы домохозяйственных выгод и издержек, однако ограничением исследования мы полагаем тот факт, что нам не удалось побеседовать со всеми членами домохозяйств. Таким образом, наиболее удобной для работы с материалом видится оптика теории человеческого капитала. Анализируя, как индивид описывает свои решения и очерчивает круг общения в иммиграции, можно понять, каким образом формируется сообщество в новом месте и как привлекаются в него новые мигранты. Кроме того, из интервью мы получаем такие характеристики мигранта, как возраст, образование, предыдущее место работы и занятость в миграции. Благодаря всей этой информации в качестве отправной точки анализа мы можем взять индивидов, недавно переехавших в Камчатский край, и показать, как формируются новые потоки миграции.

Поскольку в фокусе нашего внимания будет именно отдельный индивид, мы не можем опереться на теорию новой экономики трудовой миграции. В ином случае нам также надо было бы понимать решения, принимаемые другими членами домохозяйств, в том числе оставшимися на родине. По этой же причине мы отказываемся от оптики теории кумулятивной причинности, для которой важны понимание не только стратегий индивидов и домохозяйств, но и того, как они вписываются в существующие миграционные потоки. Учитывая, что на Камчатке есть только один большой город, в котором, по результатам экспертных интервью, сконцентрированы почти все мигранты края, мы можем, с известными оговорками, писать в статье о мигрантах в Камчатском крае.

Методология исследования

Представленное исследование было проведено авторами статьи в Петропавловске-Камчатском в октябре 2022 г. при участии студентов московского кампуса Высшей школы экономики⁸. В основе исследования лежит экспедиция «Миграционные процессы в Камчатском крае: появление новых этнических сообществ и адаптация мигрантов на рынке труда» в рамках проекта «Открываем Россию заново». Ограниченные одним выездом в Камчатский край, мы решили прибегнуть к качественным методам, проведя предварительное кабинетное исследование. Поскольку трудовые мигранты являются сложнодостижимой группой, наиболее эффективными для решения исследовательских задач мы посчитали такие методы работы, как интервью и включенное наблюдение в используемых мигрантами местах (кафе, диаспоральные и религиозные объединения, рабочие места), а также сбор информации методом «снежного кома».

Полевому исследованию предшествовал кабинетный этап, позволивший найти ключевых экспертов: чиновников административных структур, курирующих вопросы миграции и рынка труда; представителей ассоциаций этнических сообществ; религиозных лидеров; представителей учебных заведений, в которых учатся дети мигрантов. Также с помощью социальных сетей и ГИС-инструментов были выявлены места, о которых пишут или в которых отмечают сами мигранты. В социальных сетях, используя ключевые слова (например, «мигранты в Петропавловске-Камчатском»), мы искали группы, в которых состоят мигранты. Через них мы находили важные для мигрантов городские локации — например, кафе, рестораны, места отдыха и проведения праздников, центры, в которых можно оформить документы. Для каждого из этих мест на Google- и Яндекс-картах ставились отметки, после чего изучались размещенные фотографии этих мест, отзывы посетителей. Таким образом еще до приезда в Петропавловск-Камчатский на карте города были выделены локации, отмечаемые мигрантами: кафе, чайханы, рынки, торговые центры, магазины. Также в этот список попали городская библиотека, где проходили этнические праздники, молельный дом и учреждения, которыми пользуются мигранты (например, места, где можно получить медицинскую справку или сертификат о знании языка).

⁸ Мы благодарим за участие в исследовании студентов НИУ ВШЭ Арину Андрееву, Яну Волкову, Олеся Королеву, Кристину Миронову, Демиду Похильчука, Елену Черняеву, Михаила Шевцова.

В Петропавловске-Камчатском мы взяли десять экспертных интервью, девять глубинных интервью с мигрантами, а также более 30 экспресс-интервью с трудовыми мигрантами. Экспертные интервью проводились с местными чиновниками, лидерами диаспор, директорами и учителями школ, имамом города. Через лидеров диаспоральных объединений удалось выйти на трудовых мигрантов, с которыми были проведены глубинные интервью. Экспресс-интервью, как правило, проводились на рабочих местах мигрантов: на рынках, в чайхане, такси и т. д. Эти небольшие по времени интервью позволили не только узнать о траекториях жизней мигрантов, но и уточнить информацию о местах, в которых они были взяты.

Выборка была ограничена мигрантами из стран Средней Азии, так как известно, что поток трудовой миграции именно из этих стран увеличился в последние годы. Были проведены интервью как с мужчинами ($N = 23$), так и с женщинами ($N = 16$) — все они изначально приехали на Камчатку с целью заработка. В ходе интервью не всегда удавалось уточнить возраст и образование (особенно в случае экспресс-интервью), однако все информанты были совершеннолетними, в возрастном диапазоне от 20 до 50 лет. Все интервью были записаны на диктофон и затем расшифрованы. Мигрантам, с которыми мы общались, была обещана анонимность.

Почему мигранты из Средней Азии — на Камчатке?

Это был один из ключевых вопросов нашего исследования: почему мигранты из стран Средней Азии в последние годы активно едут в Камчатский край, на полуостров с суровым климатом, удаленный от больших российских городов? На какую работу они рассчитывают и действительно ли их привлекают больше, чем в других регионах, зарплаты?

Заметное увеличение потока трудовых мигрантов из стран СНГ в последние годы отметили чиновники из Министерства труда и развития кадрового потенциала Камчатского края.

<...> После введения в России патентной системы да, у нас преобладает количество работающих мигрантов... Мигрантов из стран ближнего зарубежья. В среднем количество граждан, работающих по патентам, ежегодно у нас составляло порядка 7.5 тысяч... стабильно, начиная с 2016 г. или с 2015. (Интервью 1)

По словам чиновников, больше всего мигрантов приезжает из Узбекистана и Кыргызстана. Это подтверждает и представитель общественной организации, занимающейся проблемами межэтнических отношений в Камчатском крае.

У нас, например, очень много приезжают из Самарканда и Бухары, это Узбекистан. Много людей, из Киргизии, в основном Ош и Чуйская долина. А, например, у нас таджиков очень мало. (Интервью 2)

Мигранты из разных стран легализуются разными путями. Если граждане Узбекистана должны каждый месяц покупать патент, стоящий около 7 тыс. рублей⁹,

⁹ Стоимость патента в 2022 г. в Камчатском крае составляла 6890 руб. Чиновники предполагали, что в 2023 г. она вырастет до 7 тыс. руб.

то граждане Кыргызстана, входящего в ЕАЭС, могут легализоваться на рынке труда без патента, что обеспечивает им конкурентное преимущество и отчасти объясняет увеличение потока трудовых мигрантов из Кыргызстана в последние годы. По словам чиновников, можно говорить примерно о 2 тыс. киргизов, работающих в крае. Чиновник из министерства поясняет:

Общая численность мигрантов, включая тех, кто имеет разрешение на временное проживание, вид на жительство в рамках договора о ЕАЭС и патент, и плюс разрешение на работу, в среднем в Камчатском крае составляла ранее порядка 12 тысяч. Сейчас эта цифра меньше и составляет где-то около 10 тысяч человек. Это все категории мигрантов, которые ведут трудовую деятельность. (Интервью 1)

Учитывая, что численность занятого населения края, по словам сотрудников регионального Минтруда, составляет около 170 тыс. человек, получается, что мигранты, приезжающие из стран СНГ, сегодня составляют примерно 6—7 % от общего числа работников.

То, что в последние годы заметно увеличивается приток мигрантов из стран Средней Азии, отметил и местный имам.

Община... и в советский период здесь была... немало мусульман... Мне рассказывали, полуостров был закрытый, и попасть сюда было довольно тяжело. И в основном попадали те, которые призывались в армию, на срочную службу. Они здесь же оставались, занимались рыбалкой и ходили в моря, океаны... В основном это были кавказцы... Чеченцы, дагестанцы, азербайджанцы. Выходцы из Средней Азии — это был меньший процент. Можно сказать, из 100 %, если сказать, представителей мусульман, представителей Средней Азии это было процентов, может, 20—25... А сейчас их процентов 85... Примерно с 2000-х годов резкий подъем, когда Камчатка более открытым полуостровом стала. (Интервью 8)

По словам имама, сегодня на организуемые мечетью праздники собирается около 5 тыс. мусульман, а во время еженедельной пятничной молитвы заполняется весь двухэтажный молельный зал, который, по его подсчетам, вмещает около 500 человек. Большие праздники стали организовывать лет пять назад на отдельных площадках (спортивных комплексах или за городом), предоставляемых местными властями, так как увидели резкое увеличение прихожан, преимущественно мигрантов из стран Средней Азии.

Таким образом, по словам экспертов — как владеющих статистической информацией о миграции населения, так и работающих с ассоциациями мигрантов и мусульманским сообществом Камчатки, — приток мигрантов из стран Средней Азии резко увеличился в 2015—2016 гг. Как считают наши собеседники, этому способствовали введение системы патентов и облегченный порядок работы для мигрантов из стран — членов ЕАЭС. Ранее мигранты из-за рубежа могли приехать работать только по квоте, которая, по словам руководителя Министерства труда и развития кадрового потенциала, достаточно жестко регулировалась властями. Все эксперты отмечали, что именно облегченный режим

легализации¹⁰ для иностранцев стал причиной быстрого притока трудовых мигрантов на Камчатку.

В отличие от других регионов России, куда мигранты могут приезжать и жить в иррегулярном статусе, в Камчатском крае власти легко отслеживают статус каждого приезжающего на полуостров. По словам местных чиновников, это легко сделать, так как на Камчатку есть только один «вход» — местный аэропорт. Все приезжающие — а точнее, прилетающие на самолете, — «видимы» местным властям. До 2015 г. на полуостров на временную работу могли попасть только те иностранцы, которые привлекались в рамках квот либо были приглашены близкими родственниками. Когда квоты для большинства стран СНГ были отменены, а легализоваться стало возможным уже на месте, поток мигрантов возрос.

Какие ниши на рынке труда занимают мигранты?

По статистике и исходя из ответов экспертов, большинство мигрантов заняты в сферах строительства и ЖКХ, в такси, а также работают продавцами или обслуживающим персоналом.

У нас сейчас реализуется два достаточно крупных инвестиционных проекта. Это строительство краевой больницы и строительство аэропортового комплекса. Для их реализации, в принципе, работодатели у нас заказывали, по меркам нашего субъекта, достаточно большую квоту — 800 человек из дальнего зарубежья. Это был Китай. И у нас еще строит гостиничный комплекс Южная Корея. Но следует сказать, что они отозвали [квоты]... Когда подрядчик зашел сюда на рынок, начал выполнять здесь работы, то он сориентировался и решил завезти рабочую силу из числа граждан стран СНГ. И он в итоге сейчас отказался у нас от этой квоты, то есть она не понадобилась. (Интервью 1)

По наблюдениям экспертов, мигрантов из дальнего зарубежья (речь в первую очередь о Китае) осталось несколько сотен человек, которые уже давно ведут на Камчатке бизнес. Как правило, это свои магазины на рынке, барбершопы, массажные салоны. В свою очередь, основные потребности в дешевой рабочей силе на стройках или в сфере ЖКХ были закрыты выходцами из стран Средней Азии.

В нашем исследовании мы также отметили, что почти все мигранты, которых мы встретили и опросили, работали в ЖКХ, строительстве, продавцами на рынках или уборщицами. Многие отмечали, что заработная плата в Камчатском крае выше, чем в других регионах России. Женщина из Узбекистана, приехавшая из Красноярского края работать в Петропавловск-Камчатский, рассказывает следующее:

Информант. Ну, здесь зарплата хорошая. Платят много, продукты — дорого. Но зарплата — хорошо. 60 тысяч, 70, 75...

Интервьюер. В месяц?

Инф. В месяц. Я раньше работала на 900 рублей в день. Там, в Красноярском крае, четыре года назад. А сейчас 2 тысячи, 2 500, иногда 3 тысячи.

¹⁰ Договор о ЕАЭС действует с 2015 г., по нему мигрантам из Армении, Казахстана, Беларуси и Кыргызстана не требуется разрешение на работу в России. С 1 января 2015 г. в России введен новый порядок трудоустройства иностранных граждан из государств с безвизовым режимом въезда. С этого момента граждане Молдовы, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана и Украины могут работать в стране по патенту.

Вполне возможно, что Камчатский край — один из немногих регионов России, наряду, например, с Ханты-Мансийским АО [Капустина, 2014], где мигранты могут неплохо зарабатывать и при этом не погружаться в жизнь крупного мегаполиса.

Начиная наше исследование, мы предполагали, что одной из основных ниш на рынке труда для мигрантов могут быть крупные рыбообработывающие предприятия, посезонно нанимающие рабочих. Однако чиновники Минтруда опровергли наше предположение. По их данным, работодатели имеют уже устоявшиеся потоки сезонных рабочих из России: эти связи сложились еще в советский период и продолжают действовать сейчас. Если мигрантов из Средней Азии и привлекают на такие предприятия, то это не массовое явление, и чаще всего они занимают позиции самых неквалифицированных рабочих (грузчиков, уборщиков).

Инф. *Безусловно, [мигранты] работают. Нельзя сказать, что нет, но это не массово. У нас берут рыбные работодатели обработчиков рыбы на период путины, и достаточно массовый набор, достаточно высокооплачиваемая работа. И есть огромное количество жителей Российской Федерации, которые готовы приехать. И это порядка 10 тысяч человек в год. Это цифра ежегодно стабильная. Много к нам едет из Забайкалья, Бурятии, Курской области.*

Инт. *Почему? Почему это не иностранные работники?*

Инф. *Потому что эти люди из года в год приезжают на работу, они знают специфику этой работы, они обладают определенными навыками, потому что обработка рыбы — это не так просто. Сегодня даже есть профессиональные стандарты в работе, которые вступают в силу. Вот поэтому нашим работодателям выгоднее брать одних и тех же с опытом работы у них же... Поэтому они берут вот этих людей, а этим людям выгодно приезжать. Потому что за сезон путинных работ, это где-то с мая по сентябрь, можно заработать значительные суммы, которые позволят весь год жить. Никогда не будет наш бизнес рисковать своим суперсовременным оборудованием, в которое они вложили огромные деньги, миллионы. (Министерство труда..., г. Петропавловск-Камчатский)*

Интересно, что, несмотря на мнение экспертов о незначительном участии мигрантов в рыбообработке, сами мигранты часто упоминали этот вид деятельности. Ниже мы предлагаем цитату из интервью с женщиной из Кыргызстана, несколько лет назад получившей российское гражданство. Сегодня ее муж работает в парикмахерской, а сама она — менеджером в ресторанах быстрого питания.

У меня первым муж приехал сюда [в 2010 г.]. Он на рыбалку приехал [на небольшое рыболовецкое предприятие]. Его позвал мой дядя поработать, зарабатывать денюжки... Приезжали сюда, по сезонам, да. Здесь жили посезонно в основном. Приезжали, зарабатывали и уезжали. А мы остались, получается. Остались. Потом постепенно документы сделали. Потом уже в садик устроили ребенка...

В историях, рассказанных мигрантами из стран Средней Азии, постоянно возникает тема работы их друзей или родственников на рыболовецких судах и рыбообработывающих предприятиях. В интервью не уточнялось, кем именно работали мигранты, и мы можем предположить, что это были те, кто остался работать

на Камчатке после службы в армии. Освоившись, они приглашали на заработки своих соотечественников.

Мы также отметили, что мигранты из стран Средней Азии работают в рыбной ловле и на рыбообработывающих предприятиях. Некоторые указывали, что подрабатывают на небольших частных предприятиях в Петропавловске-Камчатском или недалеко от города. Рассказывает мигрантка из Кыргызстана, в дневное время работающая продавщицей на рынке:

Подработки очень много [можно] найти после 7 [часов], например... Тут рыбу можно работать в ночную смену. Например, вот после 7 до 11—12 [часов] можно работать... Вообще хорошо плотят. Например, на краб... на крабе можно работать. Тоже в день, например, в неделю три раза будет краб... Криминальная краб. Они тоже ночью работают, только ночью работают. Мы вот, например, до 7 [вечера] тут работаем, потом 7 часов — домой, час ужинаю и кушать с собой возьму. Но ведь это 10... до 10, до 12, там, подработка... 7—8 тысяч наличка сразу возьмешь — и все¹¹.

Для тех среднеазиатских мигрантов, с которыми мы общались в городе, участие в рыбообработывающем бизнесе — это чаще всего либо подработка на небольших предприятиях, либо работа на крупных, но в качестве неквалифицированных рабочих. Такая работа непостоянна, но приносит ощутимый доход помимо основного заработка на стройках, в ЖКХ или секторе услуг.

Еще один канал, по которому мигранты из стран СНГ стали приезжать на полуостров еще несколько лет назад (с 2018 г.), связан с госпрограммой содействия переселению в Россию проживающих за рубежом соотечественников. Программой могут воспользоваться не только этнические русские¹², но и представители коренных народов Средней Азии — узбеки, кыргызы, таджики и т. д. Среди мигрантов, которых мы встретили в Петропавловке-Камчатском, были и те, кто переехал по этой программе. Как указывают эксперты, одним из главных критериев для отбора на программу и последующего получения гражданства является хорошее знание русского языка и быстрое включение в принимающее общество. Каждый случай рассматривается в индивидуальном порядке. Так, одна из наших информанток — школьный учитель — переехала по этой программе, потому что имела диплом о высшем образовании, знала в совершенстве русский язык, имела опыт преподавания в русскоязычной школе в Бухаре. Сестра еще одной информантки переехала по программе из Бишкека, где работала врачом в больнице. В их семье говорили преимущественно на русском языке, и у нее не было проблем с интеграцией в местное сообщество.

¹¹ Не является руководством к действию, опубликовано для ознакомления, мнение интервьюируемого может не совпадать с мнением редакции, все сказанное является личным мнением интервьюируемого. Редакция не пропагандирует девиантное поведение и рекомендует соблюдать законодательство РФ. (Прим. ред.)

¹² С момента распада СССР Россия по особой программе принимала «соотечественников», под которыми понимались «обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии» (см. Федеральный закон от 23 июля 2010 г. N 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”» // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/198858/> (дата обращения: 02.08.2023)). Как правило, в 1990—2010-х годах это были те, кого определяли как «русских» прежде всего по внешним признакам и знанию языка.

Мигрантов, переехавших по данной госпрограмме, немного, но можно говорить об увеличении потока именно из Средней Азии. Согласно статистике, в 2018 г. из 215 переехавших в край по обсуждаемой программе 89 человек были выходцами из Украины, 45 из Азербайджана, 42 из Узбекистана, 29 из Кыргызстана, 19 из Таджикистана, 16 из Армении. Также несколько человек прибыли из Казахстана, Туркменистана и Беларуси¹³. В 2021 г. в Камчатский край по программе переехало 440 человек, из них 157 из Кыргызстана, 148 из Узбекистана, 48 из Таджикистана, 33 из Украины, 28 из Азербайджана, 18 из Армении и еще по несколько человек из Казахстана, Молдовы, Грузии и Литвы¹⁴. Таким образом, за несколько лет поток увеличился почти в два раза и сегодня состоит преимущественно из выходцев из стран Средней Азии. Эти и другие мигранты, приехавшие по разнообразным программам, рассказывают своим друзьям и родным о возможностях заработка и Камчатском крае и помогают вновь прибывающим обустроиться. В интервью с мигрантами из стран Средней Азии постоянно фигурировала тема друзей и родственников, которые помогли им с трудоустройством и поиском жилья.

Выгодно ли мигрантам жить на Камчатке?

Из материалов интервью и личных наблюдений авторов известно, что в Камчатском крае цены на продукты питания выше, чем «на материке». Согласно данным Росстата, в 2021 г. величина прожиточного минимума в Камчатском крае составляла 21,8 тыс. рублей против 11,7 тыс. по России в целом [Регионы России..., 2022: 236—237]; при этом и зарплаты жителей края выше, чем в других регионах страны. Камчатка полностью относится к районам Крайнего Севера, для которых действуют максимальные «северные надбавки» к заработной плате¹⁵. В 2021 г. среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников организаций в крае составляла 93,9 тыс. рублей и была на 64 % выше, чем в среднем по России.

В интервью респонденты обращали внимание на то, что их заработная плата на Камчатке выше, чем в тех регионах России, где они жили до приезда на полуостров. Один из информантов-таксистов так рассказывал о своих доходах:

Если честно, там [в Новосибирске] зарплата 70 тысяч [рублей]. Максимум! [А здесь...] минимум (!) 90 тысяч [рублей].

Мигранты из стран Средней Азии редко называли конкретные числа — намного чаще мы слышали, что на Камчатке «заработок больше», «хорошо платят», больше, чем в других городах России, и именно за большими деньгами они и едут. Несмотря на то что цены в городе на некоторые товары значимо выше, чем в Москве, мигранты покупают себе недорогие продукты, исключая из рациона, например,

¹³ Информация о реализации программы переселения соотечественников // Официальный сайт Правительства Камчатского края: Министерство труда и развития кадрового потенциала Камчатского края. URL: https://agzanyat.kamgov.ru/pereselenie_sootechestvennikov/informacia-o-realizacii-programmy-pereselenia-sootecestvennikov (дата обращения 02.08.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Северные надбавки // Официальный сайт Правительства Камчатского края: Министерство труда и развития кадрового потенциала Камчатского края. 2018. 23 ноября. URL: <https://mintrud.kamgov.ru/severnye-nadbavki> (дата обращения: 02.08.2023).

дорогие фрукты и овощи или же привозные молочные продукты. Эта стратегия похожа на ту, что мы наблюдали и в других городах России (например, в Москве), когда мигранты покупают продукты в магазинах эконом-класса и выбирают наиболее бюджетные товары [Деминцева, Пешкова 2014].

Что касается рынка жилья, то здесь ситуация похожа на другие постсоветские города, в которых селятся трудовые мигранты. Большая часть жилья в Петропавловске-Камчатском — построенные в 1960-х годах пятиэтажные панельные дома, внешний облик которых оставляет желать лучшего. Кроме того, сравнительно небольшой по меркам регионального центра город вытянут вдоль залива. В нем есть удаленные районы, в том числе поселки, включенные в черту города сравнительно недавно, со старым и достаточно ветхим жилфондом. Аренда в этих местах невысокая: по словам мигрантов, однокомнатную квартиру в пятиэтажке на окраине города можно снять за 20—25 тыс. рублей. Это подтвердила и директор школы, в которой в последнее время появляется все больше детей из семей мигрантов.

В первом [классе] примерно 50% [детей мигрантов]... Два последних года, такого еще не было. А знаете еще почему? <...> Здесь [в районе города, в котором находится школа] очень недорогие квартиры. И они покупают жилье именно в нашем районе... Вот эти старенькие домики, которые вы увидели [вокруг школы], — здесь очень дешево. И у нас здесь общежития есть. И мигранты, как правило, покупают недорогие квартиры. Еще они могут покупать на несколько семей квартиру. Или приезжают к родственникам и у них живут, а потом что-то снимают, когда у них появляются деньги. Аренда тоже здесь дешевле, 20 тысяч в месяц однокомнатная. (Интервью 4)

По словам мигрантов, приезжая на Камчатку, они либо селятся у своих родственников, либо те помогают им найти недорогое жилье. Если посмотреть предложения на портале аренды и покупки жилья «ЦИАН», то в городе на сентябрь — октябрь 2022 г. сдавалось много небольших одно- и двухкомнатных квартир по цене 23—25 тыс. рублей, что ниже стоимости аренды в регионах и городах, сопоставимых с Петропавловском-Камчатским по уровню заработных плат (например, Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург). Хотя по меркам региональной столицы и единственного большого города в регионе новое жилье практически не строится, цены на аренду и покупку недвижимости в имеющемся жилом фонде относительно заработных плат здесь невысокие. Возможно, это следствие сокращения населения города в последние десятилетия, отъезда значительной части его жителей «на материк».

При этом мигранты отмечали, что зарабатывают большие суммы, чем в городах, в которых жили раньше (в интервью фигурировали Красноярск, Тюмень, Владивосток, Хабаровск, Новосибирск). Они сравнивали свои зарплаты с тем, что зарабатывают их соотечественники в Москве, а некоторые утверждали, что их доход выше столичного¹⁶. Одновременно с этим затраты на жилье и повседневные нужды (например, транспорт) в Петропавловске-Камчатском ниже. В итоге

¹⁶ При этом зачастую суммы не назывались, но мигранты утверждали, что в сравнении с другими городами заработок на Камчатке больше.

разница между доходами и расходами получается в пользу Камчатки: мигранты говорили, что им выгодно жить и работать на полуострове, даже несмотря на довольно дорогой перелет.

Как происходит адаптация мигрантов из Средней Азии в Петропавловске-Камчатском?

Новые регионы, которые мигранты выбирают для работы и жизни в России, интересно изучать еще и с точки зрения появления новых сообществ, а также аспекта адаптации в принимающем обществе. Как и у многих других мигрантов в разных странах, интеграция трудовых мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана в принимающее общество Петропавловска-Камчатского зависит от их дальнейших намерений. Многие из тех, с кем мы общались на рынке, в кафе или просто на улицах, большую часть времени работают и определяют для себя, что приехали на Камчатку с целью заработка на какое-то время. В городе они близко общаются со своими родными и знакомыми, образующими своего рода сетевое сообщество. Многие также говорили о взаимовыручке в миграции — помощи с поиском работы, подработки, жилья. Если мигрант или мигрантка живет без семьи или же только супружеской парой без детей, в таком случае они чаще определяют свое пребывание как временное. Многие работают посезонно и улетают на зиму домой, другие же могут работать несколько лет, но при этом не собираются перевозить семьи и/или детей. Такие «временные» мигранты много работают, а их круг общения на Камчатке ограничен наиболее близким кругом.

Есть и другая категория мигрантов — те, кто решил обосноваться на полуострове. Руководители этнических объединений, директора школ и представители мусульманской общины говорят о резком увеличении в последние три-четыре года количества семей с детьми. Как мы уже отмечали, в некоторых районах города в начальной школе, по словам учителей, до половины учащихся начальной школы — дети из семей выходцев из стран Средней Азии и Южного Кавказа. Большинство таких семей имеет российское гражданство, полученное либо в других городах, либо уже на Камчатке.

В городе существует несколько этнических организаций, которые объединяют скорее активистов из мигрантской среды, осевших в крае. Главы кыргызской и узбекской диаспор хорошо знакомы друг с другом и общаются с главой региональной межнациональной общественной организации. Эти объединения занимаются представлением своих народов на различных культурных и общественных мероприятиях, тесно взаимодействуют с региональными властями и осваивают небольшие государственные гранты, ориентированные прежде всего на просветительскую деятельность. Например, региональная межнациональная общественная организация проводит такие конкурсы, как «Этническая красавица», в который вовлекает девушек из разных диаспор, или футбольные матчи, участники команд которых — в основном выходцы из разных стран СНГ. В городской библиотеке через правительственные гранты для детей организованы занятия, на которых среди прочего их обучают родным языкам (есть уроки кыргызского, узбекского, армянского) или помогают адаптироваться в новом месте. Эти занятия и мероприятия посещают преимущественно семьи, уже обосновавшиеся

в Петропавловске-Камчатском. Они представляют собой своего рода ресурс для накопления человеческого капитала: все активисты диаспор, с которыми мы общались, хорошо осведомлены о программах легализации в России, знают, в какие кружки могут ходить их дети, в том числе и для более легкой адаптации. Главные же диаспор находятся в контакте с администрацией города и многие вопросы, связанные с проблемами мигрантов, решают с ее помощью.

Те мигранты, что приезжают на Камчатку лишь на время, либо не знают о таких возможностях, либо слышали, но никогда ими не пользовались. Такая ситуация с существованием «официальной» диаспоры не уникальна, а скорее типична для «мигрантского мира». Приезжающие на заработки практически все время работают, а если есть возможность, то еще и подрабатывают. Вовлеченность в деятельность диаспор важна для тех, кто хочет включиться в местное общество. Так, девушка из Кыргызстана, после окончания школы приехавшая к родителям, несколько лет живущим в Камчатском крае, рассказывала нам:

Да, я четыре года назад приехала сюда. У меня родители уже шестой... нет, вру... девять лет уже здесь. Приехала, ну, просто отдохнуть. Может быть, год так побуду и потом улечу. Но нет, я осталась, потому что Камчатка — это такое место, где есть всем место. Здесь свободно находишься. Здесь можно участвовать на разных конкурсах, в реальном мероприятии, а не так просто побывать, просто в маленьких, да, мероприятиях. А мы уже участвуем на разных именно масштабных мероприятиях. И молодежи здесь очень много, наших. И мы каждый раз собираемся и играем, собираемся и поем. (Интервью 10)

Для этой девушки, как и для других молодых людей, решивших остаться на Камчатке надолго, проводимые диаспоральными объединениями мероприятия служат местом встречи, общения и поддержки. Одна из руководительниц такого объединения рассказывала, что у них есть чаты, в которых обсуждают, как получить необходимые документы, как устроить детей в школу. В случае если возникает какой-то непредвиденный случай, участники чатов помогают друг другу, собирая деньги (один из таких случаев — помощь семье мигранта, погибшего на работе, обсуждался непосредственно в ходе нашей встречи с главой диаспоры). По ее словам, есть специальный фонд пожертвований членов ассоциации, который поддерживает семьи в таких случаях.

Схожий фонд есть и у мусульманской общины Петропавловска-Камчатского, тесно связанной со всеми диаспоральными объединениями.

Да... там имам — очень хороший человек. Я уже второй год работаю в [кыргызской] диаспоре, и я узнала, что у него благотворительный фонд. У нас же вот эти большие праздники, Курбан-байрам. Вот тогда он собирает список, кто нуждается. У нас есть разведенные женщины, многодетные — трое, четверо, пятеро детей есть, — которые находятся [здесь], и ей очень тяжело. Вот я собираю [информацию], напишу в группу, кто нуждается или в продуктах, или в деньгах, и он [имам] выделяет. (Интервью 10)

В ходе нашей встречи имам подтвердил, что на пожертвования местных мусульман, а также состоятельных благотворителей из мусульманской среды, организован фонд, благодаря которому мусульманская община помогает прихожанам.

Довольно-таки часто, раз в две недели точно, у нас бывают акции различные. Мы узнаем о малообеспеченных семьях, многодетных семьях и развозим продукты питания. Если есть возможность, помогаем материально одеждой. Буквально сегодня, если на входе видели, нам принесли сумки с одеждой, и мы собираем и сортируем... У нас буквально вчера картошку привезли почти полтонны. И мы раздаем все у нас. (Интервью 8)

Мигрантское сообщество Петропавловска-Камчатского — это прежде всего сообщество тех, кто решил связать свою жизнь и жизнь своих семей с Камчаткой. Оно выстраивается на тесных социальных связях мигрантов, причем не одной этнической группы, а людей с миграционной историей. Ярким примером тому служит кружок для детей мигрантов, созданный при одной из школ учителем-мигранткой из Бухары. Кружок открыт для детей не только узбеков, но также киргизов, армян, азербайджанцев, недавно приехавших в город. О том, что учительница занимается с детьми русским языком — чаще всего они учат стихи или готовят номера для концертов школ и местных этнических ассоциаций, — родители узнают через знакомых. Эта же учительница ведет адаптационные уроки в одной из библиотек города и активно взаимодействует со всеми вышеперечисленными ассоциациями. Вместе с другими активистками она помогает решать проблемы детей мигрантов в школах: приходит на беседы директоров или учителей с родителями детей, так как хорошо знает русский язык и специфику местных образовательных учреждений; выясняет причины неудач новоприбывших детей и помогает родителям выстроить стратегии адаптации ребенка к школе. О ней мы слышали не только от активистов, но и от родителей детей мигрантов:

Она [была] моя учительница. Я потом узнала, что она тут преподает. Как говорится, земля круглая. Мы еще вспоминаем, как мы что делали, там, с уроков бежали. Кое-чего вспоминаем. Она шутит надо мной еще. Ну, молодец. Ну, насчет детей она очень строгая, она может заставить их учить... То есть она вот в этом сильная. Физика, математика я у нее училась. Она в какой-то момент руководила даже классом на какой-то период у нас. Не было классного руководителя, она с нами была.

Еще один пример объединения женщин с миграционной историей — клуб мусульманок, организованный женой имама. По традиции стран Средней Азии, в мечеть или молельный зал по пятницам и праздникам приходят только мужчины. Будучи на связи с активистками разных этнических общин и зная, что женщины тоже нуждаются в поддержке и общении, жена имама решила проводить для женщин-мусульманок посиделки в кафе. Информация о предстоящем вечере распространяется через чаты этнических и мусульманских сообществ, приглашаются все желающие. Женщины приносят с собой еду, поют песни, отвечают на вопросы викторины и общаются друг с другом. Мы посетили такую вечеринку в кафе, хозяйка которого, как и семья имама, родом из Дагестана. Там были женщины из разных

стран и регионов России, а также недавно принявшие ислам местные жительницы. Многие женщины пришли с маленькими детьми. Из разговоров с ними мы поняли, что часть среднеазиатских мигранток уже несколько лет живут в городе, тогда как другие приехали недавно и клуб для них является местом, где они могут познакомиться с другими женщинами, наладить новые социальные связи.

Таким образом, мы можем говорить о создании сообщества, основанного на социальных связях. Последние выстраиваются вокруг сообществ земляков, активистов из этнических объединений и мусульманского сообщества. Этнические границы стираются в практиках взаимопомощи, и на первый план для всех участников выходит их история миграции и необходимость адаптации в новых условиях.

Заключение

Как показало исследование, в последние несколько лет на Камчатке наблюдается приток мигрантов из стран Средней Азии, в основном из Узбекистана и Кыргызстана. И местные власти, и сами мигранты связывают увеличение потока мигрантов с упрощенной системой легализации — через патенты для узбекистанцев и возможность работать без патента для кыргызстанцев как выходцев из страны ЕАЭС. Однако это не совсем так. Переход на патентную систему оформления мигрантов вместо действовавшей до 2015 г. системы оформления разрешений на работу (в рамках ежегодно утверждаемых для регионов квот) произошел во всех регионах, при этом в регионах Севера цена патента нередко была выше, чем в европейской части России. Так, граждане Кыргызстана при трудоустройстве имеют преимущество перед гражданами Узбекистана и Таджикистана во всех регионах страны. Суммарно наибольшее число разрешений на работу и патентов было оформлено в 2014 г. [Население России 2019..., 2022]. Переход на патентную систему облегчил процедуру легального трудоустройства и обеспечил рост финансовых поступлений в региональные бюджеты, но не привел к увеличению числа оформленных мигрантов. Возможно, облегчение процедур оформления легальной занятости на Камчатке играло большую роль, чем в других регионах страны, однако мы полагаем, что главная причина состоит в том, что Камчатский край стал привлекательным для мигрантов из-за наличия «северных надбавок» к зарплате и в целом более высоких доходов населения.

Мигранты из этих двух стран встраиваются в принимающее общество благодаря социальным связям. Одни мигранты приглашают других — своих друзей, знакомых, родственников. Благодаря этому все наши информанты из надежного для них источника информированы о возможностях получения работы, примерном доходе и затратах на жилье и проживание в крае. Мы можем утверждать, что стратегии мигрантов из стран Средней Азии встраиваются в теорию человеческого капитала: мигранты понимают свою выгоду в результате перехода с одного рынка труда на другой [Korpi, Clark, 2017], причем не только на межстрановом, но и на межрегиональном уровне. Проведенное качественное исследование не позволило составить представления о миграционных биографиях изучаемых мигрантов и не дает количественных оценок, однако об опыте работы и жизни в других регионах России сообщали многие. Решение о переезде на Камчатку принималось в том числе из-за понимания новых потенциальных возможностей. Так, мы не встретили

ни одного мигранта, который бы приехал «в никуда». В том числе в свете удаленности края от основных миграционных потоков все переезжавшие заранее знали от своих соотечественников, какие возможности может им предоставить Камчатский край и на какие доходы они могут рассчитывать, а потому отправлялись в дорогостоящее путешествие в удаленный уголок России.

В ходе исследования роль Камчатского края как «трамплина» для мигрантов, транзитного региона при движении в другие регионы страны, никак не проявилась. Напротив, пока он является скорее конечной точкой притяжения мигрантов из Средней Азии, пусть не столь массового, как в случае с регионами Сибири, Урала и крупнейшими агломерациями центра страны. Конечно, Камчатка ограничена емкостью локального рынка труда, но для многих мигрантов она оказывается привлекательным местом для устройства на работу и переезда с семьей.

Как большой город [Glaeser, Kolko, Saiz, 2001] Петропавловск-Камчатский дает возможности заниматься разными видами деятельности — от вождения такси до строительства и работы в сфере услуг. Как показало исследование, можно говорить о формировании в городе устойчивых мигрантских сообществ, основанных на социальных связях приехавших на полуостров соотечественников и поддерживаемых несколькими объединениями. Однако включены в эти связи преимущественно те, кто намерен остаться на Камчатке надолго, в то время как те, кто рассматривает свое пребывание как временное, обычно не выходят за достаточно узкий круг близких друзей и родственников, с которыми или по совету которых приехали на полуостров.

Один из неожиданных результатов исследования связан с рыбной промышленностью региона и занятостью в ней мигрантов. Мы пришли к выводу, что сезонная работа на этих предприятиях в силу высоких зарплат остается привлекательной для внутренних мигрантов, а международные мигранты не являются на этом рынке активными конкурентами. Последние если и присутствуют в данной нише рынка труда, то занимают либо самые низкоквалифицированные места, либо вовсе оказываются вовлечены в нелегальное производство, которое также имеет место в крае.

Часть иммигрантов, прежде всего молодежь, воспринимает Петропавловск-Камчатский как территорию свободы, дающую возможности для интересного досуга и саморазвития. Здесь более свободное общество, чем на родине и более низкий уровень социального контроля. Как в любом большом городе, в Петропавловске-Камчатском больше возможностей для сохранения приватности личной жизни, свободы от контроля со стороны соседей, знакомых и т. п. Тем не менее насколько это массовая история, на данном этапе нам сложно судить, а сам вопрос может стать темой следующего исследования.

Список литературы (References)

Деминцева Е., Пешкова В. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. 5—18 мая. № 597—598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/index.php> (дата обращения: 29.07.2023).

Demintseva E., Peshkova V. (2014) Migrants from Central Asia in Moscow. Demoscope Weekly. No. 597—598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/index.php> (accessed: 29.07.2023). (In Russ.)

Зайончковская Ж. А. Миграция населения и рынок труда в России. М.: ИНП РАН; РЭНД, 1993.

Zayonchkovskaya J. A. (1993) Population Migration and the Labor Market in Russia. Moscow: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences; RAND. (In Russ.)

Капустина Е. Собственность на Север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 5. С. 158—176.

Kapustina E. (2014) Migrants from Dagestan and the Assimilation of the Urban Spaces of Western Siberia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 17. No. 5. P. 158—176. (In Russ.)

Мукомель В. И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 63—75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>.

Mukomel V. I. (2022) Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic. *Sociological Studies*. No. 1. P. 63—75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>. (In Russ.)

Население России 1993. Ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого, С. В. Захарова. М.: Евразия, 1993.

Vishnevsky A. G., Zakharov S. V. (eds.) (1993) Russia's Population in 1993: Annual Demographic Report. Moscow: Eurasia. (In Russ.)

Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / под отв. ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>.

Zakharov S. V. (ed.) (2022) Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>. (In Russ.)

Население России за 100 лет (1897—1997): статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1998.

Population of Russia: 1897—1997. Statistical Abstract. (1998) Moscow: State Committee of the Russian Federation on Statistics. (In Russ.)

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2022.

Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2022: Statistical Digest. (2022) Moscow: Federal State Statistics Service. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

Florinskaya Yu. F., Mkrтчyan N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. (2015) Migration and Labor Market. Moscow: Delo. (In Russ.)

Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. Number, Composition and Movement of the Population in the Russian SFSR. (1990) Moscow: State Committee on Statistics of the Russian SFSR. (In Russ.)

Abreu A. (2012) The New Economics of Labor Migration: Beware of Neoclassicals Bearing Gifts. *Forum for Social Economics*. Vol. 41. No. 1. P. 46—67. <https://doi.org/10.1007/s12143-010-9077-2>.

Atiles J. H., Bohon S. A. (2003) Camas Calientes: Housing Adjustments and Barriers to Social and Economic Adaptation Among Georgia's Rural Latinos. *Journal of Rural Social Sciences*. Vol. 19. No. 1. P. 97—122.

Choudinovskikh O., Denisenko M. (2020) Labour Migration on the Post-Soviet Territory. In: Denisenko M., Strozza S., Light M. (eds.) *Migration from the Newly Independent States: 25 Years after the Collapse of the USSR*. Cham: Springer. P. 55—80. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7_4.

de Haas H. (2010) Migration and Development: A Theoretical Perspective. *International Migration Review*. Vol. 44. No. 1. P. 227—264. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2009.00804.x>.

Fonseca M. L. (2008) New Waves of Immigration to Small Towns and Rural Areas in Portugal. *Population, Space and Place*. Vol. 14. No. 6. P. 525—535. <https://doi.org/10.1002/psp.514>.

Fussell E., Massey D. S. (2004) The Limits to Cumulative Causation: International Migration from Mexican Urban Areas. *Demography*. Vol. 41. No. 1. P. 151—171. <https://doi.org/10.1353/dem.2004.0003>.

Glaeser E. L., Kolko J., Saiz A. (2001) Consumer City. *Journal of Economic Geography*. Vol. 1. No. 1. P. 27—50. <https://doi.org/10.1093/jeg/1.1.27>.

Hedberg Ch., Haandrikman K. (2014) Repopulation of the Swedish Countryside: Globalisation by International Migration. *Journal of Rural Studies*. No. 34. P. 128—138. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2014.01.005>.

Heer D. M. (2002) When Cumulative Causation Conflicts with Relative Economic Opportunity: Regent Change in the Hispanic Population of the United States. *Migraciones Internacionales*. Vol. 1. No. 3. P. 32—53. <https://doi.org/10.17428/rmi.v1i3.1282>.

Kan K. (1999) Expected and Unexpected Residential Mobility. *Journal of Urban Economics*. Vol. 45. No. 1. P. 72—96. <https://doi.org/10.1006/juec.1998.2082>.

Kasimis Ch., Papadopoulos A. G., Zacopoulou E. (2003) Migrants in Rural Greece. *Sociologia Ruralis*. Vol. 43. No. 2. P. 167—184. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00237>.

Kaushal N., Kaestner R. (2010) Geographic Dispersion and Internal Migration of Immigrants. In: Epstein G. S., Gang I. N. (eds.) *Migration and Culture*. Bingley: Emerald Group Publishing. P. 137—173. [https://doi.org/10.1108/S1574-8715\(2010\)0000008012](https://doi.org/10.1108/S1574-8715(2010)0000008012).

King R. (2000) Southern Europe in the Changing Global Map of Migration. In: King, R., Lazaridis G., Tsardanidis, C. (eds.) *Eldorado or Fortress? Migration in Southern Europe*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780333982525_1.

King R., Black R. (eds.) (1997) *Southern Europe and the New Immigrations*. Brighton: Sussex Academic Press.

Korpi M., Clark W. A. V. (2017) Human Capital Theory and Internal Migration: Do Average Outcomes Distort Our View of Migrant Motives? *Migration Letters*. Vol. 14. No. 2. P. 237—250. <https://doi.org/10.33182/ml.v14i2.329>.

Marcelli E. A., Heer D. M. (1997) Unauthorized Mexican Workers in the 1990 Los Angeles County Labour Force. *International Migration*. Vol. 35. No. 1. P. 59—83. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00004>.

Massey D. S. (ed.) (2008) *New Faces in New Places: The Changing Geography of American Immigration*. New York, NY: Russell Sage Foundation.

Massey D. S., Alarón R., Durand J., González H. (1990) *Return to Aztlan: The Social Process of International Migration from Western Mexico*. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520910058>.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431—466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

Massey D. S., España F. G. (1987) The Social Process of International Migration. *Science*. Vol. 237. No. 4816. P. 733—738. <https://doi.org/10.1126/science.237.4816.733>.

Singer A. (2004) *The Rise of New Immigrant Gateways*. (The Living Cities Census Series). Washington, DC: Brookings Institute.

Stark, O., Bloom, D. E. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. P. 173—178. <http://www.jstor.org/stable/1805591>.

Winders J. (2013) *Nashville in the New Millennium: Immigrant Settlement, Urban Transformation, and Social Belonging*. New York, NY: Russell Sage Foundation.

Yankow J. J. (2003) Migration, Job Change, and Wage Growth: A New Perspective on the Pecuniary Return to Geographic Mobility. *Journal of Regional Science*. Vol. 43. No. 3. P. 483—516. <https://doi.org/10.1111/1467-9787.00308>.

Zúñiga V., Hernández-León R. (eds.) (2005) *New Destinations: Mexican Immigration in the United States*. New Destinations. New York, NY: Russell Sage Foundation.

Приложение 1

Список интервью с экспертами

Интервью 1. Интервью с двумя чиновниками из Министерства труда и развития кадрового потенциала Камчатского края.

Интервью 2. Председатель ассоциации, отвечающей за межэтнические отношения в Камчатском крае.

Интервью 3. Сотрудник краевой библиотеки в Петропавловске-Камчатском, отвечающий за работу с диаспоральными организациями.

Интервью 4. Директор школы (1), расположенной в Петропавловске-Камчатском.

Интервью 5. Директор школы (2), расположенной в Петропавловске-Камчатском.

Интервью 6. Учитель из Узбекистана, работающая в школе Петропавловска-Камчатского и организующая кружок для детей мигрантов (обучение русскому языку, театр); член узбекской диаспоры Камчатского края.

Интервью 7. Завуч школы, расположенной в Петропавловске-Камчатском.

Интервью 8. Имам молельного зала в Петропавловске-Камчатском.

Интервью 9. Бывший председатель и нынешний член ассоциации кыргызстанцев в Камчатском крае.

Интервью 10. Председатель ассоциации кыргызстанцев в Камчатском крае и молодая активистка — член этой ассоциации.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2397](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2397)

Ф. И. Аржаев, В. Ю. Андриюхин

ВКЛАД МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ СТРАН СНГ В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Правильная ссылка на статью:

Аржаев Ф. И., Андриюхин В. Ю. Вклад миграционных потоков из стран СНГ в экономический рост России на современном этапе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 176—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2397>.

For citation:

Arzhaev F. I., Andryukhin V. Y. (2023) The Contribution of Migration Flows from the Cis Countries to the Economic Growth of Russia at the Present Stage. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 176–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2397>. (In Russ.)

Получено: 13.03.2023. Принято к публикации: 10.07.2023.

ВКЛАД МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ СТРАН СНГ В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

АРЖАЕВ Федор Игоревич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: fedor.arzhaev@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2986-3235>

АНДРЮХИН Владислав Юрьевич — аспирант факультета мировой политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; старший аналитик, Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, Москва, Россия
E-MAIL: magreg76@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5604-2723>

Аннотация. Миграционные потоки из стран СНГ в Россию в условиях санкционного давления и ухудшения геополитической ситуации в целом характеризуются разнонаправленной динамикой, как и российское миграционное законодательство. Новоприсоединенные территории РФ также значительно меняют миграционные тенденции, сказываются на экономике и демографии России. В связи с этим актуальной задачей становится оценка вклада этих миграционных потоков в развитие российской экономики. Одним из теоретических результатов данного исследования стала систематизация подходов к влиянию миграции на экономику страны в условиях конфликтогенности международных отношений и высоких социальных рисков в стране — реципиенте мигрантов. Практическая

THE CONTRIBUTION OF MIGRATION FLOWS FROM THE CIS COUNTRIES TO THE ECONOMIC GROWTH OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Fedor I. ARZHAEV¹ — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow, Institute for International Economic Relations Studies
E-MAIL: fedor.arzhaev@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2986-3235>

Vladislav Yu. ANDRYUKHIN^{2,3} — PhD Student, Faculty of World Politics; Senior Analyst
E-MAIL: magreg76@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5604-2723>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Moscow State University, Moscow, Russia

³ Far East and Arctic Development Corporation, Moscow, Russia

Abstract. Migration flows from the CIS countries to Russia in the face of sanctions pressure and the deterioration of the geopolitical situation are characterized by multidirectional dynamics, like the Russian migration legislation. The new territories of the Russian Federation also significantly change migration trends and affect the economy and demography of Russia. In this regard, the assessment of the contribution of these migration flows to the development of the Russian economy becomes an urgent task. This study systematizes approaches to assessing the impact of migration on the country's economy in the context of conflict-prone international relations and high social risks in a receiving country. In the empirical part, the authors, using the example of the Russian Federation, show that labor migration

важность исследования складывается из нескольких факторов: в статье на примере РФ показано, что трудовая миграция позволяет сглаживать экономические шоки, однако в ближне- и среднесрочной перспективе гораздо большее влияние на этот процесс имеют мигранты из стран СНГ, чем граждане новоприсоединенных территорий; описаны предпосылки для увеличения миграционного потока в РФ в 2023—2024 гг., в связи с чем предложено использовать систему мер по регулированию миграции, состоящую из стимулирующего, ограничивающего и балансирующего блоков; апробирована модель оценки вклада мигрантов разных категорий в ВВП России и показано, что миграционный приток позволит этому показателю вернуться на докризисный уровень в 2024 г.

Ключевые слова: миграция в Россию, СНГ, экономический рост в России, новоприсоединенные территории, миграционная политика, Центральная Азия

makes it possible to smooth out economic shocks, however, in the short and medium term, migrants from the CIS countries have a much greater influence on this process than citizens of the new territories; describe the prerequisites for increasing the migration flow in the Russian Federation in 2023–2024 and propose a system of measures to regulate migration, consisting of stimulating, restricting, and balancing components; test a model for assessing the contribution of migrants of various categories to Russia's GDP and show that the migration inflow will allow this indicator to return to the pre-crisis level in 2024.

Keywords: migration, Russia, CIS, economic growth, newly acquired territories, migration policy

Введение

Мир переживает период стремительного ускорения миграционных процессов и расширения потоков миграции, как внутри отдельных стран, так и на международном уровне. Миграция стала одним из определяющих мегатрендов, который будет влиять на развитие человечества в течение нескольких десятилетий [Massey et al., 1993]. Началась «эпоха миграции», способствующая преобразению существующих стран и обществ [Gheasi, Nijkamp, Rietveld, 2011; Gheasi, Nijkamp, 2017]. Учитывая масштабы миграции и ее значимость для развития государств, вопрос об эффективном управлении миграционными процессами становится одним из ключевых вызовов для политиков и экономистов.

Крайне актуальным стал вопрос о социально-экономических последствиях миграции для стран-доноров и стран-реципиентов. Стремление ученых исследовать и прогнозировать влияние миграционных процессов привело к возникновению научного направления оценки воздействия миграции (Migration Impact Assessment), обобщившего доступные знания о вкладе миграции в развитие и безопасность отдельных субъектов — от домохозяйств до государств и мировой системы [Gheasi, Nijkamp, Rietveld, 2011]. Интеграция мигрантов в экономическую

систему страны требует адекватного представления об их роли для эволюции и устойчивости народного хозяйства.

В контексте вышесказанного цель исследования — оценить вклад миграционных потоков из стран СНГ в Россию в развитие российской экономики. Исследование затрагивает область государственной демографической политики, поэтому кратко обозначим действующие в РФ подходы к оценке роли мигрантов в экономике, закрепленные в концептуальных документах, а именно в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 гг. Документ указывает на то, что трудовые мигранты из стран СНГ рассматриваются как фактор компенсации естественной убыли населения России¹. Подчеркивается проблема высокой доли неквалифицированных кадров в структуре трудовой миграции, а также стремление к дифференциации миграционной политики в отношении временных трудовых мигрантов и постоянных иммигрантов. Заявлено стремление защитить права мигрантов на материальное, жилищное и медицинское обеспечение, однако значимый прогресс в данной области пока не достигнут. Цели миграционной политики включают решение задач в сферах «социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»². Трудовая миграция призвана играть вспомогательную роль в социально-экономическом развитии страны. Отдельно подчеркнута важность повышения эффективности рынка труда в России во избежание дисбалансов между коренным трудоспособным населением и мигрантами. С учетом указанной специфики сформулируем задачи исследования:

- произвести анализ теоретических подходов к миграционным эффектам для экономики;
- провести эконометрическое моделирование динамики российского ВВП в зависимости от притока миграции и сформулировать прогнозы экономического роста;
- выявить влияние на российский ВВП присоединения населения новых территорий РФ как фактора смены международной миграции на внутреннюю;
- дать рекомендации по миграционной политике России с учетом новых угроз и рисков.

Настоящее исследование продолжает дискуссию о реальной роли мигрантов в становлении российской экономики, нацеленную на выработку эффективной миграционной политики в России.

¹ Президент подписал Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы». 31 октября 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 20.05.2023).

² Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/cde42a2f8dcb2ffe38f2e261e0d757838fd42cdc/ (дата обращения: 20.05.2023).

Обзор литературы

Чтобы оценить вклад миграционных потоков из стран СНГ в экономический рост России, следует осветить значимые теоретические и методологические аспекты данного вопроса. Г. Борхас считает, что связка экономики и миграции сегодня изучается в контексте трех взаимосвязанных научных тем:

- факторы, определяющие количественный и качественный состав миграционного потока в определенную страну-реципиент;
- методы адаптации мигрантов в экономической системе страны-реципиента;
- вклад мигрантов в экономическое развитие страны-реципиента [Borjas, 2018].

Невозможно представить вклад миграции в экономический рост без четких представлений о составе прибывающего миграционного потока и эффективности экономической интеграции мигрантов в стране-реципиенте. Обзор обобщает знания по выделенным вопросам связки экономики и миграции.

Следует четко различать понятия краткосрочной трудовой миграции, когда люди приезжают в страну-реципиент на непродолжительное время для получения трудовых доходов, и иммиграции, когда в страну-реципиент прибывают для постоянного проживания. В обзоре литературы обобщен свод знаний о влиянии обеих категорий мигрантов на экономику страны-реципиента. При этом особое внимание уделено рассмотрению роли долгосрочных иммигрантов для экономики, чтобы показать значимость политики ассимиляции иммигрантов для страны-реципиента. Результаты обзора призваны продемонстрировать значимость выработки гибкой миграционной политики, направленной на закрепление наиболее квалифицированных и производительных специалистов на территории России, при одновременном повышении эффективности адаптации временных трудовых мигрантов в российском обществе и экономике.

Теоретические взгляды на формирование миграционного потока в страны-реципиенты

Первый вопрос связки миграции и экономики призван определить ряд факторов, способствующих накоплению в стране-реципиенте миграционного потока с определенными количественно-качественными характеристиками. Понимание параметров страны-реципиента, влияющих на характеристики миграционного потока, позволяет сформировать эффективную миграционную политику, способствующую реализации целей экономического развития страны.

В академическом дискурсе представлен обширный список трудов по теоретическим аспектам миграции, но отсутствует единая окончательная теория миграции, так как отдельные концепции призваны описать различные причины миграции [Morawska, 2008]. Нарботки разных теоретических школ зачастую сложно обобщить в единую научную картину, что ведет к невозможности адекватно спрогнозировать динамику миграционного потока в отдельной стране-реципиенте [Gheasi, Nijkamp, 2017]. В то же время накоплен большой объем знаний по вопросу связки миграции и экономики, который важно обобщить и применить для решения важных задач миграционной политики в России. На текущий момент разработан большой ряд математических моделей, позволяющих объяснить влияние отдель-

ных факторов на принятие решения о миграции [Baudassé, 2008]. Академическое сообщество подчеркивает важность дальнейшей работы по обобщению существующих теорий миграции, что позволит увидеть процесс формирования миграционных потоков во всей полноте и адаптировать миграционную политику стран-реципиентов [Morawska, 2008].

В будущем уровень общемирового экономического развития будет зависеть от эффективности распределения трудовых ресурсов, что неизбежно ставит перед исследователями задачу адекватной оценки движущих сил миграционных потоков [Engler et al., 2020]. Сегодня выделяют ряд количественных параметров, которые в дальнейшем могут применяться для прогнозирования динамики миграционных потоков на планете [Zickute, Kumpikaite-Valiuniene, 2015]. Дальнейшая работа в данной области будет иметь большое значение для управления миграцией в России и разработки надежных прогнозов по вкладу миграции в экономическое развитие страны.

Адаптация мигрантов на рынке труда и экономический рост страны-реципиента

Второй ключевой вопрос при изучении связи миграции и экономики стран-реципиентов — вопрос о факторах адаптации иммигрантов на рынке труда и их интеграции в экономику страны-реципиента. При рассмотрении экономических эффектов иммиграции чаще всего говорят об экономической адаптации или ассимиляции доходов (*earnings assimilation*) мигрантов [Kerr, Kerr, 2011]. Процесс экономической адаптации состоит в сокращении разрывов в уровне дохода между трудоустроенным коренным населением и иммигрантами [Edo et al., 2020]. Однако этот термин может применяться при изучении экономической активности иммигрантов, прибывших в страну-реципиент на постоянное место жительства. В случае России значимая часть трудовых иммигрантов из стран СНГ практикует краткосрочные рабочие поездки. Важно описать различия в экономических эффектах для страны-реципиента от адаптации временных трудовых мигрантов и ассимиляции иммигрантов, прибывших на постоянное место жительства.

Ассимиляция иммигрантов, прибывших в страну-реципиент на постоянное место жительства, признается фактором, более благоприятным для роста экономики страны-реципиента в сравнении с краткосрочной трудовой иммиграцией. Экономическая адаптация мигрантов ведет не только к повышению качества их жизни, но также и увеличению их вклада в экономику страны-реципиента. Успешная ассимиляция мигрантов напрямую связана с максимизацией положительного эффекта для экономики страны-реципиента [Ratha, Mohapatra, Scheja, 2011; Portes, 2019]. Мигранты получают возможность для формального трудоустройства, что повышает их фискальный взнос в стране-реципиенте и уровень потребительских расходов. По мере ассимиляции в стране-реципиенте также снижаются уровни выплат мигрантов в пользу страны-донора и утечки финансов из страны-реципиента. Россия заинтересована в привлечении и закреплении в рамках своей экономической системы наиболее квалифицированных и продуктивных трудовых иммигрантов. С научной точки зрения нельзя не отметить определенный диссонанс между трудами по иммиграции и временной трудовой миграции, од-

нако в российских реалиях, особенно с учетом того, что в рамках ЕАЭС развивается общий рынок рабочей силы³, временная трудовая миграция является первой стадией иммиграции в РФ граждан СНГ, что позволяет говорить о фактически единых эффектах для российской экономики от этих двух миграционных потоков в среднесрочной перспективе.

Для повышения вклада мигрантов в экономику страны-реципиента важно определить ключевые параметры, способствующие успешной ассимиляции. Современные исследования выделяют следующие факторы ассимиляции мигрантов: уровень владения языком страны-реципиента, степень соответствия образования и навыков требованиям рынка труда страны-реципиента, наличие профессиональных связей и миграционных сетей, возможность для легального трудоустройства при существующей модели регулирования рынка труда в стране-реципиенте [Kerr, Kerr, 2011].

Особую роль для адаптации мигрантов играет повышение гибкости экономической системы страны-реципиента, включая рынки труда и капитала в государстве. Гибкость рынка труда призвана обеспечить заменимость местных трудовых кадров мигрантами за счет соответствия требуемых на рабочем месте навыков, а также стимулировать совершенствование навыков коренного населения для занятия рабочих мест с более высоким уровнем квалификации и повышения уровня производительности труда в национальной экономике [Sarzin, 2021]. Уровень гибкости рынка труда в этом контексте означает способность институтов, отслеживающих и регулирующих баланс спроса и предложения на рынке труда России, оптимально балансировать потребности работодателей в кадрах определенного уровня квалификации с имеющимся предложением, максимизируя производительность труда отдельных работников и минимизируя уровень безработицы и спровоцированного ею социального напряжения в обществе. Требование по повышению гибкости рынка труда в России актуально как для ассимиляции иммигрантов, прибывающих в Россию на постоянное место жительства, так и для повышения производительности труда краткосрочных трудовых мигрантов. Решение этой задачи должно стать важным пунктом миграционной политики страны.

Повышение гибкости рынка капитала в стране-реципиенте при расширении потока иммигрантов призвано обеспечить национальную экономику адекватным уровнем капитальных инвестиций для расширения производства. При гибком предложении капитала национальные компании получают возможность для расширения производства и поглощения входящего потока мигрантов, что способствует накоплению положительного эффекта в экономике [Quak, 2019]. Однако в случае низкой эластичности предложения капитала большая часть выгод от миграции уходит в пользу владельцев капитала в стране-реципиенте [Dustmann, Frattini, Glitz, 2007]. Данная ситуация наблюдается в современной России — при хищнической эксплуатации иммигрантов положительный эффект для населения в целом крайне ограничен, а выгоды владельцев капитала максимизированы [Рязанцев, 2017]. Такая ситуация вызвана отсутствием эффективных мер адаптации краткосрочных трудовых мигрантов в России, защиты их интересов в отношении

³ В ЕАЭС входят пять из девяти стран СНГ. Молдова готовится выйти из Содружества. В то же время членами Союза являются две из пяти стран Центральной Азии, а Узбекистан может войти в его состав в ближайшее время.

ях с работодателем, недостаточной эффективностью мер по закреплению и ассимиляции трудовых мигрантов на территории страны. Происходит не только малоэффективная растрата человеческого капитала, но и теряются экономические выгоды для населения России в целом. В данном контексте миграционный поток представляет значимый ресурс развития страны-реципиента, управление которым требует создания адекватных условий.

Без повышения гибкости рынка труда и капитала страны-реципиенты рискуют столкнуться с негативными последствиями «перегрева» национальной экономики. З. Сарзин считает, что развитые страны способны более продуктивно использовать поток иммигрантов за счет большей гибкости рынков и эффективности управления, в то время как развивающиеся страны могут не совладать с давлением иммиграции и рисками для управления [Sarzin, 2021]. Миграционная политика в России призвана повысить качество адаптации краткосрочных трудовых мигрантов на рынке труда, а также способствовать закреплению специалистов с высоким уровнем квалификации и производительности труда в стране.

Реальный вклад мигрантов в экономическое развитие страны-реципиента

Заключительный вопрос в контексте связи миграция — экономика состоит в оценке последствий притока иммигрантов для экономики страны-реципиента. С методологической точки зрения важно различать краткосрочные и долгосрочные эффекты иммиграции, прямые и непрямые выгоды и угрозы [Gheasi, Nijkamp, 2017]. Обобщив существующие модели связи миграции и экономики, К. Дустман, Т. Фраттини, А. Глицц представили три ключевых механизма экономического роста, обеспеченного иммиграцией: аккумуляция финансового и производственного капитала, аккумуляция человеческого капитала, развитие инноваций и технологий [Dustmann, Frattini, Glitz, 2007]. Иммиграция способствует росту численности трудоспособного населения, развитию человеческого капитала и инноваций, что особенно важно для стран-реципиентов, переживающих старение местного населения и вынужденных вступать в глобальную технологическую гонку [OECD, 2014].

Рассмотрим конкретные проявления положительных эффектов иммиграции для экономики стран-реципиентов. М. Геаси, П. Ниджкамп, П. Ретвелд привели следующую классификацию эффектов иммиграции для экономики: эффекты для рынка труда, национального благосостояния и фискальной системы, эффекты для бизнеса, развитие международных связей [Gheasi, Nijkamp, Rietveld, 2011]. В. Раковская, Н. Соловьева, И. Туманова отдельно выделили эффекты от повышения качества и уровня жизни местной рабочей силы, рост производительности труда, замедление инфляции, повышение уровня демографического дивиденда и преодоление рисков старения населения [Раковская, Соловьева, Туманова, 2013]. Создание миграционных сетей в стране-реципиенте также ведет к развитию международной торговли товарами и услугами, распространению технологий, притоку прямых иностранных инвестиций и эффективной ассимиляции иммигрантов [Quak, 2019; Sarzin, 2021; Hatzigeorgiou, Lodefalk, 2021].

Однако приток рабочей силы из-за рубежа значимо влияет на преобразование структуры экономики страны-реципиента в отраслевом и географическом отно-

шении. Специфика профессиональной подготовки мигрантов определяет возможности для их распределения на рынке труда, что способствует перераспределению долей в совокупном национальном производстве между отраслями [Quak, 2019]. При этом отметим, что с точки зрения технологического развития единого понимания эффектов миграции нет — среди мигрантов выделяют как потоки мигрантов-носителей знаний и изобретений, так и сдерживающих производительность труда из-за дешевизны своего труда [Красинец, Герасимова, 2020], чаще всего речь идет о частных проявлениях влияния трудовой миграции. Эффективность управления миграционным потоком влияет на особенности развития трудоемких и капиталоемких отраслей, также меняется структура спроса на товары и услуги в экономике страны-реципиента. Сворачивание капиталоемких отраслей при хищнической эксплуатации мигрантов ведет к дефициту отдельных типов продуктов и инфляции при спаде среднего уровня производительности труда в народном хозяйстве [Sarzin, 2021].

Та же логика расширения дисбалансов развития при неэффективном управлении миграцией наблюдается и в географическом отношении. Изначально мигранты концентрируются в наиболее развитых регионах страны-реципиента, испытывая региональную экономическую систему на гибкость и прочность. З. Сарзин считает, что бесконтрольное региональное распределение мигрантов создает значимые риски для экономического роста [Sarzin, 2021]. О. Суяркова и С. Рязанцев одновременно рассматривают разумное управление миграционными потоками в России как средство преодоления региональных дисбалансов развития [Суяркова, 2019; Рязанцев, 2007].

Основные выводы по третьему вопросу связки «миграция — экономика» подтверждают идею И. Алешковского, А. Гребенюк, В. Кравец о роли миграции как катализатора существующих тенденций в экономике страны-реципиента [Алешковский, Гребенюк, Кравец, 2018]. При высокой динамичности и гибкости национальной экономической системы, приток мигрантов предоставит важный ресурс для дальнейшего развития. Однако расширение миграционного потока при сохранении несбалансированной структуры экономики способно обострить имеющиеся противоречия и угрозы.

Попытки представить миграцию как фактор угрозы для страны-реципиента могут привести к отказу от возможностей для дальнейшего развития и цементированию существующих противоречий в экономике [Portes, 2019]. Данный вывод особо важен для современной России, в которой реальный вклад миграции в рост ВВП крайне занижен [Алешковский, Гребенюк, Максимова, 2018], что также ведет к неадекватному представлению о роли мигрантов в обществе и отказу от активной политики по управлению миграцией.

Эволюция методологии оценки вклада мигрантов в экономический рост страны-реципиента

Заключительный вопрос обзора связан с исследованием текущих тенденций в сфере изучения экономических эффектов миграции в стране-реципиенте. С сожалением приходится признать факт отсутствия единых взглядов на перечень оптимальных подходов к оценке эффектов миграции среди населения [Sarzin, 2021].

Одним из главных препятствий на пути формирования целостной методологии является дефицит надежной эмпирической базы. В работе [Dustmann, Frattini, Glitz, 2007] указывается, что системная работа по сбору статистики относительно миграции на должном уровне ведется исключительно в США. И. Алешковский с соавторами [Алешковский, Гребенюк, Максимова, 2018] обоснованно подчеркивает проблему отсутствия необходимой статистики для исследования связки миграции и экономики в России.

Несмотря на имеющиеся препятствия, за последние десятилетия сформирован набор методов, применяемых для изучения экономических последствий миграции, а именно анализ пространственной корреляции, корреляционный анализ ячеек навыков (skill cell correlation approach), моделирование [Dustmann, Frattini, Glitz, 2007], метаанализ [Gheasi, Nijkamp, Rietveld, 2011]. Разработан ряд статических и динамических методов оценки вклада мигрантов в ВВП страны-реципиента и ее публичные финансы [Kerr, Kerr, 2011].

В силу дефицита статистических данных в России распространены методы, основанные на анализе вклада миграции в динамику ключевых макроэкономических показателей. Упор делается на исследовании динамики ВВП России под воздействием миграционных потоков [Алешковский и др., 2019; Рязанцев, 2017]. Интересный вывод актуальных исследований — вклад мигрантов в рост ВВП России занижается из-за неадекватной оценки общей численности мигрантов в стране [Алешковский, Гребенюк, Кравец, Максимова, 2019]. Также сделана попытка оценить потери ВВП страны из-за оттока местного населения трудоспособного возраста [Масленников, Линников, Масленников, 2018] — эта тема становится крайне актуальна в связи с текущими тенденциями миграционных процессов в России. М. Карцева и соавторы [Kartseva, Mkrtchyan, Florinskaya, 2020] обращают внимание на важное обстоятельство предыдущих исследований в данной области в России — ученые рассматривали преимущественно вклад внутренней миграции в экономическое развитие страны, а влияние международной миграции было изучено слабо.

Текущее исследование ставит вопрос о значении международной миграции из стран СНГ для экономического развития России. Авторы стремятся изучить потенциал применения методологии регрессионного анализа для оценки вклада мигрантов в рост ВВП страны, а также внести вклад в разработку методологии прогнозирования динамики связки «миграция — экономика».

Методология

В целях решения задачи оценки влияния миграции населения в РФ на ВВП особенно важно оценить влияние миграции из наиболее значимых с точки зрения получения иностранных трудовых ресурсов стран СНГ, а именно из стран Центральной Азии. Динамика прироста их доли в качестве трудовых мигрантов с 2000-х годов значительно выросла — с 6% в 2006 г. до 89% в 2022 г.,⁴ что в значительной мере характеризует качество рабочей силы. С учетом текущей геополитиче-

⁴ См. отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г. с распределением по странам и регионам. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (дата обращения: 20.05.2023)

ской ситуации можно рассчитывать на увеличение вклада стран центральноазиатского региона в миграционные потоки в России, именно иммиграция из ЦА будет определять динамику миграции в РФ в ближайшие годы. В этой связи дальнейшее исследование будет строиться на основе предположения о том, что мигранты из центральноазиатского региона замещают других мигрантов из СНГ до статистически незначимой величины последних.

Для получения адекватной оценки ВВП в зависимости от населения и миграции необходимо сделать ряд допущений. На ВВП воздействует значительное количество внешних факторов, тогда как сам размер ВВП через показатель ВВП на душу населения влияет на динамику общей численности населения страны и косвенно на среднедушевой доход, однако с определенным лагом. Таким образом, можно говорить о том, что систему связи ВВП — население достаточно сложно оценить регрессионным методом без использования лаговых переменных. В связи с этим методом оценки ВВП через демографические показатели выбран метод ARIMA в его модификации ARMAX, так как помимо авторегрессионных переменных необходимо использовать независимые переменные, характеризующие миграцию населения в РФ из стран СНГ и динамику населения РФ, а именно: численность населения РФ, общее количество иммигрантов, количество трудовых мигрантов. Отметим, что существуют и другие подходы к моделированию влияния миграции на основные макроэкономические показатели, в основном с использованием инструментов векторной авторегрессии⁵, но в ситуации резкого кризиса они страдают от необходимости использования экзогенно заданных ограничений разложения Холецкого и ряда других ограничений, которые задаются исходя из априорных представлений о процессе. В ситуации с прогнозированием по ARIMA предполагается неизменность структурных связей, а шоки появляются вследствие реальных изменений данных.

При выборе наиболее адекватной модели ARMAX используются следующие критерии адекватности: минимизация р-значения каждого коэффициента (включая коэффициенты при независимых переменных) до допустимого в рамках уровня значимости 0,05 при минимизации порядка регрессии и порядка скользящего среднего. При получении аналогичных моделей по количеству ϕ -коэффициентов и θ -коэффициентов используются критерии Акайке и Шварца (чем меньше, тем лучше).

С учетом наличия пропусков отдельных данных за 2022 г. использовался метод наукастинга. Наличие ряда закономерностей соотношения количества иммигрантов и рабочей силы, а также иммигрантов и населения позволили дать оценку значения этих показателей в рамках различных сценариев роста населения с учетом новоприсоединенных территорий РФ. На основе этой методики рассчитаны минимальный, оптимальный и максимальный прогнозы (в зависимости от населения РФ). Реалистичный сценарий рассчитывается исходя из данных за 2022 г. — очевидно, что кризисные явления в российской экономике, а также присоединение новых территорий резко сказались на ВВП — произошло увеличение населения, в то же время наблюдался максимальный отток мигрантов.

⁵ Кудяева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте. Серия докладов об экономических исследованиях // Банк России. Москва, 2021. URL: http://www.cbr.ru/statichitml/file/131869/wp_khab_dec.pdf (дата обращения: 09.03.2023).

Результаты

Страны СНГ — одни из наиболее тесно экономически связанных с РФ государств, как в силу общего прошлого, так и из-за того, что значительная доля мигрантов из этих стран работает в России⁶ [Федотов, 2011]. Таким образом, именно страны СНГ во многом зависят от положения на рынке труда в РФ, особенно от условий для мигрантов. Однако дешевая рабочая сила в секторе услуг низко квалифицированных работников в целом обеспечивает конкурентные преимущества для компаний, сокращающих свои расходы на операционную деятельность путем найма иностранных мигрантов [Корецкая-Гармаш, 2016]. Если же речь идет о квалифицированных мигрантах, то за счет в среднем более низких затрат ими получается замещать отечественных специалистов высокой квалификации с более высокими зарплатами. Безусловно, все вышесказанное обладает значимыми социальными эффектами, как положительными, так и отрицательными, но с точки зрения экономического развития миграция вносит значительный вклад в рост российского ВВП.

Текущие тенденции негативно влияют на динамику прироста числа мигрантов из стран СНГ в России, выделим негативную роль текущей геополитической напряженности для рынка труда в РФ. Снижение числа рабочих мест и создание новых рисков для трудовых мигрантов может привести к оттоку рабочей силы из стран СНГ из России. Наиболее остро данная проблема стоит в разрезе потоков мигрантов из стран Центральной Азии⁷. Отдельно следует подчеркнуть значимость инициатив, предпринимаемых властями в регионе для удержания трудовых ресурсов внутри стран, например — Указ Президента Республики Узбекистан 2021 г. «О дополнительных мерах по поддержке предпринимательской деятельности, содействию занятости, социальной защите и содержательной организации свободного времени молодежи»⁸. Стремление властей стран СНГ удержать молодых специалистов от трудовой миграции в Россию может создать новые риски для рынка труда и экономики страны. При этом, обсуждая вопросы миграции, нельзя не отметить изменение статуса жителей новоприсоединенных территорий — если ранее они считались иммигрантами при въезде в РФ и составляли до 5% иммигрантов в 2021 г., сегодня они россияне. Экономические эффекты такой трансформации, однако, неоднородны. Во-первых, нельзя не заметить, что квалифицированные кадры из новоприсоединенных территорий в ближайшем будущем будут востребованы для восстановления экономики самих новых регионов, которые будут формировать спрос и на значительное количество международных мигрантов и стимулировать внутреннюю миграцию. Во-вторых, центральные регионы РФ все равно остаются наиболее привлекательными для внутренних мигрантов,

⁶ СНГ и современная миграционная политика. Материалы парламентских слушаний. М.: Издание Государственной Думы, 2018. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/HeyAPMKuo6FEjC8UaJeBwY6NyOYQqFBX.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ Eurasianet. Что будет с миграцией из Центральной Азии в Россию из-за войны в Украине? 2022. URL: <https://russian.eurasianet.org/что-будет-с-миграцией-из-центральной-азии-в-россию-из-за-войны-в-украине> (дата обращения: 20.05.2023).

⁸ Указ Президента Республики Узбекистана о дополнительных мерах по поддержке предпринимательской деятельности, содействию занятости, социальной защите и содержательной организации свободного времени молодежи. 2021 г. URL: <https://lex.uz/docs/5382163> (дата обращения: 20.05.2023).

что позволяет говорить о разделении потоков внутренней миграции граждан РФ из новоприсоединенных территорий.

Проведем эконометрический анализ населения РФ и его взаимосвязи с ВВП страны. С учетом основного уравнения демографического баланса оценивались исключительно миграционные потоки, так как естественный прирост населения — прямой результат исключения из населения на конец периода механического прироста. В современной ситуации массовой эмиграции кадров высокой квалификации из России особо актуальным становится не столько оценка роли эмигрантов в экономике, сколько задача их замещения. В отдельных отраслях предложение рабочей силы явно ниже спроса, при этом речь идет о кадрах высокой квалификации.

Тем не менее по агрегированным миграционным потокам: аккумуляция финансового и производственного капитала, аккумуляция человеческого капитала, развитие инноваций и технологий — миграцию в РФ можно оценивать укрупненно. В 2021 г. 67% мигрантов из стран СНГ имели образование до среднего специального включительно, а 13%⁹ не указали уровень образования, что не позволяет включить этот показатель в модель из-за крайне низкой надежности данных, но позволяет сделать вывод, что основная доля трудовой миграции в РФ из СНГ складывается из неквалифицированных работников. Это дает основание для отнесения этого потока к аккумуляции человеческого капитала.

С другой стороны, оценивая внутреннюю миграцию из новоприсоединенных территорий, доля населения с высшим образованием на Украине в 2014—2020 гг. колебалась, по данным различных источников, от 79% до 93,9%, что в целом выше среднего уровня по миру¹⁰. В этой связи процесс замещения эмигрировавших из России специалистов высокой квалификации может быть частично решен аналогичными специалистами новоприсоединенных территорий после окончания специальной военной операции. При этом спрос на трудовые ресурсы в новоприсоединенных регионах будет оставаться высоким и будет наблюдаться дефицит кадров из-за разницы в условиях труда и его оплаты с Москвой, Московской областью, Санкт-Петербургом и рядом других крупных городов. Поступление же молодежи ДНР и ЛНР в российские ВУЗы позволит нарастить резерв таких специалистов, как и льготы для участников СВО и их семей в части получения высшего образования. Население новоприсоединенных территорий включено в общее население РФ в рамках модели, но необходимо сразу сказать о лаге прироста российской экономики за счет включения новых территорий (экзогенно этот лаг не задавался). Теоретически можно рассматривать поток населения из ДНР и ЛНР как аккумуляцию финансового и производственного капитала, однако в силу правовых особенностей это — поток внутренней миграции. Потока миграции для развития инноваций и технологий в Россию фактически не существуют, если не учитывать Белоруссию [Стрельченко, 2016]. Приложение к статье содержит характеристики модели ВВП от миграции и демографической ситуации

⁹ Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации. 2021 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁰ World Bank. Education Statistics (EdStats). URL: <https://datatopics.worldbank.org/education/indicators> (accessed: 20.05.2023).

в РФ на основе вышеописанной методологии. В модели использованы данные прогноза населения Росстата¹¹ и данные по миграции МВД РФ¹², оценка численности населения новоприсоединенных республик осуществлялась с использованием данных республиканских служб статистики¹³.

Представленная модель — наиболее адекватная из всех составленных в рамках исследования (использовался пакет `auto.arima` RStudio для определения коэффициентов p , d и q), включающих население, миграцию и миграцию рабочей силы. Таким образом, с учетом правила минимизации порядка регрессии и скользящего среднего в эконометрической модели, именно такие значения p , d и q позволяют констатировать, что названные вещи переменные и наилучшим образом подходят в качестве дополнительных регрессоров. Что же касается выбора дополнительных регрессоров, то он подтверждается наиболее часто встречаемыми в литературе факторами, влияющими на миграцию. При этом утверждение о наибольшей адекватности использования именно этих факторов для оценки вклада миграции в ВВП обусловлено тем, что использование в модели переменных, влияющих на ВВП в классической макроэкономической модели (динамика ПИИ, экспорт российской продукции, производство в стоимостном выражении нефти и нефтепродуктов, курс рубля), во-первых, не позволяет инкорпорировать с сохранением значимости в модель переменные, описывающие миграцию, а во-вторых, при включении в модель с текущими экзогенными переменными какой-либо из переменных макроэкономической модели критерии Акайке и Хеннана-Куинна колеблются между значениями в 600—800 единиц, что говорит о худшем качестве такой модели по сравнению с предлагаемой (496 и 500 единиц соответственно). По данным, представленным в приложении, составлен рисунок 1, характеризующий точность модели и отражающий прогнозы ВВП относительно демографических показателей и миграционного прироста.

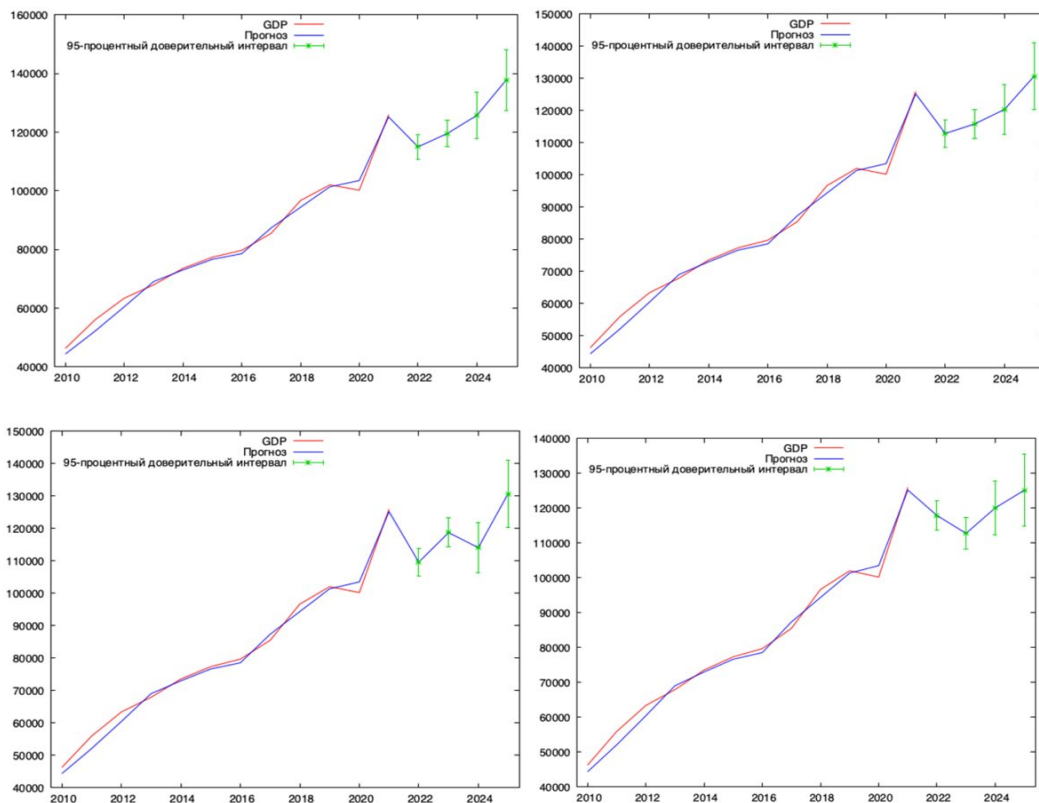
Рисунок 1 позволяет сделать ряд важных выводов по реакции ВВП России на изменение населения и миграционного притока. Выявлено, что резкий рост населения создает провал ВВП во всех сценариях, наиболее сильный в 2022 г., с постепенным восстановлением, так как увеличиваются государственные расходы на экономическую интеграцию этого населения и вследствие значимого роста транзакционных издержек их трудоустройства и обеспечения базовых потребностей. Особенности рынка труда РФ, а именно низкое качеством адаптации мигрантов, отсутствие средств для защиты их интересов и равномерного распределения выгод от миграции в обществе, также создает значимые ограничения роста общественного производства вследствие увеличения рабочей силы [Рязанцев, 2018].

¹¹ Изменение численности населения по вариантам прогноза. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/progn1.xls> (дата обращения: 20.05.2023).

¹² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г. с распределением по странам и регионам. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/> (дата обращения: 20.05.2023)

¹³ Госкомстат ЛНР, численность населения ЛНР на 1 мая 2022 г. URL: https://gkslnr.su/stat_info/kratkie-itogi/paschetnay-chislenost-naseleniya/2028-chislennost-naseleniya-luganskoj-narodnoj-respubliki-na-1-maya-2022-goda-utochnennye-dannye.html (дата обращения: 20.05.2023); Численность населения Донецкой Народной Республики на 1 февраля 2021 г. URL: http://gosstat-dnr.ru/pdf/naselenie/chisl_naselenie_010221.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

Рис. 1. Прогнозы ВВП РФ в зависимости от выбранного сценария
(слева направо, сверху вниз: минимальный, оптимальный, реалистичный)

Источник: составлено по данным ПО Gretl¹⁴.

Вторая важная особенность реакции ВВП на рост населения — изменение демографического дивиденда. В условиях проведения СВО вынуждены констатировать, что за счет значимой поддержки жителей новых территорий просадка ВВП сама по себе существенная, а демографический дивиденд этой части населения РФ отрицательный. Прогнозы ВВП на рисунке 1 в краткосрочной перспективе тем хуже, чем больше оценка роста населения за счет новоприсоединенных территорий (коэффициент эластичности роста ВВП относительно роста прогноза населения новоприсоединенных территорий равен 1,0038 (см. табл. 1), то есть, рост населения новоприсоединенных территорий на 1% замедляет рост ВВП на 0,38%). В рамках любого из прогнозов на рисунке 1 раньше 2024 г. РФ не сможет реализовать экономический потенциал населения новых территорий, так как уровень ВВП будет оставаться ниже докризисного. Третья немаловажная особенность — иммиграция населения создает положительные экономические эффекты. В кон-

¹⁴ Gretl — это кросс-платформенный программный пакет для эконометрического анализа, написанный на языке Си. Gretl является открытым, свободным и бесплатным ПО

тексте рисков массовой и нелегальной миграции в РФ и значительного оттока мигрантов¹⁵ можно заключить, что проводимая сегодня в отношении миграции политика носит смешанный характер и требует упорядочивания.

В современных условиях несбалансированного предложения на рынке труда и снижения возможностей трудоустройства мигрантов вследствие падения располагаемых доходов населения и малого бизнеса, такая политика оправдана. Тем не менее в среднесрочной перспективе конца 2024 — начала 2025 г., что следует из динамики восстановления докризисного ВВП в оптимальном (и реалистичном сценарии динамики населения, именно трудовая миграция неквалифицированных работников позволит снизить издержки поставки услуг населению и в меньшей степени товаров каждодневного потребления.

Из предложенной модели также следует, что значимость миграции в целом в росте ВВП достаточно существенна, однако гораздо значимее миграция трудовых ресурсов, которая фактически вдвое сильнее влияет на рост ВВП на одного иммигранта. С математической точки зрения этот вывод обосновывается значениями коэффициентов соответствующих переменных в модели в таблице 1 (0,023 и 0,057). Таким образом, если рассматривать возможные направления стимулирования миграции, то необходимо сосредоточиться на повышении миграции трудовых ресурсов.

Важно заметить, что демографический дивиденд от присоединения новых территорий будет заметен в среднесрочном периоде, из-за чего при краткосрочном моделировании минимизация прироста населения РФ в ближайших периодах дает наиболее значимый экономический рост (минимальный сценарий на рисунке 1, с учетом минимального демографического прогноза Росстата и минимальных оценок численности населения новоприсоединенных территорий), поэтому использование минимального сценария при выработке рекомендаций для российской демографической политики некорректно, так как этот сценарий противоречит концепции общественного развития РФ. Наоборот, рост общего числа трудовых мигрантов и снижение доли коренного населения может повысить уровень социальной напряженности в российском обществе. К такому результату могут привести ориентация иммигрантов на нужды лишь своей этнической и религиозной группы при игнорировании интересов коренного населения, сопровождаемая ростом конкуренции между местным населением и иммигрантами из-за низкой гибкости российского рынка труда. Чтобы исключить фактор роста уровня социальной напряженности в обществе в связи с трудовой миграцией, следует повысить уровень гибкости рынка труда в России, также разработав новые средства адаптации краткосрочных мигрантов и ассимиляции будущих новых граждан России из стран СНГ.

В связи с этим необходимо обеспечить средневысокую рождаемость и максимизацию прироста населения, в частности из-за убыли мужского населения вследствие неизбежных потерь на СВО, следовательно, наиболее релевантную модель демографической политики следует выбирать исходя из оптимального — максимального прогноза роста населения.

¹⁵ Гробман Е., Нараева А., Бойко А. В России фиксируется отток трудовых мигрантов // Ведомости. 2022. 28 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/28/915601-ottok-trudovih-migrantov> (дата обращения: 09.03.2023).

Реалистичный прогноз, однако, больше согласуется с наличием двух лагов скользящего среднего, так как ошибки авторегрессии демонстрируют наличие шоков, которые не учитываются в авторегрессионных уравнениях. В 2022 г. произошел значительный демографический шок — как снижение миграции, так и сокращение количества мужчин в репродуктивном возрасте. В соответствии с моделью с двумя лагами скользящего среднего восстановление от этого шока произойдет не ранее 2024 г., что согласуется с миграционными волнами, сезонность которых в РФ наблюдается с периодом три года¹⁶. Стоит рассчитывать, что, если на 2022 г. пришелся пик миграции, 2025 г. (2022 год плюс длина миграционного цикла три года) также должен бы стать пиком миграции. Но в ситуации, когда значительное количество мигрантов уехало из РФ, миграционный приток во многом будет зависеть от того, насколько планируется задействовать мигрантов в военных действиях, и от того, насколько в целом экономика РФ будет устойчиво развиваться. Мнение о неизбежности притока мигрантов в РФ не согласуется с имеющимися данными и не выдерживает критики, так как низкоквалифицированные мигранты из стран СНГ могут также устроиться на работу в странах Ближнего Востока и Персидского залива. В этой связи необходимо скорректировать политику в отношении жителей новых регионов РФ с учетом снижения доли мигрантов из стран СНГ и замещения их по всему спектру квалификаций (не только на должностях с высокими требованиями к квалификации работника) на жителей новоприсоединенных территорий. При планировании, однако, не стоит забывать и про потребность ДНР и ЛНР в рабочей силе, особенно для восстановления после боевых действий, в связи с чем замещение получится реализовать только частично.

Обсуждение

Предложения, связанные с регулированием миграции можно условно разделить на несколько блоков: стимулирующий, ограничивающий и балансирующий. Они разнонаправленно влияют на миграционные потоки из СНГ в Россию. Ключевым посылом предлагаемого регулирования является балансирование рынка труда РФ с целью получения максимальной выгоды для экономики страны без программ по сокращению рождаемости, что полностью соотносится с подходом в Концепции государственной миграционной политики.

Стимулирующий блок

Формирование квот на въезд из каждой страны СНГ пропорционально населению или снятие квот для стимулирования иммиграции. Этот инструмент частично уже используется со странами с визовым режимом с РФ, однако сегодня необходимо комплексное регулирование рынка труда с учетом въезда без квот только граждан стран ЕАЭС. С учетом сокращения в 2022 г. квот на 14 %, необходимо унифицировать механизм их расчета. Предлагается отдельно квотировать въезд граждан по уровню образования с учетом потребности в специалистах на российском рынке труда — в 2023 г., объективно сложился дефицит специалистов сред-

¹⁶ Рассчитано по данным миграции в РФ с 1997 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 01.09.2023).

ней и высокой квалификации, однако с учетом развития новых территорий спрос на неквалифицированных работников повысится сразу при начале восстановления экономик новых регионов. Планирование квот возможно при ориентировании на структуру населения: в текущей ситуации логично квотировать иммиграцию по доле лиц с высшим образованием в населении страны¹⁷: чем выше, тем больше квота, а в ситуации повышения спроса на неквалифицированных работников снять это требование.

Особые условия для мигрантов из стран СНГ на территории ДНР и ЛНР после завершения СВО

Очевидно, что восстановление территории ЛНР и ДНР сопряжено со значительными тратами и определенными рисками. Предлагается снять квотирование на въезд мигрантов в РФ, если в течение следующих трех лет они будут работать на предприятиях новоприсоединенных территорий или на задачах восстановления ЛНР и ДНР. В качестве дополнительных стимулирующих мер можно предусмотреть субсидирование их передвижения по РФ до места работы в новоприсоединенных регионах, что в том числе обеспечит выполнение ими условий въезда. Для иммигрантов, желающих инвестировать в новые территории, необходимо предусмотреть налоговые льготы для бизнеса.

Переосмысление системы квотирования с количественной на компетентностную: квотировать не количество иммигрантов, а их специальности. Создать укрупненный реестр специальностей с таблицей признания образования стран СНГ по всем специальностям с указанием их соответствия укрупненной специальности. Обратим внимание, что место предполагаемой работы мигранта в рамках этого подхода должно коррелировать с его специальностью. Эта мера позволит реализовывать согласованную иммиграционную политику с учетом запросов российских работодателей и ситуации на рынке труда и снизит потенциал формирования социальной напряженности из-за замещения мигрантами рабочих мест российского населения.

Развитие программы репатриации соотечественников через предложение им вакансий. В условиях русофобии в западных странах Россия может столкнуться с волной граждан РФ, возвращающихся на родину, и граждан других стран, запрашивающих российское гражданство. Необходимо создать цифровой продукт на основе данных таких платформ как «Работа в России» и hh.ru, отражающий предложение вакансий для вышеуказанных категорий граждан в различных регионах для обеспечения как пространственной диверсификации репатриации, так и для удержания этих граждан в РФ.

Предложение особых условий для мигрантов с высшим образованием, работающих по специальности, для стимулирования предложения им рабочих мест через предоставление льгот их работодателям в рамках системы социального страхования по модели взносов в СЭЗ.

¹⁷ Например, по итогам 2021 г. в РФ въехало 3170 граждан Молдовы с высшим образованием, при этом доля граждан с высшим образованием в Молдове составляет 35,1% от населения. Квота на въезд граждан Молдовы в 2022 г. должна, в соответствии с методикой, составить $3170 / 0,351 = 9032$ человека вместо 25 229 въехавших в РФ молдавских граждан.

Ограничивающий блок

Формирование системы приглашений на замещение вакансий в регионах с высокой безработицей и для позиций, сопряженных с высокой профессиональной ответственностью. На сегодняшний день система приглашений работает исключительно со странами, с которыми у России визовый режим, вне зависимости от регионального распределения мигрантов и позиций, которые они замещают. Однако в условиях высоких рисков, происходящих из миграции, замещение должностей иностранными гражданами в стратегически важных отраслях должно регламентироваться приглашениями, как и их работа в регионах с высокой относительно среднего уровня по РФ безработицей российского населения.

Введение инвестиционного ценза для трудовой миграции граждан из стран СНГ, не входящих в список дружественных. Для получения дополнительного экономического эффекта предлагается разрешить их иммиграцию на длительный срок только при прохождении инвестиционного ценза — необходимости инвестировать в российскую экономику/предприятия или недвижимость сумму, большую или равную размеру МРОТ за три года.

Ужесточение требований на ассимиляцию в российское общество в случае долгосрочного въезда — ввести, в том числе, психологические тесты, обязательный сбор биометрических данных мигрантов и проверку наличия уголовного прошлого. По результатам внедрить систему рейтингования и не допускать въезда мигрантов с низким рейтингом.

Балансирующий блок

Создание статистического инструментария соотнесения вакансии и компетенций с дальнейшим присвоением профессиональных компетенций каждому мигранту. До введения компетентностного подхода необходимо разработать надежный статистический инструментарий учета мигрантов, их образования и профессиональных навыков.

Создание отдельного финансового продукта для мигрантов с возможностью сниженных комиссий на переводы за рубеж и ограничением на выдачу других российских карт до получения российского гражданства. В целях упрощения контроля за финансовыми потоками мигрантов и пресечения незаконных финансовых операций и финансовых нарушений со стороны работодателей предлагается разработать специальную карту платежной системы «Мир» с пониженными комиссиями за переводы за рубеж и обязать использовать ее для выплат трудовым мигрантам.

Бесплатное (целевое) обучение детей жителей ДНР и ЛНР исключительно на приоритетных для развития РФ программах ВУЗов.

Предложение налоговых льгот в части обязательного социального страхования для компаний, заместивших специалистов высокой квалификации, покинувших РФ, на граждан России из ЛНР и ДНР. Аналогичные льготы предоставить работодателям из ЛНР и ДНР с высокой долей местных работников (например, более 80% или иного расчетного значения).

Предложенные рекомендации в значительной мере улучшат гибкость миграционной политики РФ и позволят увеличить экономический эффект от миграции,

распределив как положительные, так и негативные социальные эффекты миграции более равномерно по территории РФ.

Выводы

Современная наука предлагает различные подходы к оценке влияния миграции на экономику страны. В рамках этого исследования основное внимание уделялось исследованию эффектов миграции на основные макроэкономические показатели, а именно ВВП.

В России основной поток иммиграции приходится на страны СНГ, при этом основная масса мигрантов не обладает высшим образованием. С другой стороны, население новоприсоединенных территорий, наоборот, в подавляющем большинстве имеет хорошее образование и представляет собой кадры с высокими профессиональными качествами. Учитывать эти два демографических потока вместе нельзя, но как замещающие друг друга в определенной мере — вполне.

Результаты моделирования демонстрируют незначительный демографический дивиденд в РФ, который становится отрицательным от любого значимого шока, в том числе экономического. С другой стороны, кризисные явления 2022 г. заметно повлияли на ВВП и экономику в целом, что не могло не сказаться на демографии РФ. Приток мигрантов не снизился, в то время как население России выросло за счет новых территорий. Оба фактора вкпе обеспечивают возможность возврата ВВП к докризисному уровню, но не ранее 2024 г. Значительная иммиграция в РФ имеет положительный эффект для экономики, особенно трудовая миграция, которая вдвое сильнее сказывается на росте ВВП, чем миграционный приток в целом. Присоединение новых регионов имеет отрицательный эффект в ближне- и среднесрочной перспективе на экономику РФ вследствие увеличения государственных расходов и отсутствия положительных экономических эффектов до полной интеграции новых регионов и их населения в российскую экономику и рынок труда.

В ближайшие годы стоит ожидать роста количества иммигрантов относительно предполагаемого уровня вследствие смещения сезонного пика иммиграции с 2022 г. и большого количества эмигрантов. В этой связи исключительно важным шагом видится реформа государственной миграционной политики.

В рамках реформы миграционной политики предлагается сконцентрироваться на создании сбалансированной модели управления миграцией, которая должна включать в себя три основных блока: стимулирующий, ограничивающий и балансирующий. Особо важные предлагаемые меры заключаются

- в изменении подхода к квотированию миграции — с количественного на квотирование въезда по уровню образования и трудовым компетенциям с сопоставлением количества въезжающих и потребностей российского рынка труда в замещении уехавших специалистов и в обеспечении предприятий трудовыми ресурсами;
- в стимулировании иммиграции в новоприсоединенные территории РФ для их восстановления;
- в замещении уехавших специалистов кадрами из ДНР и ЛНР и студентами из этих республик, получающих целевое распределение на наиболее востребованные программы;

- в введении инвестиционного ценза для иммигрантов из стран СНГ, не входящих в список дружественных.

Список литературы (References)

- Алешковский И. А., Гребенюк А. А., Максимова А. С. Методологические подходы к оценке влияния внешней трудовой миграции на финансово-бюджетную сферу принимающих стран // *Международная миграция и финансы*. 2018. Т. 22. № 6. С. 69—81. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-6-69-81>.
- Aleshkovsky I. A., Grebenyuk A. A., Maksimova A. S. (2018) Methodological Approaches to Assessing External Labor Migration Impact on the Financial and Budgetary Sphere of Host Countries. *International Migration and Finance*. Vol. 22. No. 6. P. 69—81. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-6-69-81>. (In Russ.)
- Алешковский И. А., Гребенюк А. А., Кравец В. А., Максимова А. С. Иностранцы на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* 2019. Т. 6. № 12. С. 197—208. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.11>.
- Aleshkovsky I. A., Grebenyuk A. A., Kravets V. A., Maksimova A. S. (2019) Foreign Migrants in the Russian Labor Market: the Estimate of Their Overall Number and Their to Russia's GDP. *Economic And Social Changes: Facts, Trends, Forecast Labor Economics*. Vol. 12. No. 6. P. 197—208. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.11>. (In Russ.)
- Корецкая-Гармаш В. А. Использование труда мигрантов — угроза или преимущество для развития Российской экономики // *Экономика региона*. 2016. № 2. С. 471—484. <https://doi.org/10.17059/2016-2-13>.
- Koretskaya-Garmash V. A. (2016) The Use of Migrant Labor — Threat or Advantage for Russian Economic Development. *Economy of Regions*. № 2. P. 471—484. <https://doi.org/10.17059/2016-2-13>. (In Russ.)
- Красинец Е. С., Герасимова И. В. Трансформация процессов внешней трудовой миграции в период распространения инфекции COVID-19 // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 4. С. 167—171. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.15>.
- Krasinets E. S., Gerasimova I. V. (2020) Transformation of Processes of External Labor Migration Processes During the Spread of COVID-19 Infection. *Population*. Vol. 23. No. 4. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.15>. (In Russ.)
- Масленников В. В., Линников А. С., Масленников О. В. Оценка потерь российской экономики от миграции населения в другие страны // *Международная миграция и финансы*. 2018. Т. 22. № 2. С. 54—65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-2-54-65>.
- Maslennikov V. V., Linnikov A. S., Maslennikov O. V. (2018) The Estimation of Losses of the Russian Economy from Population Migration to Other Countries. *International Migration and Finance*. Vol. 22. No. 2. P. 54—65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2018-22-2-54-65>. (In Russ.)
- Раковская В. С., Соловьева Н. Н., Туманова И. А. Трудовая миграция: последствия для стран-доноров и стран-реципиентов // *Современные проблемы науки и об-*

разования. 2013. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9443> (дата обращения: 30.08.2023).

Rakovskaya V. S., Solovyova N. N., Tumanova I. A. (2013) Labor Migration: Implications for Donor and Recipient Countries. No. 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9443> (accessed: 30.08.2023). (In Russ.)

Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. Москва: Формула права, 2007.

Riazantsev S. V. (2007) Labor Migration in the CIS and Baltic Countries: Trends, Consequences, Regulation. Moscow: Formula of Law.

Рязанцев С. В. Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 19—27. URL: https://xn-h1aauh.xn-p1ai/wp-content/uploads/2019/01/Nauka_Kultura_Obshchestvo_2018_Nomer_4_148x210_all-ilovepdf-compressed.pdf (дата обращения: 03.09.2023).

Ryazantsev S. V. (2018) The Contribution of Migration to the Demographic and Socio-Economic Development of Russia. *Science. Culture. Society*. No. 4. P. 19—27. URL: https://xn-h1aauh.xn-p1ai/wp-content/uploads/2019/01/Nauka_Kultura_Obshchestvo_2018_Nomer_4_148x210_all-ilovepdf-compressed.pdf (accessed: 09.03.2023).

Рязанцев С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 718—729. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729>.

Ryazantsev S. V. (2018) Labor Immigration to Russia: Myths and Counterarguments. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 26. No. 4. P. 718—729. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729>.

Суяркова О. В. (2019) Влияние трудовой миграции на экономику стран-реципиентов // Электронный научный журнал. № 3. С. 170—174.

Suyarkova O. V. (2019) The Impact of Labor Migration on the Economy of Recipient Countries. *Electronic Scientific Journal*. No. 3. P. 170—174.

Baudassé T. (2008) International Migration: the Teaching of Economic Theory. *Análisis Económico*. Vol. 23. No. 52. P. 63—76.

Borjas G. J. (2018) Economic Theory and International Migration. *International Migration Review*. Vol. 23. No. 3. P. 457—485. <https://doi.org/10.1177/019791838902300304>.

Dustmann C., Frattini T., Glitz A. (2007) The Impact of Migration: A Review of the Economic Evidence. *Centre for Research and Analysis of Migration (CReAM)*. File No. 102. URL: https://www.ucl.ac.uk/~uctpb21/reports/WA_Final_Final.pdf (accessed: 01.09.2023).

Edo A., Ragot L., Rapoport H., Sardoschau S., Steinmayr A., Sweetman A. (2020) An Introduction to the Economics of Immigration in OECD Countries. *IZA — Institute of Labor Economics. IZA DP*. No. 13755. URL: <https://docs.iza.org/dp13755.pdf> (accessed: 01.09.2023).

Engler P., Honjo K., MacDonald M., Piazza R., Sher G. (2020) The Macroeconomic Effects of Global Migration. *International Monetary Fund*. P. 77—101. URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2020/April/English/ch4.ashx> (accessed: 01.09.2023).

Gheasi M., Nijkamp P. (2017) A Brief Overview of International Migration Motives and Impacts, with Specific Reference to FDI. *Economies*. Vol. 5. No. 3. Art. 31. <https://doi.org/10.3390/economies5030031>.

Gheasi M., Nijkamp P., Rietveld P. (2011) Migrants and International Economic Linkages: A Meta-Overview. *Tinbergen Institute Discussion Paper*. No. 11—147/3. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/87521/1/11-147.pdf> (accessed: 01.09.2023).

Hatzigeorgiou A., Lodefalk M. (2021) A Literature Review of the Nexus Between Migration and Internationalization. *The Journal of International Trade & Economic Development*. Vol. 30. No. 3. P. 319—340. <https://doi.org/10.1080/09638199.2021.1878257>.

Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Y. F. (2020) Migration in Russia and Regional Socioeconomic Development: Cross-Impact Analysis. *Studies on Russian Economic Development*. No. 31. P. 421—429. <https://doi.org/10.1134/S1075700720040085>.

Kerr S. P., Kerr W. R. (2011) Economic Impacts of Immigration: A Survey. *Harvard Business School. Working Papers* 09—013. URL: https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/09-013_15702a45-fbc3-44d7-be52-477123ee58d0.pdf (accessed: 01.09.2023).

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431—466. URL: <http://www.jstor.org/stable/2938462> (accessed: 30.08.2023).

Morawska E. (2008) International Migration: Its Various Mechanisms and Different Theories That Try to Explain It. Malmö: Malmö University Publications. URL: <http://mau.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1409965&swid=-6832> (accessed: 30.08.2023).

OECD (2014) Is Migration Good for the Economy? *Migration Policy Debates*. URL: <https://www.oecd.org/migration/OECD%20Migration%20Policy%20Debates%20Numero%202.pdf> (accessed: 30.08.2023).

Portes J. (2019) The Economics of Migration. *Contexts*. Vol. 18. No. 2. P. 12—17. <https://doi.org/10.1177/1536504219854712>.

Quak E.-j. (2019) The Effects Economic Integration of Migrants Have on the Economy of Host Countries. Helpdesk Report. Brighton: Institute of Development Studies (IDS). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d41b51e40f0b60a85e75468/571_Economic_Impacts_International_Migration_Host_Countries.pdf (accessed: 30.08.2023).

Ratha D., Mohapatra S., Scheja E. (2011) Impact of Migration on Economic and Social Development: A Review of Evidence and Emerging Issues. *The World Bank. Policy Research Working Papers*. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-5558>.

Sarzin Z. (2021) The impact of forced migration on the labor market outcomes and welfare of host communities. *World Bank*. Reference Paper for the 70th Anniversary of the 1951 Refugee Convention. URL: https://www.unhcr.org/people-forced-to-flee-book/wp-content/uploads/sites/137/2021/10/Zara-Sarzin_The-impact-of-forced-migration-on-the-labor-market-outcomes-and-welfare-of-host-communities.pdf (accessed: 30.08.2023).

Zickute I., Kumpikaite-Valiuniene V. (2015) Theoretical Insights on the Migration Process From Economic Behaviour's Perspective. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 213. P. 873—878. <http://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.498>.

Приложение

Таблица 1. **Модель ARMAX для прогнозирования ВВП относительно населения и миграции**

	Коэфф.	Ст. ошибка	z	P-значение	
const	603821	80376,2	7,512	<0,0001	***
phi_1	0,691394	0,119231	5,799	<0,0001	***
phi_2	0,264653	0,155698	1,700	0,0892	*
phi_3	0,454056	0,165014	2,752	0,0059	***
phi_4	0,375257	0,200143	1,875	0,0608	*
phi_5	-0,811993	0,118855	-6,832	<0,0001	***
theta_1	-0,346571	0,174978	-1,981	0,0476	**
theta_2	0,999983	0,211832	4,721	<0,0001	***
Население РФ	-0,0038827	0,00051284	-7,571	<0,0001	***
Иммиграция в РФ	0,0230903	0,00701601	3,291	0,0010	***
Иммиграция рабочей силы в РФ	0,0577004	0,0216974	2,659	0,0078	***
Среднее зав. перемен	48147,66			Ст. откл. зав. перемен	37056,65
Среднее инноваций	258,0868			Ст. откл. инноваций	2166,022
Лог. правдоподобие	-236,4134			Крит. Акаике	496,8269
Крит. Шварца	511,4534			Крит. Хеннана-Куинна	500,8837
		Действительная часть	Мнимая часть	Модуль	Частота
AR					
	Корень 1	1,0072	0,0783	1,0103	0,0123
	Корень 2	1,0072	-0,0783	1,0103	-0,0123
	Корень 3	-1,1286	0,0000	1,1286	0,5000
	Корень 4	-0,2118	-1,0120	1,0340	-0,2828
	Корень 5	-0,2118	1,0120	1,0340	0,2828
MA					
	Корень 1	0,1733	-0,9849	1,0000	-0,2223
	Корень 2	0,1733	0,9849	1,0000	0,2223

Источник: составлено авторами по данным выгрузки из ПО Gretl.

Таблица 2. Прогнозы ВВП по каждой модели

	Минимальный	Оптимальный	Максимальный	Реалистичный
2022	115011	112883	109626	117916
2023	119582	115887	118726	112776
2024	125711	120383	114091	120070
2025	137784	130693	130681	125160

Источник: составлено авторами по данным выгрузки из ПО Gretl.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль — август 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 202—216.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): July — August 2023. (2023) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 202–216.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 2023

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ 203

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... НО БУДЕТ ЛИ ЗАВТРА? 206

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВАЛЮТНЫЕ КАЧЕЛИ, ИЛИ БУДУЩЕЕ РУБЛЯ..... 208

ВСТРЕЧАЕМ «ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ» 210

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПО МАГАЗИНАМ? ТРЕНДЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ТОРГОВЫХ ЦЕНТРАХ — 2023 212

ОБУЧЕНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.....215

ПОЛИТИКА

ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	203
РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... НО БУДЕТ ЛИ ЗАВТРА?	206

ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

8 июля 2023 г.

Социальная справедливость — это и ценность, и правовой механизм, и принцип, по которому должно существовать общество, на который должна опираться власть. Понятие социальной справедливости не универсально, каждый вкладывает в него свой смысл. Сегодня, как и десять лет назад, россияне видят социальную справедливость прежде всего в правовом поле, в равенстве всех перед законом — так ответил каждый третий респондент (36%; 2013 г. — 36%). Еще 20% считают, что социальная справедливость заключается в том, чтобы положение каждого определялось результатами его труда (+8 п. п. к 2013 г.). Почти столько же видят ее в экономическом равенстве — в том, чтобы уровень жизни всех граждан был примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных (19%, 2013 г. — 20%). Реже наши соотечественники связывают социальную справедливость с равными возможностями развивать свои способности (8%, —5 п. п. к 2013 г.) и с гарантиями для социально незащищенных, с социальной ответственностью богатых (6%, —5 п. п. к 2013 г.).

Начиная с 2007 г. наиболее распространенным был правовой взгляд на справедливость общественного устройства. Экономическая модель (нет богатых и бедных) почти всегда занимала вторую позицию, ее называли 17-20%, но сегодня она звучит реже. Постепенно за время наблюдений утрачивали актуальность взгляды на справедливость как создание условий для развития способностей каждого (максимум 17% в 2009 г.) и как социальную ответственность богатых перед бедными (максимум по 11% в 2007 г. и в 2013 г.). Сегодня в российском обществе социальная справедливость стала чаще отождествляться с личным трудовым вкладом.

«Богатые» чаще видят справедливость в том, чтобы каждый получал по своим трудам (26% против 13% в группе с плохим материальным положением), а «бедные» чаще видят справедливость в финансовом равенстве: чтобы у всех был примерно одинаковый уровень жизни, а богатых и бедных не было (24% против 13% в группе с хорошим материальным положением).

Социальная справедливость как равенство всех перед законом — этот взгляд ближе мужчинам (41% против 31% женщин), россиянам 25-34 лет (41%), гражданам с неполным высшим и высшим образованием (43%), активным пользователям интернета (39%), жителям обеих столиц и крупных городов (500-950 тыс. чел.) — 46% и 43% соответственно.

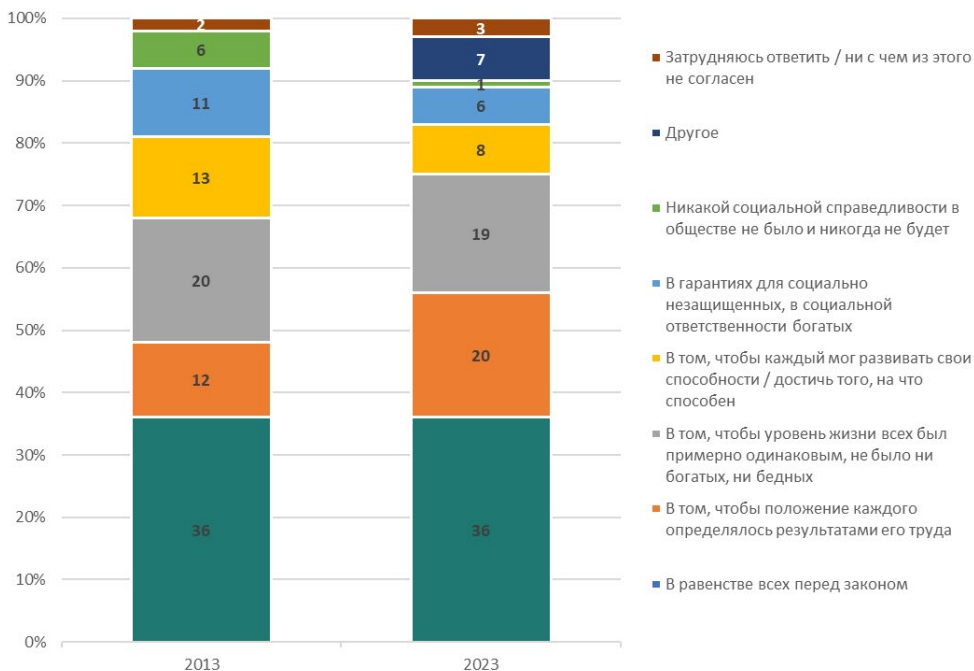
Идея о том, что в справедливом обществе положение каждого определяется результатами его труда, ближе 18-24-летним (25%), россиянам с хорошим материальным положением (26%), а также жителям городов с численностью населения 100-500 тыс. чел. (29%).

Экономический взгляд на социальную справедливость (нет ни богатых, ни бедных) чаще встречается среди женщин (22 % против 15 % среди мужчин), россиян с плохим материальным положением (24 %), сельских жителей (31 % против 7 % среди столичных жителей), а также активных телезрителей (26 %).

17 % молодежи 18—24 лет полагают, что социальная справедливость заключается в том, чтобы каждый мог развивать свои способности, это мнение также ближе гражданам с хорошим уровнем материального положения (13 % против 3 % в группе с плохим уровнем материального положения).

Только 1 % россиян считают, что никакой социальной справедливости в обществе не было и не будет: это минимум за весь период наблюдений, в предыдущие замеры так думали от 6 % до 19 %, причем еще два года назад данная позиция была близка каждому пятому (19 %).

Рис. 1. В чем, на Ваш взгляд, состоит социальная справедливость? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных), 2013 и 2023 гг.

Представления россиян о том, как сделать общество более справедливым, за последние пять лет претерпели изменения. Сегодня чаще звучит запрос на сильную социальную политику (15 %), он занимает первую строчку в числе предлагаемых мер, тогда как в 2018 г. располагался на седьмом месте (4 %). За этот период россияне стали чаще говорить и о необходимости уделять внимание внутренней политике (8%, <1 % в 2018 г.). Не утратила своей значимости за это время такая мера, как борьба с коррупцией (14 % в 2018 г. и 12 % в 2023 г.), а также предложе-

ние повысить зарплаты и пенсии (12%, + 3 п. п. к 2018 г.). С 2018 г. россияне стали чаще говорить об ужесточении законодательства (9%, +4 п. п. к 2018 г.), а о принципе равенства закона для всех — чуть реже (9%, —2 п. п. к 2018 г.). Пять лет назад 11% предлагали уделять больше внимания простым людям, сегодня — 5%.

Россияне с низким уровнем дохода в 23% случаев предлагают усилить социальную политику, в 20% — повысить уровень зарплат и пенсий. Эти варианты среди россиян с хорошими доходами звучат реже: 13% и 6% соответственно.

Направить силы на борьбу с коррупцией ради достижения социальной справедливости предлагают в основном 25-44-летние (17-19%), а внутренняя политика больше интересует молодежь до 25 лет — 13%.

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... НО БУДЕТ ЛИ ЗАВТРА?

16 июля 2023 г.

За три десятилетия постсоветской истории траектория отношений России и Запада не раз меняла свое направление — от сближения и сотрудничества к охлаждению и обрыву связей. Менялся и взгляд общества: если в 1999 г. преобладало мнение, что отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными (57%), то почти четверть века спустя ситуация изменилась на противоположную. Сегодня большинство россиян считает, что отношения между Россией и Западом всегда будут строиться на недоверии (63%, +21 п. п. к 1999 г.), обратного мнения придерживаются около трети — 32% (–25 п. п. к 1999 г.). Оптимизм в этом вопросе присущ только молодежи до 25 лет (53% говорят о возможности дружбы с Западом, 45% — о недоверии).

Европа и Россия исторически и культурно развивались в тесном сотрудничестве. При этом, по мнению многих экспертов и мыслителей, однозначно отнести Россию к Европе нельзя, поскольку в ней сочетаются европейские и восточные традиции, что делает ее уникальной евразийской цивилизацией. Дискуссии по этому вопросу ведутся не один век, и точка в них вряд ли когда-нибудь будет поставлена. Сегодня россиянам ближе идея о том, что Россия не является в полной мере европейской страной, это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее интересов будет смещаться на Восток (65%), в 2007 г. так думали 45%, в 2008 г. — 42%, то есть в наши дни эта позиция заметно укрепилась. Другой точки зрения (Россия — часть Европы, и в XXI в. их судьбы будут теснее всего связаны) придерживаются 20% наших соотечественников, это в два раза меньше, чем в предыдущие замеры (2007 г. — 38%, 2008 г. — 45%). Результаты говорят о возрастающей дистанционности России от Европы. Этот тренд характерен для представителей всех возрастов, кроме молодежи до 25 лет, в этой группе мнения разделяются практически поровну: 43% считают, что Россия — часть Европы, а 49% — что это особая евразийская цивилизация. То есть молодежь в большей степени ориентирована на сближение с Западом, чем с Востоком, в сравнении с другими возрастными группами.

По отношению к Западу среди россиян сегодня можно выделить три группы. Первая группа — «сторонники возвращения в Европу»: они полагают, что Россия — часть Европы и в XXI в. их судьбы будут теснее всего связаны, а также ориентированы на вхождение России в Евросоюз или установление с ним равноправных партнерских отношений. В общей численности россиян «сторонников возвращения в Европу» 16%, их отличает молодой возраст до 25 лет (в этой группе таковых 21%) и больший процент женщин (60%).

Вторая группа — «сторонники разрыва отношений с Европой»: они полагают, что Россия — это особая евразийская цивилизация и в будущем центр ее интересов будет смещаться на Восток, а также что на Западе к России все равно никогда не будут относиться как к равноправному партнеру, поэтому ей нет смысла стремиться в Европу. В общей численности россиян таких 41%, единственное, что их отличает, — преобладание групп старше 45 лет (среди этой группы таковых 58%, а молодежи 18-24 лет — только 4%).

Еще одна группа — «умеренные сторонники партнерских отношений с Европой». В общей сложности их 43%, они склоняются к тому, что Россия — особая евразий-

ская цивилизация (56%), но при этом мы должны стремиться к установлению партнерских отношений с Евросоюзом (55%). Соотношение мужчин и женщин здесь — 40% на 60%, и это единственное различие в данной группе. Стоит отметить, что ни образование, ни доход, ни территория проживания или предпочтительная модель медиапотребления значительно не влияют на взгляды россиян на отношения с Европой.

Рис. 2. Какое из высказываний Вам ближе: первое — «отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными» или второе — «отношения между Россией и Западом всегда будут строиться на недоверии»?? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВАЛЮТНЫЕ КАЧЕЛИ, ИЛИ БУДУЩЕЕ РУБЛЯ	208
ВСТРЕЧАЕМ «ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ»	210

ВАЛЮТНЫЕ КАЧЕЛИ, ИЛИ БУДУЩЕЕ РУБЛЯ

29 июля 2023 г.

Для большинства россиян предпочтительным способом хранения «свободных» денег остается национальная валюта: в июле 2023 г. 68% опрошенных заявили, что хранят сбережения в рублях, еще 6% отдают предпочтение доллару, по 4% — евро и другим иностранным валютам. Об отсутствии сбережений сообщили около четверти наших сограждан (27%). В сентябре прошлого года большинство россиян признались, что не хотели бы иметь счет в зарубежном банке и приобретать наличную валюту (88% и 80% соответственно).

Одна из явных тенденций последних полутора лет — девальютизация сбережений. Доля россиян, имеющих рублевые накопления, выросла в феврале 2022 г. (+8 п. п. к январским данным) и за прошедший период ни разу не опускалась ниже 65%. Такая стратегия, как хранение сбережений в долларах, с января прошлого года, напротив, потеряла в популярности — 11% против 6% в июле 2023 г. В числе возможных причин — невыгодность валютных депозитов, риск их заморозки из-за санкций, вера в устойчивость национальной валюты, нежелание хранить наличную валюту.

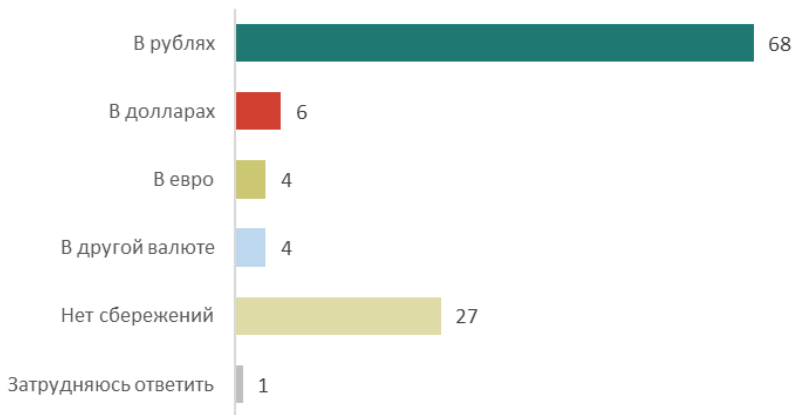
Несмотря на сокращение доли валюты в обращении среди физических лиц, интерес к ситуации на валютном рынке в июле несколько оживился: с разной периодичностью за курсом доллара следили 58% наших сограждан (+ 7 п. п. к июньским данным), в том числе каждый пятый делал это регулярно (20%), 38% — время от времени. Впрочем, пока доля интересующихся этой темой уступает показателям первого полугодия 2022 г.: в феврале — июле минувшего года за колебаниями на валютном рынке следили 63-66%.

Не интересовались курсом доллара в июле 2023 г. 42% опрошенных, а месяцем ранее — каждый второй (49%).

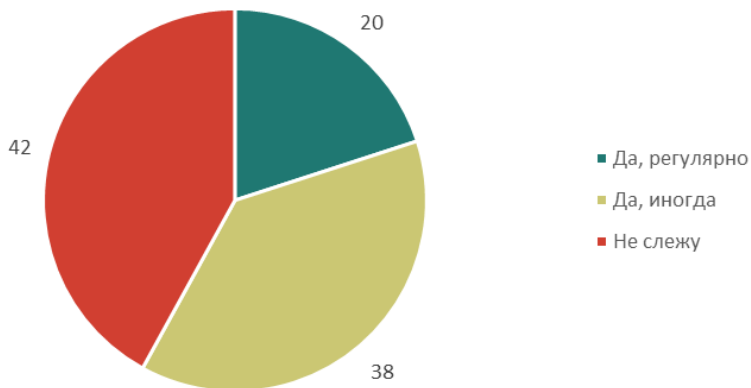
Типичный россиянин, следящий за ситуацией на валютном рынке — это мужчина (64%), до 34 лет (18-24 лет — 73%, 25-34 лет — 66%), с высшим или неполным высшим образованием (68%), хорошим материальным положением (64%), проживающий в одной из столиц (66%) или городе-миллионнике (64%).

Типичный россиянин, безразличный к колебаниям доллара — это женщина (не следят 47%), старшего 60 лет (51%), со средним специальным (50%) или неполным средним образованием (58%), предпочитающая телевидение интернету (56%).

Рис. 1. Скажите, в какой валюте Вы храните свои сбережения?
(закрытый вопрос, не более трех ответов, % от всех опрошенных)

Рис. 2. Вы следите за курсом доллара к рублю или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ВСТРЕЧАЕМ «ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ»¹

30 июля 2023 г.

Российская экономика продолжает уверенно шагать в цифровое будущее: 1 августа в стране вступил в силу закон о новой форме денег — цифровом рубле. Пока его тестирование проходит на клиентах российских банков, но уже в скором времени совершить перевод и оплату товаров и услуг с помощью цифрорубля сможет каждый желающий. О том, что с 2025 г. в нашей стране планируется массовое внедрение цифрового рубля, знает каждый седьмой россиянин (15%); что-то слышали, но без подробностей, более половины опрошенных (55%). В общей сложности 70% наших сограждан информированы о введении цифрового рубля в России. Еще 30% впервые узнали о появлении третьей формы национальной валюты в ходе опроса.

Несмотря на то, что именно молодежь наиболее продвинута в использовании цифровых технологий, общая информированность о внедрении в России цифрового рубля выше в старших возрастных когортах (18-24 лет — 50%, 25-34 лет — 61%, 35-44 лет — 69%, 45-59 лет — 77%, 60 лет и старше — 76%).

О том, что цифровой рубль в ближайшее время попадает в массовое обращение, чаще знают мужчины (19% против 12% женщин), граждане с высшим или неполным высшим образованием (22%), работники коммерческих организаций (20% против 11% «бюджетников»), жители обеих столиц (25% против 8% сельчан) и предпочитающие интернет телевидению (19%) или гибридную модель медиапотребления (15% против 7% активных телезрителей).

Согласно результатам опроса, у значительной доли россиян пока не сформировалось понимание цели внедрения цифрового рубля: на вопрос о том, для чего он нужен, затруднился с ответом каждый второй (51%). Показатель ощутимо выше среди граждан с неполным средним образованием (75%) и активных телезрителей (71%). И хотя представители старшего поколения чаще других декларировали информированность о цифровом рубле, назвать его назначение в этой группе смогли лишь 37% (против 50% среди 18-24-летних).

В содержательных ответах о мотивах введения цифрового рубля преобладает позитив. Можно выделить следующие группы аргументов россиян в пользу новой разновидности национальной валюты:

- Прозрачность и безопасность денежных операций (22%, в том числе «контроль / возможность отслеживать движение средств» — 12%, «борьба с мошенничеством / воровством» — 6%, «безопасность / защита / надежность» — 4% и др.);
- Облегчение жизни пользователям (13%, в том числе «удобство / проще использовать» — 9%, «быстрота, скорость расчетов» — 2%, «пользоваться предпринимателям», «для расчетов, переводов, платежей» — по 1%);
- Экономический рост/прогресс (11%, в том числе «сокращение расходов / не нужно печатать бумажные деньги» — 3%, «поддержка, стабилизация экономики», «развитие технологий», «интеграция в мировую экономику», «стабилизация рубля» — по 2% и др.);

¹ Опрос проведен в рамках спецпроекта с деловым изданием «Ведомости».

- Альтернатива другим формам денег / валютам (8%, в том числе «вместо бумажных денег / уменьшить оборот наличных» — 3%, «альтернатива криптовалюты» — 2%, «дополнительная форма денег», «вместо иностранных валют» — по 1%).

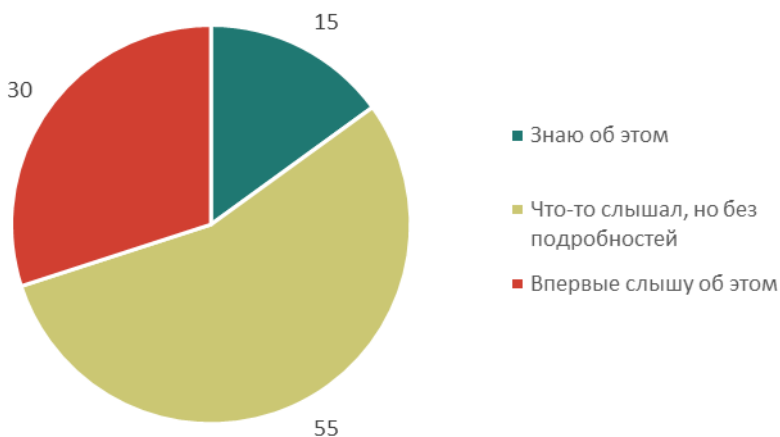
Только 8% россиян дали негативную оценку нововведению, отметив, что цифровой рубль — обман (3%), контроль и одурманивание населения (по 2%), цифровое рабство (1%).

Слабое понимание целей внедрения современной разновидности рублей сопровождается нежеланием попробовать цифровой аналог наличных. В ходе июльского опроса об этом заявили 58% наших сограждан, а среди представителей старшего поколения 60+ лет — в 1,3 раза больше (79%). Интерес к новому средству оплаты проявляют 30%, тогда как каждый восьмой пока затруднился с ответом (12%).

Желание воспользоваться цифровым рублем в первую очередь присуще молодежи (53% 18-24-летних и 50% 25-34-летних против 12% среди респондентов старше 60 лет), такой ответ также чаще звучал от мужчин (33% против 27% женщин) и активных интернет-пользователей (39% против 11% среди активных телезрителей).

Чем выше уровень образования и материального положения, тем выше интерес к цифровому рублю. 42% россиян, оценивающих свой достаток выше среднего, хотели бы воспользоваться «новым рублем» (против 21% среди недовольных своим материальным положением), а среди высокообразованных — 36% (против 24-29% среди россиян со средним специальным образованием и ниже).

Рис. 3. Вы следите за курсом доллара к рублю или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПО МАГАЗИНАМ? ТРЕНДЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ТОРГОВЫХ ЦЕНТРАХ — 2023	212
ОБУЧЕНИЕ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ.....	215

ПО МАГАЗИНАМ? ТРЕНДЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ТОРГОВЫХ ЦЕНТРАХ — 2023²

8 июля 2023 г.

Розничная торговля за последние годы переживала трудности — ограничительные, карантинные меры, долгие периоды самоизоляции граждан, уход одних брендов и приход других. При этом активное развитие переживает онлайн-шопинг, который составляет все большую конкуренцию привычным форматам торговли «через прилавок». Как показал опрос, в общей сложности с разной периодичностью посещают торговые центры 71 % россиян (2018 г. — 75 %). За пять лет доля россиян, посещающих торговые центры раз в месяц и чаще, не изменилась — и сегодня, и в 2018 г. она составляла 53 %. При этом доля тех, кто не посещает торговые центры, выросла за пять лет на 6 п. п. (2023 г. — 29 %, 2018 г. — 23 %). Такие результаты могут говорить как о том, что торговые центры «достигли потолка» своей аудитории, так и о том, что покупатели по каким-то причинам ограничивают себя в походах по торговым центрам, например экономят, и поэтому аудитория не растет. Также это может указывать и на то, что покупательская активность не снизилась или даже подросла, но перетекла в онлайн.

Типичный ежемесячный посетитель ТЦ (посещает раз в месяц и чаще) — мужчина (61 % против 46 % женщин), преимущественно молодого возраста до 35 лет (64—67 % против 38 % среди тех, кто старше 60 лет), с неполным высшим или высшим образованием (61 %), с хорошим материальным положением (61 % против 41 % в группе с плохим материальным положением), житель одной из столиц или крупного города (68 % и 60 % соответственно против 42 % и 40 % среди жителей населенных пунктов с численностью населения до 100 тыс. чел. и жителей сел), активный пользователь интернета (60 % против 33 % среди «телезрителей»).

Типичный россиянин, не посещавший ТЦ за последний год — женщина (32 % против 25 % мужчин), преимущественно старше 60 лет (48 % против 12 % среди 18—24-летних), с образованием на уровне среднего специального и ниже (49—37 %), с плохим материальным положением (36 % против 26 % в группе с хорошим материальным положением), жительница населенных пунктов с численностью населения до 100 тыс. чел. или жительница села (38 % и 46 % соответственно против 15 % в Москве и Санкт-Петербурге), активный потребитель телевидения (60 % против 18 % среди тех, кто предпочитает интернет).

Современный торговый центр — это не только возможность шопинга, здесь можно посетить кафе или ресторан, организовать досуг себе и детям, встретиться с друзьями, позаниматься спортом, сходить в кино и многое другое. Как показало исследование, покупка продуктов и товаров длительного пользования остается главным мотивом посещения торговых центров — 71 % и 65 % соответственно.

² Опрос проведен в рамках спецпроекта с РИА Новости.

Сильно отстает общепит, которым пользуются 39% посетителей торговых центров. Далее следует «развлекательный кластер» — кино (26%), детские комнаты (25%), встречи с друзьями (23%), развлекательные мероприятия (11%). Условно «полезные» форматы проведения времени в торговом центре называют гораздо реже: 9% занимались спортом или фитнесом, 6% заходили на образовательные мероприятия.

Последний год для розничной торговли в целом и торговых центров в том числе стал особенно непростым в силу ухода ряда брендов. При этом большая часть посетителей ТЦ не заметили, чтобы ассортимент товаров как-либо изменился за последние полгода (61%), 23% отметили, что ассортимент стал беднее, а 10%, напротив, увидели, что выбор товаров стал богаче. О том, что выбор стал хуже, чаще других говорят 25-34-летние (36%), активные пользователи интернета (34%), аудитория с неполным высшим и высшим образованием (31%) и те, кто имеет плохое материальное положение (34%). Чем больше размер населенного пункта, тем чаще опрошенные сетуют на недостаточный ассортимент — 14% на селе и 31% в обеих столицах.

Каждый второй посетитель торгового центра (49%) отметил, что сегодня здесь можно найти большинство товаров, еще 42% — что можно найти любой товар. Еще 6% отмечают дефицит многих товаров (среди 25-34-летних — 13%).

**Рис. 1. За последний год Вы посещали или не посещали крупные торговые центры?
Если Вы их посещали, то в среднем как часто?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных), 2018 и 2023 гг.**

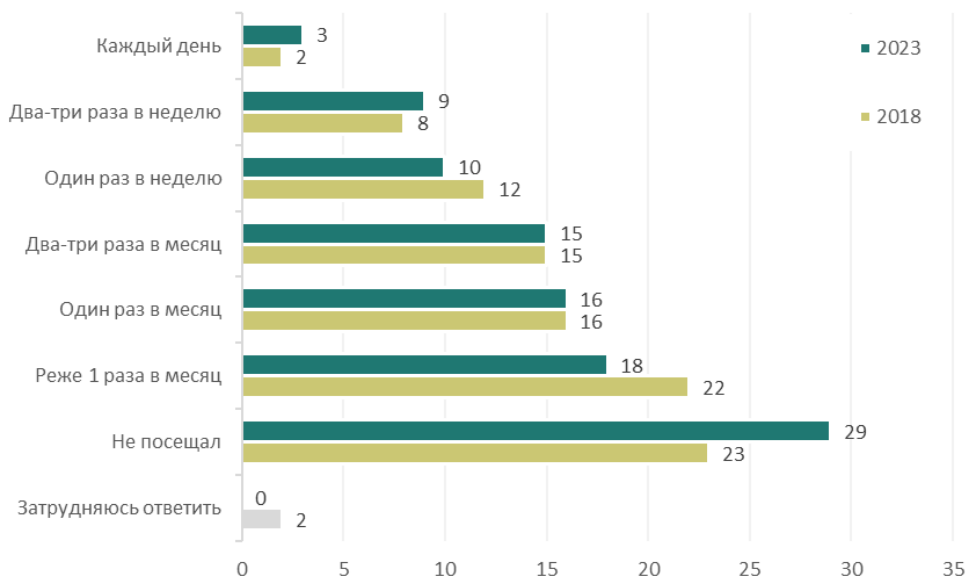
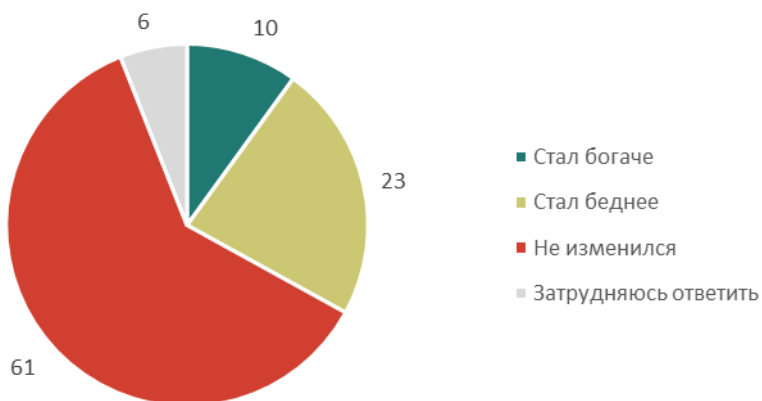

Рис. 2. **Как, по-Вашему, изменился ассортимент товаров в торговых центрах за последние полгода? Стал богаче, беднее или не изменился?** (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто посещал ТЦ за последний год)

ОБУЧЕНИЕ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

18 августа 2023 г.

Рынок труда активно меняется вслед за развитием технологий. Помимо высокой квалификации он требует от работников готовности актуализировать знания, осваивать новые навыки или вовсе менять сферу деятельности.

Абсолютное большинство россиян убеждены, что для карьерного роста необходимо регулярно повышать свою квалификацию (92%), с 2019 г. доля сторонников этой позиции не изменилась (2019 г. — 93%). В наши дни ее с одинаковой частотой разделяют мужчины и женщины (91% и 93% соответственно), молодежь и старшее поколение (90-92% среди 18-34 летних и 92% в группе старше 60 лет), жители обеих столиц и сел (93% и 94% соответственно). При этом чем выше уровень образования и достатка, тем чаще россияне признают важность непрерывного обучения для продвижения по карьерной лестнице. В группе высокообразованных согласны с утверждением 94% (против 85% среди имеющих неполное среднее образование), в группе материально обеспеченных — 93% (против 88% среди «бедных»).

Дополнительное профессиональное образование стало более востребовано среди россиян за последние 15 лет: доля имеющих опыт профессиональной переподготовки после завершения основного образования выросла за этот период с 41% до 49%. Более четверти опрошенных проходили курсы повышения квалификации один-два раза (28%), каждый пятый — более трех раз (21%, 2008 г. — 15%). То есть основной вклад в прирост показателя внесли те, кто имеет многократный опыт профессиональной переподготовки. Ни разу не обновлял профессиональные знания после завершения основного образования каждый второй опрошенный (50%, 2008 г. — 55%), среди молодежи 18-24 лет и россиян с неполным средним образованием таких большинство (83% и 92% соответственно), возможно, потому что мало кто из них успел накопить достаточный профессиональный опыт, чтобы возникла потребность в повышении квалификации.

Рост интереса россиян к курсам повышения квалификации едва ли обусловлен нехваткой знаний и навыков для успешного выполнения своих профессиональных обязанностей — как и 15 лет назад, их считает достаточными каждый второй опрошенный (51%, 2008 г. — 47%), в том числе каждый пятый убежден в этом в полной мере («безусловно достаточно») — 22%. Заявили об обратном еще 14% (2008 г. — 14%). Чаще других нехватку профессиональных знаний и навыков испытывают молодые люди 18-24 лет (22%), что в целом неудивительно — многие в этом возрасте только получают высшее образование или устраиваются на первое место работы. Еще 35% россиян ответили, что в настоящее время не работают.

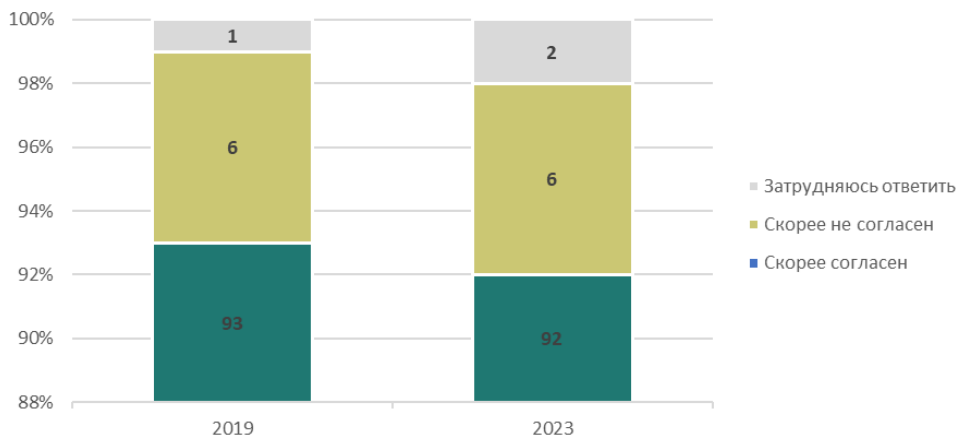
Максимум уверенных в своей квалификации пришелся на работников бюджетных организаций (86% против 78% среди трудоустроенных в коммерческом секторе). Показатель также выше среди мужчин (60% против 45% женщин), граждан активного трудоспособного возраста (65-70% среди 25-59-летних) с высшим и неоконченным высшим образованием (63%) и хорошим материальным положением (65%).

На сегодняшний день более половины наемных работников довольны организацией обучения на рабочем месте (61%), еще 12% ответили, что предостав-

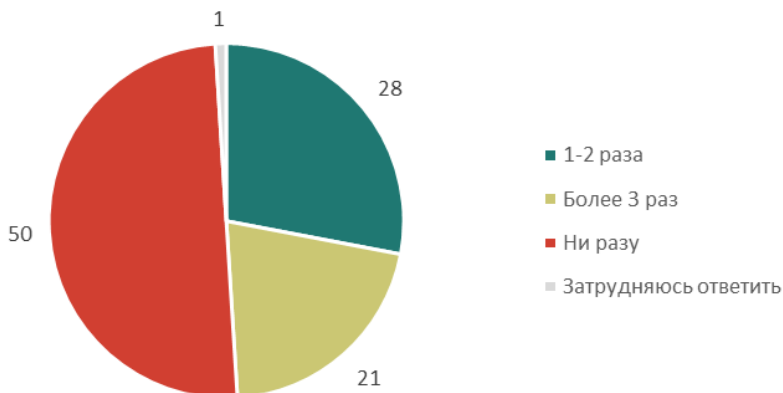
ляемая работодателем возможность получить дополнительные знания и навыки не удовлетворяет их запросы. В общей сложности 73 % работающих в найме россиян могут пройти профессиональное обучение за счет работодателя. Не имеют такой возможности 23 %.

Удовлетворенность предоставляемым работодателем обучением выше среди россиян моложе 45 лет (18-24 лет — 68 %, 25-44 лет — по 65 %), со средним специальным образованием и выше (61-64 %) и высоким достатком (74 %).

Рис. 3. Вы согласны или нет с тем, что для карьерного роста необходимо регулярно повышать свою квалификацию, непрерывно заниматься обучением? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных), 2019 и 2023 гг.

Рис. 4. Проходили ли Вы после завершения основного образования профессиональную переподготовку, курсы повышения квалификации с тех пор? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2248](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248)**Д. Б. Тев****ДЕПУТАТЫ ФРАКЦИЙ ЕДИНОЙ РОССИИ И КПРФ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КАРЬЕРЫ ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ****Правильная ссылка на статью:**

Тев Д. Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217—238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>.

For citation:

Tev D. B. (2023) Deputies of the United Russia and CPRF Fractions in the State Duma: A Comparative Analysis of Careers after Leaving Office. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. (In Russ.)

Получено: 06.06.2022. Принято к публикации: 27.06.2023.

ДЕПУТАТЫ ФРАКЦИЙ ЕДИНОЙ РОССИИ И КПРФ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАРЬЕРЫ ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ

ТЕВ Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: denis_tev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

DEPUTIES OF THE UNITED RUSSIA AND CPRF FRACTIONS IN THE STATE DUMA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CAREERS AFTER LEAVING OFFICE

Denis B. TEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: denis_tev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5442-7585>

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ карьер депутатов фракций «Единой России» и КПРФ после ухода из Госдумы. Эмпирической основой исследования послужила биографическая база данных Госдумы IV—VI созывов. Анализ выявил значимые межфракционные различия в посткарьере депутатов. «Единороссы» чаще переходят в административные органы (обычно на элитные должности) и бизнес (заметное меньшинство входит в состав общенациональной экономической элиты). Коммунисты чаще работают в аппарате представительных органов и заседают в региональных парламентах, избрание в которые остается для них основной возможностью сохранить властный статус и принадлежность к элите после ухода из Государственной Думы. В целом посткарьера депутатов КПРФ носит более выраженный политический характер, чем у законодателей из «Единой России». Межфракционные карьерные различия, вероятно, во многом объясняются идеологией и местом рассматриваемых партий в политической системе. Кроме того, особенности посткарьеры депутатов обеих партий в значительной мере связаны с их профессиональным опытом до вхожде-

Abstract. The article analyses careers of the deputies of the United Russia and the Communist Party (CPRF) factions after leaving the State Duma. Empirically, the study bases on the biographical database of the State Duma of the 4th, 5th, and 6th convocations. The study revealed significant inter-factional differences in the deputies' post-career trajectories. United Russia members are more likely to move to administrative bodies (usually to elite positions) and business (a noticeable minority is part of the national economic elite). Communists more often work in the apparatus of representative bodies and in regional legislatures, election to which remains their main opportunity to maintain power status and belonging to the elite after leaving the State Duma. In general, the post-career of Communist Party deputies has a more pronounced political accent than that of the legislators from United Russia. Factional career differences might probably occur due to the ideology and place of the parties in the political system. In addition, the features of the post-career of the deputies of both parties are largely related to their professional experience before entering the State Duma. Finally, the age of retirement from the State Duma partly explains the career differ-

ния в Госдуму. Наконец, возраст ухода с должности также отчасти объясняет карьерные различия между фракциями. Специфика посткарьеры депутатов может быть связана с политикой партий. Работа депутатов от «Единой России» в административных органах и коммерческих организациях после ухода с парламентской должности способствует сближению политики партии с интересами данных структур. Относительная редкость таких переходов среди депутатов КПРФ, напротив, — автономизации ее политики от соответствующих интересов.

Ключевые слова: депутаты, Единая Россия, КПРФ, карьера, бизнес, администрация, Государственная Дума

ences between the factions. The work of deputies from United Russia in administrative bodies and commercial organizations after leaving parliamentary positions contributes to the convergence of the party's policy with the interests of these structures. The relative rarity of such transitions among the deputies of the Communist Party, on the contrary, might indicate the autonomization of its policy from the corresponding interests.

Keywords: deputies, United Russia, KPRF, career, business, administration, State Duma

Введение

Фракционные (партийные) особенности карьеры депутатов после их ухода с парламентской должности заслуживают внимания, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, благодаря информации о них становится яснее место, занимаемое той или иной партией в рамках общественно-политической системы. В частности, характер взаимоотношений партии с органами исполнительной власти, бизнесом и другими институтами (и контролирующими их элитами), в которых могут быть заняты бывшие депутаты. Карьерные переходы законодателей после отставки можно рассматривать и как способ проявления, а также закрепления этих отношений, и как важный показатель их особенностей. Словом, профессиональные траектории бывших парламентариев могут многое сказать о характере их партий.

Во-вторых, карьерные траектории позволяют лучше понять политику партии и ее парламентской фракции, поскольку парламентарии, исходя из соображений будущей карьеры, могут приспособлять свое поведение к интересам потенциальных работодателей, в том числе в ущерб интересам избирателей. В качестве таких работодателей выступают, например, коммерческие организации, и, как отмечает М. Верфель, «если политики, находясь в парламенте, уже имеют амбиции войти в частный сектор, это может оказать влияние на их работу, и может возникнуть конфликт интересов, что повлияет на качество работы законодательного органа» [Würfel, 2017: 296]. Однако законодатели могут благоволить также и тем органам политико-административной власти, в которые они стремятся перейти после ухода из парламента. В этом смысле показательны результаты ряда зарубежных исследований. Так, К. Превитт и В. Ноулин на примере членов

городского совета области залива Сан-Франциско в США показали, что те из них, у кого есть амбиции, связанные с занятием более высокой должности, склонны поощрять программы, приводящие к расширению прерогатив и увеличению обязанностей вышестоящих должностей [Prewitt, Nowlin, 1969: 306]. В свою очередь, Д. Самуэльс установил, что бразильские депутаты, нацеленные на постпарламентскую карьеру на должностях уровня штатов, склонны лоббировать интересы соответствующих правительств в бюджетном процессе [Samuels, 2003: 134—156]. В связи с этим представляется, что типичность для депутатов конкретной политической партии (и соответствующей парламентской фракции) посткарьереры в тех или иных институтах может быть связана с особенностями ее политики.

Обзор литературы

Несмотря на значимость рассматриваемого предмета исследования, в научной литературе ему уделено сравнительно мало внимания. Гораздо больше известно о карьере депутатов (за рубежом и в России), предшествующей вхождению в должность, включая ее партийные особенности [Cotta, Best, 2007; Гаман-Голутвина, 2006; Тев, 2012; 2017; Кунев, 2022], чем об их последующей профессиональной судьбе.

В России хотя и было проведено исследование карьеры депутатов Государственной думы (далее — ГД) после окончания полномочий, его предметом стали общие тенденции (в частности, показана широкая распространенность переходов в административные органы и бизнес, а также из нижней палаты Федерального собрания в верхнюю), тогда как партийные (фракционные) особенности не затрагивались [Тев, 2018].

В развитых капиталистических демократиях в последнее десятилетие выполнен ряд исследований, посвященных карьере экс-парламентариев в бизнесе и затрагивающих проблематику межпартийных различий. В частности, изучалась постпарламентская карьера членов германского бундестага и было выявлено, что принадлежность как к правящей партии, так и к партии с дружественной бизнесу идеологией значимо не повышает вероятность работы на более привлекательной позиции в частном секторе после ухода из парламента [Würfel, 2017]. К сходным выводам привел и анализ карьеры нидерландских парламентариев [Claessen, Bailer, 2015]. В то же время примечательно, что, как показало вышеупомянутое исследование депутатов ФРГ, их принадлежность Левой партии (Die Linke) для многих членов которой характерны антикапиталистические взгляды, оказалась негативно связана с успешной посткарьерой в частном секторе [Würfel, 2017].

Еще одна недавняя работа посвящена карьере в частном секторе бывших членов нижней палаты парламента Ирландии. Наряду с общими закономерностями (например, показано, что парламентарии, имеющие предшествующий опыт в бизнесе, чаще работают в нем после отставки) были выявлены и межпартийные различия. Так, депутаты от либеральных и консервативных партий гораздо чаще, чем депутаты от Лейбористской партии, работали в частном секторе после ухода с должности [Baturo, Arlow, 2017]. В свою очередь, исследование британских парламентариев также выявило, что бывшим членам Палаты общин от Консервативной партии удавалось использовать свой парламентский опыт и связи для

получения выгодных постпарламентских должностей директоров и консультантов в бизнесе, тогда как их коллегам-лейбористам — нет [Eggers, Hainmueller, 2009]. При этом другое исследование британских парламентариев указывает на отсутствие значимых межпартийных различий с точки зрения типа и сектора занятости после ухода из легислатуры [Byrne, Theakston, 2016].

Наконец, исследование итальянских депутатов выявило, что представители левоцентристской коалиции (особенно когда она была правящей) с большей вероятностью, чем правоцентристы, назначались в советы директоров государственных предприятий. Это, по мнению авторов, было обусловлено как идеологическими различиями (идеология левоцентристов, ориентированная на социальное обеспечение, сближает их с целями госсектора), так и особенностями предпарламентского опыта (левоцентристы чаще приходят из госсектора, а правоцентристы — из частного сектора, с соответствующим различием навыков, облегчающих последующую занятость) [Quaresirria et al., 2020].

В целом, несмотря на неоднозначность полученных результатов, некоторые зарубежные работы показали, что: а) партийная и фракционная принадлежность парламентариев может выступать фактором, дифференцирующим их карьеру после ухода из легислатуры; б) различия между партиями в плане идеологии, места в системе власти, бассейна рекрутирования законодателей могут влиять как на возможности, так и на мотивацию их депутатов занимать те или иные позиции после отставки.

Предмет и гипотезы исследования

Принимая во внимание результаты зарубежных исследований, логично задать вопрос, насколько существенны межпартийные различия в посткарьере российских парламентариев. Ответ на этот вопрос не только позволил бы выявить специфику посткарьеры членов отдельных партий и определяющие ее факторы, но и лучше понять, особенности функционирования самих партий. Таким образом, цель данной работы — выяснить, в каких именно *социально-профессиональных группах* (например, бизнесмены, чиновники и т. д.) оказываются депутаты ГД от различных фракций после своего ухода из нижней палаты.

Для реализации этой цели был проведен сравнительный анализ постдумской карьеры депутатов от «Единой России» (ЕР) и КПРФ. Сравнение этих двух самых многочисленных фракций ГД представляет особый интерес в силу существенных различий между двумя партиями, которые могут обуславливать значительные расхождения в посткарьере их депутатов. «Единая Россия», которую называют «доминирующей партией», «партией власти», «партией бюрократии», сращена с административным аппаратом и во многом является придатком исполнительной власти, инструментом административного контроля над избирательным и законодательным процессом [Slider, 2010; Golosov, 2011; Makarenko, 2012; Gill, 2012; Roberts, 2012; Reuter, 2017]. Тот факт, что с этой партией тесно связан нынешний президент (являясь формально беспартийным, В. В. Путин, будучи премьер-министром в 2008—2012 гг., занимал пост председателя ЕР и выдвигался от нее на выборах главы государства в 2012 г.) и к ней принадлежат многие министры, подавляющее большинство глав регионов и другие должностные лица, контролирующие

процесс назначения на нижестоящие административные посты, должен облегчать доступ ее депутатов к таким позициям, расширять возможности их посткарьеры в административной сфере. Также депутаты от ЕР, являющейся наиболее электорально популярной партией и обладающей мощным административным ресурсом, имеют и больший доступ к формально выборным позициям в системе исполнительной власти, таким как ныне посты большинства губернаторов и некоторых глав местных администраций.

В свою очередь, КПРФ — умеренно оппозиционная партия, значительно уступающая ЕР и в плане поддержки избирателей, и в плане административного ресурса. В силу этого доступ ее депутатов к формально выборным исполнительным постам должен быть ограничен, хотя в некоторых регионах, где электоральные позиции КПРФ сильны, ее представители могут занимать должности губернаторов и мэров, иногда даже вопреки сопротивлению федеральной власти. Тот факт, что представители КПРФ редко оказываются на ключевых постах в административной системе на федеральном и региональном уровне, обладатели которых контролируют назначение на нижестоящие должности, также должен затруднять доступ ее депутатов к бюрократическим позициям.

Кроме того, на основании предыдущих исследований состава ГД можно предположить, что в сравнении с депутатами от КПРФ среди «единороссов» больше выходцев из чиновничества, шире распространен предшествующий вхождению в ГД административный опыт [Тев, 2017: 59—60; Kynev, 2022]. Депутаты с таким опытом могут обладать соответствующей компетентностью и связями в бюрократической системе, облегчающими доступ к административным должностям, и после ухода из ГД. Для депутатов — выходцев из чиновничества избрание в ГД в некоторых случаях становится возможностью переждать непростые времена, дождавшись нового назначения на административный пост или же, приобретя на депутатской должности известность и ценные связи в органах власти, обеспечить себе доступ к более высоким административным постам.

Наконец, могут иметь значение и возрастные различия. Исследования региональных заксобраний показали, что среди депутатов КПРФ особенно много персон пожилого возраста (60 лет и старше) [Тев, 2012: 55—56]. Между тем существуют формальные, установленные законом возрастные ограничения на пребывание в должностях государственной гражданской службы (хотя, например, в отношении государственных должностей, таких как федеральные министры и губернаторы, они не предусмотрены). В любом случае старший возраст и связанное с ним ухудшение состояния здоровья могут ограничивать возможности полноценной карьеры в административной сфере.

Исходя из этого, можно сформулировать гипотезу 1: *среди депутатов от КПРФ опыт работы в административных органах различного уровня после ухода из ГД встречается значительно реже, чем у бывших депутатов от ЕР.*

Тот факт, что ЕР является «партией власти», а КПРФ, пусть и весьма умеренно, но оппозиционной партией, может иметь существенное значение также и для посткарьеры их депутатов в бизнесе. Парламентарии от доминирующей партии обычно располагают более широкими и тесными связями с высокопоставленными чиновниками (часто принадлежащими к той же партии), большим доступом

к ним и в силу этого полезны бизнесу в качестве лоббистов и, соответственно, сильнее востребованы им. В свою очередь, даже осторожная оппозиционность КПРФ может отпугивать потенциальных работодателей из бизнеса, опасаясь, что такие политические связи окажутся вредными для накопления капитала, спровоцировав враждебность чиновников. Кроме того, парламентарии от фракции ЕР, преобладающей в ГД, чаще занимают руководящие парламентские посты (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов). Высокая законодательная должность может благоприятствовать накоплению ее обладателями более широких и тесных, чем у рядовых депутатов, связей с чиновниками и, благодаря этому, большей востребованности в бизнесе [Claessen, Bailer, 2015; Würfel, 2017], хотя это предположение нуждается в специальной проверке. Наконец, более значительные связи депутатов от ЕР в административных органах могут быть обусловлены и тем, что они, вероятно, чаще депутатов от КПРФ имеют предшествующий избранию в ГД бюрократический опыт. Такие связи должны особенно повышать шансы трудоустройства депутатов на государственные предприятия, где рекрутирование руководства очень сильно зависит от административных структур.

Определенную роль в отношении перспектив посткарьеры в коммерции может играть и партийная идеология, которая в разной степени совместима с практикой «вращающихся дверей» между политикой и бизнесом. ЕР, несмотря на ее идеологическую аморфность и прагматизм, является скорее правоцентристской, консервативной¹ партией [Макаренко, 2009: 20]. В то время как КПРФ, будучи скорее правой в социально-культурном отношении, в области социально-экономической политики придерживается относительно левой программы и выдвигает антикапиталистические лозунги² (об особенностях ее идеологии см.: [Sakwa, 1998; Flikke, 1999; March, 2002; Gelman, 2005; Perepetchko et al., 2011]). Хотя КПРФ давно пользуется некоторой поддержкой в деловой среде, особенности ее идеологии могут отпугивать потенциальных работодателей из бизнеса. Руководство фирм может сомневаться в том, что депутаты, политически социализированные в критическом по отношению к бизнесу и капитализму духе, будут действовать в интересах компаний [Würfel, 2017]. Прием на работу таких политиков может служить плохим сигналом партнерам по бизнесу. С другой стороны, такая идеология в некоторых случаях снижает вероятность выбора самими парламентариями карьеры в частном секторе, повышая их чувствительность к конфликту интересов [Eggers, Hainmueller, 2009: 18]. Впрочем, роль идеологии КПРФ как фактора, затрудняющего посткарьеру в бизнесе, не следует преувеличивать, учитывая как хорошо известный оппортунизм этой партии и ее лидеров, так и то, что она фактически не выступает против частной собственности как таковой и ратует за смешанную экономику. Говоря о значении идейно-политической близости к бизнесу для посткарьеры, нужно, наконец, отметить, что она также может способствовать накоплению партиями и отдельными парламентариями связей в деловой среде, которые облегчают движение кадров из парламента в коммерческую сферу. В целом у ЕР, в силу различных факторов (среди которых на первом месте, конечно,

¹ Единая Россия. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/edinaia-rossiia-b7486d> (дата обращения: 10.08.2023).

² См.: Программа партии. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 17.12.2022).

не идеология, а статус доминирующей партии), такие связи заметно шире и теснее, чем у КПРФ. Это показывают и источники их финансирования [Wilson, 2007; Коргунюк, 2010; Hutcheson, 2012], и доля выходцев из бизнеса среди депутатов от этих партий [Тев, 2017: 62].

То, что предшествующий опыт работы в бизнесе чаще имеется у депутатов от ЕР, чем у коммунистов, повышает вероятность их карьеры в коммерческой сфере после ухода из ГД. Во-первых, парламентарии с таким опытом могут быть более востребованы фирмами, поскольку они обычно обладают релевантными компетенциями и дружественными по отношению к бизнесу установками. Во-вторых, в силу особенностей своей предшествующей профессиональной социализации эти парламентарии сами могут быть более мотивированы к подобной посткарьере. В целом такие люди нередко избираются в парламент с целью содействия своему бизнесу или накопления связей и влияния, повышающих их шансы на последующее выгодное трудоустройство в коммерческом секторе. Они могут использовать парламентские позиции в качестве трамплина к высокооплачиваемым позициям в крупных фирмах. В-третьих, сложившиеся в ходе предшествующей бизнес-карьеры связи в деловой среде могут быть важным фактором рекрутирования на видные посты в компаниях после ухода из ГД. Наиболее очевидны эти связи в том случае, когда парламентарии, заседая в ГД, продолжают владеть фирмами, сохраняя контроль над ними. После отставки многие такие депутаты могут просто возвращаться в свой бизнес.

Важным фактором, влияющим на перспективы карьеры в бизнесе после ухода из ГД, является возраст. Некоторые предыдущие исследования показали, что во фракциях КПРФ особенно много пожилых депутатов [Тев, 2012: 55—56]. Хотя в отличие от административной сферы в бизнесе обычно нет формальных возрастных ограничений на занятие должностей, пожилой возраст (и связанные с ним проблемы со здоровьем) может препятствовать полноценной карьере в компаниях, которые, при прочих равных условиях, склонны нанимать относительно молодых и в этом смысле более перспективных сотрудников.

На основании этих соображений можно сформулировать гипотезу 2: *среди депутатов от КПРФ посткарьера в коммерческой сфере распространена значительно реже, чем среди «единороссов».*

Наконец, говоря о посткарьере депутатов ГД от ЕР и КПРФ в представительных органах, важно отметить следующее. Что касается членства в СФ, то число вакансий в верхней палате более ограничено, чем в администрации и бизнесе, учитывая, что депутатов-коммунистов гораздо меньше, чем депутатов от ЕР, при прочих равных условиях им должно быть относительно легче попасть в сенат. Однако прочие условия не равны. ЕР включает в свои ряды подавляющее большинство губернаторов и доминирует почти во всех региональных законодательных собраниях, направляющих своих представителей в СФ. Также с этой партией аффилирован президент, чья администрация контролирует отбор сенаторов. Так что доступ «единороссов» в сенат должен быть шире, чем у коммунистов. Некоторые возможности КПРФ продвигать своих членов в СФ связаны с тем, что в ряде регионов ее представители являются губернаторами. Кроме того, выходцы из компартии, включая ее думскую фракцию, могут делегироваться в СФ губернатора-

ми, связанными с ЕР, в рамках стратегии кооптации оппозиции. Говоря о членстве бывших депутатов ГД от КПРФ в региональных законодательных собраниях, следует отметить, что, учитывая ограниченность возможностей посткарьеры коммунистов в административной сфере и бизнесе, переход в эти органы остается для них самой реальной и довольно привлекательной возможностью сохранить после ухода из ГД принадлежность к власти и элитный статус. Такой законодательной карьере способствуют существенная электоральная поддержка КПРФ и известность депутатов ГД в регионах. Напротив, для депутатов от ЕР, у которых возможности трудоустройства на выгодные позиции в административной и коммерческой сферах гораздо шире, переход в региональные ЗС (нисходящая законодательная карьера) будет значительно менее привлекательной опцией. Кроме того, согласно данным исследований состава ГД, предшествующий избранию в нижнюю палату опыт работы в региональных и местных legislatures шире распространен среди коммунистов, чем членов фракции ЕР [Тев, 2017: 57]. Наличие такого опыта может способствовать переходу в эти органы после выбытия из ГД.

Возраст и в этом аспекте может иметь важное значение. Если депутаты от КПРФ действительно чаще, чем представители ЕР, покидают ГД в пожилом возрасте, то работа в региональных законодательных органах может оставаться для них сравнительно доступным вариантом посткарьеры, учитывая отсутствие установленных законом возрастных ограничений (в отличие от госслужбы) и, вероятно, менее обременительный характер депутатской работы (особенно на непостоянной основе) в сравнении с административной деятельностью и работой на исполнительных должностях в бизнесе.

Исходя из этих соображений, можно сформулировать гипотезу 3: *среди депутатов-коммунистов посткарьеря в региональных законодательных собраниях более распространена, чем среди «единороссов», тогда как доступ в СФ, напротив, шире у представителей «партии власти».*

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, содержащая сведения обо всех депутатах ГД IV, V и VI созывов, которые выбыли из нее к середине сентября 2021 г. (за исключением тех, кто умер в должности и поэтому в принципе не мог иметь последующей карьеры) и при этом на момент окончания полномочий входили в состав фракций ЕР или КПРФ. Надо отметить, что некоторые парламентарии дважды выбывали из ГД (15 депутатов ЕР и 2 депутата КПРФ) и, соответственно, были учтены в исследуемой совокупности дважды (ее количественные характеристики отражены в табл. 1 и 2).

Таблица 1. **Параметры исследуемой совокупности, человек**

Фракции	Количество депутатов
ЕР	543
КПРФ	100

Таблица 2. **Распределение депутатов фракций ЕР и КПРФ по периодам выбытия из ГД, человек**

Период выбытия	ЕР	КПРФ
В течение или по окончании IV созыва	164	18
В течение или по окончании V созыва	225	11
В течение или по окончании VI созыва*	146	68

* Кроме того, в исследуемую совокупность включены восемь депутатов ЕР и три депутата КПРФ, заседавших в ГД VI созыва, а затем избранных в ГД VII созыва, но покинувших ее досрочно (до середины сентября 2021 г.).

Метод исследования можно определить как структурно-биографический анализ, так как социально-профессиональная структура постдумской занятости депутатского корпуса изучалась в связи с биографией персон, его составляющих [Быстрова и др., 2008: 158]. На каждого из парламентариев была заполнена анкета, содержащая, в частности, такие сведения, как дата рождения, тип образования и карьерный путь — как до избрания в ГД, так и после выбытия из нее. Источниками информации служили официальные сайты органов власти, коммерческих и других организаций, материалы СМИ, биографические интернет-порталы³ и т. д. Имеющиеся в этих источниках данные о карьере депутатов после ухода из ГД нередко были неполными и даже фрагментарными. Более того, в некоторых случаях (у 12 % депутатов ЕР и 14 % депутатов КПРФ) вообще отсутствовала информация о какой-либо работе (оплачиваемой или на общественных началах) после ухода с должности. Отсутствие в открытых источниках сведений о постдумской занятости далеко не обязательно означает, что эти данные носят скрытый, недоступный для исследователя характер. В частности, многие депутаты (особенно из фракции КПРФ), как показано в таблице 3 покидали ГД уже в сравнительно пожилом возрасте и, уйдя на пенсию (как указано в некоторых биографиях), могли не иметь последующей оплачиваемой занятости.

Таблица 3. **Доля депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100), покинувших ГД в пожилом возрасте, в % по каждой партии**

Фракции	Возраст выбытия из ГД	
	60 лет и старше	65 лет и старше
ЕР	31	12
КПРФ	56	36

В целом хотя бы минимальные сведения о персонах, занимающих некоторые заметные властные должности (депутаты разных уровней, более или менее высокопоставленные федеральные и региональные чиновники, руководители более или менее крупных компаний), сравнительно доступны. Их отсутствие в открытых источниках применительно к тому или иному бывшему парламентария, скорее всего, означает, что он такие позиции не занимал.

Учитывая эти обстоятельства, представляется целесообразным при всех дальнейших подсчетах принимать в качестве N общее количество депутатов каждой

³ К ним относятся: viperson.ru, lobbying.ru, labyrinth.ru.

фракции, покинувших ГД, не исключая тех парламентариев, сведения о занятости которых после отставки обнаружить не удалось (см. табл. 1). При этом следует признать, что неполнота биографической информации заставляет с некоторой осторожностью относиться к полученным выводам.

Что касается характеристик посткарьеру депутатов, то в исследовании использовались такие показатели, как опыт работы в той или иной сфере занятости после ухода из ГД и первая известная работа в данной сфере после ухода из ГД. С их помощью можно выяснить не только, к каким позициям парламентская должность служит трамплином, но и каков общий характер карьеры после ухода с нее. В качестве исследуемых сфер занятости выступили прежде всего административные структуры, представительные органы и бизнес, соответствующие трем основным фракциям властной элиты — административной, политической и экономической.

Результаты исследования

В таблице 4 показана распространенность опыта работы депутатов фракций ЕР и КПРФ в исследуемых сферах занятости после выбытия из ГД.

Таблица 4. Работа депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) в рассматриваемых сферах занятости после ухода из ГД, в % по каждой партии*

Сфера занятости	ЕР		КПРФ	
	Наличие опыта	Первая известная должность*	Наличие опыта	Первая известная должность*
Административные структуры	30	22	7	6
Представительные органы	22	12	31	20
Коммерческие организации	40	21	13	10

* Сумма цифр в этих столбцах меньше 100%, поскольку депутаты после ухода с должности работали не только в исследуемых в данной статье сферах занятости, но и в ряде других институций, включая общественные организации, фонды, учреждения науки, образования, здравоохранения и культуры, партии, адвокатские образования и пр.

Как видим, если среди «единороссов» наиболее распространена посткарьеру в коммерческой сфере и административных органах, то среди коммунистов — членство в органах представительной власти. При этом следует отметить, что для части депутатов (особенно ЕР) характерны смешанные посткарьеру, то есть наличие опыта работы в двух или более исследуемых сферах (см. табл. 5).

Таблица 5. Смешанные посткарьеру депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100), в % от числа каждой партии

Наличие опыта работы после ухода из ГД	ЕР	КПРФ
В административных структурах и составе представительных органов	7	1
В административных структурах и коммерческих организациях	9	1
В коммерческих организациях и составе представительных органов	7	4
В административных структурах, составе представительных органов и коммерческих организациях	1	0

В качестве примера можно привести депутата фракции ЕР В. В. Бобырева, который, покинув ГД, работал во всех трех сферах: сначала несколько месяцев был заместителем председателя правительства Омской области, затем депутатом поселкового совета в том же регионе и заместителем директора филиала ЗАО «РУСАЛ Глобал Менеджмент Б. В.» в Москве. Впрочем, для большинства депутатов все же характерно наличие после ухода из ГД опыта работы в каком-либо одном из трех рассматриваемых институтов власти, к анализу роли которых в пост-карьере парламентариев ЕР и КПРФ мы переходим.

Занятость в административной сфере после ухода из ГД

Таблицы 1 и 6 подтверждают гипотезу 1, так как из них видно, что после ухода из ГД в административных органах работала более значительная часть депутатов от ЕР, чем парламентариев-коммунистов. Это касается и опыта работы вообще, и, хотя в несколько меньшей степени, первой известной должности после ухода из ГД. Лишь в единичных случаях выходцы из фракций КПРФ занимали посты в административных органах, а именно, в полномочных представительствах президента в федеральных округах, региональных и местных администрациях.

Таблица 6. Работа депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) в административных органах после ухода из ГД, в % по каждой партии

Уровень администрации	ЕР		КПРФ	
	Наличие опыта	Первая известная должность	Наличие опыта	Первая известная должность
Федеральная	12	9	3	1
Региональная	18	11	5	4
Местная	3	2	1	1
Всего в административных органах	30	22	7	6

* Итоговая сумма меньше суммы чисел в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона могла в разное время работать в различных органах.

Кроме того, как видно из таблицы 7, бывшие депутаты от ЕР чаще коммунистов оказывались на элитных⁴ постах в федеральной или региональной администрации, в том числе, хотя здесь различия меньше, и сразу после ухода с парламентской должности

⁴ На федеральном уровне к элитным были отнесены должности руководителей федеральных органов исполнительной власти и их заместителей, а также директоров департаментов и руководителей территориальных органов ФОВИВ, руководителя, заместителей руководителя и начальников департаментов аппарата Правительства РФ, руководителя, заместителей руководителя и начальников управлений Администрации президента РФ, советников и помощников президента РФ, а также его представителей в органах власти и федеральных округах, и некоторые другие позиции. На региональном уровне это должности губернатора и председателя правительства и их заместителей, а также руководителей органов исполнительной власти субъектов РФ — министерств, комитетов и т. п.

Таблица 7. Работа депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) на элитных должностях в федеральной и региональной администрациях после ухода из ГД, в % по каждой партии

ЕР		КПРФ	
Наличие опыта	Первая известная должность	Наличие опыта	Первая известная должность
20	14	6	5

Следует отметить, что двадцать выходцев из фракций ЕР в ГД занимали должности глав регионов, как выборные, так и назначенные. Что касается КПРФ, то там, где электоральные позиции этой партии сильны, ее депутаты также смогли занять должности губернаторов или мэров (четыре случая), иногда даже вопреки сопротивлению федеральной власти. Среди них, например, бывший губернатор Иркутской области С. Г. Левченко и нынешний мэр Новосибирска А. Е. Локоть. То, что персоны, связанные с КПРФ, редко занимают ключевые должности в административной системе, обладатели которых контролируют назначение на нижестоящие позиции, также снижает шансы рекрутирования депутатов от КПРФ на бюрократические посты. В качестве исключения можно привести случай, когда после назначения представителя КПРФ бывшего депутата ГД А. Ю. Русских врио губернатора Ульяновской области один из экс-депутатов этой партии И. О. Эдель стал заместителем главы региона. Примечательно также, что назначение депутатов КПРФ на административные посты могло быть связано и с их разрывом с партией. Так, А. В. Багаряков покинул ГД после конфликта с Г. А. Зюгановым и стал заместителем председателя правительства Свердловской области, перейдя в ЕР⁵.

Как и предполагалось, среди депутатов ЕР значительно больше выходцев из чиновничества (см. табл. 8), что может способствовать их занятости в административных органах и после ухода из ГД. Однако депутаты ЕР, работавшие в администрации после выбытия из парламента, лишь чуть чаще (50%, N = 162) имели административный опыт, предшествующий вхождению в ГД, чем вся совокупность ее депутатов.

Таблица 8. Постсоветский опыт работы депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) в административных органах до вхождения в ГД, в % от числа каждой партии

Уровень администрации	ЕР	КПРФ
Федеральная	20	8
Региональная	27	8
Местная	13	11
Итого	46	24

* Итоговая сумма меньше суммы чисел в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона могла в разное время работать в различных органах власти.

Наконец, на межпартийные различия в плане административной посткарьеры влияет возраст. Как показано в таблице 3, среди депутатов КПРФ гораздо боль-

⁵ Багаряков Алексей // ДОЯР. 2021. URL: <https://doyar.org/doiinyj-zal/bagaryakov-aleksej.html> (дата обращения: 19.04.2021).

ше тех, кто покинул ГД в пожилом возрасте (60 лет и старше), это значительно ограничивает возможности посткарьеры в административной сфере. Впрочем, несмотря на то что возрастные различия значительны, они не объясняют полностью разную степень распространенности административного опыта среди бывших депутатов данных фракций. Ведь даже если учитывать только тех депутатов, которые покинули ГД в возрасте до 60 лет, обнаруженная тенденция сохранится, хотя и в существенно меньшей степени (см. табл. 9).

Таблица 9. Работа депутатов ЕР (N = 372) и КПРФ (N = 44), выбывших из ГД в возрасте младше 60 лет, в административных органах после ухода из нижней палаты парламента, в % по каждой партии

ЕР	КПРФ
36	14

Типичность для депутатов ЕР постдумской занятости в административной сфере упрочивают ее статус «партии власти», сращенной с бюрократическим аппаратом. Такие карьерные перспективы могут побуждать депутатов-единороссов еще больше приспосабливать свою политику к интересам бюрократии разного уровня (и этот фактор может сильно сказываться на функционировании ГД в целом, поскольку у ЕР в ней большинство). В то же время нетипичность, исключительность бюрократической посткарьеры для коммунистов закрепляет «периферийность» положения КПРФ в политической и государственной системе, ее относительную дистанцированность от административной власти.

Занятость в коммерческой сфере после ухода из ГД

Таблицы 1 и 10 подтверждают гипотезу 2. Подобно административному треку, опыт работы в бизнесе (коммерческих организациях) после ухода из ГД значительно более распространен среди депутатов от ЕР (для которых он довольно типичен), чем среди коммунистов⁶.

Таблица 10. Работа депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) в коммерческих организациях после ухода из ГД, в % по каждой партии

Тип позиции	ЕР		КПРФ	
	Наличие опыта	Первая известная должность	Наличие опыта	Первая известная должность
Ключевая	37	18	13	10
Любая (включая ключевые)	40	21	13	10

Компании, в которых оказывались экс-депутаты, находятся как в государственной, так и в частной собственности и имеют разнообразную отраслевую принадлежность. Заметное меньшинство (9%, N = 543) бывших депутатов «партии власти»

⁶ Также следует отметить, что у 3% «единороссов» первой известной позицией после ухода из ГД была должность в бизнес-ассоциации (среди выходцев из фракций КПРФ таких нет).

работали в крупнейших компаниях России (согласно рейтингам журнала «Эксперт»), занимали в них ключевые посты, входили в экономическую элиту общенационального уровня (6%). Среди коммунистов таких депутатов нет. Интересно также, что некоторые бывшие депутаты ЕР отвечали в фирмах за связи с органами власти, что показывает природу интереса к ним со стороны бизнеса.

Предшествующий избранию в ГД опыт работы в бизнесе также заметно чаще встречается среди депутатов от ЕР, чем среди коммунистов (см. табл. 11).

Таблица 11. Постсоветский опыт работы депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) на ключевых постах* в коммерческих организациях до вхождения в ГД, в % по каждой партии

ЕР	КПРФ
54	41

* К ключевым были отнесены позиции генерального директора, президента, председателя правления и их заместителей, члена совета директоров, директора по направлению, индивидуального предпринимателя.

В целом наличие такого опыта повышает вероятность карьеры в бизнесе после выбытия из ГД для представителей обеих партий: предшествующий опыт работы на ключевых должностях в коммерческой сфере шире распространен (особенно в КПРФ) среди депутатов, которые после ухода из парламента занимали такие должности, чем во всей их совокупности (см. табл. 12).

Таблица 12. Предшествующий постсоветский опыт работы на ключевых постах в коммерческих организациях среди депутатов фракций ЕР (N = 201) и КПРФ (N = 13), занимавших ключевые позиции в таких организациях после ухода из ГД, в % по каждой партии

ЕР	КПРФ
65	85

Межпартийные различия в плане распространенности посткарьеры в бизнесе сохраняются, хотя и в чуть меньшей степени, даже если рассматривать только депутатов, покинувших ГД в возрасте младше 60 лет (см. табл. 13).

Таблица 13. Работа депутатов ЕР (N = 372) и КПРФ (N = 44), выбывших из ГД в возрасте младше 60 лет, в коммерческих организациях после ухода из нижней палаты парламента, в % по каждой партии

ЕР	КПРФ
44	20

Представляется, что типичность для депутатов от ЕР постдумской занятости в коммерческой сфере, включая крупнейшие фирмы, отражает и подчеркивает статус «партии власти», тесно интегрированной не только с административным, но и с экономическим истеблишментом. Перспектива занятости в бизнесе может побуждать депутатов-единороссов, составляющих парламентское большинство, приспосабливать свою политику к различным коммерческим интересам своих потенциальных работодателей. В то же время относительная редкость

такой занятости среди коммунистов показывает, что КПРФ, декларирующая оппозиционность и левую направленность, слабее связана с интересами бизнеса, особенно крупного.

Занятость в политической сфере после ухода из ГД

Одним из важнейших типов занятости в политической сфере после ухода из ГД является членство в представительных органах, распространенность которого показана в таблице 14.

Таблица 14. Членство депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) в представительных органах после ухода из ГД, в % по каждой партии

Представительные органы	ЕР		КПРФ	
	Наличие опыта	Первая известная должность	Наличие опыта	Первая известная должность
Федеральное собрание	13	6	14	6
<i>В том числе:</i>				
Совет Федерации	8	5	5	5
Госдума (повторное вхождение)	7	1	9	1
Законодательные собрания субъектов РФ	13	6	21	14
Местные думы	2	1	1	1
Итого*	22	12	31	20

* Итоговая сумма меньше суммы чисел в предыдущих строках, поскольку одна и та же persona могла в разное время работать в различных органах власти.

Как видим, в отличие от работы в административных структурах и коммерческих организациях, законодательный опыт чаще встречается у депутатов-коммунистов. Однако ситуация варьирует по уровням представительных органов. В целом доступ в СФ немного шире у «единороссов»⁷, хотя непосредственно из нижней палаты в верхнюю перешла одинаковая доля депутатов обеих партий. Некоторые возможности КПРФ продвигать своих членов в СФ, как и ожидалось, связаны с тем, что ее представители являются губернаторами в ряде регионов, плюс выходцы из компартии, включая ее думскую фракцию, иногда делегируются в СФ губернаторами, связанными с ЕР, в рамках стратегии кооптации оппозиции. Например, довольно непопулярный губернатор Архангельской области от ЕР наделил сенаторскими полномочиями депутата ГД от КПРФ А. Н. Некрасова в обмен на отказ партии от выдвижения своего кандидата на выборах главы региона⁸.

⁷ Интересно, что количество выходцев из фракций ЕР с опытом работы в верхней палате ФС в восемь с лишним раз больше соответствующего числа коммунистов (43 депутата против 5 депутатов).

⁸ Галимова Н. КПРФ обсудила отказ от выборов в Архангельске в обмен на место сенатора // РБК.ru. 2020. 28 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2020/5e9eae3b9a7947eb3ba5cd6a> (дата обращения: 30.05.2020).

Как и утверждалось в гипотезе 3, депутаты КПРФ чаще имеют опыт работы в региональных парламентах после ухода из ГД (21 % против 13 % среди «единороссов», как видно из таблицы 14). Это неудивительно, учитывая ограниченность их возможностей занятости в административной и экономической сферах. Переход депутатов ГД в представительные органы более низкого, регионального и местного уровня можно определить как нисходящую законодательную посткарьеру. Вместе с тем высшие должности в региональных парламентах, прежде всего позиции спикеров, довольно влиятельны, престижны и высокооплачиваемы, поэтому переход на них можно считать повышением, карьерным ростом. Что характерно, такие перемещения имеют место только среди выходцев из фракций ЕР (пять случаев). Кроме того, важно отметить, что депутаты ГД, особенно от ЕР, используют региональные и местные парламентарии как трамплин к сенаторскому креслу, поскольку по закону членство в них является важным условием делегирования в СФ.

Наконец, как показывает таблица 15 (и демонстрировало предыдущее исследование [Тев, 2017: 57]), предшествующий избранию в ГД опыт работы в региональных парламентах шире распространен среди коммунистов, чем среди членов фракций ЕР.

Таблица 15. Членство депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПРФ (N = 100) в законодательных собраниях субъектов РФ и местных думах до вхождения в ГД, в % по каждой партии

Представительные органы	ЕР	КПРФ
Законодательные собрания	29	40
Местные думы	9	13
Итого	35	45

* Итоговая сумма меньше суммы чисел в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона могла в разное время работать в различных органах власти.

Этот опыт, по-видимому, позитивно связан с посткарьерой в заксобраниях, поскольку он чаще встречается среди тех депутатов обеих фракций (особенно КПРФ), которые и после ухода из ГД состояли в них, чем во всей их совокупности (см. табл. 16).

Таблица 16. Распространенность предшествующего избранию в ГД опыта членства в региональных парламентах среди депутатов фракций ЕР (N = 71) и КПРФ (N = 21), которые после ухода из ГД состояли в этих парламентах, в % по каждой партии

ЕР	КПРФ
42	81

Впрочем, стоит добавить, что занятость в политической сфере после ухода из ГД не исчерпывается членством в представительных органах. К ней также можно отнести работу в аппарате парламентарии и вообще на должностях, обеспечивающих деятельность депутатов (помощники и пр.). На этих позициях, как показано в таблице 17, также чуть чаще оказываются коммунисты.

Таблица 17. Работа депутатов фракций ЕР (N = 543) и КПрФ (N = 100) после ухода из ГД на должностях, обеспечивающих деятельность представительных органов и депутатов, в % по каждой партии

Фракции	Наличие опыта	Первая известная должность
ЕР	4	3
КПрФ	10	8

Кроме того, после отставки они чаще занимают только партийные посты: почти в четверти (23%) случаев их первой известной должностью (нередко на общественных началах) после ухода из ГД была партийная, не совмещенная с иной работой (среди выходцев из фракций ЕР таких случаев практически нет).

В сравнении с депутатами от «партии власти», посткарьеристы выходцев из фракции компартии в большей степени (и преимущественно) политическая, что неудивительно, учитывая обусловленную спецификой положения КПрФ в общественно-политической системе и другими ее особенностями ограниченность для них возможностей занятости в иных (административной и экономической) сферах.

Заключение

Исследование выявило существенные различия в посткарьере депутатов ГД, принадлежащих к фракциям ЕР и КПрФ, в социально-профессиональной структуре их постдумской занятости. «Единороссы» гораздо чаще становятся чиновниками, переходя в административные органы (обычно на элитные должности) или оказываются в бизнесе (причем заметное меньшинство занимает ключевые посты в крупных фирмах, входя в состав общенациональной экономической элиты). В свою очередь, коммунисты несколько чаще работают в аппарате представительных органов и заседают в региональных парламентах (нисходящая законодательная карьера), избрание в которые для них остается основной возможностью сохранить властный статус и принадлежность к элите после ухода из ГД. Также многие бывшие депутаты КПрФ сразу после отставки занимают только партийные посты. Хотя выходцев из фракции ЕР почти в пять с половиной раз больше, чем выходцев из фракции КПрФ, бывшие депутаты «партии власти» чуть чаще, чем коммунисты (соответственно, 38% и 35%), занимали после ухода из ГД элитные политико-административные позиции федерального или регионального уровня.

Межфракционные карьерные различия, вероятно, во многом объясняются особенностями места ЕР и КПрФ в системе власти, а также их идеологий, которые влияют на возможности и мотивацию депутатов к тому, чтобы занимать позиции в тех или иных сферах после отставки. В свою очередь, эти различия выявляют и закрепляют характер рассматриваемых партий: ЕР — как «партии власти», связанной с административным и экономическим истеблишментом и выражающей его интересы, а КПрФ — как партии, которая, декларируя (отчасти небезосновательно) свою оппозиционность и левую идеологическую направленность, относительно удалена от центров бюрократической и капиталистической власти и гораздо слабее связана с соответствующими группами доминирования.

Также особенности посткарьеры депутатов обеих партий в значительной мере связаны с профессиональным опытом до вхождения в ГД. Во всяком случае, предшествующий опыт работы в бизнесе и региональных legislatures гораздо более распространен среди депутатов, занятых в этих институтах после ухода из ГД, чем во всей совокупности законодателей.

Карьерные различия между фракциями отчасти объясняет возраст. То, что депутаты-коммунисты уходят из ГД в более пожилом возрасте, ограничивает возможности их посткарьеры, особенно в административной и экономической сферах. Впрочем, межфракционные карьерные различия сохраняются и среди парламентариев, покинувших ГД в возрасте до 60 лет.

Наконец, специфика посткарьеры депутатов может быть связана с политикой партий. Типичность для депутатов ЕР работы в административных органах и коммерческих организациях после ухода с парламентской должности может способствовать сближению ее политики с интересами данных структур. Напротив, нетипичность, относительная редкость таких переходов среди коммунистов может благоприятствовать автономизации политики КПРФ от соответствующих интересов.

Говоря об ограниченности результатов проведенного исследования, следует указать на три обстоятельства. Во-первых, доступные в открытых источниках биографические данные о карьере депутатов ГД после ухода с должности нередко неполны и фрагментарны, что заставляет относиться к деланным выводам с осторожностью. Во-вторых, в статье описываются и сравниваются карьерные траектории после ухода из ГД депутатов парламентских фракций лишь двух партий (ЕР и КПРФ). Привлечение данных по другим фракциям («Справедливой России» и ЛДПР) позволило бы полнее раскрыть партийно-фракционную специфику посткарьеры парламентариев.

Список литературы (References)

Быстрова А. С., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99—242.

Bystrova A. S., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevskij A. V., Tev D. B. (2008) Russian Regional Elites: Innovation Potential in the Context of Globalization. In: Eliseeva I. I. (ed.) *Globalization in Russian Society: Collection of Scientific Works*. Saint Petersburg: Nestor-Istorija. P. 99—242. (In Russ.)

Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II) // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 67—74. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.06>.

Gaman-Golutvina O. V. (2006) Russian Parliamentarism in Historical Retrospective and Comparative Perspective (II). *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 67—74. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.06>. (In Russ.)

Коргунюк Ю. Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической

философии и социологии политики). 2010. № 3—4. С. 87—120. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-87-120>.

Korgunjuk Yu.G. (2010) Financing of Parties in Post-soviet Russia: Between Business and Government. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. No. 3—4. P. 87—120. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-87-120>. (In Russ.)

Макаренко Б. И. Партийная система России в 2008 году // Ежегодный доклад ИНОП «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года». 2009. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter12.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).

Makarenko B. I. (2009) The party system of Russia in 2008. Annual report of the InOP “Assessment of the state and prospects of the political system of Russian Federation in 2008 — early 2009”. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter12.pdf> (accessed: 14.05.2022). (In Russ.)

Тев Д. Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПрФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 52—75.
Tev D. B. (2012) Regional Deputy Corps of the “Second Echelon” Parties: A Comparative Analysis of the Pool of Recruitment of Parliamentarians of CPRF, “A Just Russia” and LDPR. In: Duka A. V. (ed.). *Power Structures and Domination Groups: Proceedings of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Conditions of Russian Transformation”*. Saint Petersburg: Intersocis. P. 52—75. (In Russ.)

Тев Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 52—86. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-5-52-86>.

Tev D. B. (2017) Deputies of the State Duma of the VI Convocation: Social-Professional Sources of Recruitment. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 5. P. 52—86. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-5-52-86>. (In Russ.)

Тев Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 106—133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>.

Tev D. B. (2018) Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career Characteristics after the Termination of Office. *Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 1. P. 106—133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. (In Russ.)

Baturo A., Arlow J. (2017) Is There a ‘Revolving Door’ to the Private Sector in Irish Politics? *Irish Political Studies*. Vol. 33. No. 3. P. 1—26. <https://doi.org/10.1080/07907184.2017.1365709>.

Byrne C. Theakston K. (2016) Leaving the House: The Experience of Former Members of Parliament Who Left the House of Commons in 2010. *Parliamentary Affairs*. Vol. 69. No. 3. P. 686—707. <https://doi.org/10.1093/pa/gsv053>.

Claessen C., Bailer S. (2015) What Happens After? An Analysis of Post-Parliamentary Private Sector Career Positions in Germany and the Netherlands. Paper prepared for the workshop „Institutional Determinants of Legislative Coalition Management”, 16—19 November 2015, Tel Aviv University, Israel. URL: <https://www.sv.uio.no/isv/english/research/projects/evolution-parliamentarism/events/seminars/claessenbailerwhathappensafter.pdf> (accessed: 29.03.2022).

Cotta M., Best H. (eds) (2007) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press.

Eggers A. C., Hainmueller J. (2009) MPs for Sale? Returns to Office in Postwar British Politics. *American Political Science Review*. Vol. 103. No. 4. P. 513—533. <https://doi.org/10.1017/S0003055409990190>.

Flikke G. (1999) Patriotic Left-Centrism: The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation. *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. No. 2. P. 275—298. <https://doi.org/10.1080/09668139999038>.

Gelman V. (2005) Political Opposition in Russia: A Dying Species? *Post-Soviet Affairs*. Vol. 21. No. 3. P. 226—246. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.21.3.226>.

Gill G. (2012) The Decline of a Dominant Party and the Destabilization of Electoral Authoritarianism? *Post-Soviet Affairs*. Vol. 28. No. 4. P. 449—471. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.28.4.449>.

Golosov G. V. (2011) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 4. P. 623—639. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.566427>.

Hutcheson D. S. (2012) Party Finance in Russia. *East European Politics*. Vol. 28. No. 3. P. 267—282. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.689978>.

Kynev A. (2022) The Changing Demographics of the State Duma from Betting on Electoral Support to Intra-Elite Intrigues. Free Russia Foundation, 2022. URL: <https://www.4freerussia.org/wp-content/uploads/sites/3/2022/05/duma21en.pdf> (accessed: 27.05.2022).

Makarenko B. I. (2012) The Post-Soviet Party of Power. *Russian Politics & Law*. Vol. 50. No. 1. P. 54—83. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940500103>.

March L. (2002) *The Communist Party in Post-Soviet Russia*. Manchester: Manchester University Press.

Perepechko A. S., ZumBrunnen C., Kolosov V. A. (2011) Organization and Institutionalization of Russia's Political Parties in 1905—1917 and 1993—2007: Similarities and Differences from Two Occidental Periods. *Party Politics*. Vol. 17. No. 5. P. 581—609. <https://doi.org/10.1177/1354068810374744>.

Prewitt K., Nowlin W. (1969) Political Ambitions and the Behavior of Incumbent Politicians. *Western Political Quarterly*. Vol. 22. No. 2. P. 298—308. <https://doi.org/10.1177/106591296902200204>.

Reuter O. J. (2017) *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Roberts S. P. (2012) United Russia and the Dominant-party Framework: Understanding the Russian Party of Power in Comparative Perspective. *East European Politics*. Vol. 28. No. 3. P. 225—240. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.684754>.

Quaresirria F., Santolini R., Fiorillo F. (2020) Political Affiliation in Post-Parliamentary Careers in Italian Public Enterprises. *German Economic Review*. Vol. 21. No. 1. P. 35—64. <https://doi.org/10.1515/ger-0016-0019>.

Sakwa R. (1998) Left or Right? The CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 14. No. 1—2. P. 128—158. <https://doi.org/10.1080/13523279808415372>.

Samuels D. (2003) *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press.

Slider D. (2010) How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 26. No. 2. P. 257—275. <https://doi.org/10.1080/13523271003712617>.

Wilson K. (2007) Party Finance in Russia: Has the 2001 Law «On Political Parties» Made a Difference? *Europe-Asia Studies*. Vol. 59. No. 7. P. 1089—1113. <https://doi.org/10.1080/09668130701607094>.

Wüffel M. (2017) Life After the Bundestag: An Analysis of the Post-Parliamentary Careers of German MPs. *German Politics*. Vol. 27. No. 3. P. 295—316. <https://doi.org/10.1080/09644008.2017.1344642>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2414](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2414)**В. Г. Ерофеева, А. А. Бочавер, Е. М. Цыганова****НАРРАТИВЫ О НЕЗАВИСИМОСТИ И ВОЛЕВОМ
ФУНКЦИОНИРОВАНИИ: ОТ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА
К «СТАНОВЯЩЕЙСЯ ВЗРОСЛОСТИ»****Правильная ссылка на статью:**

Ерофеева В. Г., Бочавер А. А., Цыганова Е. М. Нарративы о независимости и волевом функционировании: от подросткового возраста к «становящейся взрослости» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 239—261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2414>.

For citation:

Yerofeyeva V. G., Bochaver A. A., Tsyganova E. M. (2023) Narratives of Independence and Volitional Functioning: From Adolescence to Emerging Adulthood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 239–261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2414>. (In Russ.)

Получено: 11.04.2023. Принято к публикации: 16.08.2023.

НАРРАТИВЫ О НЕЗАВИСИМОСТИ И ВОЛЕВОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ: ОТ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА К «СТАВЛЯЮЩЕЙСЯ ВЗРОСЛОСТИ»

ЕРОФЕЕВА Виктория Георгиевна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства Института образования и департамента психологии, аспирантка департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: verofeeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>

БОЧАВЕР Александра Алексеевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, директор Центра исследований современного детства Института образования, доцент департамента образовательных программ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: abochaver@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

ЦЫГАНОВА Екатерина Михайловна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: etsyganova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>

Аннотация. В статье с опорой на психологические теории сепарации-индивидуации и самодетерминации предлагается концептуализация понятия «самостоятельность» как независимости и волевого функционирования. Независимость — это способность действовать без помощи других людей, а волевое функционирование — пове-

NARRATIVES OF INDEPENDENCE AND VOLITIONAL FUNCTIONING: FROM ADOLESCENCE TO EMERGING ADULTHOOD

*Victoria G. YEROFYEVA*¹ — Research Assistant at the Centre for Modern Childhood Studies, Institute of Education and Department of Psychology; Postgraduate Student at the Department of Psychology
E-MAIL: verofeeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>

*Alexandra A. BOCHAVER*¹ — Cand. Sci. (Psych.), Senior Research Fellow, Director of the Centre for Modern Childhood Studies, Institute of Education; Associate Professor at the Department of Educational Programmes, Institute of Education
E-MAIL: abochaver@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

*Ekatertina M. TSYGANOVA*¹ — Research Assistant at the Centre for Modern Childhood Studies, Institute of Education
E-MAIL: etsyganova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Based on the psychological theories of separation-individuation and self-determination, the article proposes a conceptualization of “autonomy” as independence and volitional functioning. While independence is the ability to act without help of other people, the volitional functioning is behavior in accordance with one's own values and interests. This

дение в соответствии с собственными ценностями и интересами. Эта теоретическая рамка нова для российского контекста и может использоваться в социальных исследованиях взросления, возрастных переходов и выстраивания жизненных траекторий.

На материале 30 интервью с информантами в возрасте от 11 до 24 лет из мегаполисов, городов-миллионников, крупных и малых городов России в работе изучены представления о самостоятельности, а также практики ее реализации. Подростковый период и период становящейся взрослости были выбраны, потому что в это время появляется много возможностей для развития самостоятельности, но в то же время существует и много ограничений. Для анализа интервью использовался метод нарративного анализа Д. Хайлса, И. Чермака и В. Хрза в варианте кодирования «категории-содержание».

Обнаружено, что представления информантов о самостоятельности практически не различаются: и подростки, и становящиеся взрослые в своих нарративах уделяют больше внимания независимости (поведенческой самостоятельности) на уровнях представлений и действий, реже обсуждая волевое функционирование, что указывает на социальную обусловленность независимости. С возрастом полюс волевого функционирования усиливается, хотя задачи, направленные на развитие независимости, по-прежнему остаются актуальными. У большинства подростков ведущую роль играет независимость, а волевое функционирование только начинает проявляться. В то же время у становящихся взрослых значительную роль в развитии

theoretical framework is new for the Russian context and can be used to study growing up, age transitions, and building a life trajectory in the social sciences.

To study the ideas of autonomy and the practice of its implementation, the authors conducted 30 interviews with informants aged 11 to 24 from megacities, million-plus cities, large and small cities of Russia. Adolescence and emerging adulthood were chosen because there are many opportunities for developing autonomy at this time, but simultaneously there are many limitations. The interviews were processed within the narrative analysis approach by David Hiles, Ivo Čermák, and Vladimír Chrz in its “category-content” coding version.

The study did not reveal any difference in the informants' ideas about autonomy. Both adolescents and emerging adults pay more attention to independence (behavioral autonomy) at the levels of ideas and actions. At the same time, they discuss volitional functioning less often, that indicates the social conditioning of independence. The volitional functioning increases with age, although the tasks aimed at developing independence remain relevant. For most adolescents, independence plays a leading role, and volitional functioning is just beginning to emerge. For emerging adults, socio-demographic factors play a significant role in the development of autonomy; independence and volitional functioning of those who live separately from their parents, moved to another city and/or got married are higher and more interconnected. Volitional functioning prevails among those who live with their parents, and their socialization occurs more gradually in the

самостоятельности играют социально-демографические факторы: у тех из них, кто проживает отдельно от родителей, переехал в другой город и/или вступил в брак, показатели независимости и волевого функционирования более высоки и взаимосвязаны. У тех, кто проживает с родителями, преобладает волевое функционирование, а их социализация происходит более постепенно в условиях помощи семьи в решении различных задач.

Полученные результаты показывают релевантность рамки различения самостоятельности как независимости и волевого функционирования для указанных возрастов и позволяют углубить представления о становлении самостоятельности, выделяя их взаимосвязанное или изолированное развитие в разных социально-психологических ситуациях.

Ключевые слова: самостоятельность, волевое функционирование, независимость, подростковый период, становящаяся взрослость

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00416, <https://rscf.ru/project/22-18-00416/>.

conditions of family assistance in solving various problems.

The results show the relevance of the framework for distinguishing autonomy as independence and volitional functioning for the indicated ages and allow to deepen understanding of the autonomy formation highlighting their interconnected or isolated development in different socio-psychological situations.

Keywords: autonomy, volitional functioning, independence, adolescence, emerging adulthood

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00416, <https://rscf.ru/project/22-18-00416/>.

В современном мире все больше внимания уделяется самостоятельности как способности эффективно справляться с проблемами и успешно интегрироваться в социальную жизнь. Наиболее чувствительным периодом для ее развития является подростковый возраст [Soenens et al., 2017], хотя сейчас социологи, демографы и психологи по всему миру фиксируют тренд более позднего перехода во взрослую жизнь и решение задач подросткового возраста в годы юности, или иначе — становящейся взрослости [Arnett, 2014; Smith et al., 2017]. Эта тенденция наблюдается и в России: молодые люди не спешат переезжать от родителей, начинать трудовую деятельность, вступать в брак и заводить детей [Митрофанова, 2020; Митрофанова, 2023]. Наступление изменений в социо-демографическом статусе

зависит от самовосприятия себя как взрослого [Žukauskienė et al., 2020], готовности проявлять автономию и нести ответственность [Нартова, Фатехов, 2021].

Новизна этой статьи состоит в том, что мы предлагаем рассматривать самостоятельность как независимость и волевое функционирование с опорой на психологические теории сепарации-индивидуации [Blos, 1967; Hoffman, 1984] и самодетерминации [Ryan, Deci, 2000; Soenens et al., 2007; Soenens et al., 2017], а также возрастной психологии подросткового периода и становящейся взрослости [Soenens et al., 2007; Arnett, 2014] и тестируем этот подход в российском контексте. Исследования самостоятельности проводились социологами, демографами и психологами, однако единая теоретическая рамка, позволяющая объединить достигнутые результаты, так и не была предложена. Между тем она дала бы возможность объединить данные исследований, полученные специалистами разных социальных наук, и проинтерпретировать их с учетом предложенной концептуализации самостоятельности. Так, жизненные деюты в социально-демографической жизни как события-маркеры взрослой жизни (переезды, вступление в брак, получение образования, начало трудовой деятельности) [Митрофанова, 2020; Митрофанова, 2023; Нартова, Фатехов, 2021] и сепарация от родительской семьи [Манукян, 2022; Митрофанова, 2023] относятся к проявлениям независимости; а индивидуальные агентные действия [Mironenko, Sorokin, 2022], стратегии поддержания собственной автономии в период онлайн-обучения [Гордеева, Сычев, 2021] — к волевому функционированию. Также есть исследования, в которых изучаются связи между этими двумя измерениями: например, обнаружено, что психологическая сепарация связана с ценностями и смыслом и способствует развитию целеполагания у студентов [Литвинова, 2020].

Развитие самостоятельности как независимости и волевого функционирования в подростковом возрасте и в период становящейся взрослости

В теории сепарации-индивидуации самостоятельность понимается как независимость от других людей и противопоставляется зависимости, то есть опоре на других, в первую очередь — на родителей. Достижение самостоятельности считается задачей развития, которую нужно решить в подростковом возрасте, когда возникает возможность для расширения границ личной ответственности [Steinberg, Silk, 2002; Darling, Cumsille, Loreto Martínez, 2008]. Изначально предполагалось, что переход к независимости происходит резко: подростки должны научиться самостоятельно справляться со своими проблемами, воспринимать себя как взрослых и не принимать помощь от близких [Blos, 1967; Erikson, 1968; Hoffman, 1984]. Однако дальнейшие исследования показали, что резкий и преждевременный разрыв с родителями приводит к дезадаптации в социальной жизни [Steinberg, Silverberg, 1986], девиантному поведению [Dornbusch et al., 1990], отчуждению [Beyers et al., 2003], неудачным решениям [Smetana, Campione-Barr, Daddis, 2004], отсутствию понимания своей идентичности [Crocetti et al., 2017], а также игнорированию правил и ограничений, установленных в обществе [Zimmer-Gembeck, Collins, 2003; Van Petegem, Vansteenkiste, Beyers, 2013]. Считается, что оптимальные условия для развития самостоятельности возникают, когда подростки сохраняют близкие

отношения с родителями, могут обратиться к ним за помощью и при этом расширять границы своей независимости [Soenens, Vansteenkiste, Beyers, 2019].

В теории самодетерминации самостоятельность рассматривается как волевое функционирование, то есть удовлетворение базовой потребности в автономии, умение следовать своим ценностям и интересам и совершение выбора на основе внутренней мотивации [Van Petegem et al., 2015]. Предполагается, что оно значительно возрастает в позднем подростковом возрасте и усиливается в течение жизни, потому что люди начинают лучше понимать себя [Deci, Ryan, 2000; Ryan, Deci, 2006; Vansteenkiste et al., 2010]. Подросткам следует учиться опираться на собственные мотивы при совершении выбора в разных социальных контекстах, иначе возникает риск переноса всех внешних правил во внутренний план, что приводит к утрате чувства автономии и внешней регуляции поведения [Deci, Ryan, 2000].

Подростковый возраст традиционно рассматривается как период, когда возрастает потребность в независимости [Beyers et al., 2003; Chang et al., 2003] и формируется собственная автономия [Havighurst, 1956; Blos, 1967; Erikson, 1968; Arnett, 2000; Steinberg, Morris, 2001; Zimmer-Gembeck et al., 2006]. Развитие собственной автономии оказывается связанным с достижением статуса взрослого [Kravchenko, 2015]. Как показывают данные социологических и демографических исследований конца прошлого столетия, переход к взрослой жизни в индустриальных обществах затягивается: молодые люди стали дольше учиться в университетах, позже переезжать от своих родителей и реже вступать в брак [Arnett, 1998]. Американский психолог Джеффри Арнетт предложил считать период жизни от 18 до 29 лет становящейся взрослостью — временем, характеризующимся нестабильностью, кризисами, экспериментами, поиском себя, но вместе с тем — оптимизмом и открытостью новому опыту [Arnett, 2014]. При этом пик характерных проявлений этого периода приходится на возраст до 25 лет [ibid.]. У молодежи возникает больше возможностей для формирования независимости, что выражается как в поведенческих изменениях (переезды), так и в социально-эмоциональных (чувство идентичности, самостоятельное принятие решений) [Arnett, 2000; Goossens, 2006; Seiffge-Krenke, 2013].

Дж. Арнетт считает, что основные критерии взрослости — это принятие ответственности за свою жизнь, независимые решения и финансовая самостоятельность [Arnett, 2014]. В отечественных исследованиях в качестве критериев взросления рассматривают способность автономно и независимо действовать [Omelchenko, Nartova, Krupets, 2018]. Несмотря на различия в формулировках, взросление и самостоятельность оказываются связанными в процессах поиска собственной идентичности и принятия на себя социальных ролей в условиях постепенного отделения от родительской семьи и совершения собственных выборов [Sumner, Burrow, Hill, 2015].

Социальные условия влияют на процесс взросления: дети, чьи семьи относятся как минимум к среднему классу, продолжают получать помощь от родителей и не воспринимают себя как взрослых [Arnett, Ramos, Jensen, 2001; Kravchenko, 2015], в то время как малообеспеченные молодые люди с ранних лет берут на себя много социальных обязательств, в результате чего их переход к взрослой жизни

происходит стремительно [Павленко, Якубовская, 2020; Чернова, Шпаковская, 2020; Кравцова, Кузинер, 2022; Katsiaficas, 2017]. Кроме того, юноши и девушки, получающие институциональную поддержку до достижения совершеннолетия, могут оказаться не готовы к взрослой жизни, потому что не привыкли действовать самостоятельно [Чернова, Шпаковская, 2020]. Таким образом, взросление может достигаться с помощью разных траекторий: условия, в которых находятся молодые люди, и степень поддержки семьи влияют на готовность к взрослой жизни и на способность проявлять самостоятельность.

Итак, независимость и волевое функционирование различаются концептуально и имеют разные связи с возрастными особенностями. Изначально предполагалось, что они являются ортогональными конструктами [Ryan, Deci, 2006; Vansteenkiste et al., 2005], однако дальнейшие исследования показали, что они дополняют и усиливают друг друга [Kins et al., 2009; Van Petegem, Vansteenkiste, Beyers, 2013; Soenens et al., 2017]. Например, ситуации самостоятельного принятия решений могут подталкивать подростков обращаться к своей внутренней мотивации [Smetana, Campione-Barr, Daddis, 2004; Soenens et al., 2007; Van Petegem, Vansteenkiste, Beyers, 2013; Fousiani et al., 2014], в то время как отдельное от родителей проживание в период становящейся взрослости предоставляет больше возможностей для совершения самостоятельного выбора [Kins et al., 2009]. Между тем, в условиях «плывущих» границ возрастных норм выполнение задач одного периода продлевается и на следующий за ним, поэтому неизвестно, как эти измерения возникают и как они проявляются у современной молодежи.

Цель и исследовательские вопросы

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать своеобразие представлений о самостоятельности и практик ее воплощения у подростков и молодежи, а также выявить факторы, влияющие на развитие самостоятельности в двух возрастных периодах. В силу отсутствия систематических исследований независимости и волевого функционирования в российском контексте эта работа имеет эксплораторный характер. Мы использовали качественную методологию, чтобы получить большее разнообразие в ответах и заполнить пробел в виде недостатка качественных исследований, проведенных на российской выборке [Нартова, Фатехов, 2021]. Вместо предварительных гипотез мы сформулировали открытые исследовательские вопросы [Silverman, 2021]:

1. Какие представления о самостоятельности есть у подростков и молодежи?
2. В каких действиях она проявляется?
3. Есть ли различия по исследуемым параметрам у представителей двух возрастов?
4. Как развиваются независимость и волевое функционирование у подростков и молодых людей?

Сбор данных, выборка и методология исследования

Выборка была целевой, то есть до начала сбора данных были определены критерии отбора информантов для участия в интервью. Поскольку перед нами стояла задача изучить, как меняется самостоятельность при переходе к взрослости,

для участия отбирались информанты из двух возрастных групп — подростки и становящиеся взрослые. Рекрутинг проводился с помощью «слабых связей» в социальной сети «ВКонтакте», а к поиску информантов привлекались студенты магистерских программ Института образования НИУ ВШЭ из разных городов. Студенты помогали распространять объявление об участии в интервью в Telegram-каналах. Потенциальным участникам (от 16 до 24 лет) и их родителям (для информантов младше 16 лет) предлагалось заполнить форму, в которой были обозначены основные характеристики исследования — тема, сведения об исследовательской команде, контакты организаторов, ориентировочная продолжительность интервью, особенности записи, обращение с полученными материалами, этические аспекты (конфиденциальность, анонимизация результатов перед обсуждениями, необходимость информированного согласия со стороны участников или их родителей, возможность прекратить участие в интервью в любой момент), требования к участникам (пол, возраст, населенный пункт), а также их контакты.

По итогам распространения анкеты был составлен список из 126 потенциальных информантов, среди которых были отобраны те, кто подходил для исследования. В итоге была сформирована сбалансированная выборка по полу (15 мужчин и 15 женщин), возрасту (от 11 до 24 лет) и городам проживания (15 городов России, включая мегаполисы, города-миллионники, крупные и малые города¹). Мы соблюдали условие о разнообразии городов, но список городов оказался случайным и сформировался во время отбора информантов, с которыми проводились интервью. Мы разделили информантов на две группы с учетом возраста — подростки (16 человек в возрасте от 11 до 17 лет) и становящиеся взрослые (14 человек от 18 до 24 лет). Список информантов, чьи цитаты упоминаются в этой статье, можно найти в приложении 2.

Методом сбора данных выступило полуструктурированное нарративное тематическое интервью. На основании современных исследований, представленных в теоретической части статьи, был разработан гайд, включавший три блока вопросов: 1) субъективные представления о конструкте «самостоятельность», 2) субъективные представления о собственной самостоятельности и 3) проявления самостоятельности (см. приложение 1). Интервью проводились онлайн в формате видеоконференций на платформе Skype. Велась аудиозапись, которая затем расшифровывалась.

Исследование проводилось с использованием смешанных методов. На первом этапе для кодирования интервью применялся интегративный нарративный анализ Дэвида Хайлса, Иво Чермака и Владимира Хрза, разработанный в парадигме социального конструктивизма в варианте «категории-содержание» [Hiles, Čermák, Chrz, 2009]. При кодировании мы опирались на теоретические представления о двух типах самостоятельности, выделили категории в текстах интервью, а затем составили итоговую таблицу с вариацией категорий и указанием общего количества их упоминаний. Проводилось пять итераций кодирования, а спорные ситуации обсуждались до достижения согласия между всеми авторами. Затем по каждой теме подсчитывалось общее количество фрагментов, включающих

¹ Москва, Дубна, Тверь, Иркутск, Ижевск, Курск, Шадринск, Саранск, Ростов-на-Дону, Челябинск, Новороссийск, Истра, Таганрог, Екатеринбург, Рязань.

разные категории, с опорой на теоретическую рамку «Независимость/Волевое функционирование», а полученный корпус текстовых элементов рассматривался как количественные данные, частоты появления двух тем в которых сравнивались между двумя возрастными группами с применением статистики Хи-квадрат. Несмотря на небольшой объем выборки, частотность упоминаний была достаточной для применения статистического теста. Подобный методологический подход был заимствован из психологических исследований, где он используется на первоначальном этапе для изучения новых феноменов и позволяет оценить, в каком направлении исследователям дальше двигаться, чтобы разрабатывать дизайны для изучения конструкта на уровне популяции [Collins, 2021; Cox, McAdams, 2019; Dunlop, Bannon, McAdams, 2015; Patil et al., 2021].

Что понимается под самостоятельностью?

Категории, полученные при анализе темы «Представления о конструкте „самостоятельность“», приведены в таблице 1. Общее количество фрагментов интервью, относящихся к теме «Независимость», составило 120 (из них в нарративах подростков обнаружено 47,5% фрагментов, в нарративах становящихся взрослых — 52,5%), а к теме «Волевое функционирование» — 55 (в нарративах подростков — 47%, становящихся взрослых — 53%). Различия в распространенности тем между группами не являются статистически значимыми. На уровне представлений конструкт «самостоятельность» проявляется по большей мере одинаково: информанты из обеих групп чаще упоминали о самостоятельности как независимости. Несмотря на разные задачи возраста, которые решают одиннадцати- и двадцатилетние информанты, их представления о самостоятельности и ее проявлениях отличаются несущественно:

Быть самостоятельным — это, мне кажется, в первую очередь, конечно, принимать решения собственные, то есть когда это без какого-либо влияния окружающих, ты сам эту цепочку выявил, ну, надо тебе вот... Если какой-то выбор перед тобой стоит, ты задумываешься и сам наиболее благоприятный для себя вариант выбираешь. Самостоятельно, без всякого воздействия окружающих. (И1, 14 лет; независимость)

Мне кажется, что это самостоятельно принимать решения, которые касаются жизни, ну, своей собственной жизни. И, наверное, какая-то независимость от других людей. Например, ты можешь принять помощь, но если там тебе что-то не нравится или ты можешь сам что-то делать, независимо от людей, независимо от их мнения, то это тоже к самостоятельности как-то приравнивается. Что это тоже входит в это понятие. (И2, 23 года; независимость)

В то же время есть и различия, которые стало возможным увидеть благодаря качественному анализу. В теме «Независимость» выделены уникальные категории: у подростков — *самостоятельное обучение*, у становящихся взрослых — *успешность, переезд и брак*. В теме «Волевое функционирование» также обнаружены уникальные категории: у подростков — *узнавание себя и формирование своей*

идентичности, у становящихся взрослых — верность себе и определение своих ценностей:

Самостоятельность — это когда ты можешь сам управлять собой, сам можешь ставить приоритеты, можешь сам выполнять свои задачи, которые нужны именно тебе, не отвлекаться на какие-то другие дела, которые могут мешать. (ИЗ, 13 лет; волевое функционирование)

Я, наверное, с двух сторон для себя бы развернула. С одной стороны, быть самостоятельным — это, наверное, когда ты уже где-то самоопределился с тем, чем ты хочешь заниматься, потому что ты как-то фиксируешься в этой позиции, и понимаешь, что вот оно, твое поле ты сам решаешь для себя в деятельности и немножко отвечаешь за себя. А вторым пластом, безусловно, является, мне кажется, финансовая самостоятельность, потому что нельзя в полной мере сказать: «Я самостоятелен», — но как бы в 4 мне нужно быть дома, потому что иначе мама не даст мне на обед. Это будет как-то странно, наверное. Также, наверное, третьим уровнем самостоятельности может быть и личная [жизнь. — Авт.], в плане того, что я сама решаю, кто входит в мое окружение, кто находится со мной близко, кто чуть-чуть подальше и так далее. То есть я для себя с трех вот таких конфигураций ее разворачиваю. (И4, 22 года; независимость и волевое функционирование)

Таблица 1. Категории, формирующие представления о конструкте «самостоятельность» в темах «Независимость» и «Волевое функционирование» у подростков и становящихся взрослых

Независимость	
Подростки	Становящиеся взрослые
<ul style="list-style-type: none"> • Независимость от других людей • Взрослость • Самостоятельные поступки • Забота о себе • Принятие решений без помощи других людей • Самостоятельность в межличностных отношениях • Бытовая самостоятельность • Финансовая самостоятельность • Самостоятельное проживание • Самостоятельность в обучении 	<ul style="list-style-type: none"> • Независимость от других людей • Взрослость • Самостоятельные поступки • Забота о себе • Принятие решений без помощи других людей • Самостоятельность в межличностных отношениях • Бытовая самостоятельность • Финансовая самостоятельность • Самостоятельное проживание • Переезд в другой город • Создание своей семьи • Успешность
Волевое функционирование	
<ul style="list-style-type: none"> • Ответственность за свою жизнь и свои поступки • Самостоятельный выбор • Самостоятельная постановка и достижение целей • Проживание собственного опыта • Преодоление трудностей • Понимание себя • Умение себя проявлять • Самоконтроль 	<ul style="list-style-type: none"> • Ответственность за свою жизнь и свои поступки • Самостоятельный выбор • Самостоятельная постановка и достижение целей • Проживание собственного опыта • Опора на собственные желания и мысли • Внутренняя мотивация • Компетентность • Формирование своего мировоззрения

Присвоение социальных ролей в разных контекстах в связи с переходом к взрослой жизни приводит к развитию своей идентичности. С одной стороны, молодые люди постепенно осваивают разные среды и встраиваются в них, с другой — стремятся сохранить свою аутентичность и определиться с собственным мировоззрением. Приведенные цитаты показывают достаточно сложный и комплексный характер понимания самостоятельности, который, однако, вполне укладывается в выбранную рамку различения независимости и волевого функционирования, и в то же время не указывает на возрастные различия.

Какие действия считаются самостоятельными?

Категории, полученные при анализе темы «Практики реализации самостоятельности», представлены в таблице 2. Общее количество фрагментов интервью, отнесенных к теме «Независимость», составило 204 (44 % таких фрагментов обнаружены в нарративах подростков, 56 % — в нарративах становящихся взрослых). К теме «Волевое функционирование» были отнесены 120 фрагментов (32 % из них относятся к нарративам подростков, 68 % — становящихся взрослых). Различия в распространенности тем между группами значимы на уровне $p=0.05$. И у подростков, и у становящихся взрослых преобладают категории, относящиеся к теме «Независимость», но у становящихся взрослых этот показатель выше. А в теме «Волевое функционирование» частота категорий у становящихся взрослых выше в два раза:

Посуду мою очень часто за мамой после завтрака, иногда подметаю, мою полы, то есть такое поддержание быта. То есть я не все прямо делаю то, что характерно было бы для меня, но какую-то помощь я несую. Это как бы уже какая-то такая вот достаточно хорошая доля, поскольку мы едим три раза в день, полы мою примерно раз в неделю, у нас бывают прямо очень грязные полы. (И5, 11 лет; независимость)

Я могу решить свои проблемы, могу сходить в поликлинику — очень многие не могут просто. Мои сверстники не любят разговаривать по телефону с незнакомыми людьми, то есть я тоже не очень люблю, просто некомфортно, но я понимаю, что за меня это никто не сделает. Могу сама устраивать себе счастье. Я в первую очередь ориентируюсь на себя, то есть пример с боксом. Мне все девчонки: «Бокс, зачем, зачем тебе бокс?». А я: «Я хочу на бокс, всё». (Смеется). Пошла, нашла, сходила, понравилось, и вот хожу. (И6, 19 лет; независимость и волевое функционирование)

Также обнаружены существенные содержательные различия в описаниях практик: в теме «Независимость» у подростков выделена уникальная категория — *учебная самостоятельность*, а у молодых людей — *самостоятельность в работе, при решении проблем и принятии решений*. В теме «Волевое функционирование» уникальные категории выделены только у становящихся взрослых — это *следование своим интересам, опора на себя и умение себя выразить*:

Я привык быть самоучкой, я сам всегда ищу информацию. И, там, тот же колледж — он дал мне что-то, но, наверное, в меньшей степени, чем я сам смог найти и сам из-

учить. Поэтому именно эта сфера — это прямо то, где я всегда делал все сам, все сам изучал, сам понимал. (И7, 19 лет; волевое функционирование)

Я из двоечника ушел в отличники. В колледже. То есть у меня произошел крайне странный перепад, который никто не понял, ну, и сам я тоже не осознал. В школе у меня, там, физика, химия, всякая-всякая математика — двойки были, я кое-как из них выкарабкался, а сейчас — у меня была повышенная стипендия, награждение от директора колледжа, конкурсы, приглашения. То есть я сделал громадный шаг из всего этого к такому. Наверное, все-таки с этим тоже связана самостоятельность, потому что я делал это только для себя. В школе я учился ради родителей и не стремился особо, а потом я в колледж пришел. Я посмотрел, что от меня требуют, и все, я сказал — ну, надо, мне это интересно, прикольно почему бы и нет? (И8, 18 лет; волевое функционирование)

Таблица 2. Практики реализации самостоятельности (категории) в темах «Независимость» и «Волевое функционирование» у подростков и становящихся взрослых

Независимость	
Подростки	Становящиеся взрослые
<ul style="list-style-type: none"> • Бытовая самостоятельность • Самостоятельные перемещения и поездки • Самостоятельное проживание • Самостоятельность в межличностных отношениях • Умение справляться с неожиданными ситуациями • Эмоциональная саморегуляция • Забота о себе • Учебная самостоятельность 	<ul style="list-style-type: none"> • Бытовая самостоятельность • Самостоятельные перемещения и поездки • Самостоятельное проживание • Самостоятельность в межличностных отношениях • Умение справляться с неожиданными ситуациями • Эмоциональная саморегуляция • Забота о себе • Самостоятельность в работе • Самостоятельное решение проблем • Самостоятельность в принятии решений
Волевое функционирование	
<ul style="list-style-type: none"> • Самостоятельный выбор • Развитие собственной компетентности • Самостоятельная постановка целей 	<ul style="list-style-type: none"> • Самостоятельный выбор • Развитие собственной компетентности • Самостоятельная постановка целей • Следование своим интересам • Опора на себя и свои ценности • Умение выразить себя

Полученные результаты могут объясняться тем, что в подростковом возрасте основное внимание уделяется развитию независимости, в первую очередь от родителей, в то время как к периоду становящейся взрослости уже сформирован спектр навыков в сфере независимости, который позволяет справляться с повседневными задачами. В то же время в период становящейся взрослости независимость продолжает увеличиваться, несмотря на возросшую способность самостоятельно справляться с задачами в своей жизни, что приводит к постановке вопроса о взаимодействии между измерениями самостоятельности.

Как проявляются независимость и волевое функционирование?

При ответе на этот исследовательский вопрос считалось количество упоминаний, относящихся к «Независимости» и «Волевому функционированию». Каждое

интервью оценивалось с точки зрения частоты упоминаний по каждой теме и соотносилось с жизненными событиями — маркерами перехода. В результате получилось три возможных сценария отношений между двумя измерениями самостоятельности; для каждого информанта определялось подходящее соотношение между конструктами (таблица 3).

У подростков в основном преобладает «Независимость», а у большинства становящихся взрослых «Независимость» и «Волевое функционирование» развиваются равномерно.

Таблица 3. Распространенность сценариев отношений «Независимости» и «Волевого функционирования» в нарративах, % от числа информантов в возрастной группе (по столбцу)

	Подростки (N = 16)	Становящиеся взрослые (N = 14)
Независимость преобладает	63 % (N = 10)	7 % (N = 1)
Волевое функционирование преобладает	12 % (N = 2)	36 % (N = 5)
Независимость и волевое функционирование развиваются равномерно	25 % (N = 4)	57 % (N = 8)

Подростки, у которых преобладает независимость, рассказывали о выполнении бытовых обязанностей, самостоятельных походах в школу и прогулках с друзьями во дворе, выполнении уроков. Эти действия приводят к наращиванию репертуара «Независимости», но ограничиваются выполнением определенных задач и во многом могут считаться проявлениями исполнительности. Подростки, у которых «Независимость» и «Волевое функционирование» развиваются равномерно, говорили о действиях, для выполнения которых требуются оба измерения: выбор секции и ее посещение, профессиональное самоопределение и подготовка к экзаменам по школьным стандартам, приготовление еды и чувство собственной компетентности:

Чтобы поступить в лицей, я разобрала формат эссе по английскому, немного подтянула правила по русскому и занималась математикой на дополнительных занятиях. Я часто вспоминаю об этой ситуации, потому что до этого я была довольна безынициативным человеком. И я, в принципе, была не особо самостоятельна, и, наверное, именно эта ситуация побудила меня как раз-таки быть более самостоятельной. (И9, 15 лет; развитие волевого функционирования)

Я очень самостоятельная, потому что я с детства и учебой сама занималась, и очень часто без родителей куда-то ездила, на соревнования те же самые, и в коллективах адаптировалась быстро. Не сразу, до седьмого класса у меня были проблемы с общением с людьми, потому что у меня была завышена самооценка. (Смеется). (И10, 17 лет; о взаимосвязи независимости и волевого функционирования)

Юноши и девушки, у которых «Независимость» и «Волевое функционирование» развиваются равномерно, упоминали следующие социально-демографические

факторы: отдельное от родителей проживание (8), переезды в другой город (7), покупка собственной квартиры (1), замужество (1). В нарративах этих информантов оба измерения оказывались необходимыми для решения возрастных задач развития:

Мне еще нужно понять много вещей — то, что моя жизнь в моих руках. И это самое главное, что я должен понять. Ну, и, там, по мелочи всякие дела осознать, новое пробовать. Например, я за интернет еще ни разу не платил у себя дома, поэтому пока только буду зарабатывать еще, это все впереди, но даже спустя три года я вполне могу сам с собой существовать, один, и буду себя чувствовать вполне комфортно. (И11, 18 лет; о развитии независимости)

Юноши и девушки, у которых преобладает волевое функционирование, проживают совместно с родителями и получают от них финансовую поддержку, помощь с бытовыми обязанностями и при принятии решений.

И мне кажется, что я буду считать себя взрослой, когда начну самостоятельно зарабатывать деньги и себя обеспечивать. Сейчас, например, мне родители помогают, но я бы хотела в ближайшее время найти работу. Чтобы как бы быть более самостоятельной — ну, я бы даже сказала независимой. (И12, 22 года; о потребности в родительской помощи)

Основные выводы и заключение

Итак, понятие «самостоятельность» в представлении информантов оказывается сложным и многосоставным феноменом, который в то же время не всегда связан с возрастом. Его составляющие — финансовая самодостаточность, бытовая независимость, принятие решений, определение своих целей, ответственность за свою жизнь, отдельное от родителей проживание. С одной стороны, и в подростковом возрасте, и в период становящейся взрослости информанты решают похожие задачи развития — поиск идентичности, совладание с нестабильностью, узнавание себя. С другой стороны, подростки и молодежь погружены в разные социальные контексты (обучение в школе или вузе, совместное/раздельное проживание с родителями, переезды, романтические отношения), во многом влияющие на трансформацию самостоятельности. По всей видимости, эти сходства и различия обуславливают полученные нами результаты.

Практики самостоятельности во многом задаются средами, в которых оказываются взрослеющие люди. Хотя и подростки, и становящиеся взрослые чаще говорили о независимости, репертуар самостоятельных действий у последних гораздо шире. Также у юношей и девушек в значительной степени возрастает волевое функционирование, выражающееся в определении собственных ценностей, формировании мировоззрения и согласованности своих действий с внутренними мотивами. Наши результаты согласуются с другими данными: сначала подростки развивают независимость, но постепенно по ходу взросления двигаются к более высоким уровням интеграции, проявляя больше волевых функций, что выражается в соотнесении проживаемого опыта со своими ценностями, ин-

тересами и предпочтениями [Beyers et al., 2003; Chang et al., 2003; Ryan, Deci, 2017; Soenens et al., 2017].

Наконец, мы хотели понять, какие отношения могут возникать между двумя формами самостоятельности. Наши интервью показывают, что чаще подростки выполняют действия без помощи родителей, что позволяет им расширять независимость. В то же время юноши и девушки равномерно развивают оба вида самостоятельности, в том числе за счет событий-переходов к взрослой жизни — переездов, отдельного от родителей проживания, покупки собственного жилья, замужества. Таким образом, социальная ситуация во многом определяет статус взрослого.

Удалось обнаружить три возможных сценария связей между двумя видами самостоятельности:

1) сначала развивается независимость, а позже на этом фундаменте — волевое функционирование (у большинства подростков);

2) сначала развивается волевое функционирование, а на его основе осваиваются навыки независимого поведения, позволяющие выполнять действия, направленные на выполнение задач в соответствии с собственными интересами и ценностями (у становящихся взрослых, проживающих с родителями);

3) независимость и волевое функционирование развиваются во взаимосвязи, подпитывая друг друга, позволяя достигать поставленных целей (у становящихся взрослых, переехавших в другой город, проживающих отдельно от родителей или вступивших в брак). Например, если родители учат своих детей ориентироваться на внутренние ценности (волевое функционирование), со временем они начинают самостоятельно принимать решения (независимость) [Soenens et al., 2017].

Итак, попытка приложить теоретическую рамку разделения на две формы самостоятельности оказалась удачной. Такое различие релевантно для анализа нарративов российских подростков и молодежи. Оно позволяет получить глубокое и комплексное представление о феномене самостоятельности и привносит новизну в отечественные исследования взросления. Предложенная концептуализация может выполнять интегрирующую функцию, объединяя результаты исследований по теме, полученные специалистами разных дисциплин. Кроме того, она открывает новые возможности для разработки практико-ориентированных проектов.

Полученные результаты могут применяться для разработки мер по развитию и поддержке самостоятельности в разных возрастах (например, при адаптации к переходу в новую учебную организацию, к переезду в общежитие), а также родительской компетентности в сфере детско-родительских отношений и содействия детской самостоятельности. С целью помощи в благополучной социализации подростков и молодежи необходимо создавать условия для балансирования между двумя формами самостоятельности: с одной стороны, слишком активное погружение во взрослую жизнь значительно ускоряет переход, к которому молодые люди оказываются не готовы, с другой — принятие на себя обязательств положительно влияет на ощущение себя взрослым.

Мы полагаем, что дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение разных сред — семьи, школы, вуза, мест работы — с точки зрения возможностей, запросов на развитие и, напротив, ограничений для развития разных

форм самостоятельности; включение разных групп информантов. Перспективным может быть расширение возрастных границ и распространение исследовательских вопросов на зрелых и пожилых людей. Прикладные задачи развития данной проблематики состоят в поиске оптимальных способов поддержки людей в развитии обеих форм самостоятельности и обучении обнаружению внутренних ресурсов и устойчивости для развития самостоятельности в условиях стресса.

Ограничения исследования обусловлены, во-первых, индивидуальными различиями интервьюеров, повлиявшими на сбор и кодирование данных. Частично это было проконтролировано с помощью написания рефлексивных заметок до, в процессе и после сбора интервью. Во-вторых, в свете небольшой выборки результаты исследования не могут быть экстраполированы на национальный уровень. В-третьих, применение выбранной методологии имело разведывательный характер, в связи с чем требуются дальнейшие разработки инструментов для оценки полученных качественных параметров статистическими методами. Наконец, мы не фокусировались на гендерных различиях, которые также могут влиять на представления самостоятельности. Преодоление перечисленных выше ограничений планируется на следующих этапах исследования.

Список литературы (References)

Гордеева Т. О., Сычев О. А. Стратегии самомотивации: качество внутреннего диалога важно для благополучия и академической успешности // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 5. С. 6—16. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260501>.

Gordeeva T. O., Sychev O. A. (2021) Self-Motivation Strategies: The Quality of Internal Dialogue Is Important for Well-Being and Academic Success. *Psychological Science and Education*. Vol. 26. No. 5. P. 6—16. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260501>. (In Russ.)

Кравцова А. Н., Кузинер Е. Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>.

Kravtsova A. N., Kuziner E. N. (2022) Being and/or Knowing How to Be an Adult: The Growing Up Patterns of Early Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>. (In Russ.)

Литвинова А. В. Психологическая сепарация от родителей как условие развития целеполагания студентов // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 59—71. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120105>.

Litvinova A. V. (2020) Psychological Separation from Parents as a Condition for the Development of Students' Goal-Setting. *Psychological-Educational Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 59—71. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120105>. (In Russ.)

Манукян В. Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18—27 лет // Психологическая

наука и образование. 2022. Т. 27. № 3. С. 129—140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>.

Manukyan V. R. (2022) Growing Up of Youth: Separation from Parents, Subjective Adulthood and Psychological Well-being at the Age of 18—27. *Psychological Science and Education*. Vol. 27. No. 3. P. 129—140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>. (In Russ.)

Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Mitrofanova E. S. (2020) (No) Time to Grow Up: Changing Ages of Debut Biographical Events in Russia. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. (In Russ.)

Митрофанова Е. С. Календари и последовательности событий у разных поколений взрослеющих жителей Франции, Эстонии и России // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 108—135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>.

Mitrofanova E. S. (2023) Calendars and Sequences of Events During the Transition to Adulthood Among Different Generations in France, Estonia and Russia. *Demographic Review*. Vol. 10. No. 1. P. 108—135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>. (In Russ.)

Нартова Н. А., Фатехов А. М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Nartova N. A., Fatekhov A. M. (2021) The Transition into Adulthood of Russian Millennials: On the Way From Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>. (In Russ.)

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Institution-Reared Children and Their Transition to Adulthood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>. (In Russ.)

Arnett J. J. (1998) Learning to Stand Alone: The Contemporary American Transition to Adulthood in Cultural and Historical Context. *Human Development*. Vol. 41. No. 5—6. P. 295—315. <https://doi.org/10.1159/000022591>.

Arnett J. J. (2000) Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*. Vol. 55. No. 5. P. 469—480. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.5.469>.

Arnett J. J. (2014) *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001>.

Arnett J. J., Ramos K. D., Jensen L. A. (2001) Ideological Views in Emerging Adulthood: Balancing Autonomy and Community. *Journal of Adult Development*. Vol. 8. No. 2. P. 69—79. <https://doi.org/10.1023/A:1026460917338>.

Beyers J. M., Bates J. E., Pettit G. S., Dodge K. A. (2003) Neighborhood Structure, Parenting Processes, and the Development of Youths' Externalizing Behaviors: A Multi-level Analysis. *American Journal of Community Psychology*. Vol. 31. No. 1—2. P. 35—53. <https://doi.org/10.1023/A:1023018502759>.

Beyers W., Goossens L., Vansant I., Moors E. (2003) A Structural Model of Autonomy in Middle and Late Adolescence: Connectedness, Separation, Detachment, and Agency. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 32. No. 5. P. 351—365. <https://doi.org/10.1023/A:1024922031510>.

Blos P. (1967) The Second Individuation Process of Adolescence. *The Psychoanalytic Study of the Child*. Vol. 22. No. 1. P. 162—186. <https://doi.org/10.1080/00797308.1967.11822595>.

Chang L., McBride-Chang C., Stewart S. M., Au E. (2003) Life Satisfaction, Self-Concept, and Family Relations in Chinese Adolescents and Children. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 27. No. 2. P. 182—189. <https://doi.org/10.1080/01650250244000182>.

Collins K. M. (2021) Chi-Square Automatic Interaction Detection Analysis of Qualitative Data. In Onwuegbuzie A. J., Johnson R. B. (eds.) *The Routledge Reviewer's Guide to Mixed Methods Analysis*. New York, NY: Routledge. P. 69—76.

Cox K. S., McAdams D. P. (2019) Mean Level Differences in the Vividness, Meaning, and Coherence of Life Story High and Low Points: How Valenced Life Stories Do and Do Not Differ. *Identity*. Vol. 19. No. 2. P. 128—143. <https://doi.org/10.1080/15283488.2019.1604347>.

Crocetti E., Branje S., Rubini M., Koot H. M., Meeus W. (2017) Identity Processes and Parent-Child and Sibling Relationships in Adolescence: A Five-Wave Multi-Informant Longitudinal Study. *Child Development*. Vol. 88. No. 1. P. 210—228. <https://doi.org/10.1111/cdev.12547>.

Darling N., Cumsille P., Loreto Martínez M. (2008) Individual Differences in Adolescents' Beliefs about the Legitimacy of Parental Authority and Their Own Obligation to

Obey: A Longitudinal Investigation. *Child Development*. Vol. 79. No. 4. P. 1103—1118. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2008.01178.x>.

Deci E. L., Ryan R. M. (2000) The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*. Vol. 11. No. 4. P. 227—268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01.

Dornbusch S. M., Ritter Ph. L., Mont-Reynaud R., Chen Z.-Y. (1990) Family Decision Making and Academic Performance in a Diverse High School Population. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 5. No. 2. P. 143—160. <https://doi.org/10.1177/074355489052003>.

Dunlop W. L., Bannon B. L., McAdams D. P. (2017) Studying the Motivated Agent through Time: Personal Goal Development during the Adult Life Span. *Journal of Personality*. Vol. 85. No. 2. P. 207—219. <https://doi.org/10.1111/jopy.12234>.

Erikson E. H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York, NY: W. W. Norton Company.

Fousiani K., Van Petegem S., Soenens B., Vansteenkiste M., Chen B. (2014) Does Parental Autonomy Support Relate to Adolescent Autonomy? An In-Depth Examination of a Seemingly Simple Question. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 29. No. 3. P. 299—330. <https://doi.org/10.1177/0743558413502536>.

Goossens L. (2006) The Many Faces of Adolescent Autonomy: Parent-Adolescent Conflict, Behavioral Decision-Making, and Emotional Distancing. In: Jackson S., Goossens L. (eds.) *Handbook of Adolescent Development*. New York, NY: Psychology Press. P. 135—153. <https://doi.org/10.4324/9780203969861-8>.

Havighurst R. J. (1956) Research on the Developmental-Task Concept. *The School Review*. Vol. 64. No. 5. P. 215—223. <https://doi.org/10.1086/442319>.

Hiles D., Čermák I., Chrz V. (2009) Narrative Oriented Inquiry: A Dynamic Framework for Good Practice. In: Robinson D., Fisher P., Robinson S.-J., Woodcock P., Yeadon-Lee T. (eds.) *Narrative, Memory and Identities*. Huddersfield: University of Huddersfield. P. 53—65.

Hoffman J. A. (1984) Psychological Separation of Late Adolescents from Their Parents. *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 170—178. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.31.2.170>.

Katsiaficas D. (2017) “I Know I’m an Adult When... I Can Care for Myself and Others”: The Role of Social Responsibilities in Emerging Adulthood for Community College Students. *Emerging Adulthood*. Vol. 5. No. 6. P. 392—405. <https://doi.org/10.1177/2167696817698301>.

Kins E., Beyers W., Soenens B., Vansteenkiste M. (2009) Patterns of Home Leaving and Subjective Well-Being in Emerging Adulthood: The Role of Motivational Processes and Parental Autonomy Support. *Developmental Psychology*. Vol. 45. No. 5. P. 1416—1429. <https://doi.org/10.1037/a0015580>.

Kravchenko Zh. (2015) Transition into Adulthood and Inequalities: The Institutional Perspective. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 303—316.

Mironenko I. A., Sorokin P. S. (2022) Activity Theory for the De-Structuralized Modernity. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. Vol. 56. No. 4. P. 1055—1071. <https://doi.org/10.1007/s12124-020-09587-4>.

Omelchenko E., Nartova N., Krupets Ya. (2018) Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women. *Young*. Vol. 26. No. 1. P. 34—50. <https://doi.org/10.1177/1103308816680305>.

Patil S. T., Datar M. C., Shetty J. V., Naphade N. M. (2021) Psychological Consequences and Coping Strategies of Patients Undergoing Treatment for COVID-19 at a Tertiary Care Hospital: A Qualitative Study. *Asian Journal of Social Health and Behavior*. Vol. 4. No. 2. P. 62—68. https://doi.org/10.4103/shb.shb_5_21.

Ryan R. M., Deci E. L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. Vol. 55. No. 1. P. 68—78. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.68>.

Ryan R. M., Deci E. L. (2006) Self-Regulation and the Problem of Human Autonomy: Does Psychology Need Choice, Self-Determination, and Will? *Journal of Personality*. Vol. 74. No. 6. P. 1557—1586. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00420.x>.

Ryan R. M., Deci E. L. (2017) *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York, NY: Guilford Press. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>.

Seiffge-Krenke I. (2013) *Stress, Coping, and Relationships in Adolescence*. New York, NY: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203773123>.

Silverman D. (2021) *Doing Qualitative Research*. London: Sage.

Smetana J. G., Campione-Barr N., Daddis C. (2004) Longitudinal Development of Family Decision Making: Defining Healthy Behavioral Autonomy for Middle-Class African American Adolescents. *Child Development*. Vol. 75. No. 5. P. 1418—1434. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2004.00749.x>.

Smith A., Bodell L. P., Holm-Denoma J., Joiner T., Gordon K., Perez M., Keel P. (2017) “I Don’t Want to Grow Up, I’m a [Gen X, Y, Me] Kid”: Increasing Maturity Fears Across the Decades. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 41. No. 6. P. 655—662. <https://doi.org/10.1177/0165025416654302>.

Soenens B., Vansteenkiste M., Beyers W. (2019) Parenting Adolescents. In: Bornstein M. H. (ed.) *Handbook of Parenting. Vol. 1: Children and Parenting*. New York, NY: Routledge. P. 111—167. <https://doi.org/10.4324/9780429440847-4>.

Soenens B., Vansteenkiste M., Lens W., Luyckx K., Goossens L., Beyers W., Ryan R. M. (2007) Conceptualizing Parental Autonomy Support: Adolescent Perceptions of Promotion of Independence Versus Promotion of Volitional Functioning. *Developmental Psychology*. Vol. 43. No. 3. P. 633—646. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.3.633>.

Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S., Beyers W., Ryan R. (2017) How to Solve the Conundrum of Adolescent Autonomy? On the Importance of Distinguishing

Between Independence and Volitional Functioning. In: Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S., Beyers W., Ryan R. (eds.) *Autonomy in Adolescent Development*. New York, NY: Psychology Press. P. 1—32. <https://doi.org/10.4324/9781315636511-1>.

Steinberg L., Morris A. Sh. (2001) Adolescent Development. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. No. 1. P. 83—110. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.83>.

Steinberg L., Silk J. S. (2002) Parenting Adolescents. In: Bornstein M. H. (ed.) *Handbook of Parenting. Vol. 1: Children and Parenting*. New York, NY: Psychology Press. P. 103—133.

Steinberg L., Silverberg S. B. (1986) The Vicissitudes of Autonomy in Early Adolescence. *Child Development*. Vol. 57. No. 4. P. 841—851. <https://doi.org/10.2307/1130361>.

Sumner R., Burrow A. L., Hill P. L. (2015) Identity and Purpose as Predictors of Subjective Well-Being in Emerging Adulthood. *Emerging Adulthood*. Vol. 3. No. 1. P. 46—54. <https://doi.org/10.1177/2167696814532796>.

Van Petegem S., Vansteenkiste M., Beyers W. (2013) The Jingle — Jangle Fallacy in Adolescent Autonomy in the Family: In Search of an Underlying Structure. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 42. No. 2. P. 994—1014. <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9847-7>.

Van Petegem S., Vansteenkiste M., Soenens B., Beyers W., Aelterman N. (2015) Examining the Longitudinal Association Between Oppositional Defiance and Autonomy in Adolescence. *Developmental Psychology*. Vol. 51. No. 1. P. 67—74. <https://doi.org/10.1037/a0038374>.

Vansteenkiste M., Simons J., Lens W., Soenens B., Matos L. (2005) Examining the Motivational Impact of Intrinsic Versus Extrinsic Goal Framing and Autonomy-Supportive Versus Internally Controlling Communication Style on Early Adolescents' Academic Achievement. *Child Development*. Vol. 76. No. 2. P. 483—501. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2005.00858.x>.

Vansteenkiste M., Smeets S., Soenens B., Lens W., Matos L., Deci E. L. (2010) Autonomous and Controlled Regulation of Performance-Approach Goals: Their Relations to Perfectionism and Educational Outcomes. *Motivation and Emotion*. Vol. 34. No. 4. P. 333—353. <https://doi.org/10.1007/s11031-010-9188-3>.

Zimmer-Gembeck M. J., Chipuer H. M., Hanisch M., Creed P. A., McGregor L. (2006) Relationships at School and Stage-Environment Fit as Resources for Adolescent Engagement and Achievement. *Journal of Adolescence*. Vol. 29. No. 6. P. 911—933. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2006.04.008>.

Zimmer-Gembeck M. J., Collins W. A. (2003) Autonomy Development during Adolescence. In: Adams G. R., Berzonsky M. D. (eds.) *Blackwell Handbook of Adolescence*. Malden, MA: Blackwell Publishing. P. 175—204. <https://doi.org/10.1002/9780470756607.ch9>.

Žukauskienė R., Kaniušonytė G., Nelson L. J., Crocetti E., Malinauskienė O., Hihara S., Sugimura K. (2020) Objective and Subjective Markers of Transition to Adulthood in Emerging Adults: Their Mediating Role in Explaining the Link Between Parental Trust and Life Satisfaction. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 37. No. 12. P. 3006—3027. <https://doi.org/10.1177/0265407520948621>.

Приложение 1. Гайд интервью

Часть 1. Субъективные представления о конструкте «самостоятельность»

Как Вы думаете, что значит быть самостоятельным?

Как Вы считаете, какого человека можно назвать самостоятельным, а какого — несамостоятельным?

Часть 2. Субъективные представления о собственной самостоятельности

Считаете ли Вы себя самостоятельным(ой) сейчас? В чем это проявляется? Как Вы думаете, почему Вы становились более/менее самостоятельным(ой)?

Нравится ли Вам быть самостоятельным(ой)? Хочется ли Вам быть самостоятельным(ой)?

Стали ли Вы более или менее самостоятельным(ой), когда начали учиться в школе, вузе? В чем именно?

Часть 3. Проявление самостоятельности

Что Вы можете и умеете делать сам(и)?

А в каких ситуациях Вам нужна помощь других?

Приведите, пожалуйста, пример ситуации, в которой Вы действовали самостоятельно и которая Вам особо запомнилась?

А как Вы считаете, Ваши возможности проявления самостоятельности как-то отличаются в зависимости от сфер?

Были ли в Вашей жизни ситуации, когда Вам внезапно пришлось проявить самостоятельность?

Представьте, себя через 10 лет. Как Вы думаете, что Вы сможете делать сами, когда станете еще старше?

Приложение 2. Список информантов

Код информанта/тки	Пол	Возраст (лет)	Место проживания
И1	М	14	Мегаполис
И2	Ж	23	Мегаполис
И3	М	13	Мегаполис
И4	Ж	22	Город-миллионник
И5	М	11	Мегаполис
И6	Ж	19	Город-миллионник
И7	М	19	Город-миллионник
И8	Ж	18	Город-миллионник
И9	Ж	15	Мегаполис
И10	Ж	17	Малый город
И11	М	18	Город-миллионник
И12	Ж	22	Мегаполис

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2393](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2393)**И. А. Вершинина, А. В. Лядова****СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19.
РЕЦ. НА КН.: LUPTON D. COVID SOCIETIES: THEORISING
THE CORONAVIRUS CRISIS. ABINGDON: ROUTLEDGE, 2022****Правильная ссылка на статью:**

Вершинина И. А., Лядова А. В. Социологическое осмысление пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 262—275. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2393>. Рец. на кн.: Lupton D. COVID Societies: Theorising the Coronavirus Crisis. Abingdon: Routledge, 2022.

For citation:

Vershinina I. A., Lyadova A. V. (2023) Understanding the COVID-19 Pandemic Sociologically. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 262–275. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2393>. Book Review: Lupton D. (2022) COVID Societies: Theorising the Coronavirus Crisis. Abingdon: Routledge. (In Russ.)

Получено: 05.03.2023. Принято к публикации: 19.04.2023.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19. РЕЦ. НА КН.: LUPTON D. COVID SOCIETIES: THEORISING THE CORONAVIRUS CRISIS. ABINGDON: ROUTLEDGE, 2022

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

ЛЯДОВА Анна Васильевна — кандидат социологических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: annaslm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2820-8589>

Аннотация. Рецензируется книга австралийского социального исследователя Деборы Лаптон «Ковидные общества: теоретизируя коронакризис», автор которой ставит перед собой задачу поиска адекватных социокультурных подходов и понятий для осмысления трансформаций, произошедших в мире под влиянием пандемии COVID-19. Лаптон указывает, что мир сильно изменился с января 2020 г. и ковидный кризис «перекроил» все сферы общественной и повседневной жизнедеятельности. Для осмысления происходящих процессов необходим многоуровневый анализ, включающий изучение научно-публичного дискурса, окружающего пандемию, макрополитическую перспективу изучения происходящего, а также исследование

UNDERSTANDING THE COVID-19 PANDEMIC SOCIOLOGICALLY. BOOK REVIEW: LUPTON D. (2022) COVID SOCIETIES: THEORISING THE CORONAVIRUS CRISIS. ABINGDON: ROUTLEDGE

Inna A. VERSHININA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: urbansociology@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6186-4388>

Anna V. LYADOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor at the Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology
E-MAIL: annaslm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2820-8589>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article reviews the book “COVID Societies: Theorising the Coronavirus Crisis” by Deborah Lupton. The author of the book seeks to identify appropriate sociocultural frameworks and concepts to understand the changes provoked by the global spread of the COVID-19 pandemic. The world has changed a lot since January 2020, Lupton notes, and the COVID crisis has “re-shaped” all areas of social and daily life. Understanding these new processes calls for a complex analysis which involves examining relevant academic and popular discourse surrounding the pandemic, the macropolitical study, and then, through the late modern social reflection, researching everyday ideas and practices that adapt to new global conditions. Based on this, it is possible to

повседневных представлений и практик, адаптирующихся к новым глобальным условиям, через социальную рефлексию позднего модерна. В связи с этим автор обращается к идее биовласти М. Фуко, теории «голой жизни» Дж. Агамбена и ее интерпретации Р. Эспозито, понятию «некрополитики» А. Мбембе, деконструктивизму Ж. Делёза, а также к концепциям общества риска У. Бека и культурных границ М. Дуглас. Лаптон умело демонстрирует возможности использования этих подходов для анализа пандемии, что, по ее мнению, позволяет на основе методологического плюрализма проанализировать взаимосвязанные социальные, политические и экономические контексты пандемии COVID-19.

Ключевые слова: ковидные общества, синдемия, пандемия, биополитика, Дебора Лаптон

continue studying daily life in relation to the COVID-19 pandemic. Therefore, the author draws on the theories of 'bare life' by Agamben and its interpretation by Esposito, Foucault's concept of biopower, Mbembe's notion of 'necropolitics', Deleuze's deconstructionism, Beck's idea of risk society, and Douglas's ideas of cultural boundaries. Lupton skillfully demonstrates how these approaches can be used to analyze the pandemic, which, in her opinion, allows to analyze the interconnected social, political, and economic contexts of the COVID-19 pandemic based on methodological pluralism.

Keywords: COVID societies, syndemic, pandemic, biopolitics, Deborah Lupton

В 2022 г. была опубликована монография австралийского социолога Деборы Лаптон «Ковидные общества: теоретизируя коронакризис», посвященная анализу глобальных трансформаций, произошедших вследствие новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 (далее — COVID-19). Следует отметить, что предыдущие работы Д. Лаптон уже достаточно известны в российском научном дискурсе [Лаптон, 2021; Вершинина, Лядова, 2022 и др.]. Ее исследования отличают актуальность изучаемых вопросов, оригинальность подхода к их анализу (с опорой не только на современные концепции, но и эмпирические данные), широта научного кругозора и нетривиальность выводов. По этим же причинам интерес для отечественного социологического сообщества представляет и рецензируемое издание.

Следует отметить, что хотя «страсти по пандемии» в отечественной социологии за последний год подугасли, исследовательский интерес к теме по-прежнему высок [Костина, Орлова, 2022]. Тем не менее, ситуация, вызванная распространением COVID-19, требует комплексного осмысления: хотя порог заболеваемости снизился, социальные последствия пандемии только начинают проявлять себя.

Д. Лаптон ставит перед собой задачу поиска адекватных социокультурных подходов для осмысления произошедших в мире трансформаций, а также категорий, с помощью которых можно отразить характерные черты новой социальной реальности. Как она отмечает, «ковидный кризис пронизан дискурсами, практиками и эмоциями, связанными с реакцией людей на риск и неопределенность. Мир

настолько сильно изменился с января 2020 г., что некоторые социальные теоретики теперь называют текущий период „эпохой вироцена“ <...> Несмотря на короткую историю коронакризиса, мы уже видим, насколько быстро за это время поменялись социальные институты и общественные отношения. Кризис поразительно по-разному затронул страны, регионы внутри стран и социальные группы внутри регионов» [Lupton, 2022: 2].

В этой связи уже с первых страниц своей работы Д. Лаптон предлагает читателям два новых термина — «ковид-общества» и «синдемия». Если содержание первого понятия она раскрывает на протяжении всей книги, то второе определяет сразу. «Синдемией» автор обозначает сложившуюся вследствие распространения COVID-19 ситуацию, когда симбиоз биологических и социально-политических факторов усиливает состояние болезни именно вследствие их комплексного воздействия. Д. Лаптон указывает, что в случае новой коронавирусной инфекции такими детерминантами оказались «пожилой возраст, раса и этничность, географическое положение, бедность, условия труда и проживания, низкий уровень медицинского обслуживания, а также ранее имевшиеся заболевания или нарушения» [ibid.: 56].

Безусловно, такой комплексный взгляд на пандемию не нов, да и сам термин уже существует в медицинском лексиконе. Однако, на наш взгляд, в аспекте произошедших под влиянием пандемии COVID-19 изменений попытка автора рассмотреть эти последствия не разрозненно, а на основе интегративного подхода, с разных перспектив, позволяет понять глубину социально-политического кризиса, в котором оказалось современное человечество не из-за пандемии, а в результате того пути, по которому оно шло последние десятилетия, — глобализации, неолиберализма, индивидуализации и растущей неопределенности. По мнению Д. Лаптона, «...кризис обнажил не только укоренившееся структурное неравенство, сохраняющееся в каждой стране мира, но и недостатки неолиберальных подходов и подходов „малого правительства“, возлагающих на граждан ответственность за защиту себя от болезней и социально-экономического ущерба коронакризиса» [ibid.: 54]. Пандемия же стала лишь триггером, который усилил кризисные явления, перешедшие в хронические состояния.

Д. Лаптон предлагает многоуровневый анализ, начиная с изучения научно-публичного дискурса вокруг COVID-19, переходя к макрополитической перспективе осмысления происходящего и далее через социальную рефлексию позднего модерна — к исследованию повседневных представлений и практик, адаптирующихся к условиям пандемии COVID-19.

Рецензируемая книга состоит из введения, шести глав и заключения. Во введении автор обозначает ключевой лейтмотив своего исследования: она рассматривает пандемию COVID-19 как глобальный кризис, последствия которого «...выходят далеко за рамки вопросов здоровья и медицины» [ibid.: 1]. Далее в первой главе она анализирует социальные последствия эпидемий разного масштаба в истории обществ. Последующие же пять глав содержат обзор различных методологических подходов, которые могут позволить наиболее полно оценить ситуацию, сложившуюся вследствие пандемии COVID-19.

В первой главе «Ковид в контексте: истории и нарративы о здоровье, риске и заражении» Д. Лаптон обращается к обзору исторических, социокультурных и поли-

тических дискурсов о COVID-19. По ее мнению, определяющими для восприятия потенциальных рисков и возможностей управления ими являются образы здоровья и болезни в современном западном обществе, отражающие исторический опыт переживания эпидемий и сложившиеся вследствие борьбы с ними. Их конструирование, как считает автор, связано с представлением о так называемом «цивилизованном теле». Это понятие появилось в Европе в эпоху раннего Нового времени для обозначения самоуправляющегося, автономного и саморегулирующегося субъектного тела, чьи границы «защищены от внешнего мира и других» [ibid.: 15]. Противоположностью такому идеальному представлению, как Д. Лаптон указывает вслед за Крисом Шиллингом [Shilling, 1993], «является „гротескное“ или „нецивилизованное“ тело, лишенное самоконтроля и самодисциплины и постоянно нарушающее свои границы. Тело, страдающее от боли или болезни, деформированное или инвалидное, умирающее, склонное приспособляться...» [Lupton, 2022: 15].

Обращаясь к историческим фактам, открывающим ужасы средневековых эпидемий бубонной чумы и проказы, автор указывает на их глубокий социокультурный резонанс, до сих пор сохраняющийся в современных западных обществах. Она конструирует определенные социальные представления о рисках заражения, социальной предрасположенности к болезни, что ведет к усилению медиализации, манипулированию общественным сознанием и росту националистических и расистских настроений. Так, Д. Лаптон приводит в пример карантинные меры в Австралии, применявшиеся в начале XX столетия для сегрегации и стигматизации «патогенного небелого населения» в целях формирования «чистой (белой) нации» [ibid.: 18].

Наряду с этим, рассматривая историю борьбы человечества с эпидемиями, автор стремится показать, что, несмотря на достижения медицинской науки, риску развития эпидемических кризисов во многом способствовала и трансформация условий функционирования социума. В качестве примера она приводит ситуацию с пандемией испанского гриппа в начале XX века, когда из-за роста мобильности в связи с расширением транспортных сетей по всему миру (следствие военных действий) вирус охватил свыше 500 млн человек, что на тот период составляло около трети населения планеты [ibid.: 19].

Схожей, по мнению Д. Лаптон, стала и ситуация с распространением ВИЧ-инфекции. Несмотря на западную риторику о том, что эпидемия СПИДа — проблема стран с низким уровнем жизни, в частности, африканских государств к югу от Сахары, в условиях глобального мира ее нельзя рассматривать только в рамках одного региона. Автор пишет: «Постколониальные страны и в особенности страны с низким уровнем дохода позиционировались как основные очаги заражения. Предполагалось, что в этих местах гигиенические стандарты, системы здравоохранения и правила общественного здравоохранения были хуже, и что живущие там люди вступают в более тесные и более частые взаимодействия с типами животных, которые являются переносчиками новых зоонозных вирусов» [ibid.: 23].

Анализируя развитие пандемии новой коронавирусной инфекции, Д. Лаптон приходит к выводу, что артикуляция данной проблемы в СМИ оказала значимое влияние на готовность стран к борьбе с вирусом. Так, на первых этапах его рас-

пространения в самом Китае и в других странах мира к осознанию глобального характера этой угрозы власти пришли не сразу, пытаясь локализовать ее в рамках конкретного региона или государства [ibid.: 28—29]. Это, по мнению автора, еще раз убедительно демонстрирует разрыв в системе отношений глобального общества, искусственность и слабость его социальных связей.

Во второй главе «Макрополитика ковида: перспектива политической экономики» автор говорит, что современные критические исследования, указывающие на социальные детерминанты здоровья, демонстрируют необходимость политико-экономического анализа как ключевого для изучения ковидного кризиса, что можно осуществить на основе марксистской методологии. Данная перспектива выводит на первый план такие проблемы, как социальная справедливость, социально-экономическое неравенство и его рост из-за пандемии, социальные последствия которой оказались особенно ощутимы для стран и социальных слоев с низкими доходами [ibid.: 37]. Довольно серьезной критике подвергается неолиберальная модель здравоохранения, негативное влияние которой было отмечено социологическим сообществом практически сразу же после начала пандемии [Вершинина, Лядова, 2021: 161], поскольку эта модель изначально предполагает неравные возможности доступа к системе здравоохранения.

Неолиберализм, по словам Д. Лаптон, представляет собой политику, сводящую к минимуму государственную поддержку социально и экономически обездоленных, то есть продвигает интересы сильных и богатых, которые и так извлекают максимальную выгоду из капитализма [Lupton, 2022: 39]. В рамках системы здравоохранения это означает, что ответственность за здоровье каждый несет индивидуально, что и создает неравные возможности для разных социальных групп вследствие уменьшения зависимости граждан от социального обеспечения. Это усугубляется тем, что низкий доход, бедность, занятость на опасных видах работ, плохие жилищные условия, высокий уровень загрязнения воздуха и другие риски, с которыми сталкиваются прежде всего наименее защищенные социальные группы, способствуют ухудшению состояния здоровья и увеличению смертности [Harvey, 2021; Sell, Williams, 2020]. Необходимо отметить, что неравенство в сфере здоровья существует как внутри отдельных стран (между богатыми и бедными гражданами), так и между странами (между глобальным Севером и глобальным Югом), и в обоих случаях в уязвимом положении оказываются те, чей уровень дохода ниже. При этом ряду фармацевтических компаний реализация неолиберальной модели в здравоохранении приносит высокую прибыль, ведь подготовка к вспышкам различных заболеваний в странах с высоким ВВП зачастую предполагает не выявление социально-экономических условий, способствующих их возникновению, а создание технических мер реагирования на них, в первую очередь, на основе фармацевтических разработок [Lupton, 2022: 43].

Пандемия COVID-19 быстро продемонстрировала слабые стороны неолиберального подхода, что Д. Лаптон рассматривает на примере Великобритании и США. Оказалось, что страны, несколько десятилетий последовательно сокращавшие расходы на системы охраны здоровья и считавшие здоровье индивидуальным делом каждого, были вынуждены стремительно наращивать государственную поддержку здравоохранения перед лицом глобального вызова и на фоне

экономического коллапса вследствие локдаунов. Кроме того, пандемия усилила различные формы неравенства, поскольку ее главными жертвами оказались наименее защищенные социальные группы.

Третья глава «Биополитика ковида: фукольдианский подход» посвящена сравнительному анализу действий разных государств в период распространения COVID-19. В качестве теоретической основы для своих размышлений Д. Лаптон использует концепцию французского социального мыслителя Мишеля Фуко, исследования современных итальянских философов Джорджо Агамбена и Роберто Эспозито, а также южноафриканского мыслителя Ахилла Мбембе [Lupton, 2022: 60]. Опираясь на концепцию М. Фуко о трех видах власти (суверенной, дисциплинарной и биовласти), автор приходит к выводу, что в условиях глобального биокризиса биополитика представляется необходимой и, по сути, единственно эффективной формой реагирования власти, так как ее основа состоит в сочетании мер государственного принуждения и личной ответственности граждан за свое здоровье и состояние окружающих их людей [ibid.: 60—62].

В этой связи Д. Лаптон подвергает критическому рассмотрению позицию итальянского мыслителя Дж. Агамбена в отношении государственных ограничительных мер в период пандемии, основанную на его концепции «голой жизни» [Агамбен, 2011]. Суть этого подхода заключается в том, что на современном этапе развития границы жизни и смерти человека относительно в аспекте их биологического определения, так как благодаря научным достижениям меняются традиционные критерии их понимания, а значит и возможности управления ими. Так, Дж. Агамбен задается вопросом: «Кем или чем является человек, находящийся в запредельной коме?» [там же: 204]. По мнению итальянского философа, в таком состоянии индивид представляет собой чисто биологический объект для манипуляций — суть «голую жизнь» [там же: 205].

Д. Лаптон считает, что такой подход к анализу биополитики в условиях пандемии COVID-19 является ограниченным, так как в нем не учитывается продуктивность ограничительных мероприятий для общественного и индивидуального здоровья. В этой связи она обращается к работе другого итальянского исследователя Р. Эспозито, чей взгляд полагает более конструктивным. Позиция данного ученого также основана на концепции «голой жизни», однако он вкладывает в нее не только биологический, но также социальный и политический смыслы. По мнению Р. Эспозито, необходимо понимать, что тело человека с момента его рождения уже представляет не только биологический феномен, а одновременно приобретает социальную и политическую значимость. Эти три компонента в структуре жизни индивида и общества тесно переплетены и взаимосвязаны. Поэтому в ситуации пандемии, когда под угрозой оказалась биологическая часть нашего существования — жизнь, — для ее сохранения пришлось модифицировать и другие: ограничить право на свободу передвижения, социальные контакты и т. п. Д. Лаптон, ссылаясь на высказывание итальянского исследователя, считает значимым «найти тонкий баланс между изолированностью людей друг от друга в рамках механизмов иммунитета и сохранением их социальных связей» [Lupton, 2022: 73]. В противном случае такие меры ведут к усилению социального неравенства и несправедливости, а в конечном итоге — к перерастанию биополитики в некрополитику.

Термин «некрополитика» Д. Лаптон берет из одноименной работы южноафриканского ученого камерунского происхождения Ахилла Мбембе [Mbembe, 2003], который обозначает этим понятием особую форму реализации власти, направленной на создание миров смерти. Последние представляют собой новые и уникальные формы социального существования, в которых огромное число людей подвергается репрессивным технологиям (колонизация, оккупация, сегрегация), что приводит к формированию общества «живых мертвецов» [ibid.: 40]. Обладающие некровластью устанавливают биологический контроль, ведущий к разделению популяции на подгруппы и установлению биологической цензуры одних в отношении других, тем самым позволяя жить одним или умереть другим, маркируя их статус «лишних», апатридов и т. п. [ibid.: 11].

Оперируя термином «некрополитика», Д. Лаптон обращает внимание на проблему неравенства в реализации права на жизнь во время пандемии COVID-19. Хотя данная тема не нова, тем не менее, с ее точки зрения, именно этот глобальный кризис показал, что истоки такой несправедливости лежат в неолиберальном подходе современных государств к маргинальным и незащищенным социальным группам. Автор подчеркивает: «Неолиберальный подход к медицинскому обслуживанию в этих странах [Соединенное Королевство, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и вся Западная Европа. — Примеч. авт.] за несколько десятилетий создал среду, которая привела не к спасению жизней или улучшению здоровья маргинализированных социальных групп, а к медленному насилию и смерти по неосторожности. Эти условия медленной смерти носят скорее эндемический, чем эпидемический характер. Это не кризисы; они представляют собой продолжающиеся замедленные условия насилия, предполагающие всеобщее признание государством того, что маргинализированные и обездоленные социальные группы будут продолжать страдать и умирать в гораздо большем количестве, чем более привилегированные группы» [Lupton, 2022: 77].

Четвертая глава «Риск и ковид: общество риска и культуры риска» опирается на соответствующие работы Ульриха Бека, а также идеи Мэри Дуглас о культурных границах. Анализ пандемии невозможен без опоры на концепции, в центре внимания которых находятся риск и неопределенность, поскольку именно эти категории вышли на первый план повседневной жизни многих людей. Одновременная невидимость потенциально смертельного риска и признание проницаемости границ тела привели к распространению страха, беспокойства.

Пандемии порождают глобальные риски для современных обществ, что вполне может быть рассмотрено с опорой на идеи У. Бека, тем более что коронавирусная инфекция имеет много общего с находящимися в центре внимания немецкого социолога угрозами, которые «путешествуют с ветром и по воде, скрываются везде и всюду и вместе с жизненно необходимыми вещами — воздухом, пищей, одеждой, домашней обстановкой» [Бек, 2000: 7]. Полная неосязаемость и невидимость мельчайших частиц коронавируса, переносимых по воздуху и передающихся при дыхании, привели к тому, что повседневная деятельность и взаимодействия с другими людьми стали таить в себе опасность. Причем глобализация значительно ускорила распространение рисков, хотя пандемия и способствовала довольно быстрому закрытию границ, возведению барьеров.

Несмотря на то, что вакцины были созданы довольно быстро, их ускоренная разработка породила у людей сомнения в безопасности [Lupton, 2022: 88], что еще раз подчеркивает высокую степень неопределенности, возникшую вследствие распространения COVID-19. Кроме того, доступ к вакцинам не был равным, и это еще одна форма порожденного пандемией неравенства. У. Бек верно отмечает, что «риски производят неравенство на интернациональном уровне, с одной стороны, между третьим миром и промышленно развитыми странами, с другой стороны — между самими развитыми странами» [Бек, 2000: 26], однако Д. Лаптон полагает, что он недооценивает, насколько сильно эти неравенства могут возрасти в кризисной ситуации.

В фокусе внимания М. Дуглас находится обусловленная культурой специфика понимания риска, что рассматривается ею на примере не только обществ глобального Севера, но и глобального Юга [Douglas, 1992]. Она демонстрирует, что культурные стратегии, помогающие бороться с социальными отклонениями и поддерживать социальный порядок, структурируют представления о рисках. Так, представления о рисках меняются с течением времени и различаются между обществами и культурами. В современных обществах большую роль в определении того, что считается рисками, играют средства массовой информации. В частности, именно они заставляют людей задумываться о том, насколько опасна пандемия и какие риски она порождает [Davis, Lohm, 2020], то есть формируют соответствующие нарративы и культурные стратегии. Средства массовой информации внесли значимый вклад и в понимание COVID-19 как риска.

Сплоченность общества, в обеспечении которой значимую роль играет культура, может привести к обвинению «чужаков» — например мигрантов — в распространении заболеваний. Д. Лаптон полагает, что даже присвоение инфекциям географических названий (например, испанский/азиатский/гонконгский грипп) представляет собой один из способов морального осуждения стран или географических регионов за вспышку заболевания, то есть своеобразное возложение на них вины за его распространение [Lupton, 2022: 90]. Начало пандемии коронавирусной инфекции сопровождалось всплеском синофобии, что вполне можно рассматривать как результат поиска виновных в пандемии. Стигматизация затронула выходцев из Китая в самых разных странах мира, показав, что культурные границы довольно быстро возводятся даже в глобальном мире, оказавшемся разделенным и границами эпидемиологическими, как между странами, так и внутри них. Все это только усилило стремление к сегрегации. Например, в информационном пространстве Франции в первые недели пандемии мигранты из Китая и их потомки обвинялись в том, что они вызвали вспышку инфекции своими экзотическими привычками в еде и плохой гигиеной [Wang et al., 2021].

Пятая глава «Квирить ковид: идеи из гендерной и квир-теории» содержит размышления автора над проблемой социального неравенства в перспективе квир-теории. Суть данного подхода, основу которого составляют идеи М. Фуко о дискурсе тела и Ж. Делёза о деконструкции социума, выражается в понимании «инаковости» как вызова традиционно принятым (бинарным) представлениям в определении идентичности личности. Такие представления, по мнению сторонников этой концепции, являются социокультурно конструируемыми и создают социальные

барьеры для тех, кто не «вписывается» в их рамки, что ведет к стигматизации последних, их осуждению и эксклюзии.

Как отмечает Д. Лаптон, для западной культуры доминирующим является «цивилизованное» тело: стандарт, соответствующий таким качествам и характеристикам, как автономность, ответственность, самоконтроль. Как указывает автор, «эти нормы обычно позиционируют идеальные тела как молодые, мужские, гетеросексуальные, здоровые, худощавые и белые. Тела, которые не соответствуют этому идеалу, постоянно маргинализируются и подвергаются дискриминации, насилию и забвению» [Lupton, 2022: 103]. Убедительной иллюстрацией такого отношения, порожденного установленными системой стандартами, выступает проблема людей с лишним весом (о чем у Д. Лаптон есть отдельная работа [Лаптон, 2021]), инвалидным статусом, ВИЧ и т. п.

В рамках современных исследований квир-теория применяется достаточно широко, не ограничиваясь только вопросами гендерной или расовой идентичности, но также включает проблематику конструирования телесности в целом, в том числе представления о здоровом и красивом теле, практиках его содержания, рисках заражения и т. п. Обращаясь к данному подходу в контексте анализа ситуации, вызванной пандемией COVID-19, Д. Лаптон показывает, как в период этого кризиса происходило конструирование новых стандартов и норм поведения. С помощью соответствующих механизмов легитимации происходила их интернализация и замещение существовавших ранее представлений и практик [Lupton, 2022: 112—113]. Менялись не только дискурсы о риске, безопасности и здоровье, но и сами образы «нецивилизованного» и «цивилизованного» тел. В период пандемии, как пишет автор, «презренное тело <...> — это человек, не соблюдающий или пренебрегающий медико-санитарными рекомендациями, тем самым вызывая заражение своего собственного тела и одновременно подвергая риску других, действуя как переносчик вируса» [ibid.: 120].

В противоположность ему «нормативное тело» уже не ограничивается определением его как биосоциального феномена, автономного и ответственного, рационально действующего, осознающего свои мотивы и поступки. Д. Лаптон приходит к выводу, что пандемия COVID-19 привела к расширению его определения «за счет включения категорий сущностей, выходящих за рамки узкого определения человеческого субъекта», к которым относятся «любые агенты, являющиеся частью материального мира» [ibid.: 125]. Именно осмыслению этого нового воплощения посвящена последняя, шестая глава «Более чем человеческие миры ковида: социально-материалистические перспективы». В этой главе автор предлагает рассматривать пандемию не только с точки зрения антропоцентризма, но и признавая участие в ней нечеловеческих агентов. Анализируя трансформацию темпоральных и пространственных свойств среды обитания в период пандемии, Д. Лаптон приходит к выводу: на современном этапе существования человечества нельзя самонадеянно заявлять, что рациональность и суверенность обеспечивают защищенность человеческого тела. Необходимо принимать во внимание множественность связей, носителями которых выступают как человеческие, так и нечеловеческие агенты.

Опираясь на идеи Бруно Латура и Джона Ло, Д. Лаптон обращает внимание на необходимость перехода от модели глобального здоровья к концепции едино-

го здоровья [ibid.: 127]. Если первая является преимущественно антропоцентричной, то вторая указывает на взаимосвязь и даже взаимозависимость людей и других живых организмов, то есть признает нечеловеческие сущности. Автор книги рассматривает это как «смену парадигмы в медицине и общественном здравоохранении за счет перехода от сосредоточения внимания на человеческом теле в определенном месте и пространстве к признанию значимости других живых систем» [ibid.: 129]. Очевидно, что переносчиками заболеваний могут быть не только люди, но и, например, животные, поэтому концепция эпидемиологической безопасности не может исключать нечеловеческих агентов.

Д. Лаптон полагает, что социоматериалистическое измерение пандемии «охватывают множество запутанных человеческих и нечеловеческих агентов: человеческие тела, новый коронавирус SARS-CoV-2, животных, участвующих в его передаче людям, пространства и места потенциального заражения, новостные репортажи, государственную политику и кампании по охране здоровья, обсуждения в социальных сетях, эпидемиологические данные, моделирование показателей и информационных панелей, карантинные учреждения, маски для лица, мыло и воду, супермаркеты, медицинские учреждения, фармацевтические препараты и вакцины... и многие другие явления» [ibid.: 130—131]. Пандемия убедительно доказала, что такие нечеловеческие агенты, как вирусы, могут серьезно изменить жизнь людей, породить страх, беспокойство, одиночество и многие другие чувства. Соответственно, нечеловеческие агенты не могут быть исключены из социологического анализа, что автор и пытается аргументировать в данной главе.

Значимым становится и язык, описывающий формируемые в процессе множественности социальных отношений смыслы. В этом аспекте Д. Лаптон обращается к идее восприятия болезни как метафоры, предложенной в одноименной работе американского культуролога Сьюзен Зонтаг [Sontag, 1990]. Ее суть заключается в том, что в публичном дискурсе о проблемах здоровья в обществе транслируются определенные образы как самих болезней, способствуя их демонизации или нивелированию рисков, так и страдающих от них людей, которые позиционируются либо как «жертвы», либо даже как «злодеи» и «враги», не предпринимавшие необходимых мер безопасности, вследствие чего и оказавшиеся больными. Сама автор считает, что COVID-19 довольно сильно антропоморфизмуется, то есть позиционируется в терминах, обычно применяемых по отношению к людям — «коварный», «агрессивный». «противник», которого необходимо «перехитрить» [ibid.: 138—139], и т. д. При этом схожая ситуация наблюдается и в отношении вакцин, позиционируемых как «предлагающие лучший выход», «дающие надежду» и т. д. Так, лексика, используемая в отношении человеческих и нечеловеческих агентов, становится все более схожей, то есть фактически на уровне языка уже свершился переход к концепции единого здоровья, о которой было сказано выше.

Подводя итог своему исследованию, Д. Лаптон указывает на амбивалентность современного мира, усилившуюся вследствие пандемии. Эта неоднозначность проявляется не только на уровне тесного переплетения глобального и локального, но даже в понимании того, что из себя представляет дом. С одной стороны, это убежище, где можно спрятаться от инфекции; с другой, для многих он превратил-

ся в своеобразную тюрьму, пространство, наполненное одиночеством и отчаянием. Социальные меры — например, локдауны, призванные замедлить темпы распространения коронавирусной инфекции, то есть обеспечить общественную безопасность — зачастую ограничивали фундаментальные свободы, к которым люди во многих странах привыкли (в первую очередь, свободу передвижения). Вопрос о социальных последствиях этих мер весьма сложен, и Д. Лаптон указывает на то, что некоторые страны от локдаунов отказались, в том числе опасаясь обострения проблем в области ментального здоровья, усиления гендерного и расового неравенства, ограничения доступа к здравоохранению и образованию, потери дохода или увеличения бедности [ibid.: 147]. Таким образом, пандемия поставила множество вопросов, на которые довольно сложно дать однозначный ответ.

В частности, именно по этой причине Д. Лаптон и написала обсуждаемую книгу: чтобы продемонстрировать, что глобальный кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции, требует серьезного теоретического осмысления; чтобы системно проанализировать многочисленные, динамичные и взаимосвязанные социальные аспекты пандемии. Главы со второй по шестую, представляющие обзор нескольких концепций, в определенной степени могут помочь в решении этих задач. Однако рассматривая каждую из проблем автономно в соответствующих главах, Д. Лаптон не предлагает целостного теоретического подхода к анализу пандемии, что снижает эвристическую ценность ее исследования, а также ведет к некоторой фрагментарности картины, которую она рисует. Автор подробно расписывает аспекты, которые наилучшим образом можно проанализировать с помощью той или иной концепции, но не предлагает методологии для изучения социальных последствий пандемии в целом, хотя и постоянно указывает на их тесную взаимосвязь между собой.

Ряд высказываемых Д. Лаптон замечаний представляются ограниченными, поскольку преимущественно опираются на информацию о нескольких странах — Австралии, США, Великобритании, Китая и Индии. Вместе с тем даже ситуация внутри европейских стран дает богатый материал для сравнительного анализа и осмысления социальных последствий пандемии, не говоря уже об опыте стран Латинской Америки и Африки.

Д. Лаптон демонстрирует примеры использования разных подходов для анализа пандемии, однако в ее работе периодически возникают повторы (например, обращение к ситуации с испанским гриппом, опора на работы М. Фуко и т. д.), что свидетельствует о возможности выявления неких ключевых тенденций, вызванных пандемией. Эти пересечения во многом свидетельствуют об обоснованности результатов социологического анализа пандемии на основе использования разных методологий.

Автор приходит к выводу, что переживаемый миром опыт пандемии новой коронавирусной инфекции ставит перед обществом основной вопрос: что такое нормальность сегодня и можно ли говорить о «новой нормальности»? По ее мнению, ответа на него пока нет, однако пандемия показала уязвимость человечества, его зависимость от нечеловеческих агентов и поколебала убежденность в способности контролировать происходящее вокруг. Таким образом, монография Д. Лаптон представляет научный интерес для отечественного социологиче-

ского сообщества оригинальностью постановки проблемы, а также привлечением современных теоретических подходов, которые могут быть полезны и для изучения других актуальных тем.

Список литературы (References)

Агамбен Дж. (2011) *Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
Agamben G. (2011) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Europe Publishing House. (In Russ.)

Бек У. *Общество риска: на пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Вершинина И. А., Лядова А. В. (2021) Здоровье и здравоохранение в Европе: между неравенством и новыми возможностями // Социологические исследования. № 6. С. 160—162. <https://doi.org/10.31857/S013216250014122-7>.

Vershinina I. A., Liadova A. (2021) Health and Health Care in Europe: Between Inequalities and New Opportunities. *Sociological Studies*. No. 6. P. 160—162. <https://doi.org/10.31857/S013216250014122-7>. (In Russ.)

Вершинина И. А., Лядова А. В. (2022) Здоровье в цифровом измерении: «концепция заботы» Д. Лаптон // Социологические исследования. № 4. С. 105—113. <https://doi.org/10.31857/S013216250014392-4>.

Vershinina I. A., Liadova A. V. (2022) Digital Health: Deborah Lupton's Concept "Thinking with Care". *Sociological Studies*. No. 4. P. 105—113. <https://doi.org/10.31857/S013216250014392-4>. (In Russ.)

Лаптон Д. (2021) *Жирные* / пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2320-9>.
Lupton D. (2021) *Fat*. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2320-9>. (In Russ.)

Костина Е. Ю., Орлова Н. А. (2022) О этот новый старый мир, или Как COVID-19 трансформировал нашу повседневность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 11—36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2270>.

Kostina E. Yu., Orlova N. A. (2022) Old New World, or How COVID-19 Has Transformed Our Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 11—36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2270>. (In Russ.)

Davis M., Lohm D. (2020) *Pandemics, Publics, and Narrative*. New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190683764.001.0001>.

Douglas M. (1992). *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. London: Routledge.

Harvey M. (2021) The Political Economy of Health: Revisiting Its Marxian Origins to Address 21st-Century Health Inequalities. *American Journal of Public Health*. Vol. 111. No. 2. P. 293—300. <https://doi.org/10.2105/ajph.2020.305996>.

Lupton D. (2022) *COVID Societies: Theorising the Coronavirus Crisis*. Abingdon: Routledge.

Mbembe A. (2003) Necropolitics. *Public Culture*. Vol. 15. No. 1. P. 11—40. <https://doi.org/10.1215/08992363-15-1-11>.

Sell S. K., Williams O. D. (2020) Health Under Capitalism: A Global Political Economy of Structural Pathogenesis. *Review of International Political Economy*. Vol. 27. No. 1. P. 1—25. <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1659842>.

Shilling C. (1993) *The Body and Social Theory*. London: Sage.

Sontag S. (1990) *Illness as Metaphor and AIDS and Its Metaphors*. New York, NY: Doubleday; Anchor Books.

Wang S., Chen X., Li Yo., Luu C., Yan R., Madrisotti F. (2021) “I’m More Afraid of Racism than of the Virus!”: Racism Awareness and Resistance among Chinese Migrants and Their Descendants in France during the COVID-19 Pandemic. *European Societies*. Vol. 23. No. S1. P. 721—742. <https://dx.doi.org/10.1080/14616696.2020.1836384>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2452](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452)

Д. Г. Подвойский

**ПИТИРИМ СОРОКИН: БИХЕВИОРИСТ,
ОТКРЫВШИЙ ДЛЯ СЕБЯ КУЛЬТУРУ**

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. Питирим Сорокин: бихевиорист, открывший для себя культуру // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 276—287. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2023) Pitirim Sorokin: A Behaviorist Who Discovered Culture. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 276—287. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2452>. (In Russ.)

Получено: 10.07.2023. Принято к публикации: 26.07.2023.

ПИТИРИМ СОРОКИН: БИХЕВИОРИСТ, ОТКРЫВШИЙ ДЛЯ СЕБЯ КУЛЬТУРУ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Аннотация. Отдел издательских программ ВЦИОМ завершает подготовку к публикации книги Иржи Шубрта и Дениса Подвойского «Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте?». Небольшой фрагмент из этой книги, посвященный творчеству выдающегося российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина, журнал «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» предлагает вниманию читателей. Не претендуя на описание сорокинско-«теоретического синтеза» во всей полноте, автор очерка стремится выявить и охарактеризовать общую линию идейной эволюции классика отечественной социологии, постепенно преодолевавшего стартовые неопозитивистские установки «русского периода» и перемещавшего свой ключевой исследовательский интерес в область анализа культуры.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, социальное взаимодействие, неопозитивизм, бихевиоризм, гуманистическая социология, социальная и культурная динамика, социология культуры

PITIRIM SOROKIN: A BEHAVIORIST WHO DISCOVERED CULTURE

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Philos.)*, Associate Professor at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History; Associate Professor at the Department of Sociology; Leading Research Fellow
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The Department for Publishing Programs at the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) is preparing for publication a book by Jiří Šubrt and Denis Podvoyskiy “Contemporary Sociological Theories: How Not to Get Lost in the Conceptual Labyrinth?”. The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal presents a book fragment devoted to the work of eminent Russian and American sociologist Pitirim A. Sorokin. Not claiming to describe Sorokin’s ‘theoretical synthesis’ in its entirety, the author of this essay aims at identifying and characterizing the general line of Sorokin’s ideological evolution from the starting neopositivist attitudes of the “Russian period” to the field of culture analysis.

Keywords: Pitirim Sorokin, social interaction, neo-positivism, behaviorism, humanistic sociology, social and cultural dynamics, cultural sociology

Питирима Александровича Сорокина¹ можно считать (если считать «по-гамбургски») единственным социологом российского происхождения, получившим настоящую мировую известность. С сильным отставанием за ним следуют Г. Д. Гурвич (прежде всего во Франции) и Н. С. Тимашев (в США). Вопрос о вкладе русской мысли в интеллектуальную сокровищницу человечества следовало бы обсуждать отдельно (и не здесь), но факт остается фактом: в силу совокупности причин за рубежом о достижениях российских социально-гуманитарных наук и философии осведомлены очень немногие — в основном, исследователи, профессионально занимающиеся «россиеведением». В частности, традиция так называемого русского зарубежья, к которой формально относился П. А. Сорокин, представляла собой весьма оригинальный духовный продукт (так сказать, «на любителя»), сильно привязанный к интересам — чаяниям, вкусам и запросам — русскоязычной эмигрантской аудитории. Позднее, в последние полтора десятилетия XX века этот специфический корпус текстов обогатил круг чтения интересующейся гуманитарной проблематикой публики в самой России, но в мировых масштабах широкого звучания и резонанса не имел, в отличие от, скажем, классической русской литературы, связанной с именами Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. В общем, П. А. Сорокин в данном отношении является приятным исключением. И потому, собственно, современная «сорокиниана» выглядит достаточно солидным, сформировавшимся (хотя и отчасти камерным) исследовательским направлением², отнюдь не только российским.

Через тернии к звездам: из зырянского края в Гарвард с длительной пересадкой

Жизнь П. А. Сорокина — как, наверное, почти всякого, на чью долю выпало стать политическим эмигрантом, — была богата на события. Много ценных сведений заинтересованный читатель может почерпнуть из автобиографии ученого «Дальняя дорога» [Сорокин, 1992a]. Будущий социолог родился в селе Туръя Яренского уезда Вологодской губернии (ныне Республика Коми) в семье ремесленника из Великого Устюга и зырянской крестьянки. Рано оставшись без матери, он вместе с братом помогал отцу в его мастеровом промысле. Свой образовательный путь Сорокин начал в качестве ученика церковно-приходской школы в селе Гам на Вологодчине и церковно-учительской семинарии в селе Хреново Костромской губернии. В скором времени молодой человек знакомится с революционными идеями, вступает в партию эсеров, подвергается аресту и попадает в тюрьму. В 1907 г. он отправляется в Санкт-Петербург, посещает Черняевские курсы, сдает экзамены экстерном за гимназический курс и в 1909 г. становится студентом организованного В. М. Бехтеревым Психоневрологического института, в структуре которого функционировала первая в России кафе-

¹ Более или менее исчерпывающий и детализированный разбор взглядов П. А. Сорокина не входит здесь в наши планы. Один из соавторов предпринял попытку решить подобного рода задачу в [Батыгин, Подвойский, 2007].

² По самым скромным оценкам, массив русскоязычной литературы о творчестве и биографии П. А. Сорокина, написанной за последние 35 лет (притом очень разного качества), насчитывает несколько сотен наименований. Огромный вклад в становление и развитие российской «сорокинианы» внес В. В. Сапов — не только как комментатор сорокинских текстов, но и как организатор их публикации, в том числе в рамках продолжающегося проекта по изданию полного собрания сочинений классика отечественной социологии.

дра социологии (позднее перевелся на юридический факультет Петербургского университета).

В те годы огромную роль в судьбе П. А. Сорокина сыграл М. М. Ковалевский, покровительство и «социальный капитал» которого помогли начинающему исследователю достаточно быстро выйти на орбиту российской интеллектуальной жизни. Внимание научной общественности Сорокин привлек уже первой своей монографией «Преступление и кара, подвиг и награда», посвященной проблематике социологии морали и права [Сорокин, 1999b]. Стремительно росла и репутация Сорокина как публичного интеллектуала и участника общественно-политических дискуссий. Пик политической активности ученого приходится на 1917—1918 гг. В этот драматический период он редактирует эсеровскую газету «Воля народа», летом 1917 г. становится личным секретарем А. Ф. Керенского, затем избирается в Учредительное собрание и вступает в открытый конфликт с большевиками. Арестованный ЧК и приговоренный к расстрелу, Сорокин спасает себе жизнь, написав «покаянное» письмо³.

С 1918 по 1922 гг. П. А. Сорокин прикладывает массу усилий организационного плана, пытаясь способствовать институционализации российской социологии, разрабатывает проекты социологического образования в стране рабочих и крестьян. Однако эти устремления не приносят долговременных результатов, находясь в прямом противоречии с быстро наметившейся установкой советской власти на идеологизацию обществоведческих дисциплин и их подчинение оформлявшейся и заявлявшей о своих монополистических притязаниях марксистско-ленинской ортодоксии. Вершиной творчества раннего Сорокина становится фундаментальный трактат «Система социологии»⁴, увидевший свет в 1920 г. [Сорокин, 1993a, 1993b]. Осенью 1922 г. ученый навсегда покидает Россию.

Уже в 1923 г. после непродолжительного пребывания в Чехословакии П. А. Сорокин перебирается в США. Первоначально его принимают как эксперта по злободневному вопросу русской революции (а также ее очевидца и участника), но уже очень скоро авторитет молодого профессора-эмигранта укрепляется и выходит на более широкий тематический уровень. Так, в 1920-е гг. в Америке были изданы три важных текста, сделавших Сорокину имя: «Социология революции» (1925) [Сорокин, 2005b], «Социальная мобильность» (1927) [Сорокин, 2005a] и «Современные социологические теории» (1928) [Сорокин, 2021]. Имеются основания (и не только вкусовые) полагать, что именно третье десятилетие XX века оказалось самым продуктивным и содержательно ценным периодом творчества Сорокина с точки зрения его вклада в мировую социологическую мысль. Отчасти как следствие успехов на научной ниве к Сорокину приходит и «институциональное» признание, достигающее максимума в 1930-е гг.: он становится первым деканом новообразованного социологического факультета Гарвардского университета и занимает этот пост в течение 12 лет (до 1942 г.).

Начиная со второй половины 1930-х гг., фактически последние 30 лет жизни П. А. Сорокин занимается реализацией своего мегапроекта под названием «со-

³ Последний эпизод спровоцировал В. И. Ленина на написание статьи «Ценные признания Питирима Сорокина» [Ленин, 1974].

⁴ Популярный и относительно компактный (по объему) вариант изложения теоретической системы П. А. Сорокина тех лет можно найти в книге «Общедоступный учебник социологии» [Сорокин, 1994].

циальная и культурная динамика» [Сорокин, 1997, 2000]. Первое издание книги с одноименным названием (четырёхтомное) появилось уже в 1937—1941 гг., но в дальнейшем траектория идейной эволюции социолога, заданная этим проектом, по сути, сохранялась. Можно сказать даже, что Сорокин в заключительный период своего творчества в некотором роде перерос (или превзошел) самого себя «как социолога»: — перестал быть социологом — исследователем общества в строгом и узком смысле (хотя сам он скорее всего с такой оценкой не согласился бы). Тексты «позднего» Сорокина (хотя в начале данного этапа он еще отнюдь не был стариком) по тематике, жанру и стилю скорее напоминают историософскую публицистику, изобилующую морализаторскими, патетически-профетическими, остро критическими обертонами и сюжетами.

От «собаки Павлова» к ценностям и смыслам

Знатоки сорокинского наследия, рассматривающие его в диахронном срезе и во всей возможной полноте, вынуждены констатировать: за свою долгую научную биографию ученый не один раз менял свои теоретико-методологические взгляды (хотя эти изменения и не были резкими). Написанные по-русски работы дореволюционного и постреволюционного периодов (до 1922 г.) на европейские языки практически не переводились⁵, и это более или менее соответствовало вектору трансформации воззрений самого ученого, наблюдавшейся в 1920—1930-е годы. Сам Сорокин в американский период был уже не тот, что в период своего ученичества под теплыми крыльями М. М. Ковалевского, Е. В. Де Роберти и Л. И. Петражицкого. И если бы американцы открыли для себя раннего Сорокина, то вполне можно представить, что многие из них обрадовались бы: Сорокин российского образца гораздо более созвучен общему неопозитивистскому мейнстриму американской социологии, хотя и, быть может, не слишком оригинален, поскольку в США своих — ориентированных прежде всего на эмпирическую работу — позитивистов-сциентистов всегда хватало.

В дореволюционной России, напротив, попытки реализовать позитивистский методологический проект («без перекосов в субъективизм» в духе П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского) были как раз-таки в новинку. Позитивизм раннего Сорокина сформировался, по-видимому, под влиянием Ковалевского и в процессе штудирования начинающим исследователем новейшей зарубежной литературы. Также определенное значение имело институциональное окружение. Напомним, Сорокин начинал свой путь в науку как студент Психоневрологического института, которым руководил отец русской рефлексологии Бехтерев. Русской психофизиологической школе в первые десятилетия XX века было чем гордиться: в 1904 г. И. П. Павлов стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине. Под определенным углом зрения социология могла представлять как разновидность «коллективной рефлексологии». Именно эти методологические «ветры», собственно, и направили в конкретную сторону чувствительный «флюгер» только складывавшегося тогда стиля социологического мышления Сорокина.

⁵ Особый случай — «Социология революции», написанная первоначально по-русски, но опубликованная на английском в 1925 г. [Сорокин, 2005b].

Позитивизм молодого Сорокина сочетался со специфически понятым психологизмом, который впоследствии получил дополнительную прививку от Л. И. Петражицкого⁶. Стартовую теоретико-методологическую позицию Сорокина порой квалифицируют как «умеренный бихевиоризм». Социальные отношения суть отношения взаимодействия человеческих существ, мыслящих, волящих и чувствующих. Людьюми движут разнообразные импульсы, влечения, потребности, а человеческая психика является вместилищем комплекса субъективных переживаний. Однако об этом сложном и ускользающем феномене «строгая» наука может сказать довольно мало (по крайней мере, пока), и, следовательно, его методически оснащенное изучение лучше оставить на потом.

Что же мы можем и должны исследовать уже сейчас, пока наш когнитивный инструментарий еще недостаточно совершенен, чтобы проникнуть в тайну внутреннего мира человека, его «души»? Нам следует в первую очередь анализировать то, что поддается четкой эмпирической фиксации. Простейшее социальное явление — межлическая интеракция складывается из трех компонентов: акторов (самых действующих), их актов (поступков, ими совершаемых) и так называемых «проводников» (внешних посредников взаимодействия — становящихся частью общества элементов предметного мира, символически нагруженных объектов, языка и т. п.)⁷. Все эти составляющие взаимодействия наблюдаемы, в отличие от внутренних характеристик сознания и психики. Именно этими группами фактов, лежащими как бы на поверхности универсума социальной жизни, Сорокин, собственно, и предлагает заниматься.

В принципе, намеченная подобным образом методологическая колея в случае ее продолжения могла бы привести нас напрямиком к П. Лазарфельду и Дж. Ландбергу, но Сорокин постепенно уходит от нее. В одной из ранних работ он достаточно категорично заявляет: грамотно составленная статистическая таблица для социолога может оказаться полезнее тысячестраничного философского трактата. Оказавшись в США, он пересматривает свою точку зрения, вероятно, столкнувшись с многочисленными проявлениями особого академического стиля, оборачивающегося «вульгарным» эмпиризмом и воплощающегося в навязчивом стремлении «померить цифрой» все, что можно и нельзя. Такого рода «метрический синдром» как отличительную черту нового стандарта исследовательской работы, утвердившегося в американских университетах ко второй трети XX века, он будет называть «квантофренией» (то, что не может быть измерено, посчитано, выражено в математической форме, как бы не существует вовсе или как минимум не имеет научной ценности) [Сорокин, 1999а]. Сорокин едко иронизирует над различными симптомами данной методологической «болезни», пришедшей в социологию из более развитых поведенческих дисциплин (психологии, экономики). Он сравнивает отягощенные (и искаженные) квантофренией маршруты на-

⁶ «Психологизм» Л. И. Петражицкого (иногда причисляемого, притом довольно условно, к российскому неокантианству) по ряду существенных параметров отличался от «психологизма» П. А. Сорокина.

⁷ Теория символического, разработанная российским ученым, при всей ее кажущейся простоте не утратила своего эвристического потенциала и сегодня (см. об этом, например, в [Подвойский, 2022]). Концепция проводников взаимодействия как смысловое ядро этой теории сохраняет важное место в структуре сорокинского социологического наследия в целом.

учных поисков с попытками решить задачу — сколько нужно простокваши, чтобы сшить пару штанов для быка?..

И тут, уже в Америке, наконец, наступает момент обратиться к темам, которые раньше отходили на второй план — к тому, что находится «внутри», вплетено в саму ткань социальной жизни. Так, Сорокин постепенно открывает для себя культуру как конститутивно важный атрибут общественных отношений. Человек для него теперь нечто большее, чем хитро устроенная и относительно умная (в сравнении с другими «божьиими тварями») «собака Павлова», реагирующая на те или иные раздражители. Человек — это генератор и аккумулятор смыслов и значений, производитель и транслятор ценностей. Зрелый Сорокин уже не позитивист, каковым был раньше, в петербургский период. Его концептуальная программа теперь представляет собой некое подобие гуманистической социологии с очень широкими и размытыми границами. Поэтому сегодня Сорокина на его исторической родине то и дело называют не только социологом, но еще и культурологом.

В американский период Сорокин осуществляет (как сейчас любят выражаться) своего рода «пересборку социального»: он говорит уже не о простейшем феномене взаимодействия, а о структуре родового социокультурного явления. Указанная структура также состоит из трех элементов и включает «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [Сорокин, 1992b: 193]. В проводимой Сорокиным новой аналитической сортировке акты объединяются с проводниками как то, что можно действительно ухватить глазом, ухом или иным образом эмпирически зарегистрировать, а культура (п. 2) оказывается выделенной в отдельную категорию. И в некотором роде именно этот второй пункт делает человеческое общество реальностью особого рода, не сводимой к уровням природного бытия, царствам органики и неорганики. Именно значения, ценности и нормы как компоненты системы мотивации превращают людей (п. 1) в «субъектов» (в противном случае они и вправду напоминали бы павловских собак, крыс или обезьян зоопсихологов и бихевиористов), и они же опредмечиваются в человеческих поступках, символике, разнообразных вещественных носителях (смыслов) и материальной культуре (п. 3).

Получается, что именно культура становится ключевым отличительным признаком, *differentia specifica* социальных явлений, из которых складывается в конечном счете общество в целом. Сам Сорокин, многократно повторяя обозначенный сквозной мотив во многих фрагментах своих работ, пишет об этом так:

Человек создал новое царство реальности в известной нам вселенной. Помимо двух основных классов реальности — неорганических и органических явлений — которые существовали на нашей планете до появления человека — человек создал третий основной класс явлений — суперорганических, или культурных... В противовес неорганическим... и органическим явлениям... — явления культурного мира имеют «нема-

териальный» компонент «смысла» (как идея, ценность, моральная норма поведения), который накладывается на физический и/или жизненный компоненты. Этот компонент... радикально меняет природу неорганических и органических явлений, которую он пронизывает и на которую накладывается. Без своего смысла книга...— это всего лишь физический предмет (бумага), имеющий геометрическую форму и физико-химические свойства. Смысл же превращает этот предмет в суперорганическую систему великих идей, для которой физические свойства (бумаги) уже не имеют значения, поскольку эта система идей и ценностей может быть воплощена с помощью других физических средств — записана на пластинку или на папирус, выражена словами. Кусок дешевой материи, прикрепленный к палке, благодаря своему смыслу превращается в национальный флаг, символ чести и величия нации, ради которого люди жертвуют своей жизнью и убивают других людей... Лишенная своего смысла, Венера Милосская превращается в простую глыбу мрамора. Биологически и физически нет человеческих организмов, которые были бы «королями», «папами», «генералами», «героями», святыми. Все эти и миллионы других смыслов накладываются на человеческий организм посредством суперорганической культуры. [Сорокин, 2014: 275]

Социокультурные суперсистемы и флуктуационная модель общественных процессов

Такого рода апологетика культурологического взгляда на человеческое общество озвучивалась Сорокиным не только для красоты и высокопарности. Для него как теоретика она оборачивалась далеко идущими последствиями. Ученый не ограничивается лишь микроскопической аксиоматикой теории социального (взаимо)действия, но стремится перевести ее и заставить работать на уровне социетальных обобщений. В принципе, Сорокин еще в произведениях русского периода при описании общих контуров и магистрального замысла своей «системы социологии» отмечал: над двумя базовыми этажами социологической науки — социальной аналитикой (изучающей строение общественного тела) и социальной механикой (исследующей социальные процессы) — должен быть по логике вещей надстроен третий, а именно социальная генетика (учение о происхождении и развитии человеческих обществ, теория социально-исторической эволюции). Это был, так сказать, план на всю жизнь. И вот, наконец, время для возведения верхнего этажа здания пришло. Руки у Сорокина доходят до реализации самой грандиозной его задумки — концепции социальной и культурной динамики. Какова же была реальная дисциплинарная принадлежность данной концепции? Она представляла собой нечто среднее между философией истории и макроисторической социологией с культурологическим уклоном.

Как и в каком направлении развивается общество? С одной стороны, Сорокин как бывший социалист и публичный интелlectual, воспитанный на общественно-научной литературе XIX века, должен был верить в прогресс. Но, с другой стороны, он слишком много повидал на своем веку, чтобы стоять на позициях наивного исторического оптимизма. К тому же он — именно как социолог — обладал значительным уровнем «эмпирически заземленной» трезвости мысли, легко разрушающей разного рода идеологические и/или утопические иллюзии, в том числе относительно будущего.

Уже в ранних произведениях, а впоследствии в работах 1920-х годов, посвященных проблематике социологии революции, «голода и бедствий» [Сорокин, 2003], социальной стратификации и мобильности, Сорокин проговаривает идею, что социальные процессы — во всяком случае, если смотреть на длительные отрезки исторического времени — предстают перед исследователем не как цепочка поступательных изменений, но скорее как последовательность ненаправленных и имеющих неодинаковую амплитуду *флуктуаций*. Проще говоря, социальное развитие в разных областях имеет маятниково-колебательный характер. Профили стратификации в конкретных обществах в разных точках планеты то вытягиваются, то уплощаются; темпы мобильности то ускоряются, то замедляются; на смену демократиям приходят авторитарные режимы (и наоборот); периоды стабильности и революционных лихолетий чередуются; системы социального контроля то ужесточаются, то смягчаются... и т. д. и т. п. Сходный механизм исторического процесса (применительно, прежде всего, к политической сфере) описывал В. Парето в своей концепции «циркуляции элит». На концепцию социальных флуктуаций ориентировался Н. Д. Кондратьев, близкий друг и коллега Сорокина, при построении экономической теории «длинных волн» (так называемые «циклы Кондратьева»).

Зрелый Сорокин пытается приспособить флуктуационную модель социальных изменений в качестве общего аналитического инструмента к гигантскому историческому полотну мировой истории. Что же из этого получается? Он отвергает как линейно-поступательные концепции (эволюционизм и прогрессизм), так и релятивистские теории локальных цивилизаций (в версиях О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби), и пытается найти третье решение. Идея круговорота сама по себе вдохновляет Сорокина, однако его концепция существенно отличается от других вариантов историософского циклизма.

Понятия общества и культуры Сорокин объединяет при помощи терминологической рамки концепта «социокультурной суперсистемы». Культурные ценности, определяющие характер и направленность человеческих представлений и поступков, весьма разнообразны и варьируют в очень широком диапазоне. Мир культурных универсалий и порождаемых ими социальных институтов (ценности истины, добра и красоты; религия, философия и наука, мораль и право, искусство и литература, техника, политика, хозяйство, семья... и т. д.) чрезвычайно сложен и напоминает богатую цветовую палитру. Люди как производители форм культуры суть существа материальные и духовные одновременно, придавленные к земле и воспаряющие к небесам, «полузвери-полубоги». Предпочитаемые людьми способы познания и мироориентации также весьма несходны; к их числу относятся вера и интуиция, разум и чувства, мистическое созерцание и активное практическое действие. Однако аксиологическая мозаика всякого конкретного общества в любой момент времени не бывает полностью уравновешенной, то есть опирающейся на (и комбинирующей) все известные роду человеческому ценности в равной пропорции. Культура всякого общества выстаивается вокруг какой-то ценностной оси, доминирующей в конкретную эпоху, но исторически преходящей и относительной. Рано или поздно несущая конструкция начинает шататься и падать, социокультурная суперсистема приходит в упадок и запускается процесс поиска и утверждения новых схем и паттернов ценностной интеграции.

Культуры, в которых человек выступает своего рода «сосудом духовности», Сорокин именует *идеациональными*. Ценностным стержнем в них является вечный, бесконечный, сверхчувственный Абсолют; вера и интуиция становятся основными каналами приобщения человека к его внемирским священным дарам. Фидеизм и религия определяют характер мироориентации человека в культурах такого типа (классическим примером здесь выступает эпоха христианского Средневековья). Прямой противоположностью, аксиологическим антиподом идеациональной культуры является культура *чувственная*, признающая человека «во плоти» альфой и омегой социальной жизни, ключевым игроком в истории природы и общества. В своих развитых формах эта культура производит сенсуализм и эмпиризм, материализм, научную картину мира, прагматизм, инструментализм, утилитаризм и гедонизм как специфические ментальные установки. Наука и техника в структурах чувственной культуры играют приблизительно ту же роль, какую религия играет в структуре культуры идеациональной. «Золотой серединой» между этими полюсами является *идеалистическая* культура, гармонически сочетающая в себе их лучшие элементы, — культура разума, в которой человек выступает в самых лучших и возвышенных своих качествах, как Человек «с большой буквы»⁸.

Маятник глобальных социально-исторических флуктуаций постоянно движется из стороны в сторону, благодаря чему идеациональные, идеалистические и чувственные культуры сменяют друг друга, и в этом, собственно, состоит основной закон истории по Сорокину. Западная цивилизация модерна, распространившаяся в XX веке с известными вариациями по всему миру, представляет собой новейшую разновидность чувственной культуры периода ее заката. Современная чувственная культура начала свое победоносное шествие в эпоху Ренессанса и сегодня вступила в полосу кризиса, исчерпав по неизбежности ограниченный творческий ресурс.

Текущий вектор социокультурной динамики, по мнению Сорокина, толкает человечество в направлении обретения новой духовности, к состоянию, которое мыслитель именует *интегральной* культурой. Этот термин Сорокин использует как условный эквивалент понятия идеалистической культуры, способной обеспечить в будущем гармонический синтез и взаимообогащающее сосуществование разных ценностных начал в системах истины (наука, философия, религия), изящных искусств, этики и права. Новое общество также не может обойтись без внедрения в жизненную практику принципов творческой любви и альтруизма, пропагандой которых Сорокин активно занимался в послевоенные десятилетия. Подобные благодные футурологические построения оказываются следствием незаметного переключения приоритетного режима теоретизирования: как ученый-социолог Сорокин замолкает, покидая трибуну и передавая микрофон глашатаю благой вести, пророчествующему о грядущих лучших временах.

Список литературы (References)

Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. Учебник. М.: Высшее образование и наука, 2007.

⁸ Сорокинская концептуальная триада идеациональной, идеалистической и чувственной культур отчасти напоминает различие трех эпох (богов, героев и людей), проведенное Дж. Вико, пионером новоевропейской циклической философии истории, в его «Основаниях новой науки...» [Вико, 1994].

Batygin G. S., Podvoyskiy D. G. (2007) *History of Sociology. A Textbook*. Moscow: Vyssheye obrazovaniye i nauka. (In Russ.)

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.: REFL-book; Киев: ИСА, 1994.

Vico G. (1994) *Principi di Una Scienza Nuova d'Intorno alla Comune Natura delle Nazioni*. Moscow: REFL-book; Kiev: ISA. (In Russ.)

Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. С. 188—197.

Lenin V. I. (1974) *The Valuable Admissions of Pitirim Sorokin*. In: Lenin V. I. *A Complete Collection of Works: in 55 vols. Vol. 37*. Moscow: Politizdat. P. 188—197. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. В объятиях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>.

Podvoyskiy D. G. (2022) *In the Embrace of Cardboard Gods: About the Magic of Names, the Power of Words, and the Fetishism of Symbols in Social Life (Part 1)*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>. (In Russ.)

Сорокин П. А. Дальняя дорога: автобиография / пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. М.: Московский рабочий; ТЕРРА, 1992а.

Sorokin P. A. (1992a) *A Long Journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. Moscow: Moskovskiy rabochiy; TERRA. (In Russ.)

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992б.

Sorokin P. A. (1992b) *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Т. I. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993а.

Sorokin P. A. (1993a) *The System of Sociology: in 2 vols. Vol. I. Social Analytics: The Doctrine of the Structure of the Simplest (Clan) Social Phenomenon*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. Т. II. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993б.

Sorokin P. A. (1993b) *The System of Sociology: in 2 vols. Vol. II. Social Analytics: The Doctrine of the Structure of Complex Social Aggregates*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.

Sorokin P. A. (1994) *The Public Textbook of Sociology. Articles of Different Years*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Sorokin P. A. (1997) *The Basic Trends of Our Times*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сорокин П. А. Квантофрения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1999а. № 13—14. С. 4—35. URL: <http://rksorokinctr.org/images/nauka/kvantofrenia.pdf> (дата обращения: 19.08.2023).

Sorokin P. A. (1999a) Quantophrenia. *Rubezh. Almanac of Social Research*. No. 13—14. P. 4—35. URL: <http://rksorokinctr.org/images/nauka/kvantofrenia.pdf> (accessed: 19.08.2023). (In Russ.)

Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999b.

Sorokin P. A. (1999b) Crime and Punishment, Feat and Reward. A Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000.

Sorokin P. A. (2000) Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia; LVS, 2003.

Sorokin P. A. (2003) Hunger as a Factor in Human Affairs. Moscow: Academia; LVS. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общ. ред. В. В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005а.

Sorokin P. A. (2005a) Social Mobility. Moscow: Academia; LVS. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социология революции. М.: Территория будущего; РОССПЭН, 2005b.

Sorokin P. A. (2005b) Sociology of Revolution. Moscow: Territoriya budushchego; ROSSPEN. (In Russ.)

Сорокин П. А. Моя философия — интегрализм / пер. с англ. С. В. Карпушиной // Партнерство Цивилизаций. 2014. № 1—2. С. 273—280. URL: <https://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-273-280-pa-sorokin.pdf> (дата обращения: 19.08.2023).

Sorokin P. A. (2014) Integralism — My Philosophy. *Partnership of Civilizations*. No. 1—2. P. 273—280. URL: <https://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-273-280-pa-sorokin.pdf> (accessed: 19.08.2023). (In Russ.)

Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А. К. Конохова и В. В. Сапова; вст. статья и коммент. В. Сапова. М.: Центр гуманитарных инициатив; Сыктывкар: Анбур, 2021.

Sorokin P. A. (2021) Contemporary Sociological Theories. Moscow: Centre for Initiatives in Humanities; Syktyvkar: Anbur. (In Russ.)

